

МИХАИЛ ПОГОДИН ■ ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

5'94

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ ■ НОСТРАДАМУС

СМОНА

ISSN 0131 — 6656

СОМЕРСЕТ МОЭМ ■ СНЫ ЛОРДА МАУНТДРАГО КОЛИН УИЛСОН ■ КОСМИЧЕСКИЕ ВАМПИРЫ

▶
В. М. ВАСНЕЦОВ.
Сирин и Алконост
(фрагмент).
1896 г.

(Читайте стр. 90)

▶
В. М. ВАСНЕЦОВ.
Три царевны
подводного
царства.
1884 г.

▲
А. А. ИВАНОВ.
Голова Иоанна
Богослова.
1840-е.

5'94

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.02.94.
Подписано к печати 24.03.94.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.
Бумага «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 175 800 экз.
Заказ № 1263.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел рекламы
и реализации.
250-49-98 — отдел писем.
Факс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

5 (1555) МАЙ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

18

КОЛИН УИЛСОН. КОСМИЧЕСКИЕ ВАМПИРЫ
Фантастический роман

138

АЛЛА АВИЛОВА. АРКА И МИЛДА
Рассказ

204

СОМЕРСЕТ МОЗМ. СНЫ ЛОРДА МАУНТДРАГО
Рассказ

Поэзия

13

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

161

ИРИНА ПУТЯЕВА

Человек и общество

4

ЖИЗНЬ БЕЗ КАТАСТРОФ

Беседа с ведущим специалистом Ангарского химического комбината ГЕННАДИЕМ КОНДОБАЕВЫМ

130

КВАРТИРА ОТ «ГЕРМЕСА»

*Беседа с президентом концерна «Гермес»
ВАЛЕРИЕМ НЕВЕРОВЫМ*

156

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. ДИПЛОМ ЗА ДЕНЬГИ

164

ПРИЮТ

Фотоотчет ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

174

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ЯД — ВО БЛАГО

182

МИХАИЛ ПОГОДИН. ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ
Исторический очерк

242

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ. НОСТРАДАМУС

На нашей
обложке:
фотоэтиюд
ЮРИЯ
АРАКЧЕЕВА

Культура, музыка, искусство

90

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

154

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА. ОНЕГИН УЕХАЛ В «ЛЮЦЕРН»

220

АНДРЕЙ КУЧЕРОВ. И ХОЧЕТСЯ ВСПЛАКНУТЬ...

224

ДЖИМИ ХЕНДРИКС: «КОГДА УМРУ, СЛУШАЙТЕ МОИ
ПЛАСТИНКИ»

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

6•94

3

■ РИЧАРД МАРСТЕН. «ИЗЧЕЗНУВШАЯ НЕВЕСТА»

Роман американского писателя Ричарда Марстена — остро-сюжетный детектив. Молодой детектив Фил Колби и его коллега Энтони Митчел волею случая оказываются вовлеченными в весьма драматическую историю, связанную с похищениями и убийством. Умело построенный детективный сюжет держит читателя в напряжении до самой развязки.

■ АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ. «Мужик и барин»

Прокофий Демидов и Федор Толстой... Эти люди не делали нашу историю, история делала их. Они — ее плоть и кровь — с ее темпераментом и безрассудством, алчностью и бескорыстием, нелепостью и добродушием...

■ АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ. «Загадка старого кладбища»

Слома голову Кнутабоев побежал на кухню. Матильда в ночной сорочке стояла посреди кухни и вытаращенными глазами смотрела на пол. Сначала Кнутабоев решил, что она увидела злополучное красное пятно. Но, присмотревшись, различил на кафельном полу лицо человека. Изображение — лицо мужчины лет сорока с бородой и усами — было в натуральную величину. Длинные волосы слиплись от пота, взгляд исполнен страдания. Кнутабоев встал на колени и провел по изображению рукой, но ладонь ощутила лишь гладкую кафельную поверхность...

В прошлом году мы знакомили читателей с первой частью мистической повести Атеева «Загадка старого кладбища». Предлагаем вашему вниманию вторую, заключительную часть, написанную столь же увлекательно.

АНОНС

ЖИЗНЬ БЕЗ

4

Вскоре после чернобыльской катастрофы мне довелось встречаться и беседовать с академиком Валерием Алексеевичем Легасовым, немало сделавшим для ликвидации последствий аварии. Какие бы темы ни затрагивались в беседах, в конце концов мы возвращались к той трагедии. Легасов был убежден: чернобыльская катастрофа — грозное предупреждение. Она требует пересмотра не только ряда научных идей или технических решений, касающихся дальнейшего развития, например, атомной энергетики, но всего комплекса вопросов, связанных с проблемой безопасности.

Безопасность, по мнению ученого, включает в себя недопустимость военной конфронтации, защиту окружающей среды, безаварийность крупных промышленных

объектов и тесно связана с безопасностью сохранения культурного и исторического наследия, безопасностью от разжигания межнациональной или религиозной вражды, наконец, безопасностью от возможной утраты тех социальных достижений, которые добыты усилиями, опытом — нередко горьким! — нашего государства.

Однажды ученый обронил: «В чернобыльском несчастье заложены ростки нашего спасения». И добавил: «Их надо постараться вывести на свет». Попросил расшифровать мысль, но Легасов уклонился: «Давайте как-нибудь в другой раз. Мне еще не все ясно... Возможна ли жизнь без катастроф?»

«Другого раза» не случилось: ученый трагически ушел из жизни. Но вопрос, мучивший его, продолжает стоять перед нами. Кажется символичным, что ответ на него

КАТАСТРОФ

УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

пытается найти именно коллега В. А. Легасова по «атомному цеху» — ведущий специалист Ангарского электролизного химического комбината ГЕННАДИЙ КОНДОБАЕВ.

— Геннадий Сергеевич, в кабинете Легасова висели две фотографии: на одной — атомная станция, на другой — аисты у гнезда. По словам академика, он специально поместил их рядом, чтобы они напоминали о хрупкости жизни.

— Не проходит, кажется, дня, чтобы мы не узнавали о все новых и новых катастрофах: железнодорожных, морских, авиационных, авариях на химических и ядерных объектах. Каждый из нас испытывает тревогу за свою жизнь, за жизнь близких, за здоровье будущих поколений. Разрушительное действие крупных промышленных

аварий сравнивается с военной угрозой. Ведь только в энергетической сфере в мире, если не изменяет память, добывается, транспортируется, хранится, перерабатывается около десяти миллиардов тонн условного топлива. Эта масса, способная гореть и взрываться, сравнима с ядерным оружием, накопленным на планете.

Возьмем, к примеру, тепловую электростанцию мощностью в один миллион киловатт. Она использует двадцать тонн газа за пять минут, а двадцать тысяч тонн — это запас станции всего на четверо суток. О том, какую опасность представляет газовое облако, вырвавшееся из-под контроля, можно судить по аварии на трубопроводе в Башкирии. Огненный смерч пронесся над железнодорожным полотном, где в этот момент встретились пассажирские поезда. Спасшиеся пассажиры рас-

сказывали потом: первая мысль — взорвалась атомная бомба!

Несмотря на усилия специалистов, упорно работающих над увеличением надежности агрегатов и систем, число аварий как в России, так и за рубежом, продолжает расти. Их последствия сказываются долгое время. Возьмите чернобыльскую катастрофу, трагедию в Бхопале (Индия). Десятки тысяч жителей Бхопала были поражены тяжелыми заболеваниями после выброса ядовитого вещества. Или вспомните пожар на складе в Базеле (Швейцария), где в Рейн ушли препараты, отравившие реку на сотни километров. Нарушена нормальная жизнь миллионов людей, и, по оценкам специалистов, потребуется около десяти лет, прежде чем жизнь в Рейне и на его берегах вернется в доаварийное состояние. И вернется ли — еще вопрос...

А случай в Гвадалахаре (Мексика), втором по численности населения городе страны, где в подземные коммуникации проникли химические вещества, которые привели к взрывам, гибели людей, разрушению зданий. Гвадалахара напоминала город, подвергшийся ожесточенному бомбовому удару.

— Выходит, «райских» мест на земле не осталось или почти не осталось?

— Промышленные аварии, катастрофы — наша постоянная боль. Они могут случиться практически в любом месте. Думаю, не все знают, что такие химические компоненты, как мышьяк, барий, фосген, аммиак, синильная кислота, перерабатываются, хранятся и перевозятся в России и за рубежом в количествах, измеряемых сотнями миллиардов и даже триллионов смертельных доз. Это на один-два порядка выше накоп-

ленных радиоактивных веществ в тех же единицах измерения. Грани многоликой опасности проглядывают четко и катастрофы в разных районах земного шара тому подтверждение.

— Невольно вспоминается древняя восточная легенда: человек выпустил джинна из бутылки, а заветного слова, которое могло бы загнать адское существо обратно в сосуд, у него нет...

— На мой взгляд, такое слово есть: это технология. Она охватывает собой информацию и систему управления, технику и рынок, культуру и образ жизни... Полагаю, что именно технология определяет сегодня положение государства как одного из звеньев развития мировой цивилизации и его перспективу. Подчеркну, что «технологию» в современном понимании этого слова не следует отождествлять с термином «техника», поскольку она лишь одна из многих составляющих.

На наших глазах, с нашим участием мир вступает в новую, технологическую эпоху. Ее наступление особенно заметно в аэрокосмической, атомной, некоторых других отраслях. Так что мы живем на сломе двух эпох: уходящей «технической» и наступающей «технологической». Разница между ними огромна, поскольку сегодня способ производства становится не менее важным, чем сам продукт. Если смысл уходящей, технической эпохи сводился к достижению любой ценой наилучших свойств изделия, товара, то смысл «технологической» в том, чтобы произвести все необходимое человеку только таким способом, который оправдан экономически, социально, экологически.

— В одном из своих последних выступлений академик Легасов го-

ворил о том, что «сверхзадача — это сохранить человеческое в человеке и природное в природе». Но для этого нужен поворот прежде всего в сознании людей...

— Этот поворот Валерий Алексеевич Легасов, как мне видится, связывал именно с переходом к технологической эпохе. Ведь почти любое современное производство имеет крайне малый коэффициент полезного действия. Если посмотреть, сколько теоретически нужно затратить энергии на производство единицы, к примеру, стали или бумаги, то окажется, что даже у самых лучших технологий мира показатель расхода энергии превышает рассчитанный, оптимальный соответственно в четыре и в сто двадцать пять раз. Представляете, сколько сил, средств и самой этой невосполнимой энергии уходит «в струю»? Отсюда громадные, неповоротливые предприятия-монстры — металлургические, горнодобывающие, химические... Отсюда и их направленность: только бы получить, извлечь, добыть нужный компонент, все остальное — отходы. Ежегодно в мире изымается из природы более ста миллиардов тонн сырья, в дело же идет всего один-три процента. Остальное — на свалки. Отравляется среда обитания. В России неблагоприятная в экологическом отношении ситуация сложилась почти на одной пятой территории страны...

— Не в этом ли одна из причин стремительного роста не только промышленных, но и экологических катастроф?

— Несомненно. За создание предприятий-монстров приходится платить жестокою ценой. С точки зрения безопасности, здоровья нас самих и близких, будущего наших детей переход к технологической эпохе просто необходим.

Иначе катастроф — а они свидетельство кризиса традиционного подхода к производству — не избежать. Способ производства — и это одними из первых в мире поняли и начали осуществлять на практике японцы — не менее важен, чем сам продукт, который производится. Любопытен социологический опрос, проведенный недавно в Японии: большинство опрошенных готовы пойти даже на снижение жизненного уровня, если его стабильность поддерживается за счет ухудшения состояния природной среды.

Разницу между прошлым «техническим» подходом и новым «технологическим» для краткости можно выразить так: раньше думали, «что сделать», а теперь — «как сделать», чтобы любое изделие производилось оптимальным способом с точки зрения экономики, экологии, безопасности... Главные усилия, как мне представляется, будут направлены не на то, чтобы изобрести что-то более результативное, чем, скажем, автомобиль, телевизор или телефон. На смену привычным формам техники должно прийти нечто гораздо более технологичное. Конечно, само изделие сохранит все необходимые параметры, но сделано оно будет наиболее оптимальным способом.

— Но такие требования подразумевают иное умение работать, высокий профессионализм, глубокие знания. Одним словом, нужна другая культура?

— Естественно. Если проанализировать опыт индустриализации, проводившейся в нашей стране в 30-х годах, то становится очевидным, насколько наивной была вера энтузиастов тех лет: они считали, что достаточно пересадить на российскую почву передовую технику Запада — и тут же возник-

нет передовое производство. Да, российский Левша подковал европейскую блоху, но скакать так, как было задумано европейским механиком, построившим ее, «инфузория» не могла. И это характерно не для одной нашей страны.

Почти вся моя жизнь связана с атомной промышленностью. Работаю на комбинате, где изотопы урана разделяются по уникальной, чрезвычайно дешевой, эффективной схеме. Ни США, ни Голландия, ни Франция, ни другие страны не обладают подобными разработками. Американские специалисты, побывавшие на комбинате, признались, что существенно отстали в этой области, и, чтобы догнать нас, им понадобится не один год. А, возможно, и десятилетие.

По их словам, предполагаемая сделка между Россией и США о продаже нескольких сотен тонн «советского» оружейного урана для мирных целей весьма выгодна для США. Россия лишается стратегического оружейного урана, а это повышает безопасность США. Не менее важно и то, что, приобретая топливо, в котором нуждается, Америка получает необходимый резерв времени для реконструкции заводов корпорации ЮСЕК, производящих около половины мирового объема обогащенного урана, что в дальнейшем позволит обойти конкурентов.

Почему высокоразвитой стране требуется определенное время, чтобы повторить наш опыт? Казалось бы, поставь соответствующее оборудование, обучи людей и производи уран. Но наши технические разработки — результат не одних только передовых научных, конструкторских, производственных решений, но определенной сложившейся культуры. Схема, работающая на нашем комбинате, дру-

гих аналогичных предприятиях, как бы сама создает адекватную ей среду, в которой она только и может существовать, развиваться. Вот на создание подобной среды необходимо время.

Или такой факт. Японская электроника, как известно, при массовом производстве превосходит по качеству западноевропейскую или южнокорейскую. В чем тут причина? А она все та же: система норм, правил, стандартов, эталонов деятельности, передаваемая от поколения к поколению, позволила добиться Японии стабильного успеха в электронике. За каждой схемой, за каждой деталькой японского телевизора или магнитофона стоят сотни лет, стоит цивилизация, причем отличная от европейской или корейской.

Хроническое отставание многих отраслей российской индустрии, неквалифицированность, некомпетентность работников, неконкурентоспособность ряда отраслей — тоже пример того, как даже современная техника, погруженная в неадекватную культуру, без необходимых навыков персонала приводит и будет приводить к негативным последствиям.

Только тогда, когда в обществе накапливается необходимый культурный потенциал, когда в важнейшие отрасли индустрии приходят люди высокого профессионального и интеллектуального склада, а страна вкладывает в развитие современных технологий большие средства, тогда и удастся выйти в ряде разработок на мировой уровень, а в ряде позиций и превзойти его. Это касается прежде всего работ в атомном, аэрокосмическом, некоторых других комплексах.

— *Думается, тут важен такой момент: люди, пришедшие в эти*

отрасли, были не только высокообразованными — они были личностями. Кажется, академик Курчатов в свое время заметил, что человек не может добиться серьезных достижений в одной области, если равен нулю в другой...

— То же самое относится, как мне представляется, и к обществу в целом. Невозможно перейти в технологическую эру на фоне, скажем, убогой гуманитарной или политической культуры. Ясно, что для создания и развития высокой технологии первостепенное значение имеет культурный уровень страны. Плюс специфические условия... В Швейцарии или Голландии может быть самый лучший в мире сыр или тюльпаны; асфальт вымоют перед домом новейшими могучими средствами, но в космос эти страны не выйдут. Понимаете, в чем разница?

Россия обладает другими способностями, другими качествами. Я вовсе не хочу встать на сторону тех, кто проповедует некую исключительность нашей страны. Но вместе с тем подчеркну, что в России другой тип культуры, чем на Западе. Она не хуже и не лучше — просто другая. Вот что нужно иметь в виду, когда мы хотим сегодня соединить рыночные механизмы в экономике с технологией.

— Геннадий Сергеевич, в беседах с депутатами Федерального Собрания, работниками министерств, финансовыми специалистами нередко приходится слышать, что вот установятся новые экономические отношения, и «все образуется»: культура, наука, образование получат невиданные возможности для развития. Вы разделяете такой подход?

— Это следствие, как я его на-

зываю, «рецептурного» мышления. Оно десятилетиями внедрялось в сознание. Сколько подобных «рецептов» было на памяти моего поколения?! Химизация, мелиорация, «экономная экономика», недавнее ускорение... Теперь вот — рынок...

Приходит на память известная анекдотическая ситуация. Врач спрашивает больного: «Что вы пишете?» «Письмо!» — отвечает больной. «Кому?» — «Себе». — «О чем же вы пишете?» — «Не знаю. Письмо я еще не получил...»

Напрашивается аналогия с нашим общественным настроением. «Письмо» мы еще не получили, но подразумевается, что рынок сделает нас богаче, свободнее, образованнее, здоровее, гуманнее. При этом не берется в расчет, что на земном шаре десятки стран, где частная собственность священна и неприкосновенна, рыночные отношения действуют давным-давно и тем не менее уровень жизни населения, его социальная защищенность, образование и т. д. значительно уступают уровню жизни высокоразвитых стран. Возьмите, например, Бангладеш и Японию. Контраст разительный, хотя и в той, и в другой стране экономика рыночная.

Или другой пример — Нигерия. Большая, богатая страна. Более 120 миллионов населения. Среди природных богатств — газ и нефть. После провозглашения независимости получала и получает значительные субсидии от Международного валютного фонда, Мирового банка. Как будто в стране существуют и демократия, и рыночная экономика, но подавляющая часть населения продолжает оставаться нищей. Процветает только столица — Лагос. Он считается едва ли не самым доро-

гим городом в мире. А населяют его представители различных международных компаний и их партнеры из числа коррумпированной местной элиты. Через руки последней и проходит практически все богатство страны, международная помощь.

Так что рыночная экономика может сложиться и в нигерийском варианте. Значит, дело не в рынке. Вернее, не только в нем. Без соединения в особом феномене: технологии, рынка, высоких технических разработок и культуры — страна, на мой взгляд, не сможет стать сильной, процветающей, какой мы и хотим видеть Россию. Под культурой понимаю прежде всего питательную среду для роста личности.

Думаю, многие наши беды, если не все, — экономические, социальные, национальные, экологические — будут преследовать нас до тех пор, пока не поймем, что связь технологии, рынка, демократии и культуры неразрывна. Разъяснить это и должны, на мой взгляд, деятели культуры, интеллектуальная элита общества — философы, правоведы, культурологи, журналисты... Свободой так же опасно распоряжаться, как атомной энергией. Нужны колоссальные знания, иначе будет взрыв, катастрофа. Свободным может быть только тот человек, у которого есть исторически развитое чувство ответственности, как ни набили оскомину эти слова. А чувство это базируется в основном на индивидуализме. Кто-то из видных наших писателей верно заметил, что нужен «рынок личностей», рынок личных способностей. Они-то и смогут двинуть вперед наше общество во всех областях: науке, правопорядке, здравоохранении, образовании.

— Но сегодня, увы, обозначилась тенденция стремительного обесценивания образования. Деньги — и немалые! — делают подработки, которые толком не учились. А возьмите студенчество. Самые активные ребята идут «в бизнес» — учиться некогда.

— Это явление временное. Рынок — культура — технология создают вектор «на образование». В США оплата работников с низким уровнем образования за последние годы неуклонно снижается, оплата же людей образованных возрастает. Когда юноша в Германии или в Англии идет получать образование, он реально готовится сделать свой бизнес. Между прочим, в странах Запада просто не понимают наших студентов, которые халтурят, списывают: чем больше у человека знаний, тем больше он будет зарабатывать. Так обязательно будет и у нас. Эта тенденция проявляется уже сегодня, например, в изучении языков, экономики, банковского дела, юриспруденции.

Культурные традиции, накопленные в России, убежден, позволят решать многие проблемы.

Возьмите науку. Едва ли не в каждой области у нас есть свои «оазисы» высоких достижений. Они и станут точками роста для перехода страны в будущую технологическую эпоху.

— Но наука сегодня оказалась в катастрофическом положении. За последние два года из науки ушло более шестисот тысяч ученых... Ряд ведущих научных институтов потерял примерно четверть высококлассных специалистов.

— Думаю, остановить распад могла бы приватизация части предприятий ВПК, отраслевых институ-

тов, создание на базе крупных научных организаций небольших фирм, в том числе акционерных, с правом частной собственности. Иначе специалисты высокой квалификации будут окончательно вытолкнуты из института, конструкторских бюро, проектных учреждений. На обочине жизни окажутся люди, поддерживающие реформы. И в этом, на мой взгляд, одна из стратегических ошибок политики разгосударствления и приватизации. Если эта проблема по сохранению «мозга нации» не будет решена в ближайшее время, то база рыночных преобразований существенно сузится.

— *Тем не менее приходится слышать: «Россия может прожить и без науки. Живут же без нее Южная Корея или Сингапур и при этом экономически процветают».*

— Для прагматиков, которые в силу каких-то причин не связывают судьбу нации с судьбой перехода страны в технологическую эпоху, судьбу идеи возрождения политической, экономической и культурной мощи России с судьбой ее интеллектуального ядра, ограничусь аксиоматическим утверждением: без науки невозможно добиться реального хозяйственного успеха новой экономической политики, наладить современное образование, создать эффективную систему обороны государства. Короче, жизнь без катастроф строится на мощном научном фундаменте.

Более того, сегодня уже недостаточно понимания, что наука, ученые только поставщики новых идей и технических решений. Нет, вопрос стоит по-другому: российская наука все еще остается мощной и живой силой, способной вывести страну из кризиса. Так что

она не себя самое должна спасать, а страну.

— *Но почему ее действия в этом направлении пока не очень эффективны?*

— Да потому, что в условиях безденежья науку в значительной степени буквально стреножили!

Меры, принимаемые правительством России, не адекватны мощности процесса дегградации, который усиливается, ибо растаскивается, расхищается интеллектуальный потенциал страны. После второй мировой войны Германия растеряла своих ученых и высококлассных специалистов. И, хотя достигла экономического благосостояния, до сих пор так и не может восстановить ту великую науку, достижениями которой законно гордилась. Создание интеллектуального «задела» — задача архисложная. Можно чрезвычайно быстро перенимать, совершенствовать и внедрять технические новшества, как это успешно делает, например, Япония, но создать фундаментальную науку, без которой невозможен переход к технологической эпохе, к жизни без катастроф и катаклизмов, не под силу, кажется, ни одной нации.

— *Но часть ученых, покинувших Россию, через какое-то время вернется, возможно, обогащенная опытом, навыками работы в лучших лабораториях мира. На память приходит академик П. Капица, который после работы у Э. Резерфорда основал в Москве знаменитый Институт физических проблем. Подобный путь прошли и другие научные светила нашей страны: академики Ю. Харитон, Н. Семёнов, А. Иоффе...*

— Нынешнее состояние страны несравнимо с тем, которое было во времена П. Капицы или А. Иоф-

фе. Сочувствуя тем, кто продолжает заниматься наукой за пределами России, так как не имеет возможности делать это дома, я вижу, насколько их исход трагичен для общества. Чем меньше в стране людей инициативных, предприимчивых, с самостоятельным типом мышления — одним словом, творческих, тем труднее нам выбраться из кризиса. Представьте, что в Москве сейчас собрались десять лауреатов Нобелевской премии, обсуждающих проблему перехода страны в технологическую эпоху. И в то же время, но в другом месте собрались люди средних способностей, обсуждающие тот же вопрос. От кого ждать результатов? Решения нетривиальные, небанальные рождаются — и то нечасто! — в умах крупных, высокоинтеллектуальных личностей. Понятно, что чем их больше, тем реальнее шанс у общества добиться успеха. Если таких людей нет или их голос не слышен, это может кончиться для страны, для нации катастрофой.

Возможна предельно жесткая ситуация: страна будет переходить от одного кризиса к другому. В конце концов она может превратиться в своеобразную «черную дыру», когда никакая технология не нужна: она просто не будет востребована.

— *Что и говорить, такой вариант устрашает. Будем надеяться, что он не станет реальностью.*

— Будем...

— *Геннадий Сергеевич, с каждым днем расширяются связи россиян с зарубежными партнерами. В том числе в науке, культуре, образовании. Но вместе с расширением контактов к нам все больше проникают и будут проникать иные стандарты жизни, иные ценности, которые неизбежно вступят*

и уже вступают в конфликт с нашими традициями. Это вызывает определенное беспокойство в обществе.

— На эту проблему я смотрю так: у историка Ключевского есть блестящий цикл лекций о влиянии западной культуры на Россию, где он показал, что, несмотря на европеизацию (платье, манеры, танцы, французскую речь дворянства), ядро русской культуры веками сохранялось почти в неизменном виде. Хотя внешне создавалась иллюзия сильных культурных перемен. Что-то вроде рекламы западных фирм в Москве и других городах — внешнее, показное, не затрагивающее сути нашей сегодняшней жизни. Не этим же самым объясняется, как показывают социологические опросы, незначительное влияние на россиян западной телевизионной рекламы?..

Вместе с тем Ключевский, другие видные российские мыслители считали, что европейская культура для нас вовсе не предмет выбора. Это, в сущности, воздух, которым мы дышим, сами того не замечая. Но в воздухе, резонно замечал тот же Ключевский, не все компоненты животворны, есть и мертвящие. Так что и «дышать» воздухом Европы следует умеючи. Короче: жить надо своим собственным умом, а не чужим, заемным. Свой же ум вырабатывается, как известно, только с помощью собственного труда. Это было верно тысячу лет назад, будет верно и в следующем, третьем тысячелетии, которое не за горами.

Уверен, что Россия войдет в него без катастроф, спокойно и достойно...

**Беседу вел
СЕРГЕЙ СМОРОДКИН.**

КОНКУРС

ДНОВО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ФЕЛИКС ЧЕЧИК
ЮЛИАНА ПОЛЯКОВА
ВИКТОР КОЛЕСНИК
ЯН ЛУРЬЕ
НАТАЛЬЯ РУЗАНКИНА
МАРИЯ КАРАНДИНА

АЛЕКСАНДР СТАВИССКИЙ
ГАЛИНА ФЕДОРОВСКАЯ
АНДРЕЙ КРАВЧЕНКО
ЗИНАИДА САРСАДСКИХ
ИРИНА КОРЕЦКАЯ

ФЕЛИКС ЧЕЧИК,

30 лет, рулевой-моторист,
Пинск

≡

Г. А.

*Не причитает и не ропщет,
тюрьму приемля и суму,
твоя душа идет на ощупь,
собою рассекая тьму.
Я этим коридором, Боже,
ступая так неосторожно,
и спотыкаясь, и спеша,
хотя известно мне прекрасно,
что стоит дунуть и погаснет
свечеподобная душа.*

ЮЛИАНА ПОЛЯКОВА,

28 лет, библиотекарь,
Харьков

ПЬЕРО

*Что чувствует грустный-прегрустный Пьеро,
Когда он пытается стать Арлекином?*

*Одеться удобно, легко и пестро,
И шляпу надвинуть, и выпрямить спину...*

*Что думает нежный и бледный поэт,
Когда наконец перепутаны маски
И можно устроить блестящий балет
На тему чужой, неожиданной сказки?*

*Неловкий кузнечик в чужом домино,
Тебе удаются жестокие шутки!
И все Коломбины с тобой заодно,
И всем Арлекинам тревожно и жутко...*

ВИКТОР КОЛЕСНИК,

**29 лет, бульдозерист,
Якутск**

*Все это бредни скучных новостей,
Кошмары неудачных автостопов.
Мне кажется, я выдумал друзей
Во времена Всемирного Потопа...*

*А может быть, и раньше. Краток срок
От ненависти до очарованья,
От веры до неверья, когда Бог
Определяет меру наказания!*

*...Забывать молитву легче, чем прочесть,
Смотреть на облако трудней, чем видеть небо.
Уж, верно, сам Господь оказывает честь,
Отмерив «слово» мне вместо хлеба.*

ЯН ЛУРЬЕ,

**28 лет, врач,
Кировоград**

*Я опять на верхней полке
Уезжаю за тобой,
Лишь сосновые иголки
Да полуденный покой.*

*А глаза закрою — вижу:
Ты со мной, и листьев медь,
Я к тебе все ближе, ближе...
Только б с полки не слететь.*

НАТАЛЬЯ РУЗАНКИНА,

26 лет, библиотекарь,
Саранск

*Смерть яблоком уснет среди листвы,
Среди светил свой путь продолжит слово,
И тонкий лед великой синевы
Вдруг заболит таяньем былого.*

*А мы с тобой неведенья глотнем,
Как воздуха, и тишины, как хлеба,
И будет розов мира оком,
И сад прозрачен, пригубивший неба.*

*Смерть яблоком закатится в листву,
Его рукой накрою я, играя.
И вытью горлом слова синеву
И занею, с миром догорая.*

*Не говори, что жизни нет иной,
Что бытия окончены законы,
Голубоватой гроздью тает зной,
И яблоко сияет на ладони.*

МАРИЯ КРАНДИНА,

25 лет, учительница,
Севастополь

*Капля за каплей, и жизнь утекла,
Время пришло попрощаться.
Ты все боялся коварства и зла?
Нечего больше бояться.*

*Сильно не плачь, никого не зови,
Но, в ожидании покоя,
Ты улыбнись и благослови
Мир своей грешной рукою.*

АЛЕКСАНДР СТАВИССКИЙ,

31 год, водолаз,
Санкт-Петербург

*Немного погода,
когда утихнет радость
и будет в глубине*

*лишь теплиться чуть-чуть,
так сладко сесть за стол
и, словно бы в награду,
создать тебе престол
из песенных причуд.*

*Но зябкие листы —
могильщики созвучий,—
убитые в горсти,
не в силах рассказать
про пленницу мечты...
и лемех невезучий
бесславно бороздит
заснеженную гладь.*

ГАЛИНА ФЕДОРОВСКАЯ,

**28 лет, архитектор,
Саратов**

*Да не солгут мои уста
В минуту подлинного счастья
У ног воскресшего Христа,
Ни в горький час его распятия.*

*Да не солгут мои уста,
Да будет истина основой,
Когда я выйду против ста,
Чтобы свое представить слово.*

*Да разольется чистота
На жизнь то добрую, то злую.
Да не солгут мои уста,
Когда я просто вас целую.*

АНДРЕЙ КРАВЧЕНКО,

**22 года, студент,
Москва**

*Смеркается, и солнце покраснело,
Стыдливо прячась где-то за горой.
Смерть кается, вселяясь в чье-то тело
И отправляя тело на покой.*

*Привычных дней постылое течение,
Питье за здоровье или за упокой.
От прошлых прегрешений очищенье
Под Богом, под луною, под сосной.*

ЗИНАИДА САРСАДСКИХ,

20 лет, студентка,
Ижевск

ТРЕТИЙ СОН

*Из уха вынь серьгу,
Считать убытки брось,
Сон запиши скорей,
А то растает.
Там видела сестру,
Зрачки в глазах враскос:
«Ах, нету нас бедней,
Давай сыграем —
Кулон поставлю свой,
Поставлю свой браслет.
Он толстый. Из нефрита,
Он старинный...»*

*На мне из бронзы слой,
Безвучен мой ответ,
Иду. Идут дожди.
И сон мой длинный.*

ИРИНА КОРЕЦКАЯ,

25 лет, геолог,
Одесса

*Укрой меня от мира.
Не надо славы мне.
Моя слепая лира
Поет о тишине.
Не задавай вопросов,
Ответов не лови.
Поддай мне стертый посох
И в путь благослови.
Не сотвори кумира
Под чей-то тихий плач.
Укрой меня от мира
Надежно, ветхий плащ.
Монеты и восторги
Всем нищим раздари.
На ветреном просторе
Достаточно зари.
Когда же дрогнет лира
И спустится туман —
Укрой меня от мира,
Великий Океан!*

КОСМИЧЕСКИЕ ВАМ

КОЛИН УИЛСОН

Рисунки ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

ШИРЫ

Приборы уловили нечто массивное еще задолго до того, как на это обратили внимание люди. В общем-то ничего удивительного. Карлсена озадачивало иное: вот уж и расстояние сократилось до полутора тысяч километров, и тормозные двигатели сбили скорость до тысячи ста в час, а объекта все нет и нет.

Так и высматривали вслепую, пока наконец Крэйджи не различил на мониторе сгусток тьмы на фоне звезд. Остальные, оставив дела, собрались возле экрана.

— Еще один астероид,— сказал Дабровски, бортинженер.— Опять давать название.

Карлсен, щурясь от пронзительного, колкого блеска звезд, пристально вглядывался в монитор. Коснулся кнопки контрольного анализатора: экран покрыла частая рябь чуть искривленных, набегающих одна на другую, зеленых полос.

— Это не астероид,— заключил он.— Сплошной металл.

Дабровски посмотрел еще раз — долго, изучающе.

— Тогда что это, по-твоему?

— Черт побери, да это же космический корабль! — выдохнул Крэйджи.

— Что ты мелешь! Какая же у него, получается, величина?

В открытом космосе при отсутствии визуальных ориентиров расстояния обманчивы. Карлсен склонился над клавиатурой компьютера. Дабровски, поглядев через его плечо, изумленно присвистнул.

— Восемьдесят километров?

— Нет, такого быть не может,— мотнул головой Карлсен.

— Сэр, я просто так, на всякий случай... — подал голос лейтенант Айвс,— может, лучше подождать, пока на наш сигнал не ответят с базы?

— Это еще сорок минут.— База находилась на Луне, в трехстах двадцати миллионах километров. Двадцать три световых минуты уйдет на то, чтобы сигнал домчался туда; еще двадцать три — обратно.— Хотелось бы подойти поближе.

Двигатели к этому времени смолкли окончательно. К космическому судну корабль приближался на скорости примерно восемьдесят километров в час. Карлсен полностью отключил в посту управления свет. Постепенно, по мере того как глаза свыкались с темнотой, начали угадываться темно-серые металлические стены, как будто поглощающие звездный свет. Карлсен остановил «Гермес» в нескольких сотнях метров. Семеро астронавтов сгрудились у монитора. Через его стеклянную поверхность был виден циклопический бок судна, вздымающегося железным утесом.

С этого расстояния уже различалось, что судно — реликт, древнее древности: стены изъязвлены, в выпербинах. Справа в обшивке зияла огромная брешь. Сноп слепящего света медленно пополз по стене, выявляя многочисленные глубокие вмятины и небольшие пробоины, очевидно, следы метеоритов.

— Ну и видок. Как из-под обстрела,— заметил навигатор Стайнберг.

— Может, и в самом деле из-под него. Хотя, по всей видимости, из-за метеоритов.

Все пристально смотрели, не нарушая тишины.

— Не нравится мне эта хреновина, — с шотландской прямолинейностью заявил радист Крэйджи. — Что-то в ней такое... против души.

Остальные, судя по всему, разделяли его чувство.

— А может, — как бы между прочим проронил Карлсен, — перед нами сейчас величайшее из открытий двадцать первого века.

От хлынувшего из динамика шума все вздрогнули. Лунная база отвечала голосом Дона Зеленски, начальника центра управления полетами. Посланная с борта радиодиаграмма, очевидно, вызвала подлинный переполох. «Даю добро! — возбужденно говорил Зеленски. — Приступайте, но осторожно! Анализ радиоактивности и тест на космический вирус. Сообщать незамедлительно».

В посту стояла полнейшая тишина. Слышно было, как Крэйджи передает под диктовку Карлсена ответ. От волнения голос у радиста звучал надтреснуто:

«Это корабль, явно инопланетного происхождения, примерно восемьдесят километров в длину и сорок в высоту. Напоминает эдакий гигантский плавучий замок. Борт, судя по всему, необитаем. Очевидно, корабль плавает в космосе уже не одну сотню лет. Просим разрешения обследовать».

Сообщение, с интервалом в одну минуту, повторилось раз шесть.

В течение часа, дожидаясь ответа с базы, «Гермес» медленно плыл над обшивкой неведомой громадины. Астронавты поглощали мясные консервы, запивая «холостым» шотландским элем: от волнения всех вдруг пробрал зверский голод.

Снова послышался голос Зеленски, прерывающийся от волнения: «Просьба соблюдать осторожность. При малейшей опасности сразу готовьтесь к отлету обратно на лунную базу. Выходить за борт пока воздержитесь. Я успел выйти на Джона Скита со станции «Паломар»; он просто не нашелся, что сказать. Если этот объект действительно восемьдесят километров в поперечнике, его, по логике, полагалось обнаружить еще двести лет назад. На снимках этого сектора звездного неба ничего нет. До выхода за борт попытайтесь довершить все тесты».

Вместе с Гайлсом Фармером (он же и корабельный врач) Карлсен сманеврировал так, чтобы аварийный люк «Гермеса» приходился как раз напротив трехметровой метеоритной дыры. Бортприборы сняли пробу космической пыли снаружи и внутри корабля. Тесты на космический вирус оказались отрицательными (с той поры, как в 2113 году погиб экипаж «Ганимеда», астронавты стали осмотрительнее относиться к тому, что приносят с собой на корабль из космоса). Радиация была, но не больше, чем обычно бывает от пыли, то и дело обдаваемый смертоносными зарядами звездных протуберанцев. Сделанные роботами ментальные снимки демонстрировали громадное помещение. В последнем перед сном сообщении Карлсен передал, что ко-

рабль, по его мнению, создали великаны; фраза, о которой ему впоследствии придется пожалеть.

Все никак не могли уснуть. Карлсен ворочался, размышляя, как теперь сложится дальнейшая жизнь. Ему, выходцу из Норвегии, сорок пять; женат на хорошенькой блондинке из Алезунда. Ей, понятное дело, не по душе его шестимесячные отлучки. Теперь, похоже, дело идет к тому, что с Земли можно будет больше не отлучаться. Как начальнику экспедиции, ему принадлежит первое право на книжку мемуаров и журнальные публикации. В плане денег это уже кое-что. Эх, купить бы ферму на Гебридах и посвятить хотя бы пару лет исследованию вулканов Исландии... Вместо того, чтобы навевать дремоту, эти приятные, казалось бы, мысли вызывали, наоборот, нездоровое возбуждение. Карлсен к трем часам ночи принял таблетку снотворного, но и после этого всю ночь донимали сны о великанах и заколдованных замках.

В десять утра, после завтрака, Карлсен выбрал троих сопровождающих для высадки на корабль. Решили, что пойдут Крэйджи, Айвс и Мерчинсон, второй инженер. Мерчинсон был высоченный атлет; Карлсен всегда чувствовал себя как-то спокойнее, находясь рядом с ним. Дабровски зарядил мини-камеру в расчете на двухчасовую съемку. У Стайнберга, рослого молодого еврея из Бруклина, вид был разбитый и унылый. Карлсен подумал, что парень, видно, расстраивается, что его не берут на корабль.

— Как оно, Дэйв? — бодро спросил он.

— Да так, — вяло отозвался тот. — На душе как-то пакостно. Не нравится мне все это. Я имею в виду развалину. Что-то в ней... недоброе.

— Ясное дело, страшновато. Вид у громадины, надо сказать... Замок Франкенштейна, — ответил Карлсен, подавляя тревожные предчувствия.

— Пару слов, Олоф? — окликнул его Дабровски. — Какие мысли насчет...

— Ну, э-э-э... Мы не знаем, что нас здесь ждет... Полная, так сказать, неизвестность... Очевидно, э-э-э... Профессор Скит со станции «Паломар» замечает, что... странно, что этот объект никто до сих пор не обнаружил. Габариты-то, в общем, недюжинные, восемьдесят километров в длину. Астрономы фотоанализаторами определяют осколки астероидов в три километра длиной. Может, здесь дело в цвете?.. Он серый, на удивление тусклый и, похоже, особо не отражает свет. Так что, э-э-э...

— На душе, видимо, волнение? — подсказал Дабровски.

— М-м-да, разумеется, волнение. Возможно, это первый реальный контакт человека с разумной жизнью во Вселенной. С другой стороны, это судно, должно быть, очень старое, и оно...

— Насколько старое?

— Ну откуда мне знать? Судя по состоянию корпуса, предполагать можно что угодно — от десяти тысяч до... не знаю, десяти миллионов.

— Десяти миллионов?

— Слушай,— взмолился наконец Карлсен,— может, хватит? Развел здесь кино.

— Извини, шеф.

Карлсен хлопнул Дабровски по плечу.

— Да не извиняйся ты! Просто не перевариваю все это... позерство.— Карлсен повернулся к остальным: — Идем, пора.

Он первым ступил в воздушный шлюз. Глянув на зияющий внизу бездонный провал, Карлсен почувствовал головокружение. Толкнувшись из люка тщательно рассчитанным движением, он захлопнул массивную дверцу за собой. В вакууме это произошло совершенно беззвучно. Запаса скорости хватило перемахнуть трехметровый зазор и скользнуть в рваную брешь. На переброшенном через плечо ремне болталась камера. Фонарь в руке был чуть больше карманного, однако атомные батарейки могли посылать луч на расстояние нескольких километров.

Плавно приземлившись, Карлсен огляделся и посветил фонарем через брешь — сигнал, что все нормально.

Вокруг вздымались громадные конструкции, напоминающие нью-йоркские небоскребы. И тут он понял, что на самом деле это гигантские колонны, устремленные от пола к куполу. Масштабы подавляли своей грандиозностью. Карлсен наугад посветил фонарем. Пол и колонны льдисто посверкивали серебром. Одна из стен уходила вверх совершенно вертикально, без намека на изгиб: ясно, что до купола еще невесть сколько. Поверхность покрывали цветистые разводы форм. Карлсен аккуратно толкнулся о ближнюю колонну и начал подниматься вверх.

— Все в порядке, шеф? — раздался в наушниках голос Крэйджи.

— Да. Просто фантастика. Будто храм — огромный, с гигантскими колоннами. А стены сплошь в картинах.

— Что за картины?

Ответить Карлсен не успел, так как тьму пронзили тугие спицы света от фонарей; из провала снижались трое остальных, гибко лавируя корпусом. Подоспевший первым Мерчинсон, неловко ткнувшись, протаскил Карлсена метров двадцать своим весом.

— Ну как, шеф, разобрал что-нибудь? Думаешь, тут и вправду обитали великаны?

— Пока не берусь даже гадать.— Карлсен всем корпусом повернулся к остальным: — Давайте держаться плотнее. Я собираюсь обследовать дальний конец.

Включив камеру, он аккуратно тронулся вдоль зала. Справа по ходу между колонн открылось нечто, напоминающее гигантскую парадную лестницу. Карлсен, не останавливаясь, беголо комментировал происходящее для оставшихся на «Гермесе», сознавая при этом, что слова бессильны передать грандиозность сооружения, при виде которого мутился разум.

Проплыв с полкилометра, они миновали немыслимую анфиладу, ведущую в среднюю часть корабля. Купол анфилады был сводчатый, будто средневековая арка. Далеко слева, в вышине, виднелось окно с матовым стеклом — круглое, решетчатое. Карлсен, набирая высоту, стал приближаться к нему и увидел,

что это горловина какого-то входа, метров тридцать в высоту и три в глубину. Приникнув лицом к «окну», Карлсен посветил фонарем.

— Бог ты мой, — выдохнул он.

Пространство за «окном» имело вид пейзажа, навеянного сном. Хитросплетение исполинских лестниц расходилось вверх и вниз, в недра корабля. Взгляд скользил по бесчисленным ажурным мостикам-карнизам и плавным изгибам галерей, смутно напоминающим своей архитектурой ласточкины крылья. И так во все стороны: лестницы, галереи, карнизы.

Карлсен двинулся по ступеням лестницы наверх, к подпираемому колоннами своду одной из галерей. Узенький ажурный мостик тянулся через бездонный провал километровой ширины.

— Видишь, там вроде бы свет, — указал Крэйджи.

Зеленоватое свечение было достаточно ярким и исходило откуда-то снизу. Они ринулись к провалу и оказались около громадной прозрачной колонны, стоящей в центре.

— Дональд, ты сейчас где? — крикнул Карлсен.

— Я внутри трубы, — откликнулся Крэйджи. — Она, оказывается, полая, а внизу, видимо, жилой отсек.

Карлсен, потянувшись, ухватил Мерчинсона. Оба, не сговариваясь, кинулись в полуокружающую помехи, в заполненном неким подобием квадратных тумб. А в отдалении из бархатистой темноты проглядывали звезды. Можно было различить огромные вогнутые внутрь и расплюснутые плиты.

«Вот что, возможно, остановило корабль», — подумал Карлсен.

— Что-то массивное пробило в корабле дыру, диаметр у пробоины больше тридцати метров, — сообщил он Дабровски. — Вероятно, это была какая-нибудь раскаленная глыба. Весь воздух из корабля должен был выйти в считанные минуты, если только этот отсек не заизолировали и не запечатали.

— Что там за тумбы? — пылливо спросил Дабровски.

— Сейчас собираемся осмотреть.

— Эй, шеф! — закричал вдруг Айвс. Он стоял возле тумб, водя лучом фонаря по прозрачным стенам. — Шеф, там внутри люди!

— Что за люди? Они живы?

— Нет, не дышат. Но ты смотри, совсем как люди! По крайней мере похожи.

Карлсен сориентировался на ближнюю тумбу. Это был, несомненно, жилой отсек. Внутри находились предметы, явно напоминающие столы и стулья, хотя и не совсем привычного вида. А сразу за стеклом на высоком ложе лежал человек. Лысый, с ввалившимися щеками, остекленелые голубые глаза уставлены в потолок. Тело было накрыто грубым, туго натянутым полотном, под которым проступали не то ребра, не то обручи, явно предназначенные для того, чтобы удерживать тело на месте.

— Капитан, — позвал Мерчинсон. — А вот тут — женщина.

Он стоял у соседней тумбы. Карлсен, Айвс и Крэйджи перебрались к нему. Действительно, фигура на ложе была женская.

— Да еще и блондинка,— добавил Мерчинсон. Коротко стриженные волосы женщины буквально светились белизной.

— А вот и еще одна,— обнаружил Крэйджи. Фонарь осветил темноволосую девушку, помоложе первой.

Все тумбы стояли обособленно. «Прямо как усыпальницы фараонов»,— подумал про себя Карлсен. В целом их было тридцать. В каждой лежало по одному спящему: восемь мужчин и шесть женщин средних лет, шестеро мужчин помоложе и десять женщин в возрасте примерно от восемнадцати до двадцати пяти.

— Да как же они пролезли в эти чертовы капсулы? — недоуменно спросил Мерчинсон.

Стайнберг на «Гермесе» приготовил обед, под стать рождественскому. Сейчас стояла середина октября, но через месяц с небольшим корабль должен лечь на обратный курс и на Землю прибыть в середине января. Никто не сомневался, что обратно повернут раньше: их находка по своей важности весомее дюжины новых астероидов.

Под гуся выпили шампанского, а с рождественским пудингом приняли еще и бренди. Айвс, Мерчинсон и Крэйджи говорили без умолку, остальные с удовольствием слушали.

— Что ты насчет всего этого думаешь? — спросил Карлсена Дабровски. — Зачем они построили корабль?

Все ждали ответа Карлсена, но он лишь молча покачал головой.

— Тогда позволь сказать, что думаю я,— вмешался Фармер. — Из твоих слов получается, что эти лестницы не предназначены для какой-либо практической цели. Так? Поэтому цель здесь, очевидно, иная — эстетическая или религиозная.

— Хорошо,— кивнул Стайнберг. — Тогда, получается, это своего рода летающий храм? По-прежнему не вижу смысла.

Разговор прервал радиозуммер. Крэйджи подключился и услышал голос Зеленски:

«Господа, у меня для вас сюрприз. Премьер-министр Соединенных Европейских Государств Джордж Магилл».

«Господа, хотя вам и без того уже все ясно, но смею сказать, что вы сейчас самые знаменитые люди во всей Солнечной системе. Трансляция этого сеанса связи выйдет в эфир сразу после вашего фильма об интерьере корабля. Вас надо поздравить с невероятной удачей, выпавшей на вашу долю. Первым и самым важным заданием будет доставка на Землю хотя бы одного из этих существ, а, если возможно, то и больше. Насчет того, осуществимо это или нет, судить, конечно, вам. Понятно, что при попытке проникнуть в саркофаги тела могут рассыпаться в пыль, как уже не раз случалось с мумиями. Но у вас опять-таки наверняка есть способы проверить, содержат ли саркофаги какую-то микросреду, или там просто вакуум. Если там вакуум, то проблема, видимо, решается проще...»

Затем в эфир снова вышел Зеленски:

«Ну что, парни, слышали? Я в принципе согласен. Нам надо,

по возможности, доставить обратно на Землю одного-двух. Попробуйте пробраться в одну из капсул. Имейте в виду, что они, может оказаться, не мертвы, а лишь в анабиозе. Когда заберете их на корабль, поместите в холодильную камеру и загерметизируйте до возвращения на базу, чтобы оградить от всякого воздействия...»

Карлсен, грузно поднявшись, вышел из кают-компания и направился к себе, улегся на кровать и сразу же заснул...

Открыв глаза, Карлсен увидел, что над ним стоит Стайнберг.

— Сколько я спал?

— Семь часов. Вид у тебя был такой измотанный, что мы решили не будить.

— Что произошло за это время?

— Четверо из наших только что вернулись. Мы вскрыли одну из капсул.

— Как! О Господи! Почему не дождались, пока я проснусь?

— Приказ центра управления.

— Я отдаю приказы, пока я здесь капитан.

— Мы думали, ты, наоборот, обрадуешься, — виновато пробормотал Стайнберг. — В одной из капсул прорезали дыру, там, оказалось, вакуум. Так что тело не раскрошилось в пыль. А уж в холодильную, думаю, как-нибудь пристроим...

Через пять минут, потирая глаза, Карлсен спустился в пост наблюдения. Через иллюминатор виднелось знакомое свечение — зеленоватое с голубым. Корабль пристроили напротив отсека с гуманоидами, вот они, тумбы-капсулы, как на ладони.

— Тебе Дэйв уже сказал, что это не стекло? — любопытствовал Дабровски.

— А что же?

— Металл. Прозрачный металл. Один сегмент мы положили в очистку, но он, похоже, не радиоактивен. И в капсуле радиации тоже нет.

— Как вы туда пробрались?

— С помощью теплового лазера.

— В следующий раз никакой самодеятельности, — раздраженно бросил Карлсен. — Я думал выйти на лунную базу с предложением не трогать капсулы хотя бы до следующей экспедиции. А если, представь, эти были бы в анабиозе, что тогда? Трупы собирать?

— Так осталось бы еще двадцать девять, — негромко произнес Мерчинсон.

— Это не оправдание. Вы уничтожили бы жизнь — потому лишь, что какие-то придурки на Земле забыли о слове «терпение». Еще пара-тройка месяцев, и сюда можно было бы снарядить полностью экипированную экспедицию. Они бы могли на буксире притянуть эту штуковину на земную орбиту, и тогда исследуй хоть десять лет. А вместо этого... — Карлсен замолчал и угрюмо уставился в иллюминатор.

Через десять минут он стоял возле широкой скамьи, глядя сверху вниз на обнаженного гуманоида. Полотняное покрывало срезали, и теперь было видно, что человека держат металличе-

ские обручи. Плоть на вид была слежавшейся и холодной, поддаваясь, как студень, под одетыми в перчатку пальцами.

— Давай подумаем, как бы сейчас убрать эти металлические обручи?

— Лазером их, — посоветовал Мерчинсон, стоящий сзади.

— Ладно, попробуй.

С конца портативного лазера туго ударил вишнево-красный луч; но не успел Мерчинсон им повести, как металлические обручи распались, втянувшись в отверстия по бокам скамьи.

— Ты что сделал?

— Ничего. Я его даже не коснулся.

Карлсен сунул руку под ступни гуманоида и слегка их приподнял. Тело осталось под углом, голова приподнялась над подоткнутым вместо подушки свертком парусины.

Карлсен повернулся к Стайнбергу и Айвсу, ожидающим снаружи капсулы.

— Давайте уносите.

Когда Стайнберг и Айвс удалились с телом, Карлсен обследовал каждый сантиметр поверхности лежа, но ничего не обнаружил. Он с интересом смотрел через прорезанную лазерным лучом дыру на соседнюю тумбу, в которой лежала темноволосая девушка. После теста на космический вирус и радиацию Карлсен шагнул внутрь. Подойдя к ложу, вынул из ножен узкий нож и вспорол ткань, минуя места, где она крепилась к металлу.

— Ты смотри, — выдохнул Мерчинсон. — Вид, как у живой. Ну что, включаю лазер?

— Хорошо, давай, — ответил Карлсен, не сводя с девушки глаз.

Не успел он договорить, как металлические обручи разжались, оставив чуть заметные полоски на коже обнаженного живота и бедер.

— И это все, больше никого не берем? — разочарованно произнес Мерчинсон.

— Двоих, по-твоему, мало?

— Во фризере полно места, спокойно войдут еще несколько. Карлсен рассмеялся.

— Ладно, тогда еще одного.

Мерчинсон направился к капсуле с блондинкой и молча наблюдал, как луч постепенно превращает стеклометалл в раскаленную докрасна капель, струйками стекающую на пол. Неожиданно он покачнулся, и луч лазера, черкнув по полу, высвербил в нем небольшую лунку.

— Эй, осторожно! С тобой все в порядке?

— Извини, шеф. Что-то вдруг утомился, аж в глазах потемнело.

Карлсен пристально взгляделся в лицо Мерчинсона, вид у того действительно был усталый, изможденный.

— Давай обратно на «Гермес», Билл. Скажи Дэйву и Лойду, пусть выдвигаются сюда со своей ношей.

Карлсен подошел к ложу и, внимательно взглядевшись в грубое полотно, мысленно приказал обручам разомкнуться. Спустя секунду металлические обручи под полотном раздвинулись. Еще

секунда, и полотно, соскользнув с тела, исчезло в обозначившейся у основания ложа щели.

— Ну, конечно,— выговорил Карлсен.

— Что «конечно»? — переспросил на «Гермесе» Крэйджи.

— Я только что мысленно приказал обручам раздвинуться, и они раздвинулись! Ты понимаешь, что это значит?

— Техника высшего уровня...

— Я не об этом. Это значит, что существа, вероятно, все еще живы. Обручи по своему устройству реагируют на их мысленные импульсы. Я вот думаю, как же они выбирались отсюда наружу?

— С корабля?

— Нет. Из этих стеклянных стен.— Карлсен уставился на край стены, мысленно приказывая невидимой двери отвориться. Произошло неожиданное: вся стена гладко соскользнула в сторону. В эту секунду Карлсен увидел Айвса и Стайнберга, плывущих вдоль анфилады с ложем-саркофагом.

— Ребята! — позвал он.— Вы не через дверь, через стену попробуйте.

— Как это у тебя получилось?

— А вот так.— Сосредоточивая взгляд на стене, Карлсен уже наперед знал, что она закроется. Через несколько секунд она была на прежнем месте.— Все здесь рассчитано на телепатические сигналы. Но только изнутри. Смотрите.

Карлсен подошел к стене, приказывая ей открыться, стена, пропуская, соскользнула вбок. Оказавшись снаружи, он приказал ей закрыться — стена не двигалась.

— Видите? Приказывать можно, только находясь внутри...

Когда астронавты снимали в очистном шлюзе скафандры, Карлсен обратил внимание на то, что у Айвса и Стайнберга разбитый вид. Айвс постоянно тер глаза ладонью.

— Надо бы прилечь, отдохнуть.

— И мне,— присоединился Стайнберг.

— Идите ложитесь, оба. Отдых заслужили. Только блондиночку не трогайте!

Дожидавшийся в посту управления Крэйджи сообщил:

«Только что пришло распоряжение с лунной базы. Завтрашний день весь посвятить съемкам и возвращаться к Земле».

В Гайд-парке цвели нарциссы. Карлсен, прикрыв глаза, сидел, откинувшись в шезлонге, и чувствовал на коже тепло апрельского солнца. Вот уже три месяца как на Земле, а все равно трудно привыкать заново ко всей этой несказанной красоте. Земная гравитация тоже пока воспринималась чуть-чуть утомительно, особенно поутру, поэтому Карлсен в такие часы обычно чувствовал приятную расслабленность, словно человек, набирающий сил после болезни.

— Прошу прощения, вы случайно не капитан Карлсен?

Карлсен устало открыл глаза. Сунув руки в карманы, перед ним стоял молодой человек крепкого сложения.

— Вы меня не помните? Я — Сет Эдамс.

— Ну как же,— произнес Карлсен на всякий случай.

— Вы были другом моей матери, Виолетты Мэплсон.

— А-а, ну, конечно... — Теперь Карлсен действительно вспомнил.

— Не возражаете, если я к вам подсяду на пару минут?

— Отчего же? Присаживайтесь.

— Сет, ты идешь или нет? — раздался поблизости молодой женский голос.

К ним приближалась миловидная девушка в белом платье, рядом на поводке семенил китайский мопс.

— Да погоди минуту. Я... — Эдамс смущенно взглянул на Карлсена. — Это капитан Олоф Карлсен, старый знакомый моей матери.

Карлсен, привстав, протянул девушке руку. Та удивленно распахнула голубые глаза.

— Так это вы капитан Карлсен? Ой, какое чудо! Я так мечтала с вами познакомиться... Куини, перестань сейчас же! — Собачонка начала сердито тявкать на Карлсена.

— Шарлотта, — твердым голосом сказал Сет. — Слушай, может, сама дойдешь до дома? Мне надо кое о чем поговорить с капитаном Карлсеном... — Он отвел девушку в сторону, а Карлсен, слегка поклонившись напоследок, снова откинулся в шезлонге, с легкой иронией наблюдая за молодой парой.

Через минуту другую девушка ушла, а Сет вернулся с бледной улыбкой на губах.

— У вас очень милая подруга, — обратился к нему Карлсен.

— О да, — ухмыльнулся Сет, — милашка. Но мне в самом деле надо было с вами поговорить. Я был просто вне себя, когда мать сказала, что вы приглашали ее на обед, а она даже не удосужилась меня представить.

— Да нет, у нас был просто небольшой «междусобойчик». — На самом деле Виолетта отыскала его буквально в тот же день, когда он вернулся на Землю, и стала зазывать к себе на ужин. Карлсен знал ее достаточно хорошо и представлял, что это непременно будет грандиозный банкет, где ему отведена роль свадебного генерала. Поэтому он быстро отговорился и предложил пообедать в «Савойе». Виолетта деликатно дала себя «уговорить», и они провели приятный вечер, беседуя о былых временах.

— Слушайте, — Сет подался вперед, — думаю, мне лучше сразу выложить карты на стол. Я работаю в газете.

— Ага, понятно.

— Вас, это, возможно, удивляет. Дело в том, что мой отец растерял все, что имел, а мать заботит лишь то, как пошикарнее обставить идиотские банкеты по субботам. Я живу на вшивую сотку в неделю, за колонку сплетен в «Газетт».

— Вы хотите взять у меня интервью? — хмыкнул Карлсен.

— Конечно, это в самом деле было бы чудесно. Я могу на вас рассчитывать?

Карлсен улыбнулся.

— Смею сказать, да. Но есть одно «но». Завтра на десять у меня запланирована пресс-конференция в Институте Космических Исследований. Так что вашему редактору, может статься, лягут на стол сразу две статьи.

— Я понимаю. Потому и хочу быть первым.

— Ладно. — Карлсен, вздохнув, посмотрел на часы. — Пойдем.

— Как, прямо сейчас?

— Лучше сейчас, если желаете, чтобы статья была написана.

По пути к стоянке такси Сет спросил:

— Может, можно будет получить и вашу фотографию в лаборатории?

— Увы, нет. Фотографировать в ИКИ запрещено. Безопасность и все такое прочее.

— Понятно.

Пока такси ползло в пробке от Парк Лэйн до Уайтхолла, время подошло к пяти, начало смеркаться. Служащие административного корпуса уже разошлись. Карлсена приветствовал старик швейцар.

— Этот молодой человек с вами, сэр?

— Да. Мы наверх, в клуб.

— В клуб? — переспросил Сет.

— Да, перехватим чего-нибудь.

— А может, сначала посмотрим лабораторию?

— Можно и так.

Лаборатория на первый взгляд казалась пустой, но вот из зала экспонатов вышел молодой лаборант. Карлсен узнал в нем одного из своих почитателей.

— Здравствуйте! Пришли на фильм? Репортаж с «Веги». Получили сегодня утром.

«Вега», один из крупных космических крейсеров, взял курс на реликт с месяц назад.

— Славно. Какие новости?

— В «Страннике» есть еще одна пробоина, сэр («Странник» — так пресса окрестила «реликт»).

— Какой величины?

— Довольно-таки солидная. Десять метров в поперечнике.

— Что ты! Невероятно!

Тут Карлсен вспомнил о Сете и представил молодых людей друг другу.

— Сет Эдамс, Джеральд... Забыл фамилию...

— Пайк, сэр.

— Ты уже уходишь, Джеральд?

— Минут через десять, сэр. А что?

— Да нет, ничего. Хотелось бы, чтобы кто-нибудь показал мистеру Эдамсу лабораторию, пока я отлучусь.

— Если вы спешите, — подал голос Сет, — может, ограничимся одними пришельцами?

— Хорошо. — Карлсен завел Сета в зал экспонатов, где не так давно в стену было вмонтировано несколько ящиков-саркофагов.

— Вы знаете, какие именно, Джеральд? — спросил Карлсен.

— Да, сэр. Я покажу.

Он выдвинул ящик. Внутри лежало мужское тело. Застывшие глаза пусто таращились вверх.

— Странно, — проговорил Карлсен. — Мне кажется, сейчас он больше напоминает живого, чем тогда, в прошлый раз.

— Так он и есть живой, — сказал Джеральд и выдвинул

остальные два ящика. Нагие тела выглядели так же, какими запомнил их Карлсен, только лица скорее походили на лица спящих, а не трупов.

Сет легонько коснулся ладонью груди темноволосой девушки, провел мизинцем по животу и шепотом выдохнул:

— Невероятно!

— Да, довольно смазлива,— кивнул Джеральд.— Но, мне кажется, наиболее интересное лицо у мужчины.

— Слушайте,— вмешался Карлсен.— Я вас оставлю буквально на пять минут...

У себя в кабинете он набрал телефон Буковского.

— Слушаю! — раздался в трубке скрипучий голос директора.

— Карлсен, сэр.

— Олоф! Весь день тебя разыскиваю.

— Извините. Вздремнул в Гайд-парке.

— Слава Богу, объявился наконец. Ты знаешь, что случилось?

— Вообще-то нет.

— Тогда слушай. «Вега» долетела до «Странника» сегодня утром, в половине одиннадцатого. Первое, что обнаружили,— это огромную дыру в верхней обшивке. Метеор прошел ее, как ядро. Что скажешь, а?

— Нет слов. Просто невероятное совпадение.

— Ты бы заскочил ко мне,— сказал Буковский и повесил трубку.

— Ч-черт,— процедил Карлсен, посмотрев на часы. Интервью с Эдамсом отодвигалось все дальше. Он нажал на кнопку, соединяющую с телеэкраном лаборатории. Там было пусто. Карлсен переключился на зал экспонатов.

Сет Эдамс был один. Карлсен хотел подать голос, но что-то заставило его остановиться. Эдамс переступил залу крадучись, как кошка. Вот он выдвинул один из ящиков, в котором лежало тело мужчины, полез в карман и выудил оттуда небольшой предмет, оказалось, ручка с микрообъективом.

Карлсеном овладела унылая досада. Сет Эдамс был ему не по нраву, но он действительно хотел помочь парню.

Сфотографировав мужчину, Сет задвинул ящик и пошел дальше. Подойдя на цыпочках к двери, он воровато выглянул наружу, затем вернулся и выдвинул ящик с девушкой, внимательно разглядывая ее. Эдамс наклонился и коснулся ладонью груди, затем медленно провел рукой по животу. Вдруг голова его оказалась в ящике, тело конвульсивно затряслось, точно в агонии. Но вот Сет Эдамс начал медленно оседать и в итоге завалился на спину. Вдруг Карлсен увидел, как девушка в ящике приподнялась и села, словно просыпаясь от глубокого сна, она огляделась и, не обращая внимания на лежащего мужчину, перекинула ноги через ящик.

Карлсен метнулся к двери. Лифт как раз стоял на этаже. Через несколько секунд он уже несся по подземному этажу в лабораторию.

В лаборатории было пусто. Карлсен заскочил в зал экспонатов, ожидая увидеть в дверях девицу, но ее там не было. Он понял, что она снова легла. Глаза у нее были закрыты. Поглядев на

Сета Эдамса, Карлсен невольно отшатнулся. С его лицом что-то произошло. Оно покрылось сетью морщин. Щеки ввалились, зубы ощерились из-под растрескавшихся бескровных губ, в черной шевелюре появилась обильная проседь.

Карлсен переметнул взгляд на ящик. Глаза девушки были открыты, она в упор смотрела на него. Затем, улыбаясь, протянула руки. Карлсен подался вперед, но тут споткнулся о лежащее на полу тело. Взгляд упал на землистое старческое лицо и седые волосы, и с внезапной уверенностью он понял, что девушка только что, у него на глазах, высосала из человека жизнь. Карлсен снова поднял на нее взгляд, полный немого ужаса.

— Зачем ты сделала это? — тихо проговорил он.

Та ничего не ответила, но ответ прозвучал у Карлсена в голове. Она как бы извинялась, говоря, что это было необходимо. Девушка села и грациозно вылезла из ящика. Она двигалась проворно, рассчитанными и уверенными движениями. Вот она остановилась перед Карлсеном, протягивая к нему руки...

Вдруг из лаборатории грянул раздраженный голос Буковского:

— Карлсен, где ты, черт возьми?

Девушка приблизилась к астронавту, вынула из его кармана магнитную карточку-пропуск и медленно скрылась за дверь...

Из глубокого, тяжелого сна Карлсена вырвали трели телеэкрана. Слышно было, как Джелка тихонько спрашивает в трубку:

— Кто это? Он, знаете ли, спит...

— Кто там? — спросил Карлсен.

— Полиция.

— Дай-ка сюда. — Он взял у жены трубку. — Алло.

— Мистер Карлсен, это сержант сыскной службы Тулли. Меня просил позвонить инспектор Кэйн. Он хочет, чтобы вы немедленно приехали.

— Куда?

— Если вы соберетесь минут за пять, мы к вам подгоним «шершень».

Джелка включила между кроватями бра. Карлсен, натянув штаны поверх рейтуз, вошел в шерстяной свитер. Игриво взъерошив жене волосы, с шутливой строгостью сказал:

— Спи давай. Дверь на замок и никого не впускай.

Очень скоро, заложив бесшумный вираж, «шершень» опустился на дорогу. Створка двери сместилась в сторону. Карлсену помог подняться по ступенькам полицейский в форме. Возле кабины пилота сидел мужчина в выходном костюме. Повернувшись к Карлсену, он представился:

— Ганс Фаллада. Рад познакомиться. Я только что из Парижа. Послали за мной, когда я был на традиционном банкете европейских криминалистов. Сорвали с места, а, похоже, зря.

— Почему зря?

— А вам не сообщили? Они полагают, что нашли тело девушки, и хотят, чтобы вы его опознали. Изумительные машины, эти «шершни», — продолжал Фаллада. — Мне говорили, они могут

покрывать семьсот километров в час, а приземляться со всего хода на метровом пяточке среди потока транспорта.

«Шершень», зависнув, прынул вниз и приземлился без единого толчка. Карлсен пропустил впереди себя Фалладу. Навстречу им уже шел Кэйн, следом за ним — Буковский с Эшем. Сзади метрах в двадцати находилась загородка из парусиновых экранов.

— Прощу простить за беспокойство,— начал Кэйн.— Дело не займет и пяти минут...

— Почему вы считаете, что это она?

— Это действительно она,— подал голос Буковский.— Но надо, чтобы ее опознал именно ты. Ты видел ее последним.

Карлсена повели в загородку. Тело было накрыто одеялом. Можно было угадать под ним разведенные ноги и раскнутые руки.

Убрав одеяло, Карлсен включил фонарик. Кроме зеленого нейлонового халата и накидки на ней не было ничего. От шеи до коленей тело было испачкано кровавыми пятнами. Под лучом фонарика на коже виднелись глубокие следы укусов.

— Одежду она взяла в шкафу уборщицы,— сказал Кэйн.

— Сколько времени прошло с момента гибели? — осведомился Фаллада.

— Где-то около девяти часов.

— Иными словами... Она была убита примерно через час после того, как выбралась из здания ИКИ. Просто невероятно... В вашем районе все спокойно? Не орудует ли какой-нибудь сексуальный маньяк?

— У нас не значит. Последний подобный случай был в Мэйдстоне, примерно год назад.

Карлсен выпрямился и медленно повернулся к Фалладе.

— Она вся искусана. Почему?

Фаллада пожал плечами.

— Случай не первый. Сексуальное извращение, называемое «вампиризм».

Проснулся Карлсен в темноте. Светящийся циферблат часов показывал: «2.30». Дня или ночи? Потянувшись, он щелкнул выключателем. В соседней комнате слышался ребячий смех. Значит, день. Карлсен оделся и позвонил Фалладе.

Ответила секретарь:

— Он сейчас в Скотланд-Ярде, сэр. Но тут вам от него информация. Вы должны срочно приехать. Когда будете готовы?

— Минут через пятнадцать.

Через полчаса «шершень» привез Карлсена к Психосексуальному институту, где его нетерпеливо поджидал Фаллада.

— Мне нужна ваша помощь. Спустимся в лабораторию.

Они двинулись по лестничному пролету и подошли к двери с табличкой «Лаборатория С». Запахло химическими препаратами, особенно явно чувствовался запах йодоформа. Карлсен оторопело смотрел на голое тело мужчины средних лет, лежавшее на металлической тележке возле двери. Одетый в белое ассистент склонился над микроскопом.

— Я вернулся,— отвлек его Фаллада.— Через полчаса Скотланд-Ярд подойдет еще одно тело. Брось все и начинай работать с ним. Как только подвезут труп, зови меня.

— Хорошо, сэр.

Фаллада закрыл дверь.

— Прошу сюда, мистер Карлсен.

Он первым подошел к кабинету напротив, с табличкой «Г. Фаллада, директор».

— Кто это был?

— Мой ассистент, Норман Грей.

— Нет, я о мертвом.

— Какой-то идиот повесился.— Фаллада открыл створки бара.— Если предложу виски, не рановато?

— Не откажусь.

— Прошу, садитесь. Ваше здоровье.— Фаллада поднял стакан и присел на край стола.— Несколько часов назад я осматривал тело. Девушка. Ее нашли на железнодорожном переезде возле Путни Бридж.— Он передал Карлсену сложенную вдвое бумагу: отпечатанный на принтере листок. Сверху жирным шрифтом название: «Показания Альберта Смитерса. Адрес: Путни, Фоксметт-плэйс, 12.

Примерно в половине четвертого я увидел, что жена забыла положить мне термос с чаем, поэтому отпросился у бригадира, чтобы сбежать за ним домой. Я пошел коротким путем вдоль линии, минут через пятнадцать тем же путем возвращался назад. Подходя к мосту, я увидел на рельсах молодую женщину, лежавшую лицом вниз. Я подбежал к ней и тут услышал шум приближающегося товарняка из Фарнхэма. Я схватил женщину за ноги и стянул с рельсов. Когда потрогал ее пульс, оказалось, что она не дышит...»

Карлсен поднял глаза от бумаги.

— Как она погибла?

— Задушена.

— Понятно.

— Показатель ламбды у нее был всего ноль целых четыре тысячных,— заметил Фаллада.

— Да, но... Но, собственно, и что в этом? Я считал, любой, кто погибает насильственной смертью...

— Да, разумеется. Это могло быть совпадением.— Фаллада посмотрел на часы.— Еще час, и мы будем знать все досконально.

— Каким образом?

— С помощью разработанного нами теста. Потому-то я, честно сказать, и просил вас прибыть сегодня. Хочу кое-что показать. Пожалуй, вам не мешает об этом узнать.— Фаллада открыл ящик письменного стола и вынул оттуда небольшую жестяную коробку. Сняв крышку, поставил ее на стол.— Что это, по-вашему?

Карлсен, наклонившись, стал разглядывать. Какие-то малюсенькие красные шарики, размером с булавочную головку.

— Какие-нибудь подслушивающие устройства?

— Надо же, с первого раза! — Фаллада рассмеялся.— Только

с такими, я думаю, вы встречаетесь впервые. — Закрыв жестянку, он опустил ее себе в карман. — Ну что, пройдем?

Небольшим коридорчиком они прошли в соседнюю комнату, и Фаллада включил свет. Тоже лаборатория, только размером поменьше. На длинных скамьях стояли клетки и аквариумы. В клетках обитали кролики, хомяки и белые крысы. В аквариумах плавали серебристые карасики, каменели угри, осьминоги.

— То, что я собираюсь сейчас рассказать, не известно никому за стенами этого здания. Я знаю, что могу положиться на вас. — Фаллада остановился перед клеткой с двумя кроликами. — Перед вами самец и самка. У самки сейчас период гона. — Протянув руку, Фаллада щелкнул выключателем. Сверху зеленоватым светом засветился монитор. Фаллада нажал на соседнюю кнопку, и по экрану поползли волнистые черные линии, напоминающие синусоиду прыгающего мяча. — Это показатель ламбды самца. — Фаллада нажал на вторую кнопку; появилась еще одна линия, белая. Ее амплитуда вскоре перекрыла черную. — Это показатель самки.

— Я не совсем понимаю. Что она показывает?

— Жизненное поле кроликов. Красненькие шарики — микроскопические измерители ламбды. Они не только измеряют интенсивность ламбда-поля у животных, но и пускают радиосигнал, который подхватывается и усиливается на этом экране. Что, на ваш взгляд, можно сказать об этих двух сигналах?

Карлсен пристально взгляделся в волнистые линии.

— Они, похоже, идут более-менее параллельно...

— Точно. Наблюдается эдакий любопытный контрапункт, вот здесь и здесь. Помните высказывание: «Два сердца бьются как одно»? Оказывается, это не такое уж пустое двусишье.

— Давайте-ка еще раз, чтобы не было недопонимания, — предложил Карлсен. — Вы вживили эти малюсенькие красные «жучки» кроликам, и теперь мы наблюдаем их сердцебиение, так?

— Нет, нет. Не сердцебиение, а пульсацию их жизненной силы. Эти зверьки, если можно так выразиться, живут сейчас душа в душу. Они могут чувствовать настроение друг друга.

— Телепатия?

— Да, в каком-то смысле. Теперь приглядитесь к этой крольчихе. — Он подошел к соседней клетке, где одиноко сидящий зверек с флегматичным видом грыз капустный лист. Фаллада включил над клеткой монитор. Белая линия очертилась, но взлетов у синусоиды было меньше, и те какие-то вялые. — Эта крольчиха предоставлена сама себе, и ей, вероятно, скучно.

— Иными словами, показания ламбды у них возрастают соразмерно половому влечению?

— Совершенно верно. Вот вы спросили, возле сердца ли вживлены им измерители? Нет, они вживлены возле половых органов.

— Интересно.

Фаллада улыбнулся.

— И даже более, чем вам кажется. Понимаете, — сказал он, выключая монитор, — при половом возбуждении у кроликов

повышается не только жизненный тонус, но, как видите, начинают взаимодействовать их жизненные поля. И еще одна интересная деталь. В данный момент, как видите, у самца поле слабее, чем у самки. Это потому, что у самки гон. Но, когда самец влезет на самку, его жизненное поле становится сильнее, чем у нее. И вершина синусоиды у самки как бы повинуетея синусоиде самца, а не наоборот. — Фаллада положил ладонь на руку Карлсену. — А теперь я покажу вам кое-что еще.

Он прошел в конец комнаты, к скамье, сплошь уставленной аквариумами. Постучал по стенке одного из них. С каменистого дна поднялся небольшой осьминог сантиметров пятидесяти в ширину и грациозно заскользил вверх к поверхности, чуть кружась, словно завиток дыма.

— Если приглядеться внимательно, — указал Фаллада, — заметно место, куда вживлен измеритель. — Он включил над аквариумом монитор; появившаяся линия вилась неспешно, округло, без резких взлетов, наблюдаемых у кролика.

Фаллада подошел к соседнему аквариуму.

— Здесь у нас мурена, одна из самых гнусных морских тварей. Средиземноморский спрут для такой — редкий деликатес.

Карлсен поглядел на дьявольскую образину, маячащую в прогалине меж камней; в приоткрытом рту виднелись острые, как иглы, зубы.

— Этот образчик не кормлен несколько дней. — Фаллада включил монитор. Синусоида мурены также была вялой, но упорядоченное движение слева направо предполагало запас силы. — Мурену я собираюсь пустить в аквариум с осьминогом, — сказал Фаллада.

— А надо? — Карлсен скорчил гримасу. — Может, лучше на словах? Я бы понял.

Фаллада хохотнул.

— И я б не прочь, но тогда многое ускользнет. — Он отодвинул засовчик на металлической крышке аквариума с осьминогом. — Спруты любят свободу и большие мастера в искусстве удирать. Потому-то приходится их держать в закрытых емкостях.

Он вынул из-под скамьи прозрачные клещи, напоминающие каминные щипцы, только ручки длиннее. Погрузив их в танк с муреной, он медленно завел их над ней и внезапно сомкнул. Вода взбурлила: хищница неистово забила хвостом, сиюсь укусить схватившие ее невидимые челюсти.

— Как хорошо, что это не моя рука, — заметил Карлсен.

Проворным движением Фаллада вынул рыбу из воды и перекинул ее в аквариум с осьминогом. Мурена стрелой метнулась вниз, в зеленую воду. Фаллада молча указал на монитор.

Там виднелись обе кривые: осьминога — все еще вялая, но усиленная тревогой; мурены — полосующая зигзагами ярости.

— Смотрите на синусоиды, — сказал Фаллада Карлсену, пристально наблюдавшему за аквариумом.

Минут пять все, похоже, шло без изменений. Мурена блуждала вслепую среди взвеси ила и растительных частиц, поднятых со дна хвостом. От осьминога пропал и след. Карлсен успел заметить, как тот скользнул между камнями. Мурена заплывла

в дальний угол аквариума, очевидно, не догадываясь о его присутствии.

— Видите, что происходит?

Карлсен вгляделся в синусоиды. В их рисунке теперь намечалось определенное сходство. Было непросто выразить это словами, но напрашивалось сравнение с музыкальным контрапунктом, где синусоиды — звукоряд. Вялость из синусоиды осьминога исчезла, кривая дергалась отрывисто, ломано.

Мурена медленно, словно прогуливаясь, проплыла через аквариум из конца в конец. Теперь сомнений не было: в рисунке синусоид стало намечаться сходство, примерно как у ухаживающих кроликов.

Неожиданно мурена метнулась в сторону, к трещине в камнях. Вода в аквариуме потемнела от выхлопа чернил. Мурена ткнулась в стекло — на миг ее холодные, неподвижные глаза выпупились на Карлсена. Из челюстей торчал кусок осьминожьей плоти.

Карлсен снова посмотрел на монитор. У мурены синусоида взметнулась вверх; частые пики неслись вперед, будто волны разгулявшегося моря. А вот синусоида спрута полностью изменилась: волны пошли плавные, округлые.

— Он умирает? — спросил Карлсен.

— Нет, он лишился кончика щупальца.

— Тогда что же произошло?

— Точно не знаю. Но думаю: он смирился со своей участью. Чувствует, что ничто не сможет его спасти.

— Как!! Он наслаждается тем, что его едят?

— Не знаю. От мурены, подозреваю, исходит некая гипнотическая сила, повелевающая ему перестать сопротивляться. Но я, конечно, могу и ошибаться. Мой главный ассистент считает, что это проявление так называемого «транса смерти». Я как-то разговаривал с туземцем, побывавшим в лапах тигра-людоеда. Он рассказывал, что испытывал какой-то странный покой, лежа в преддверии неминуемой смерти. Но тигра застрелили, и до человека лишь тогда дошло, что тот изорвал ему почти всю руку.

Мурена набросилась на добычу с новой силой. На этот раз она вцепилась в осьминога, пытаясь оторвать его от камня; тот прирос к нему всеми щупальцами. Мурена изготовилась, повернувшись вполоборота, и кинулась снова, метя на этот раз в голову. В воде снова за клубились чернила. Кривая осьминога на мониторе неожиданно взлетела вверх, поколебалась там, затем исчезла. На кривой мурены мелькали частые зигзаги триумфа.

— Это показывает, — сказал Фаллада, — что мурена очень голодна. Иначе бы она поела спрута щупалец за щупальцем, растянув удовольствие даже на несколько дней. — Он отвернулся от аквариума. — Но самое интересное впереди.

— Боже ты мой, еще что-то?

Фаллада указал на стоявший между аквариумами серый ящик.

— Это обыкновенный компьютер. Он записывает пульсацию поля жизни того или другого существа. Давайте посмотрим, что там у мурены...

Он поиграл клавишами, и из принтера вылез лист бумаги.

— Так, общий показатель — 4.8573.— Он протянул бумагу Карлсену.— Теперь у спрута.— Фаллада взял другой листок.— У этого — только 2.9556. У него и в целом жизненный потенциал раза в два ниже, чем у мурены. А теперь сложите.— Он протянул Карлсену ручку.

— Получается 7.8133,— сказал, подсчитав, Карлсен.

— Хорошо. Давайте сверим показатель мурены, что был пару минут назад.— Он снова поиграл клавишами и протянул бумагу Карлсену, даже не взглянув в нее. Карлсен вслух произнес цифру:

— 7.8133. Невероятно. Получается, мурена, по сути, поглотила жизненное поле этого... Боже...— Осмыслив происшедшее, он почувствовал, как кольнуло затылок, и уставился на Фалладу, сияющего довольной улыбкой.

— Точно,— подытожил Фаллада.— Мурена — вампир.

Карлсен так разволновался, что едва мог связно излагать мысли.

— Невероятно. Но сколько такое длится? То есть сколько еще ее поле будет находиться на такой высоте? И откуда вы знаете, что она в самом деле поглотила жизненное поле осьминога? Может, это просто эйфория насыщения? Я имею в виду: от нее и жизненность взметнулась вверх...

— Вначале и я так думал. Пока не увидел цифры. Это повторяется неизменно. Жизненная сила агрессора возрастает ровно на столько, сколько он берет от жертвы.— Фаллада заглянул в свой стакан и обнаружил, что там не осталось ничего, кроме тающих кусочков льда.— Думаю, мы заслуживаем еще по одному,— сказал он и прошел обратно в кабинет.

— И это применимо ко всем живым существам? Или только к хищникам наподобие мурены? Может статься, мы все вампиры?

Фаллада хохотнул.

— На подробное изложение результатов моих исследований уйдут часы. Взгляните сюда.— Фаллада отпер выдвижной металлический ящик и вынул оттуда увесистую книгу, на поверку оказавшуюся рукописью в переплете. «Анатомия и патология вампиризма», Ганс В. Фаллада, ФРС.— Перед вами результат пяти лет исследований. Еще виски?

Карлсен принял с благодарностью. Упав в кресло, он начал перелистывать страницы манускрипта.

— Да это же материал для Нобелевской премии.

— Не спорю.— Фаллада пожал плечами.— Я понял это, когда шесть лет назад вышел на явление вампиризма. И, в сущности, дорогой мой Карлсен, нечего мне скромничать. Это одно из важнейших открытий в истории биологии как науки, ставящее меня на одну доску с Ньютоном и Дарвином. Ваше здоровье!

— За ваше открытие,— добавил Карлсен, поднимая стакан.

— Благодарю. Так что сами видите, почему я так заинтересовался вашим открытием — этих самых космических вампиров. Оно логически вытекает из моей теории о наличии определенных существ, способных выпивать у своих сородичей всю кровь

до последней капли, точнее, жизненные силы. Я убежден, что именно в этом суть странных легенд о вампирах — Дракуле и иже с ним. Вы, должно быть, обращали внимание, что некоторые люди словно вытягивают из тебя жизненную энергию — это обычно какие-нибудь меланхолики, нытики. Их тоже можно отнести к вампирам.

— И это относится ко всем существам? Мы все вампиры?

— Ага, вот он, самый замечательный из всех вопросов! Вы видели кроликов, видели, как сочувственно подрагивают их жизненные поля? Здесь имеет место сексуальная привязанность. В таких случаях одно жизненное поле может, по сути, усиливать другое. Вместе с тем мои исследования показывают, что и в межполовых отношениях присутствует значительный элемент вампиризма. Я впервые это заподозрил, когда занимался делом Джошуа Пайка, бредфордского садиста. Помните, некоторые из газет так и звали его «вампиром»? Так вот, это была правда в буквальном смысле. Он пил кровь и поедая отдельные органы у своих жертв. Я изучал его в тюрьме. Он рассказывал, что канибальские пиршества ввергали его в экстаз на долгие часы. Выслушивая эти рассказы, я измерял у него показатель ламбды — верите, он увеличивался более чем вдвое!

— А взять тех же канибалов... — Карлсен так разволновался, что нечаянно пролил виски на книгу. — В их племенах из века в век считали, что съесть врага — значит усвоить его качества — храбрость и так далее.

— Совершенно верно. Так вот это пример того, что я называю негативным вампиризмом. Его цель — полное уничтожение жертвы. Но существует еще и позитивный вампиризм — скажем, в межполовых отношениях. Пытаясь завладеть женщиной, мужчина тянется к ней своей психической силой, стараясь поймать ее благосклонность. Но такую же точно силу, как вам известно, могут нагнетать и женщины! — Фаллада рассмеялся. — Вон лаборантка у меня — просто идеальный субъект. Буквально пожирает мужчин. И вины ее в этом нет. В целом девчонка просто прелесть — бескорыстная, великолепная помощница. Но отдельных парней просто магнитит: клеятся к ней, как мухи к липкой ленте. Ее показатели ламбды внесены сюда. — Он кивнул в рукопись. — По ним видно, что она вампириша. Но сексуальный вампиризм не обязательно деструктивен. Помните старый анекдот об идеальном браке садиста и мазохиста? Прямотаки в точку...

Фалладу перебила трель телеэкрана. Звонил Норман Грей.

— Тело доставлено, сэр. Мне начинать тест?

— Нет, нет. Я сейчас иду. — Фаллада повернулся к Карлсену: — Теперь вы увидите мои методы в действии.

В «Лаборатории С» ассистент Грей изучал через лупу лицо бездыханной девушки. На высоком стульчике сидел лысый человек средних лет. Завидев Фалладу, он встал.

— Сержант Диксон из криминал-лаборатории. Капитан Карлсен. Какими судьбами, сержант?

— У меня сообщение от комиссара, сэр. Нам удалось установить, кто это сделал. — Он кивком указал на тело.

— Как?

— Мы сняли с горла отпечатки пальцев.

Карлсен взглянул на девушку. Лицо у нее было распухшим, в синяках, на горле — кровоподтеки, из-под сбившейся простыни проглядывал синий нейлоновый халатик.

— Какой-нибудь рецидивист? — поинтересовался Фаллада.

— Нет, сэр. Тот самый парень, Клэппертон.

— Тот автогонщик?

— Вы о Доне Клэппертоне? — переспросил Карлсен.

— О нем, сэр.

— Он пропал в центре Лондона, во вторник вечером, — объяснил Фаллада, повернувшись к Карлсену. — Вы нашли его? — осведомился он у Диксона.

— Пока нет, сэр. Но у нас с этим быстро.

— Когда все-таки Клэппертон видели в последний раз?

— Из дома он вышел примерно в семь, направлялся на детский праздник в «Уэмбли», где должен был вручать призы. На празднике он так и не появился. Двое подростков утверждают, что видели его где-то в половине восьмого в Гайд-парке с женщиной.

— И эта женщина была им убита через каких-нибудь восемь часов в Путни? — недоверчиво спросил Фаллада.

— Похоже на то, сэр. Может, на него что-то нашло?

— В котором часу ваш космический вампир бежал из ИКИ? — спросил Фаллада у Карлсена.

— Часов, наверное, в семь. Вы думаете...

Фаллада остерегающе поднял руку.

— То, что думаю, я сообщу, когда осмотрю тело.

Грей подошел к телу девушки и откинул простыню. Под нейлоновым халатиком была твидовая юбка. Порванные колготки свисали с одной ноги.

— Кто она такая? — поинтересовался Карлсен.

— Работала официанткой в шоферском круглосуточном кафе.

Грей, не церемонясь, задрал юбку. Карлсен заметил, что бедра у девушки в синяках и царапинах. Один электрод Грей присоединил к внутренней стороне бедра, другой — к нижней губе. Стрелка измерителя медленно пошла вверх и остановилась на против «0.02», затем так же медленно дошла до «8.3». Через минуту, когда стало ясно, что выше она уже не двинется, Фаллада сказал: «Ну-ка», — и отключил аппарат.

Стрелка ламбдаметра упала. Фаллада с Греем переглянулись; Карлсен заметил, как по лицу Грея струится пот.

— Вы понимаете? — негромко спросил Фаллада, повернувшись к Карлсену.

— Не совсем...

— Не пройдет и десяти минут, как ее искусственное жизненное поле полностью растворится. Она его не держит.

Грей наблюдал за стрелкой.

— Мне случалось видеть поля с прободением. Но чтобы такое...

— Так что все это значит?

Фаллада откашлялся.

— Это значит, что убийца выкачал ее жизненный потенциал настолько, что она не держит поля. Охота начинается по-новой.— Фаллада положил руку на плечо Карлсена.— Пойдем обратно ко мне в кабинет.

— А мне куда? — спросил Грей.

— Возвращаясь к тестам. Надо бы узнать, достаточно ли сильно пальцы давили на шею, чтобы стать причиной смерти.

Возвратившись в кабинет, Карлсен взял недопитый стакан, Фаллада рухнул в кресло за письменным столом.

— Я так сразу и понял. Знаете, даже злорадство разбирает, насколько я прав.

— Уж так ли прав? Послушайте, я ведь видел, что произошло с Эдамсом. Она высосала из него все, он превратился в старика. Про эту же девушку ничего такого не скажешь. Она похожа на жертву обычного изнасилования. Ведь, наверно, существует какое-то другое объяснение, почему жизненное поле у нее оказалось пробито?

Фаллада покачал головой.

— Нет. Вы никак не возьмете в толк. Дело не в ее поле. Жизненное поле содержится как бы в резервуаре, вот он-то и пробит. Никто точно не знает, каков он из себя, некоторые из биологов утверждают даже, что человек, помимо материальной оболочки, имеет еще и нематериальную, и жизненное поле — свойство атомов такой оболочки, точно так же, как магнетизм — свойство атомов магнита. А вы в самом деле поверили, что блондинка, убежавшая из института, умерла?

Карлсен покачал головой.

— Нет, не поверил. И, если честно, не хотел бы верить.

— Вы должны помнить лишь одно. Это существо не было женщиной.— Увидев, как Карлсен нетерпеливо взмахнул рукой, Фаллада поспешил продолжить: — Я хочу сказать, эти существа абсолютно чужды всему, что свойственно людям.

— Но они подобны людям,— упрямо возразил Карлсен.

— И даже не это,— не уступал Фаллада.— Вы забываете, что человеческое тело — высокоорганизованный продукт адаптации. Четверть миллиарда лет назад мы были рыбами. Мы развили руки, ноги и легкие, чтобы передвигаться по суше. Шансов, что и эти существа из другой галактики развивались аналогичным способом, миллион к одному.

— Если только на их планете условия не были такими же, как у нас.

— Возможно, но маловероятно. У нас имеется заключение экспертов-анатомов о телах трех пришельцев. Их пищеварительная система идентична нашей.

— И что?

Фаллада наклонился вперед.

— Они живут, высасывая жизнь из других существ. Им не нужна еда.

— Может, и так. Но... Не знаю...

Фаллада заговорил терпеливо, словно профессор, натаскивающий отстающего студента.

— Я думаю: несколько фактов у нас есть. Мы, например, уверены, что девушка на переезде убита одним из этих созданий, кем бы они ни были. Знаем и то, что отпечатки пальцев на ее шее принадлежат человеку по фамилии Клэппертон. Получается два варианта. Либо Клэппертон действовал по воле вампиров, либо один из них завладел его телом. Мы оба сознаем, что такие варианты возможны. В таком случае не исключено и то, что эти существа неуязвимы. Но это не значит, что они гарантированы от просчетов. Например...

Его прервала трель телеэкрана. Он нажал кнопку «ответ».

— Звонит комиссар полиции, сэр.

— Соединяйте.

— Ганс, рад, что поймал тебя. Новое событие. Мы отыскиали подозреваемого

— Гонщика?

— Его. Я только что с того места.

— Он жив?

— Увы, нет. В уондсвортском морге. Его под вечер выловили из реки.

— Экспертизы еще не было?

— Пока нет. Но, я бы сказал, чистой воды суицид после убийства. Так что, по нашим установкам, дело закрыто.

— Перси,— тихо произнес Фаллада,— я должен видеть это тело.

— Безусловно, увидишь. Какие-то соображения?

— Готов биться об заклад, что умер он не от того, что нахлеблся.

— Тогда ты проиграл. Я лично наблюдал, как ему воду откачивают из легких.

— Точно?

— Абсолютно. А что? Не понимаю тебя...

— Я сейчас приеду.— Фаллада положил трубку и со вздохом поднялся, потирая глаза.— Невероятно. Когда зазвонил телеэкран, я собирался им сказать, что они ошиблись, подумав на Клэппертон. Он слишком на виду, а следовательно, бесполезен. Поэтому его надо было убрать...

— Что ж, вы правы.

— Возможно,— невесело ухмыльнулся Фаллада.— Ну что, пойдем? — Он нажал кнопку селектора и попросил секретаршу: — Закажите такси и Норману передайте, пусть ждет еще одно тело для экспертизы.

Скоростной лифт, покрыв за двадцать пять секунд расстояние в полтора километра, доставил их на первый этаж. У тротуара дожидался миниатюрный электромобиль. Карлсен собирался уже сесть, но вдруг услышал голос робота-газетчика: «Новая сенсация «Странника». Новая сенсация «Странника»...» По автомату бежала неоновая строка: «Астронавт дает описание «Мари Челест» космоса». Карлсен бросил в автомат монету и вынул номер «Ивнинг мэйл».

Первую полосу занимала фотография, в которой он узнал

Патрицию Вулфсон, жену капитана «Веги». Она держала за руки двоих ребятишек.

— Вулфсон, похоже, высадился-таки на «Странник», — подвел итог Карлсен.

Фаллада откинулся на сиденье.

— Прочли бы вслух, а?

«Буквально за час до распоряжения, запрещающего всякое дальнейшее исследование «Странника», капитан Дерек Вулфсон с командой из трех человек вошел в пост управления кораблем. Сегодня об этом в своем эксклюзивном интервью рассказала миссис Патриция Вулфсон, супруга астронавта. Наш корреспондент встретил ее в Лондонском международном космопорту».

«В четверг после полудня миссис Вулфсон с двумя детьми провела пять часов в пункте связи на лунной базе, обмениваясь сообщениями со своим мужем, находящимся более чем в полумиллиарде километров на исследовательском судне «Вега».

В восьмиминутном видеорепортаже капитан Вулфсон описал, как его команда проникла в «реликт» через массивную пробойну, образованную метеоритом уже после того, как был обнаружен «Странник» в ноябре прошлого года.

По словам доктора Вернера Хасса, физика, сопровождавшего Вулфсона, пост управления представлял собой нагромождение техники, неизмеримо опережающей земную.

Капитан Вулфсон рассказал, что признаков повреждения в посту не наблюдалось, на полу же были разбросаны бумаги и звездные атласы. «Впечатление такое, будто пост покинули с полчаса назад, — прокомментировал Вулфсон. — Но нигде не было следов живых существ. Мне невольно подумалось о загадке «Мари Челест».

Надписи в посту были нанесены на материал, напоминающий толстую воощеную бумагу, что, вероятно, подскажет, какой галактике принадлежит «Странник».

Распоряжение с лунной базы застало Вулфсона с командой еще на корабле. Их отозвали, запретив исследование «реликта» из-за угрозы радиационного заражения.

Наш корреспондент комментирует...

Карлсен сложил газету и передал ее Фалладе.

— Читайте сами.

Сержант, стоявший на посту в новом здании Скотланд-Ярда, сразу узнал их.

— Комиссар просил немедленно пропустить вас, господа. Дорогу-то знаете?

При выходе из лифта их ожидал рослый лысоголовый человек. На нем была гражданская одежда, но держался он так, словно это военный мундир.

— Сэр Перси Хезлтайн, капитан Карлсен, — представил их друг другу Фаллада.

— Рад вашему приезду, капитан. Кстати, вам тут звонили. Буковский из ИКИ хочет, чтобы вы на него вышли.

— Спасибо. Здесь где-нибудь есть телеэкран?

— У меня в кабинете.

Они прошли за ним в просторный, неброского вида кабинет, выходящий окнами на крышу, к вертолетной площадке.

Через пару секунд на экране появился Буковский. Вид у него был усталый, раздраженный.

— Олоф! Слава тебе, Господи, отыскался наконец. Мы уж и домой к тебе звонили, только жена куда-то ушла.

— Я у доктора Фаллады.

— Ты газеты видел?

— Да, уже знаю, что капитан Вулфсон высадился на «Странник».

— Капитан! — мрачно процедил Буковский. — Дай ему Бог в лейтенантах остаться, когда я с ним разберусь. А жена его, идиотка... Не могу понять, чем Зеленски думал, пуская ее на лунную базу? А тут добавок ко всему еще и новая проблема. Мне сейчас звонил министр космического ведомства: хочет, чтобы сейчас же обследовали весь «Странник».

— Скажи ему, пусть катится, — посоветовал Карлсен.

— Ладно. А почему?

— Потому что доктор Фаллада считает, что те трое пришельцев, видимо, не умерли.

— Что? Не умерли? Ты что несешь! Мы же их видели.

— А я с ним, между прочим, согласен.

Буковский внезапно притих.

— И где же они, если не умерли?

— Не знаю. Тебе лучше спросить у него. — Карлсен поманил Фалладу, стоящего в дверях.

Фаллада наклонился вперед, чтобы его лицо попало в поле зрения объекта.

— Привет, Буковский. Карлсен прав. Кстати, ничего, что мы изъясняемся вот так, в открытую? Ты уверен, что нас не подслушивают?

— Конечно, — ответил Буковский. — У меня для вас важное сообщение. Нас всех хочет видеть на Даунинг-стрит премьер-министр, и как можно скорее. Включая доктора Фалладу. Опять какой-то новый поворот. Выезжайте немедленно.

— И я тоже? — спросил Хезлтайн.

— Ты в особенности. Увидимся прямо там.

По Уайтхоллу тянулась бесконечная вереница идущих с работы служащих. Карлсену подумалось: а ведь любой из этих людей может оказаться пришельцем, — и сердце его сжало глухое отчаяние.

Проехав мимо них, на углу Даунинг-стрит остановился «роллс-ройс». В одном из пассажиров Карлсен узнал Филипа Ролинсона, министра внутренних дел.

— А, Хезлтайн, рад вас видеть! — поздоровался Ролинсон. — Вы еще не знакомы с Алексом МакКэем, министром космического ведомства?

Чуть подняв брови, МакКэй посмотрел на Карлсена.

— Узнаю, узнаю. Тот самый парень, что заварил эту кашу, а? — В ответ на растерянную улыбку Карлсена он хлопнул его по плечу. — Не переживайте, разберемся.

— Хорошо, что пришли, господа,— сказал премьер-министр Джемисон, когда приглашенные оказались в его кабинете.— Прошу садиться. А это, если не ошибаюсь, доктор Фаллада собственной персоной, человек, именуемый Шерлоком Холмсом патологии?

Фаллада кивнул безо всякой улыбки, но было видно, что комплимент пришелся ему по вкусу.

Джемисон сел во главе стола. Вошедшая секретарша положила перед каждым по листу бумаги. Когда Карлсен внимательно рассмотрел лист, он понял, что это карта, только надписи сделаны на непонятном языке.

Дверь открылась, и вошел Буковский с каким-то толстяком в очках.

— А вот наконец и Буковский. И, если не ошибаюсь, профессор Шлирмахер? Очень любезно с вашей стороны, профессор...

Буковский сел, начал протирать очки, и тут его взгляд упал на карту.

— А, у вас уже есть?

— Я попросил прислать с лунной базы. Дайте-ка копию господину Шлирмахеру. Благодарю. Ну вот, господа, думаю, все в сборе. Можно начинать.— Премьер повернулся к Карлсену: — Ну что, давайте с вас, капитан. Вы догадываетесь, что это?

— Карта Греции? — наугад спросил Карлсен.

Джемисон повернулся к Шлирмахеру:

— Э-э... Так, господин профессор?

— Точно так,— кивнул тот с удивленно-растерянным видом.

— Вы знаете, откуда она у нас? — снова обратился премьер к Карлсену. Тот покачал головой. Джемисон цепко оглядел лица собравшихся и произнес: — Она получена из поста управления «Странника». — Премьер улыбнулся, довольный произведенным эффектом.— Контур, понятно, чуть размыты. Оригинал должен быть гораздо четче. Тем не менее это факт, доктор Буковский подтвердит.

Буковский, не поднимая глаз, кивнул. Шлирмахер вынул из кармана лупу, сосредоточенно разглядывал карту.

— Вы, безусловно, понимаете, что это значит? — спросил Джемисон.

— Они очень хорошо знают Землю,— заключил Ролинсон.

— Точно, господа. Существа наверняка бывали уже на Земле. Единственный вариант, который у меня запрашивается: они изучали Землю через сверхмощные телескопы. А вам как кажется?

— Этого не может быть! — воскликнул Шлирмахер.

— Почему же, профессор?

— Видите... Это Греция, да, но не современная Греция.

— А вы думали, будет что-то другое? — ехидно ухмыльнулся Буковский.

— Вы меня не поняли. Видите, здесь все очень странно. Вот взгляните.— Он наклонился к Буковскому.— Вы думаете, что это?

— Видимо, остров.

— Остров и есть. Но форма не та! Это остров Тера, мы его

теперь зовем Санторини. На современной карте он имеет форму полумесяца, потому что где-то в тысяча пятисотом году до новой эры его отделило извержение вулкана. Следовательно, карта была составлена до катаклизма.

— Вы хотите сказать,— переспросил премьер-министр,— что эта карта была составлена раньше тысяча пятисотого года до новой эры?

— Разумеется, я о том и веду речь! — От волнения Шлирмахер забыл о чинопочитании.— Но, знаете, есть множество деталей, которых я лично не понимаю. Вот Кносус, на Крите. Вот Афины. Никто из людей в ту пору не мог создать такую карту.

— Именно! — воскликнул Джемисон.— Из людей никто, а вот эти существа могли и сделали. Правда, доктор Фаллада считает, что они опасны.

— И я согласен с Фалладой,— перебил его Буковский.

— Они на самом деле опасны,— резко вклинился Фаллада.— Они вампиры.

— Господа! — воскликнул премьер.— Я должен сообщить, что это лишь одна из нескольких карт, найденных на «Страннике». Мне бы хотелось, чтобы изучение материала взял на себя профессор Шлирмахер.

— Глубоко польщен,— сипло проговорил Шлирмахер.

Фаллада, Карлсен и Буковский заговорили все разом. Пересилил в конце концов Буковский:

— ...мне так трудно понять! Даже если шанс насчет их опасности миллион к одному, разве можно так рисковать? Это все равно, что доставить на Землю неизвестный губительный вирус!

— Я, пожалуй, с этим соглашусь,— кивнул Ролинсон.

Джемисон примирительно улыбнулся.

— И мы все тоже, дорогой мой. Потому я вас здесь и собрал.

— Может, послушаем, что скажет доктор Фаллада? — предложил Буковский.

— Безусловно! — Премьер-министр повернулся к Фалладе: — Пожалуйста, доктор.

— Ну, если в целом,— начал Фаллада,— я однозначно установил, что эти существа — вампиры. Мне удалось разработать методику тестирования, удостоверяющую гибель от вампиров. Совершенно простым способом я разработал метод вживления в тело недавно умершего человека искусственного жизненного поля. Так вот тело, опустошенное вампирами, жизненного поля не держит. Оно как изрезанная крышка: ты в нее воздух, а она его сразу наружу. Понимаете...

— Можно мне пару слов? — перебил его Карлсен.— Я сегодня днем был у доктора Фаллады в лаборатории и видел тело девушки, которую нашли на переезде в Путни. Насчет того, что она убита вампирами, не было вообще никакого сомнения.

— Откуда у вас такая уверенность? — покачал головой Джемисон.

— После теста доктора Фаллады. Ее тело не держало жизненного поля.

— Я ничего не знаю об этой девушке. Как она погибла?

— Ее удавили, а потом тело сбросили с моста на рельсы,— пояснил Хезлтайн.

Джемисон повернулся к Фалладе:

— А не могло это насилие аналогично сказаться и на жизненном поле?

— Да, но незначительно. В несравненно меньшей степени.

— А когда это произошло?

— Вчера, ранним утром.

— Я... не могу взять в толк. Ведь к тому времени все трое пришельцев были уже мертвы?

— Мне не верится, что они были мертвы,— высказал сомнение Фаллада.— Думаю, они по-прежнему где-нибудь рыщут.

— Но как...

— Мне кажется, они способны завладеть человеческими телами. Та из них, что в женском обличье, на самом деле не погибла в Гайд-парке. Она заманила в парк мужчину, завладела его телом и придала всему такой вид, будто там орудовал сексуальный маньяк. Думаю, и двое других гуляют где-то поблизости. Они просто побросали свои оболочки в ИКИ и обзавелись новыми телами.

Джемисон заметил:

— Аргументы ваши звучат необоснованно. Где же факты?

— Дело здесь не в фактах,— устало вздохнул Фаллада,— а в простой логике. Существа эти, казалось бы, мертвы. Тем не менее отыскиваются тела, из которых словно кто-то выкачал жизненную энергию. Из чего напрашивается вывод, что существа отнюдь не мертвы...

— Сколько погибших? — спросил Джемисон.

— Пока двое. Девушка на рельсах и мужчина, ее убивший.

— Мужчина, ее убивший?

— Ее задушил некий Клэппертон,— пояснил Хезлтайн,— автотонщик. Доктор Фаллада полагает, что как раз в него и вселился один из пришельцев.

— Понятно. И его, конечно же, тоже нет в живых?

— Тоже.

— И тело... оно в таком же состоянии?

— Пока неизвестно. Его направили в мою лабораторию для тестирования.

— И когда будет известен результат?

— Отправили два часа назад,— прикинул Хезлтайн.

— Я никого не хочу обидеть, доктор,— невозмутимо произнес МакКэй,— но не даете ли вы излишнюю волю воображению?

— Ни в коей мере,— резко отозвался Фаллада.

Джемисон повернулся к Буковскому:

— А что думаете вы?

— Честно говоря, затрудняюсь ответить. Не хочу делать выводов, не ознакомившись со всеми фактами.

— А вы, сэр Перси?

Хезлтайн нахмурился.

— Я испытываю к доктору Фалладе величайшее уважение и уверен, что зря он говорить не станет.

— Разумеется,— согласился Джемисон,— сомнений нет. Мы

все знаем доктора как одного из крупнейших наших ученых. Но даже ученые не застрахованы от ошибок. Так что позвольте мне быть откровенным и изложить точку зрения, которой я намерен придерживаться. Все факты свидетельствуют, что мы имеем дело с существами с другой планеты или звездной системы, которые интересуются жизнью на Земле. Может быть, они — ученые, занятые изучением развивающихся цивилизаций. Ясно, что как род они значительно древнее человека и, разумеется, обладают большим запасом знаний о Вселенной. — Премьер-министр сделал паузу, поочередно оглядев всех из-под кустистых бровей. — Мне лично, например, трудно представить, как высокоразвитые особы могут охотиться на своих сородичей. Вы полагаете, что эти существа собираются уничтожить людей. А может, они, наоборот, желают нам помочь? Как историка, меня всегда изумляла та внезапность, с какой происходят великие перемены. Судьба человечества много раз преображалась. Не может ли оказаться так, что в этом и есть ответ? Что эти существа — тайные наставники человечества?

— Возможно все что угодно, — прокашлялся Фаллада. — Но я предпочитаю иметь дело исключительно с фактами. И пока налицо единственный факт: существа эти опасны.

— Что ж, хорошо, — кивнул Джемисон. — В целом время на нашей стороне. Нас никто не гонит. Поэтому я предлагаю оставить «реликт» там, где он есть, и подождать. В конце концов ничего ему не сделается.

— Разве что несколько новых пробоев от метеоритов, — ухмыльнулся МакКэй.

— Это риск, на который придется пойти. Мое предложение: после нашей встречи я делаю заявление, что ИКИ решил отозвать «Вегу» и «Юпитер» и заняться изучением документов, обнаруженных капитаном Вулфсоном, что займет как минимум пару месяцев. — Джемисон поднял глаза на Фалладу. — Если вы правы и эти существа действительно обнаружатся и окажутся опасны, к тому времени все будет уже ясно. Вы согласны?

Фаллада, явно удивленный таким исходом, пробормотал:

— Да. Да, разумеется...

— Как остальные?

МакКэй изложил свой довод:

— Я — нет. Считаю, гонять повторную экспедицию — трата времени и средств. Мне кажется, борт надо обследовать именно сейчас.

— И я разделяю вашу точку зрения, — дипломатично сказал Джемисон. — Но, как видно, мы с вами в меньшинстве, все остальные призывают к осторожности. Поэтому остается лишь уступить воле большинства. Доктор Буковский, задержитесь, пожалуйста. Мне может понадобиться ваша помощь. И с вами, сэр Перси, я хотел бы переговорить насчет мер по отслеживанию этих созданий... Если позволите, господа...

Выйдя на улицу, Фаллада медленно произнес:

— Никогда мне, видно, не понять политиканов. Они действительно такие безмозглые фигляры или только прикидываются?

Карлсен сочувственно хмыкнул:

- Решения мы все же добились верного.
- Он хочет отбуксировать «реликт» к Земле. Это же гибель.
- Но он дает нам время.

Фаллада неожиданно улыбнулся. Улыбка преображала его лицо: тяжелая серьезность исчезала, и проглядывал эдакий лукавый насмешник. Он положил руку Карлсену на плечо:

- Я услышал слово «мы». Что это: Карлсен уверовал?

Карлсен в ответ пожал плечами.

— У меня такое чувство, что нам придется вместе вариться, чтобы там ни произошло.

Карлсен проснулся, чувствуя утомление и странную вялость. Через несколько минут в спальню заглянула Джелка и бросила на кровать газету.

— Премьер-министра клюют со всех сторон. А это пришло экспресс-почтой. Отправителем значится Психосексуальный институт.

— Книга Фаллады о вампирах. Он обещал прислать ксерокопию. Кофе будет?

— Сейчас принесу.

Вернувшись через несколько минут с кофе и поджаренным тостом, Джелка застала мужа за чтением рукописи Фаллады. На прикроватный столик она положила книгу.

— Вчера заметила в библиотеке. Думала: тебе покажется интересным.

Карлсен поглядел на обложку.

— «Вампиризм духа». Странно.

— Что?

— Забавное совпадение. Автор — Эрнст фон Гейерстам. А Фаллада упоминает о некоем графе фон Гейерстаме... О себе он заявлял как о психологе, но всерьез его никто не воспринимал. По его теории все люди в той или иной степени вампиры энергии...

— Ты бы взял да и написал автору. — Джелка посмотрела на титульный лист. — М-м-м, как бы не поздно, он, наверное, уже умер. Книга вышла в две тысячи тридцать втором, почти полвека назад.

Зазвонил телеэкран. Сняв трубку, Джелка позвала мужа:

— Это Фаллада.

— Ага, прекрасно.

На экране появилось лицо Фаллады.

— Доброе утро. Рукопись мою получили?

— Да, спасибо. Как раз сейчас читаю. Что нового?

— Ничего. — Фаллада пожал плечами. — Только что говорил с Хезлтайном. Все спокойно. Сегодня в парламенте будет ставиться вопрос, почему «Веге» и «Юпитеру» приказано вернуться. Звоню, чтобы предупредить. Если начнут вдруг накатывать, помогаться, говорите, что ничего не знаете.

— Ладно. Скажите-ка, доктор, вы читали книгу «Вампиризм духа»?

— Графа фон Гейерстама? Читал, только давно. Гейерстам, конечно, уже умер. Но у него есть немало сторонников и учеников. Может, могло бы помочь шведское посольство?

Карлсен щелкнул пальцами.

— А ведь точно! У меня на фуршете в Гилдхолле был шведский атташе по культуре Фред Армфельдт. Попытаюсь на него выйти.

— Хорошо,— согласился Фаллада.— Позвоните, если что-нибудь получится.

Прежде чем звонить в шведское посольство, Карлсен принял душ и побрился. Затем подошел к телеэкрану.

— Вы не могли бы пригласить Фреда Армфельдта? — попросил он, представившись. Буквально через секунду на экране возник безукоризненно выбритый, розовощекий молодой человек.

— Это вы, капитан! Какая приятная неожиданность. Что я могу для вас сделать?

Карлсен вкратце изложил свою просьбу. Армфельдт покачал головой.

— Впервые слышу об этом Гейерстае. Вы говорите, он врач?

— Психиатр. Он написал книгу «Вампиризм духа».

— А, в таком случае его надо поискать в директории шведских писателей.— Армфельдт на секунду вышел из поля зрения и появился вновь с увесистым фолиантом. Он начал сосредоточенно перелистывать его, бормоча при этом: — Фрединг, Гарборг... А, Гейерстам, Густав. Он?

— Нет. Эрнст фон.

— Ага, вот он. Эрнст фон Гейерстам, психолог и философ. Родился в Норркёпинге, июнь тысяча девятьсот восемьдесят седьмого. Закончил Лундский и Венский университеты... Вам что о нем надо узнать?

— Когда он умер?

Армфельдт покачал головой, затем посмотрел на обложку справочника.

— Насколько я могу судить... он все еще жив. Ему должно быть... девяносто три.

— Там адрес указан?

— Указан. Хеймскрингла, Стораван, Норрланд. Это область гор и озер...

Карлсен торопливо записал адрес.

— А телеэкран есть?

— Нет. Но, если хотите, я попробую навести справки.

— Ничего, не стоит. Вы мне очень помогли.

Они обменялись дежурными любезностями, согласились, что неплохо бы встретиться и посидеть, и распрощались. Карлсен не мешкая набрал номер Фаллады.

— Гейерстам все еще жив.

— Невероятно! Где он живет?

— Место называется Стораван, в Норрланде. Может, послать ему телеграмму? Он, наверное, обо мне слышал...

— Нет,— медленно покачал головой Фаллада.— Думаю, мне надо попытаться выйти на него. По идее, это надо было сделать давно. В конце концов он первый человек, открывший феномен умственного вампиризма. Вы мне можете дать полный адрес?

Остаток утра Карлсен провел за чтением. Он хотел приступить к рукописи Фаллады, но «Вампиризм духа» так захватил, что он прочел уже полкниги. То и дело звонил телеэкран, в основном репортеры, интересующиеся отзывом кораблей. Переговорив с тремя, Карлсен попросил Джелку говорить, что его нет дома.

В два часа, когда он плескался с дочками в бассейне, во дворик вошла Джелка.

— Опять Фаллада.

— У вас что-нибудь запланировано сегодня на вечер? — живо спросил Фаллада.

— Ничего. Книгу вашу хочу дочитать.

— Вы можете поехать со мной в Швецию?

— Почему бы и нет, — растерянно улыбнулся Карлсен. — А за чем?

— Гейерстам предлагает встретиться. К половине седьмого мы уже будем в Карлсборге, если успеем на рейс из Лондона в два сорок две.

— Карлсборг — это где?

— Небольшой городок на севере Ботнического залива. Гейерстам вышлет за нами аэротакси.

— Что мне взять с собой?

— Просто дорожную сумку. И книгу Гейерстама. Я бы хотел пробежать ее по дороге.

Аэрокеб Карлсена припозднился; с Фалладой они обменялись всего парой слов буквально на бегу, пока наконец не завалились в кресла российского авиарейса на Москву через Стокгольм и Петербург.

Воздушные перелеты неизменно вызывали у Карлсена светлый, детский восторг. Глядя, как зеленые поля Южной Англии постепенно уступают место серебристо-серому зеркалу моря, он ощущал растущее волнение.

— Вы бывали в Северной Швеции? — спросил Фаллада.

— Нет. Только в Стокгольме. А вы?

— Я — да. Свою докторскую о самоубийствах я писал в Швеции и несколько месяцев прожил на севере. Народ там угрюмый, нелюдимый. А пейзажи великолепные.

— Так вы успели переговорить с Гейерстамом? — спросил Карлсен.

— А как же. Прекрасный пожилой джентльмен. Когда я рассказал о своих экспериментах, он очень оживился.

— Вы ему подробно рассказали о... пришельцах?

— Вообще-то нет. Только о том, что ломаю голову над одним невероятно странным и сложным делом. И он сразу же пригласил меня. Он, очевидно, не очень стеснен в средствах и сказал, что оплатит проезд. Я, понятно, объяснил, что лечу за счет института. Кстати, и вы тоже. Официально вы летите как мой ассистент.

— Постараюсь не вызвать нареканий, — усмехнулся Карлсен.

Аэропорт в Карлсборге показался до нелепости маленьким,

чуть крупнее самого здания диспетчерской и прилепившегося к нему укромного взлетного поля, окруженного бревенчатыми домами. Выйдя из самолета, Карлсен с удивлением ощутил резкий перепад температуры. Встретивший их таксист был не скандинавского типа — волосы черные, лицо округлое, чем-то похож на эскимоса. Он понес их сумки в стоящий на поле у аэропорта шестиместный аэрокraft. Через несколько минут они уже летели на небольшой высоте над заснеженными полями, затем снова над морем. Пилот, оказывается, немного говорил по-норвежски, будучи лапландцем из северной провинции. На вопрос Карлсена, какая величина у Сторавана, он, помедлив, ответил с некоторым удивлением:

- Десять километров.
- О, город не такой уж маленький.
- Это не город, это озеро.

Сказал и окончательно умолк. Пейзаж сменился на лесистые горы, затем показалось озеро, петляющее меж гор.

- Var är Heimskringla?¹ — спросил Карлсен.
- Där², — указал пилот.

Посредине озера очертился остров, в лесной чаще которого можно было разглядеть фронто́н серого дома с зубчатыми башенками, похожего на замок.

Аэрокraft с легким толчком сел на гравий перед домом. Когда смолк двигатель, они увидели, как из дверей парадной во двор вышел человек и направился к аэрокraftу. Следом за ним шли три девушки.

— Ба, что за прелестная служба по размещению! — шутливо воскликнул Фаллада.

Идущий к аэрокraftу человек был высок и худощав.

— Ну, это явно не граф, — сказал Фаллада. — Слишком молод. Когда ступили на гравий, мужчина протянул приехавшим руку:

— Очень рад вас видеть. Эрнст фон Гейерстам. Столь любезно с вашей стороны явиться в такую даль, чтобы проведать старика.

Карлсен и Фаллада переглянулись.

— Позвольте представить вам троих моих учениц, — повернулся вполоборота Гейерстам. — Сельма Бенгтссон, Аннелиз Фрайтаг, Луиз Курель.

Мисс Бенгтссон, высокая блондинка, задержала свою ладонь в руке Карлсена чуть дольше обычного. Привыкший к проблеску немого восторга в глазах незнакомых людей, Карлсен знал, что она скажет дальше.

— Я видела вас по телевизору. Вы не капитан...

— «Гермеса»? Да.

— А здесь вы, как ассистент доктора Фаллады, — подметил Гейерстам.

Фаллада вежливо уточнил:

— Это для отчета по командировке.

Подошедший слуга в ливрее взял их сумки и понес в дом.

¹ — Var är Heimskringla? (норв.) — Где находится Хеймскрингла?

² — Där (норв.) — Там.

— Вы живете в красивом месте,— заметил Карлсен.

— Красивом, только слишком холодном для старика с холодеющей кровью. Извольте.— Граф повел гостей вниз, к озеру.

Карлсен шепнул блондинке:

— Граф выглядит гораздо моложе, чем я ожидал.

— А как же,— игриво ответила она,— мы не даем ему стареть.

Уловив мелькнувшее в глазах гостя замешательство, девушки дружно рассмеялись.

Погуляв немного по окрестностям, они поднялись по истертой каменной лестнице и вошли в холл.

— Ну что, показать вам сначала ваши комнаты? Или лучше по бокалу?

— По бокалу,— решительно сказал Фаллада.

— Хорошо. Тогда идем в библиотеку.

Аннелиз вкатила тележку с бутылками и разлила по бокалам шведский шнапс.

— За вас, господа.— Гейерстам поднял бокал.— Для меня большая честь принимать таких именитых гостей.

Девушки тоже выпили.

— Простите мое любопытство,— обратился к графу Карлсен.— Что изучают ваши привлекательные ученицы?

— Почему бы не спросить у них самих? — улыбнулся граф.

Луиз Курель, стройная черноглазка, ответила:

— Мы учимся исцелять больных.

— Уверен: из вас получатся великолепные медсестры.

Девушка покачала головой.

— Нет, медсестрами мы быть не собираемся.

— Врачами?

— Уже теплее.

— Может, продемонстрируете? — попросил Гейерстам.

Девушки посмотрели на Карлсена и согласно кивнули.

— Понимаете,— продолжал граф,— это, вероятно, самый быстрый способ ответить на ваш вопрос и заодно ввести в курс дела. Ну-ка, привстаньте, пожалуйста.

Карлсен встал на коврик. Сельма Бенгтссон расстегнула «молнию» на его куртке.

— Закройте на секунду глаза,— объяснял Гейерстам,— и следите за своим самочувствием, особенно за чувством усталости. Сейчас она своими ладонями подпитает вас энергией.

Карлсен стоял, чуть покачиваясь, чувствуя, как кончики женских пальцев касаются кожи. Так они простояли около пяти минут.

— Как ощущение?

— Удивительно приятно...

— Хорошо. Думаю, достаточно.— Гейерстам снова наполнил стаканы.— Это можно назвать благотворным вампиризмом. Понимаете, когда вы устаете, это не обязательно выходит энергия. Может статься, у вас колоссальный резерв жизненности, но нет стимула вызвать ее на поверхность. Когда девушки дают свою энергию, ваш потенциал раскрепощается и самочувствие резко улучшается.

— И такую энергию может давать любой? — задумчиво произнес Фаллада.

— Да. Наука несложная, кстати, женщинам дается легче, чем мужчинам. Но в принципе справится любой.

— А что, если пациент впадет от таких перекачек энергии в зависимость, как от наркотика? — спросил Карлсен.

Граф покачал головой.

— Такое бывает лишь в редких случаях, когда у пациента криминальный темперамент.

— Криминальный?

— Ну да. В основном это из-за некоторой... испорченности. Вы понимаете, о чем я? Чем больше помощи получают эти люди, тем больше им хочется. Вот, например, я вспоминаю о Ярлсберге, насильнике из Упсалы. Он как-то поведал мне, что, насилья и убивая девочку, брал нечто, что она была ему должна. По прошествии какого-то времени подобный человек начинает обретать вкус от этого смешения недовольства и насилия.

— Вы полагаете, что вампир — криминальный тип?

— Именно так. Это крайняя форма изнасилования. А вы уверены, что создания со «Странника» — вампиры?

Оба гостя ошарашенно уставились на хозяина.

— Что за черт! Откуда вы знаете? — выдохнул Фаллада.

— Нехитрое умозаключение. Знаменитый капитан Карлсен в роли ассистента ученого едва ли простое совпадение. Мы все следили за его похождениями. А теперь вы говорите, что хотели бы узнать мое мнение о вампирах. Было бы странно, если б между этими обстоятельствами не было никакой логической связи.

Фаллада облегченно рассмеялся.

— Уф, и екнуло ж у меня сердце!

— Но ведь эти создания мертвы, не так ли? — спросил Гейерстам.

— Нет, мы думаем иначе.

Без излишних подробностей Карлсен описал свой визит в здание ИКИ, гибель Сета Эдамса и неожиданный побег девицы. Гейерстам вначале слушал спокойно, но постепенно волнение его возрастало, и он начал мерить шагами библиотеку, покачивая головой.

— Надо же! Именно это я и предполагал.

— Вы прежде сталкивались с таким проявлением вампиризма? — спросил Фаллада у Гейерстама.

— Чтобы так явно, никогда. Тем не менее очевидно, что подобное должно так или иначе существовать, я говорил об этом в своей книге. Легенды о вампирах не пустая сказка. Но, прошу вас, продолжайте. Что случилось с той девицей?

— Она выскользнула из здания, несмотря на охрану и системы электронной защиты. Через час выяснилось, что двое других пришельцев мертвы.

— А она?

— Ее нашли мертвой спустя десять часов, изнасилованную и удушенную.

— Мертвой? — изумленно воскликнул Гейерстам.

— Да.

— Не может быть!

— Почему?

— Потому что... как бы это выразиться... вампиры могут постоять за себя; хотя звучит, наверное, абсурдно... Но, как криминалист, я в своей практике сталкивался с этим не раз и не два. Люди, которых убивают, определенного типа, словно меченые. Вампиры же к этому типу не принадлежат.

— В таком случае, как же объяснить ее гибель?

— Вы точно уверены, что видели именно ее тело?

— Абсолютно.

— Есть два возможных объяснения. Первое — это была своего рода случайность.

— А второе?

— Вот здесь я несколько теряюсь. Греки и арамейцы утверждали, что вампиры способны покидать свое тело добровольно, создавая видимость смерти.

— Вы считаете, такое возможно?

— Я... Мне кажется, вампир способен краткое время продержаться вне живого тела.

— Почему только краткое?

— В двух словах — потому что сохранить сущность вне живого тела требует колоссальных энергозатрат и сосредоточенности. У оккультистов бытует метод, известный как «астральная проекция».

Фаллада подался вперед.

— Как вы считаете, вампир способен завладеть чужим телом?

Гейерстам нахмурился, изучая узор на ковре.

— Такое возможно. Всем известно, что в некоторых людей порой вселяется злой дух; я, по сути, имел дело с тремя такими случаями. И подобное, конечно, является логическим завершением вампиризма, то есть именно стремление вселиться, завладеть и изводить.

Карлсен повернулся к Фалладе:

— Уж не объяснение ли это того, что случилось с Клэппертоном? Если один из этих вселился в него, не прикончив физически, парень мог осознавать, что делается, даже если не в силах был сопротивляться. Им бы пришлось в конце концов его уничтожить: он слишком много о них знал.

— Кто этот человек? — осведомился граф.

Фаллада в общих чертах рассказал о найденной на рельсах девушке, об исчезновении и самоубийстве Клэппертона. Гейерстам слушал внимательно, не перебивая.

— Мне кажется, капитан прав, — заключил он. — Этот человек был одержим одним из тех созданий. И самоубийство совершил, вероятно, чтобы раз и навсегда избавиться от него.

— Или его просто довели, — подытожил Фаллада.

— Что ж, — вздохнул Гейерстам, — сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. Я могу рассказать вам все, что знаю о вампирах. Только не уверен, будет ли от этого в данном случае какой-то прок.

— Чем больше мы о таких вещах будем знать, тем лучше, — сказал Фаллада. — Жаль, время против нас. Как бы остальные нелюди со «Странника» не подтянулись на Землю.

Гейерстам покачал головой.

— Такое невозможно.

— Почему же?

— Потому что черта вампиров — не являться без приглашения.

— Не исключено, — вспомнил Карлсен, — что их могут пригласить. Премьер-министр Англии горит желанием доставить «Странник» на Землю. Считает, что он может оказаться исторической ценностью.

— Вы должны его остановить.

— Он дал нам несколько месяцев, чтобы выследить тех троих. Вы не подскажете, где можно начать поиск?

Гейерстам вздохнул.

— Мы подумаем сообща. Должен же быть какой-то способ...

Когда на следующее утро гости с графом вышли в парк, они услышали заливистый смех. Девушки купались в озере. Аннелиз держалась на спине, взбивая ногами фонтаны брызг. Увидев гостей, Сельма Бенгтссон помахала рукой и крикнула Карлсену:

— Вам жена звонила!

— Что-нибудь передавала? — спросил он.

— Нет.

— Может, вы ей перезвоните? — предложил Гейерстам. — Если нет ничего срочного, можно задержаться еще на денек.

— Вы очень любезны.

Мысль, что можно расслабиться еще на день, казалась привлекательной.

Вернувшись в дом, Гейерстам сказал:

— Пожалуйста, звоните, телеэкран у меня в кабинете наверху.

Кабинет оказался небольшой уютной комнатой, пахнувшей теплой кожей и сигарами. Запах кожи исходил от старомодного диванчика, стоящего возле зажженного камина. Садясь за стол, Карлсен спросил:

— Вы не возражаете, если я представлю вас своей жене? Она первая наткнулась на вашу книгу, и ей, конечно, было бы приятно сказать вам пару слов.

— Буду рад.

Дозвониться удалось с первого раза. На экране появилась мордашка Джанетт.

— Папуля! Ты на Луне?

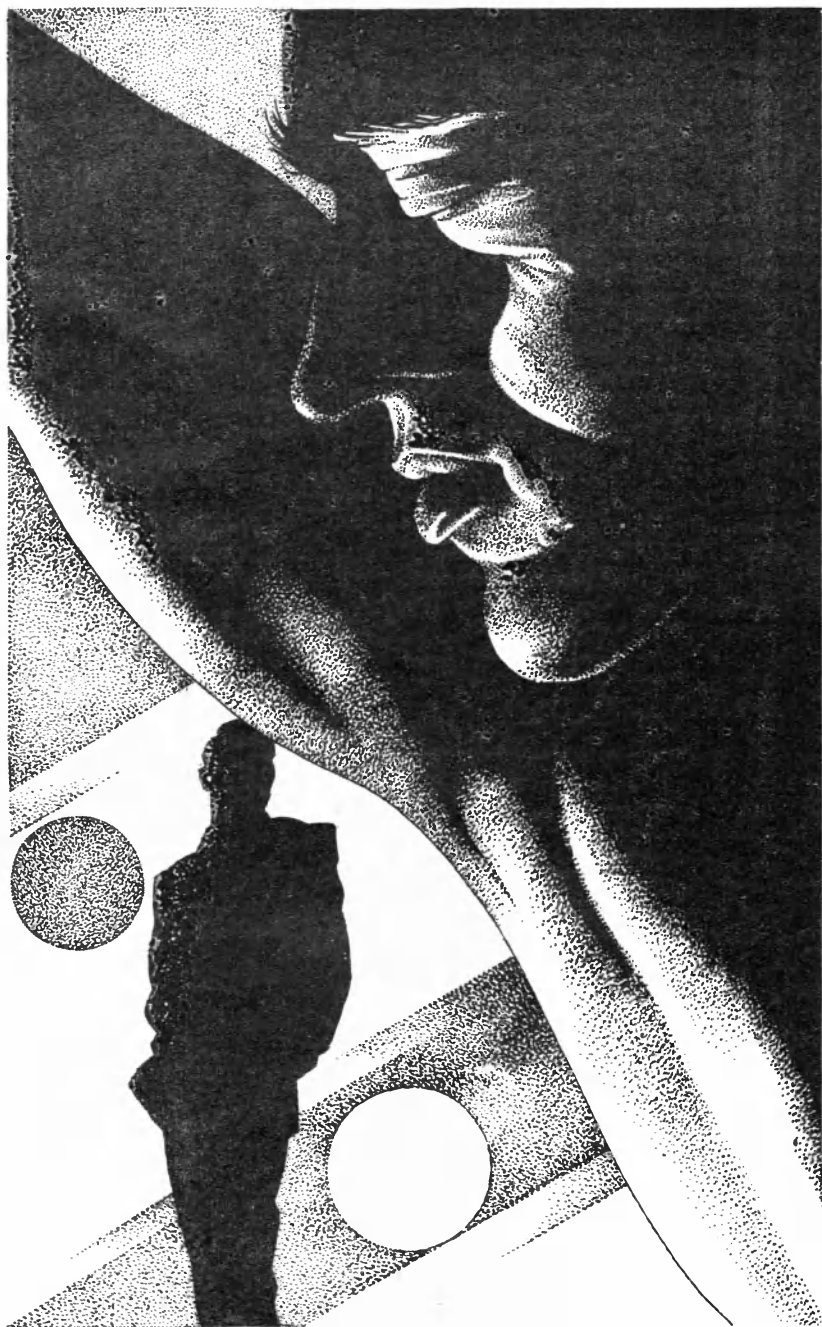
— Нет, маленькая. Всего лишь за морем. Мамуля далеко?

— Да, да, иду, — послышался голос Джелки. — Привет. — Она подхватила Джанетт и усадила себе на колени. — Как у тебя, нормально?

— У меня все отлично, как видишь.

— Ты сегодня приедешь домой? — спросила дочка.

— Не знаю, маленькая. Может, останусь еще на денек. Я живу в замке, хозяин которого вот этот господин. — Он жестом подо-

звал Гейерстама. Карлсен представил его, и Джелка с Гейерста-
мом обменялись любезностями.

Вмешалась дочка:

— Папуля, а кто такой пример-министр?

— Кто?

— Ах да, — спохватилась Джелка. — Тебе пытались дозвонить-
ся от премьер-министра. А я, как назло, куда-то сунула твой
номер.

— Чего им там надо?

— Не знаю.

— А номер откопали?

— Тоже нет. Сюзан весь твой блокнот на самолетики пустила.

— Тогда как вы сюда дозвонились?

— Я нашла Фреда Армфельдта из шведского посольства. Из
секретариата премьер-министра позвонят еще раз. Я тогда и дам
твой номер.

— Не надо!

Джелка удивилась резкости, прозвучавшей в голосе мужа.

— Почему? — переспросила она.

— Потому что я не хочу, чтобы меня отвлекали.

— А если вдруг что-то важное?

— Все равно. Если кто-нибудь позвонит, скажи, что потеряла
мой номер.

— Ты собираешься домой?

— Буду завтра, во второй половине.

Когда он повесил трубку, Гейерстам спросил:

— У вас какие-то нелады с премьер-министром?

Карлсен покачал головой.

— Нет. Просто...

— Что?

— Да какая разница?

— Мне бы хотелось знать.

— Не знаю. Думаю, мне просто здесь нравится...

В дверь постучали.

— Я не мешаю? — слышался голос Фаллады.

— Нет, входите.

— Ты оставил в конторе свои координаты? — с ходу спросил
его Карлсен.

— Разумеется, — удивленно ответил Фаллада. — Хотя, если
честно, не совсем уверен. В общем-то я собирался... А что?

— Да так, ничего.

Гейерстам улыбнулся Фалладе.

— Так вы забыли? Вот и капитан Карлсен оставил координаты там, где их можно легко потерять. Так что никто не знает, где вы сейчас находитесь. Что бы вы на это сказали как психолог?

Фаллада задумчиво кивнул.

— Да-а... В ваших словах есть смысл. Хотя, если Карлсен действительно куда-то задевал записку, это просто случайность.

— Я бы тоже так подумал, если бы только что не слышал, как он велел жене передать в секретариат премьер-министра, что она не знает о местонахождении мужа.

— Это все легко объяснить, — перебил его Фаллада. — Мы оба

были на встрече с премьер-министром два дня назад. Он не верит, что вампиры опасны, поэтому никто из нас ему не доверяет.

Гейерстам стоял возле окна, глядя куда-то вдаль.

— Вы когда-нибудь бывали под гипнозом? — неожиданно спросил он у Карлсена.

— Вб! — Фаллада щелкнул пальцами. — Вот что стоит попробовать!

Карлсен покачал головой.

— Я могу получить ваше согласие? — продолжал Гейерстам.

— Думаю... хуже не будет.

— Не стоит волноваться. Вы все время будете в сознании.

— Это совершенно безопасно, — подтвердил Фаллада. — Я сам был под гипнозом десяток с лишним раз.

— Хорошо, — кивнул Карлсен. — Когда?

— Почему бы не сейчас? — Гейерстам потянул шнур, задерживая шторы, и включил лампу на столе.

— Мне уйти? — предупредительно спросил Фаллада.

— Не надо, если только капитан Карлсен сам того не пожелает. — Он достал из шкафа металлическую стойку, на загнутой верхушке имелся крючок. К нему Гейерстам приладил шнурок с хромированным шариком на конце. Шарик тихонько вращался в свете настольной лампы. Граф повернул лампу так, чтобы лицо Карлсена было в тени.

— Назначение шарика — утомить ваше зрение. Глядите на него, пока не устанут глаза, затем закройте их. Надо, чтобы вы, сидя на стуле, полностью расслабились. Загипнотизировать я вас смогу лишь с вашей же помощью.

Он начал раскачивать маятник. Карлсен, удобно расположившись в кожаном кресле, расслабился. За шариком смутно маячило лицо сидящего на диванчике Фаллады, отсветы огня в камине отражались на стеклах очков.

— Правильно, — доносился размеренный голос Гейерстама, — слушайте внимательно, что я говорю. Теперь вы не думаете ни о чем. Ваши глаза устали. Веки отяжелели. Вам бы хотелось их закрыть. Тело ощущается тяжелым и расслабленным. Вы чувствуете, что буквально утопаете в кресле. Дыхание глубокое и ровное... Вы способны говорить со мной? Отвечайте.

С усилием одолевая тяжелую дремоту, Карлсен ответил:

— Да.

— Вы знаете, где находитесь?

— В Швеции.

— Вы один человек или вас двое?

— Один.

— Вы знаете, где сейчас женщина-вампир, которую разыскивают?

— Да.

— Где же?

— Не знаю названия.

— Вы можете описать это место?

Некоторое время Карлсен молчал. Он мысленно шел рядом с женщиной вдоль раскисшей от слякоти дороги. Моросил дождь.

В отдалении виднелись высотные городские здания.

— Где она сейчас? — повторил Гейерстам.

— Идет по пустырю.

— Что она делает?

— Ищет мужчину.

— Какого мужчину?

— Любого. Ей нужен кто-нибудь молодой и здоровый — из тех, что работают на заводе.

— Она намеревается убить его?

— Нет.

— Почему нет?

— Боится, что ее поймают.

— Как ее можно поймать? — вклинился голос Фаллады.

— Тело может выдать.

— Так что у нее на уме? — снова послышался голос Гейерстама.

— Найти здорового мужчину и соблазнить его, взять из него энергию.

Фаллада, переместившийся теперь на край стола, щелкнул пальцами.

— Конечно! Разумеется, к этому они и стремятся. Обзавестись сетью энергетических доноров. Это так? — спросил он у Карлсена.

— Да.

— Чье тело она использует сейчас? — осведомился Гейерстам.

Карлсен в нерешительности смолк. Проникнуть в мысли пришелицы было почти невозможно.

— Кажется, ее звать Хелен. Она медсестра.

— В больнице?

— К-кажется, да...

— Хелен теперь мертва?

— Нет. Она жива.

— Значит, в одном теле присутствуют двое — Хелен и вампир? — Голос Гейерстама выдавал напряжение.

— Да.

— Что случилось с другим телом, — задал вопрос Фаллада, — с человеком, которым она завладела?

Карлсен промолчал. Он знал, что ответ заключен в уме пришелицы, но ум этот подобен огромному стальному сейфу.

— Вы можете хоть что-нибудь сказать о другом теле? — допытывался Гейерстам. — Что-то, что могло бы послужить подсказкой?

— Другое тело есть... Но оно в больнице.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Вы знаете его имя?

— Джефф.

— Фамилию?

— Нет.

— Что вы имеете в виду, говоря, что он в больнице? Он мертв?

— Нет.

— Вы можете сказать что-нибудь о больнице?
— Она... на окраине городка. На холме.
— Что сейчас делает женщина? — спросил Фаллада.
— Сидит на скамейке у обочины. Следит за мужчиной.
— Что делает мужчина?
— Читает газету в машине.
— Номер машины?
— KBX 5279L.
— Есть какие-нибудь другие машины по соседству?
— Да. Красный «темерер» возле забора. Молодая пара ест сэндвичи и смотрит на пейзаж.

— Какой у него номер?
— 3 ХДЖ УТ9.
— Что делает она?
— Ждет. Закинула ногу на ногу, приподняла юбку. Делает вид, что читает книгу.
— Вам известно, что случилось с другими двумя вампирами?
— Да. Один отправился в Нью-Йорк.
— А другой?
— По-прежнему в Лондоне.

Словно во сне, картина сменилась на Стрэнд. Карлсен стоял на верху огромной мраморной лестницы, ступени которой сбегали к реке со стороны старой «Савойи». Второй пришелец пожмал руку какому-то толстячку — китайскому дипломату.

— Вы можете назвать его имя?
— Сложно произнести. Скажем, Юкх-Бай-Орун.
— Нет, как теперь его звать? Имя того, чье тело он использует?

— Эверхард Джемисон.

— Через тридцать секунд я собираюсь вас разбудить. Вы проснетесь, чувствуя себя посвежевшим и отдохнувшим. Ваш сон уже становится зыбким. Вы начинаете просыпаться. Я сосчитаю от одного до десяти, и, когда дойду до десяти, вы уже полностью проснетесь. Один, два...

Открыв глаза, Карлсен не мог понять, где находится. Он считал, что лежит у себя дома, в постели, а тут вдруг какое-то кресло, и сам он сидит, а не лежит. В комнату хлынул дневной свет: Гейерстам раздвинул шторы.

Фаллада не находил себе места от волнения.

— Ты хоть помнишь, о чем нам сообщил?

— Нет, а что?

— Что один из нелюдей вселился в премьер-министра Англии!

— Вы сказали, что один из пришельцев вошел в тело медсестры. — Гейерстам нажал на столе клавишу. — Слушайте.

Следующие несколько минут Карлсен с изумлением слушал звучание собственного голоса — сонное, бесстрастное. На словах «Эверхард Джемисон» Гейерстам выключил диктофон.

— Вот видите. Вы оба чувствовали, что с Джемисоном что-то не так. Подсознательный ум мудрее, чем нам кажется.

— А может, Карлсен ошибся? — обратился Фаллада к Гейерстаму. — Может, его неприязнь к Джемисону повлияла на подсознательное мнение?

— Это в общем-то легко проверить. — Гейерстам ткнул пальцем в бумагу на столе. — Вот тут два автомобильных номера. Выяснить их в отделении не составит труда. Если все сходится, тогда, вероятно, сойдется и остальное.

— Давайте позвоним Хезлтайну, — предложил Карлсен.

— Давайте. — Фаллада подошел к столу. — Ничего, если мы наберем Лондон?

— Действуйте, — кивнул Гейерстам.

Трубку снял дежурный сержант:

— Скотланд-Ярд слушает.

— Офис комиссара, пожалуйста.

На экране появилась секретарша Хезлтайна.

— Ах, доктор Фаллада! Мы пытаемся вас найти.

— Что-нибудь срочное?

— Вас хотел видеть премьер-министр.

Фаллада с Карлсеном переглянулись.

— Сэр Перси сейчас у себя? — спросил Фаллада.

— Он на Даунинг-стрит. Мне ему перезвонить?

— Нет нужды. Но я должен оставить кое-какую информацию. Вы не могли бы записать следующие номера машин? — Он зачитал вслух. — Мне хотелось бы знать, где можно найти их владельцев.

— Я могу это сделать сейчас, если подождете. Только не кладите трубку.

— Да ладно, сейчас не надо. Я сегодня буду в Лондоне и тогда перезвоню. Вы только передайте сэру Перси, что номера связаны с нашим делом. Он поймет. И попросите никому эту информацию не передавать до встречи со мной.

— Хорошо, сэр. А где вы сейчас?

— В Стамбуле, — ответил Фаллада с улыбкой.

— Так вы уезжаете сегодня? — спросил Гейерстам, когда тот повесил трубку. — Жаль.

— Думаю, это необходимо. Надо вычислить «мадам».

— И что потом?

— Не знаю, — откровенно признался Фаллада. — Есть какие-то предложения?

— Боюсь, мой совет не принесет пользы. Но все равно скажу, а вдруг! Самое главное — заставить вампира отступить. Помните последние сцены в «Дракуле»? Звучит, может, нелепо, но они четко характеризуют психологию вампира. Вампир, стоит его принудить к бегству, теряет свои преимущества. Я как-то назвал вампиризм разновидностью ментального карате. Он зиждется на нападении, на агрессии. Вампир в основе своей преступник. Поэтому, когда вычислите свою вампиршу, не выказывайте перед ней страха. Я, конечно, не осведомлен о силе пришельцев, потому и совет, возможно, окажется негодным. Но скажу вот что: попытайтесь, чтобы она начала вас бояться.

Карлсен покачал головой.

— Есть одно возражение: она снова может исчезнуть. На этих нелюдей никакие ограничения не распространяются.

— Ограничения быть должны, — заметил Гейерстам. — Ваша

задача их выяснить. Сами вы уверены в том, что она может исчезнуть? Вспомните, как все складывалось. Первой из здания ИКИ исчезла женщина. Затем выяснилось, что двое остальных умерли. Теперь же известно, что они попросту побросали свои тела и нашли себе другие. Но как: самостоятельно или с помощью друг друга?

— И вправду... — задумался Карлсен. — У нас нет подтверждений, что они могут это делать в одиночку.

— И если они сейчас разлучены, — развивал свою мысль Гейерстам, — то по отдельности с ними легче будет справиться. Кроме того, вы уже знаете, что их местонахождение можно вычислить под гипнозом.

— А может, вы поедете с нами? — с надеждой в голосе спросил Фаллада.

Гейерстам покачал головой.

— Нет. У меня уже не тот возраст. Более того, я вам и не нужен. Вы о вампирах знаете столько же, сколько и я, может, и поболее...

Самолет приземлился в международном аэропорту.

В зале ожидания Карлсен и Фаллада разошлись по телеэкраным кабинам. Карлсен позвонил Джелке.

— Только что собиралась принять ванну. Дети будут около девяти. Ты вернешься к этому времени?

— Пока не знаю. Фаллада сейчас звонит Хезлтайну. Я перезвоню.

Фаллада дозвонился до дежурного сержанта, сообщившего, что комиссар дома. Затем он перезвонил Хезлтайну домой.

— Прошу прощения, — извинился Фаллада. — Небось от обеда оторвал?

— Да ничего, я уже почти закончил. Где тебя носило?

— Скажу, когда встретимся. Вы там отследили два номера, которые я передал?

— Да. — Хезлтайн вынул из кармана листок бумаги. — Один иностранный: какая-то парочка из Дании занырнула на медовый месяц. Другой значится за неким Прайсом, из Холмфирта.

— Это где?

— В Йоркшире.

— Отлично! Мы сейчас подъедем.

— Подъезжайте, составите компанию. Собирался глотнуть бренди да выкурить сигару. Карлсен с тобой?

— Со мной.

— Хорошо. Моей жене просто не терпится с ним познакомиться.

По дороге из аэропорта остановились у журнального киоска, и Фаллада купил атлас Британских островов. Открыв его в аэротакси, он удовлетворенно хмыкнул.

— Взгляни, Холмфирт примерно в пяти милях к югу от Хаддерсфилда. Так что на «шершне» можно доскакать меньше, чем за час.

— Боже упаси,— вздохнул Карлсен.— По крайней мере не сегодня вечером.

— Устал?

— Да.— Карлсен понимал, что говорит неправду. Он просто боялся. Боялся идти домой, боялся искать пришельцев, боялся сидеть без дела.

— Кстати,— вспомнил Фаллада,— жена Хезлтайна просто умирает от желания познакомиться с тобой. Она была в свое время самой красивой дебютанткой в Лондоне. Мисс Пегги Бучкэим. Так что придерживай свою фатальную обольстительность.

Они остановились перед парадной дверью трехэтажного особняка из красного кирпича, с неказистыми ребрами чугунной ограды в викторианском стиле. Дверь открыла стройная, приятная женщина в зеленом кимоно. Фаллада поцеловал ее в щеку.

— Пегги, это Олоф Карлсен.

— Наконец-то вижу вас воочию, капитан.

— Очень рад познакомиться,— вежливо ответил Карлсен.

— Перси поднялся в кабинет. Вы пришли по делам?

— Нет,— дипломатично произнес Фаллада,— не только. На дела уйдет лишь несколько минут.

— Надеюсь. Кофе только что вскипел.

Она провела их в гостиную: приятная, уютная комната со старомодной мебелью начала века.

— Я звякну Перси и скажу, что вы здесь. Он не думал, что вы так быстро.

— Может, я сам поднимусь? — спросил Фаллада.— Олоф, вы с госпожой Хезлтайн побеседуйте, пока я схожу за Перси.

— С молоком или черный? — спросила она, когда Фаллада вышел.

— С молоком, пожалуйста.

— Бренди?

— Чуть-чуть.

Кофе и бренди она поставила на стол.

— Странно, но у меня такое чувство, будто я знаю вас довольно близко. Может, потому, что видела вас по телевизору.

Их руки соприкоснулись, когда она передавала сахарницу. Глядя ей в лицо, Карлсен спросил:

— Скажите, вы можете читать мои мысли?

— Я... Похоже, да.

Карлсен выпустил ее руку.

— Что это значит? — выдохнула она.

— Вам муж рассказывал о вампирах?

Она кивнула.

— Тогда ответ ясен.

Леди Хезлтайн прошла через комнату и, опустившись на диван, закрыла глаза.

— С вами все в порядке? — встревоженно спросил Карлсен.

— Да,— тихо ответила она.— Ступайте наверх, займите Ганса и Перси, ладно? Наверх и сразу направо.

Он медленно поднялся по лестнице и постучал.

Хезлтайн встал из-за стола, чтобы поприветствовать его.

— Хорошо выглядите, Карлсен. Наслышан о ваших невероятных похождениях в Швеции. Присаживайтесь. Виски?

— Спасибо, не надо. Я уже выпил рюмку бренди.

— Тогда еще одну.

Наливая, Хезлтайн спросил:

— Насколько серьезно вы воспринимаете все это, насчет премьер-министра?

— Не знаю, что и ответить,— признался Карлсен.— Мне известно об этом не больше, чем вам. Я просто услышал на записи свой голос.

— Вы не помните, как ее наговорили?

— Я вообще ничего не помнил, пока был под гипнозом.

— Откровенно говоря...— Хезлтайн некоторое время подыскивал слова.— Понимаете, я пробыл на Даунинг-стрит всю вторую половину дня. Мне просто в голову не пришло бы, что...

Его прервала трель телеэкрана.

— Алло?

— Перси, опять я,— произнес собеседник с протяжным йоркширским акцентом.

— Есть новости?

— Э-э... да, да. Я навел справки по Артуру Прайсу. У него в Пенистоне электронная фабрика, буквально через пустырь от Холмфирта.

— А больница?

— Здесь сложнее. В районе Хаддерсфилда их всего пять, одна по гериатрии. Единственная, что возле Холмфирта,— это «Терлстон».

— «Терлстон»? Психиатрическая больница?

— Ага, для маньяков.

— О'кей, Тед, отлично. Здорово помог. Увидимся завтра.

— Сам, что ли, нагрянешь? — Констебль, очевидно, был удивлен.

— Может быть.

— Это то, что нам нужно,— коротко заключил Карлсен, когда линия освободилась.

Хезлтайн удивленно посмотрел на него.

— «Терлстон»? Откуда вы знаете?

— Пока не знаю. Просто хочу сказать, что психиатрическая лечебница — идеальное прибежище для вампира. Если женщина все еще в том районе, она именно в больнице.

— Если так...— Хезлтайн поглядел на часы.— Боюсь, можем ли мы себе позволить дожидаться до завтра?

Фаллада пожал плечами.

— Я готов в любое время куда угодно. За Олофа сказать не могу. Его дома ждут жена и дети.

— Ничего,— сказал Карлсен.— Они все поймут.

— Хорошо. В таком случае...— Хезлтайн набрал номер.— Алло... Сержанта Паркера, пожалуйста... Ага, Паркер! Наш «шершень» свободен? Надо выехать в Йоркшир.

— Буду через десять минут, когда вернется Калвершоу.

— Превосходно. Сядьте на Белгрэйв Сквер и позвоните, когда прибудете.

Через двадцать минут они уже смотрели, как растворяются и тают внизу неоновые огни города.

— Говоря официальным языком, — проронил Хезлтайн, — покидая Лондон, я нарушаю указания.

— Почему?

— Я подотчетен министру внутренних дел и о каждом происшествии обязан докладывать ему лично. Премьер меня за этим и вызвал: координировать розыск пришельцев.

— Каким образом, не объяснил? — поинтересовался Карлсен.

— Нет. Но обмолвился, что вы с Фалладой, по его мнению, немного «того».

— А если сообщений не поступит, — с тяжелым сарказмом сказал Фаллада, — он это использует как свидетельство, что никакой опасности нет.

Несколько минут все молчали, погруженные в собственные мысли. Затем над ухом Карлсена раздался голос Фаллады:

— Прибыли, Олоф.

Под слепящими огнями «шершня» мелькали верхушки деревьев, машина снижалась на узкое безлюдное шоссе.

— Где это мы? — спросил Карлсен.

— К югу от Хаддерсфилда, в нескольких милях, — отозвался через плечо пилот. — Холмфирт где-то рядом.

«Шершень», коснувшись дороги, отключил реактивные двигатели; одновременно работал механический привод, и короткие крылья втянулись в бока; воздушное судно фактически преобразилось в большой автомобиль. Не проехав и сотни метров, они остановились у перекрестка. Одна стрелка указателя показывала на Барнсли, другая — на Холмфирт.

— Не так уж и поздно, — заметил Хезлтайн. — Пожалуй, успеем навестить мистера Прайса. Сержант, выясните, где здесь Аппертон-роуд.

Пилот поиграл с клавишами компьютера. На мониторе развернулась дорожная схема Холмфирта, одна из дорог высветилась красным.

— Нам везет, — сказал Паркер. — Мы, сдается, на ней и стоим.

Отыскать дом не составило труда — преуспевающего вида одноэтажный особнячок из стекла и фиброфлекса, окруженный солидным газоном сто на сто; фонарь выхватывал из темноты декоративный пруд и цветочные клумбы.

На звонок открыла пожилая женщина, она растерянно оглядела троих незнакомцев. Хезлтайн показал удостоверение.

— Мы можем поговорить с вашим мужем?

— По налогам? — натянуто спросила она.

— Нет, что вы, — успокоил ее Хезлтайн. — Мы хотим получить от него кое-какую информацию.

— Сейчас, погодите секунду... — Она исчезла. Хезлтайн посмотрел на своих спутников и лукаво подмигнул. — Сразу видно, у кого что болит. — Прошло несколько минут, и женщина возвратилась. — Прощу вас, входите.

Она провела их в гостиную с плотно задернутыми шторами. В инвалидной коляске сидел здоровенный пожилой мужчина с уставленным закуской подносом на коленях.

— Мистер Артур Прайс? — осведомился Хезлтайн.

— Я, — ответил сидящий — само спокойствие, только глаза настороженно-любопытные.

— Э-э... Кажется, какая-то ошибка. Вам принадлежит «Кристал Флэйм», номер КБХ 5279Л?

— Мне.

— Вы сегодня на нем выезжали?

— Нет, куда ему! — тревожно воскликнула женщина.

— Нелл, — оборвал ее хозяин. — А что, врезался в кого? — спросил он у Хезлтайна.

— Нет, что вы. Нам просто нужно найти человека, который ездил на ней сегодня утром.

— Тогда, наверное, Нед, — задумчиво произнесла женщина.

— Да замолчишь ты?!

— Кто такой Нед? — спросил Хезлтайн.

— Наш сын. — Хозяин гневно сверкнул глазами на жену. — Управляет делом с той поры, как меня хватануло.

— Ясно. А где он живет?

— Да вот, через дорогу. В чем дело-то?

— Ничего серьезного, мистер Прайс. Мы разыскиваем пропавшего и думаем, может, ваш сын нам что-нибудь скажет. Какой у него номер дома?

— Сто пятьдесят девять, — пробурчал Прайс.

Хозяйка проводила их до ворот и указала на дом, где жил сын.

— Вон тот, с красными шторами, не ошибетесь.

Дом с красными шторами смотрелся беднее своего соседа. Машина, которую искали, стояла перед гаражом. В ответ на звонок Хезлтайна из миниатюрного громкоговорителя послышалось:

— Кто там?

— Полиция. Можно переговорить с мистером Прайсом?

Через полминуты дверь открыла невысокая блондинка со спящим ребенком на руках. Ее можно было бы назвать хорошенькой, если бы не загнанный, замученный вид.

Она шепотом спросила:

— Вам чего?

— Мы могли бы поговорить с вашим мужем?

— Он уже спит.

— А может, еще нет? Он нам очень нужен.

Взгляд женщины с немой тоской переходил с одного непрошеного гостя на другого, тихая властность в голосе Хезлтайна, видимо, сильно напугала ее.

— Ну, я не знаю... Придется минуту подождать...

Она тяжелой поступью поднялась по лестнице, чуть покачиваясь под весом ребенка. Прошло несколько минут.

— Напоминает прежние времена, когда был участковым, — вздохнул Хезлтайн. — Ужасно не люблю нарушать людской покой.

Спустя пять минут на лестнице показался мужчина, рыжеволосый, не по годам грузный, с нездоровым цветом лица и с беспкойными, воровскими глазами. Хезлтайн извинился за неожиданное вторжение и вежливо спросил, не уделит ли им хозяин несколько минут. Мужчина пригласил гостей в дом.

— Мистер Прайс,— обратился к нему Хезлтайн,— сегодня примерно в одиннадцать утра вы в районе пустыря сидели в машине, той, что сейчас возле дома... Нас интересует женщина, платье в красную и желтую полоску...

— Я что, нарушил закон? — с вызовом в голосе спросил Прайс.

— Никто и не говорит, что нарушили.

— Тогда что за дела?

— Хочу быть с вами откровенным, мистер Прайс. Нам нужна ваша помощь, и, что бы вы сейчас ни говорили, это не выйдет за стены комнаты. Просто надо узнать, что случилось с той девушкой.

— Что она натворила? — спросил Прайс.

— Да ничего. Но надо ее разыскать. Куда вы поехали, когда она к вам подседала?

— Поболтали немного. Потом она предложила поехать в какую-нибудь гостиницу. Мы и махнули в Лидс...

— В «Европа-Отель», — кивнул Карлсен. — И когда вы оттуда уехали?

— Где-то в семь.

— Ее к этому времени уже не было?

— Вы, я вижу, и так уже все знаете. — Мужчина пожал плечами.

— Благодарю вас, мистер Прайс. Вы очень нам помогли, — сказал Карлсен и поднялся.

— Вы договорились с ней о следующем свидании? — неожиданно спросил Хезлтайн.

Мужчина молча кивнул. Тяжело поднявшись на ноги, он проводил гостей до двери.

У «шершня» их поджидал сержант.

— Я сейчас выходил по радию на тот психушник, сэр. Думаю, won те огни, на верхушке холма.

Хезлтайн посмотрел на часы.

— Давайте-ка перебраться туда. Времени уже порядочно.

Через три с небольшим минуты огни «шершня» выхватили из темноты массивное серое здание.

Лужайка перед лечебницей освещалась мощным прожектором. Когда машина снизилась на лужайку, Хезлтайн спохватился:

— Ничего, что мы садимся? Радары не взвоят?

— Они отключены, сэр. Я сообщил по радию, что мы прибудем около десяти.

Дверь главного входа в лечебницу отворилась, и на пороге показался чей-то массивный силуэт.

— Наверное, главный надзиратель, — решил Хезлтайн.

Человек шагнул им навстречу.

— Большая честь, комиссар, просто великая... Доктор Армстронг.

Туловище у доктора было просто необъятным: килограммов сто двадцать, никак не меньше. Свободный серый костюм отставал от моды лет на двадцать. Голос оказался на удивление сочным и мелодичным.

Хезлтайн пожал ему руку.

— Очень любезно с вашей стороны оказать нам прием в такое позднее время. Доктор Ганс Фаллада. А это капитан Олоф Карлсен.

Армстронг запустил пухлую ладонь в седой ежик на голове.

— Покажите мне, где упасть! Столько знаменитых гостей, и все сразу! Жаль, что жены моей здесь нет! Она позеленеет от зависти, когда узнает. Сюда, пожалуйста. Садитесь. Может, виски? Надеюсь, вы останетесь у нас до утра?

— К сожалению, нет, — ответил Хезлтайн. — Мы уже заказали номера в хаддерсфилдском «Континентале».

— Заказ можно и отменить.

— А что, это мысль, — поддержал доктор Фаллада. — Вернуться утром.

— Превосходно! Будем считать, что договорились. Постелили вам в крыле у персонала. А теперь, чем могу быть полезен?

Хезлтайн чуть подался вперед.

— Вы верите в существование вампиров?

— Да, конечно. И с удовольствием изучаю статью Фаллады о вампиризме.

— Вы никогда не следили за своей медсестрой Хелен? За ее отношением с пациентами? Вам не кажется, что она тоже в некотором роде вампир?

— Звать ее не Хелен, а Эллен. Эллен Дональдсон. Она у меня два года руководит женским персоналом. А что касается вампиризма, да, нет, не думаю...

— Женщинам здесь работать не опасно? — спросил Хезлтайн.

— Не так опасно, как вам, вероятно, кажется. Кроме того, женщинам проще общаться с пациентами мужского пола. Действует успокаивающе.

— Я мог бы с ней встретиться? — осторожно перебил его Карлсен.

— Разумеется. Думаю, она еще не легла. Сейчас я ее позову.

— Нет, мне бы хотелось с глазу на глаз, — пояснил Карлсен. Нависла гнетущая тишина. Наконец Фаллада спросил:

— Ты не рискуешь?

— Со мной все будет в порядке. Я с ней раз уже встречался, и ничего, выжил.

— А может, лучше подождать до утра?

Карлсен покачал головой.

— Они наиболее активны ночью. Именно сейчас.

— Ладно, — кивнул Хезлтайн. — Может, вы и правы. Только постойте, возьмите это. — Он протянул Карлсену пластмассовую коробочку с кнопкой посередине. Стоило нажать на кнопку, как в кармане куртки у Хезлтайна засвербил стойкий высокий зуммер. — Если понадобится помощь, нажмите на эту кнопку. Секунда, и мы тут как тут. — Он убрал палец с кнопки, и зуммер прекратился.

— Где она? — обратился Карлсен к доктору.

Армстронг поднялся.

— Я вас проведу.

Он вывел Карлсена через главную дверь. Пройдя вдоль газона

и миновав окруженный стенами сад с круглым озерцом, они подошли к закрытым воротам. Надзиратель вынул из кармана ключ и открыл их. За воротами скрывалось длинное приземистое здание, с фонарем над каждой дверью.

— Это у нас квартиры медсестер. Мисс Дональдсон живет в первой с конца, номер один.

— Благодарю.

— Может, мне лучше войти и представить вас?

— В общем-то я обойдусь.

— Тогда ладно. С внутренней стороны ворота открываются без ключа. Если через полчаса не возвратитесь, мы выйдем к вам.

Карлсен поднялся на крыльцо и позвонил. В динамике послышался женский голос:

— Кто там?

Наклонившись, он приставил губы к микрофону:

— Моя фамилия Карлсен. Хочу переговорить с вами.

Он ожидал дотошных расспросов, но динамик затих. Через секунду дверь открылась. Стоящая в проеме женщина оглядывала его с любопытством, безо всякой боязни.

— Вам чего?

— Можно войти?

— Как вы сюда пролезли?

— Меня привел доктор Армстронг.

— Входите.— Она посторонилась, давая ему пройти, затем решительно подошла к внутреннему телеэкрану.

— Алло? — сразу же послышался голос Армстронга.

— У меня здесь некий господин Карлсен. Вы в курсе?

— Да. Это я его привел. Он капитан.

— Ясно.— Телеэкран погас, и женщина повернулась к Карлсену.— Что вас ко мне привело?

— Можно присесть? Мне бы хотелось расспросить о человеке, с которым вы провели вторую половину дня. О мистере Прайсе.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— А я думаю, понимаете. Покажите вашу руку.

Она подняла на Карлсена изумленные глаза.

— Что?

— Руку покажите.

Она стояла, вжавшись спиной в узкое пространство между стеной и столиком. И тут неожиданно возник контакт. Они играли, и оба знали правила игры. Ее глаза неотрывно смотрели на него; вот она сделала шаг навстречу — медленно, очень медленно. Он подался вперед и взял ее за обе ладони. Женщина покачнулась, пришлось ее удержать. Энергия постепенно перетекала из нее в него. Слова были ни к чему, Карлсен чувствовал движение ее мыслей.

— Как его звать?

— Не знаю.— Женщина бессильно припала к его плечу.

— Говори! — Она покачала головой.— Сейчас ударю.— Карлсен сильнее стиснул ей руки. Она опять качнула головой.

В дверь постучали. Карлсен вздрогнул от неожиданности, она же, похоже, не замечала вообще ничего.

— Кто там? — отрывисто спросил он, опустил женщину в кресло и подошел к двери. На пороге стоял Фаллада.

— Тут все в порядке?

— Конечно. Заходи.

Войдя в комнату, Фаллада увидел женщину.

— Добрый вечер, — учтиво поздоровался он и удивленно посмотрел на Карлсена. — Что с ней?

Карлсен сел на подлокотник кресла. Лицо женщины пылало, по щекам струились слезы.

— Ничего особенного. Она совершенно безопасна.

— Она нас слышит?

— Возможно. Но ее это не волнует. Она как голодный ребенок.

— Голодный?

— Хочет, чтобы я ее поколотил.

— Ты серьезно? — У Фаллады это просто не укладывалось в голове.

— Абсолютно. Видишь, когда за нее берется вампирша, она начинает цедить энергию из своих жертв. Но сама всю ее потом отдает. А вот если я беру из нее энергию, она отзывается автоматически. Установка только на то, чтобы давать.

— Ты сейчас забираешь энергию?

— Понемногу. Если перестану, она очнется.

— Может, лучше прекратить все это?

— Только когда выясню, что мне надо, — имя заключенного.

Фаллада опустился перед женщиной на колени и приподнял ей одно веко. Взгляд был отрешенный: ее интересовал только Карлсен.

— Встань! — резко приказал Карлсен. — Назови имя!

Женщина болезненно сморщилась, упала на колени и потеряла сознание. Карлсен поднял ее на руки, отнес в спальню и осторожно положил на кровать. Ко лбу ее пристала прядка волос. В углу рта виднелся пузырек слюны. Выключив свет, Карлсен медленно вышел из комнаты.

Едва мужчины ступили во двор, как пошел дождь. В воздухе сладковато пахло ракишником и вереском.

— Так ты и не выяснил, что хотел, — сказал Фаллада.

— Выяснил достаточно.

Со стороны стоящих в ряд длинных приземистых зданий им навстречу кто-то вышел.

— Все в норме? — послышался голос Армстронга.

— Отлично, благодарю, — отозвался Карлсен.

— Ваши спальни в конце, вон те три комнаты. — Доктор указал на фонари, горящие над дверями.

Вставив ключ, надзиратель открыл дверь главного входа. В вестибюле горел синий ночник.

Хезлтайн мерил шагами комнату.

— Ну, наконец-то, — облегченно произнес он, — я уже начал беспокоиться. Ну, как там эта медсестра, Дональдсон? Она не преступница?

— Здесь дело не в преступлении, а в раздвоении личности, — задумчиво ответил Карлсен.

Фаллада кивнул.

— Аксиома психологии. Любой человек, подверженный мощным позывам подсознания, таит в своей оболочке как бы двоих людей.

— Если вы полагаете, что Эллен Дональдсон страдает от раздвоения личности,— вмешался в разговор Армстронг,— я могу сказать, что никогда за ней такого не замечал.

Карлсен, зевнув, поднялся.

— Пойду-ка я спать, устал за сегодняшний день.

Хезлтайн последовал примеру Карлсена.

— Мы все устали. Пора укладываться.

Проснулся Карлсен от того, что кто-то возился ключом в замочной скважине. Оказалось, главный санитар Лэмсон вошел с подносом.

— Доброе утро,— весело поздоровался он.— Кстати, в самом деле прекрасное. Кофе?

— Вот за это спасибо. Который час?

— Восемь пятнадцать. Завтрак через полчаса.— Лэмсон поставил поднос Карлсену на колени.

— А что это? — Карлсен кивнул на журнал в яркой обложке, лежащий тут же на подносе.

— Вы уж, сэр, пожалуйста, не откажите. Мой племянник вами просто бредит. Вы не подпишете для него свою фотографию?

— Конечно, конечно.

— Я через пару минут вернусь, разнесу кофе остальным. А второй, что с вами,— доктор Фаллада?

— Верно.

— И третий — по-моему, я его тоже видел по телевизору.

— Сэр Перси Хезлтайн, главный комиссар полиции.

Лэмсон присвистнул.

— Не каждый день такие гости. К нам вообще редко кто наведывается... Кроме родственников, разумеется.

Он вышел, оставив дверь чуть приоткрытой; Карлсен видел, как он катит тележку от одной двери к другой.

Прихлебывая кофе, астронавт перечитывал статью. «Олоф Карлсен — человек столетия». Он поморщился, вспомнив рекламную трескотню трехмесячной давности; сил и нервов было вымотано больше, чем в самой заковыристой космической экспедиции.

— Как звать вашего племянника? — спросил Карлсен у Лэмсона, когда тот вернулся.

— Джорди Бишоп.

На фото Карлсен написал: «Для Джорди, с наилучшими пожеланиями», — и возвратил журнал и ручку Лэмсону.

— Ну все, он просто упадет. Спасибо... — Санитар свернул журнал трубкой и сунул в карман белого халата.

В дверь постучали. Голос Фаллады окликнул:

— Олоф, завтракать идем?

— Ой,— спохватился Лэмсон,— мне уже пора. Еще увидимся.— Посторонившись перед Фалладой, санитар вышел.

— Все еще лежишь? Ладно, я зайду позже.

— Нет, нет, заходи. Сейчас быстро оденусь, и пойдем...

На солнечной лужайке возле «шершня», лежа на спине, сержант Паркер проверял турбины вертикального взлета.

— А вы не идете завтракать?

— Спасибо, сэр, я уже позавтракал с медперсоналом.

— Вы не видели там одну женщину, медсестру Дональдсон?

— А как же. — Сержант осклабился. — Она без остановки о вас расспрашивала.

— Вот как! И о чем именно?

— Ну, женаты вы или нет... — Сержант подмигнул.

Столовая располагалась на солнечной стороне. Хезлтайн уже сидел за столом, нервно поглядывая на дверь. Когда Карлсен и Фаллада вошли в зал, Армстронг довольно потер руки.

— Доброе утро! Погода великолепная. Как, хорошо спалось? — Гости дружно кивнули. — Пожалуйста, усаживайтесь. Меня не ждите, я уже поел. А теперь вынужден оставить вас, надо делать обход. — Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вернулся Армстронг к концу завтрака, ведя за собой Лэмсона и еще одного санитаря.

— Ну как, славно? Я всегда начинаю день с добротного завтрака. Убежден, именно в этом беда с половиной местного контингента.

— Из-за завтрака? — удивленно переспросил Хезлтайн.

— Скорее из-за отсутствия оного. Люди так и не выработали в себе привычку к завтраку. И вот вам результат: взвинченность, дурное настроение, гастрит и вообще хандра. Если и вправду хотите извести преступность в Англии, добейтесь, чтобы все плотно завтракали...

— Ну что, джентльмены, готовы приступить? — обратился к Карлсену Армстронг.

— Да, конечно, — ответил он, вставая.

Следом за надзирателем все прошли через вестибюль и поднялись на два пролета. Чувствовалось, что место не из веселых. Построена лечебница была где-то в начале столетия, когда психические болезни достигли пика. Пластиковые стены, создававшие некогда впечатление легкости и света, пообтерлись и замусолились. На каждой площадке виднелись зеленые металлические двери с облупленной краской.

— Это общие палаты, — указал Армстронг. — Одиночки у нас на верхнем этаже, там комнаты со звукоизоляцией, чтобы не тревожить больных. Откройте-ка дверь, Нортон.

Медбрат вставил в замочные скважины два разных ключа и одновременно повернул их; дверь отворилась без малейшего скрипа. Стены открывшегося коридора украшала мозаика, изображающая горный пейзаж.

Вдруг в дальнем конце коридора показалась Эллен Дональдсон. Она оторопело смотрела на процессию и, поравнявшись с шагающим навстречу Армстронгом, схватила его за рукав.

— Можно вас на секунду, доктор?

— Не сейчас, сестра. Мы заняты.— Отмахнувшись, Армстронг прошел мимо.

Сестра покорно удалилась, и тут неожиданно для себя Карлсен все понял: Армстронг приютил в себе вампира.

Нортон открыл дверь, пропуская всех в комнату.

Лэмсон наполнил одноразовый шприц. Улыбаясь, Карлсен медленно протянул руку к Лэмсону. Тот застыл в немом изумлении, но шприц уступил. Широким шагом Карлсен прошел мимо Нортон и вогнал иглу Армстронгу сквозь халат. Туша Армстронга грузно осела на пол.

Карлсен повернулся к Фалладе и Хезлтайну.

— Давайте перетащим его в другое место. Я хочу его допросить, прежде чем пройдет действие укола. Куда можно? — спросил он Лэмсона.

— Вниз, в хирургическую. Подождите минуту, я принесу каталку.— Он вышел и вскоре возвратился со складным креслом из кожаменителя.— Я свезу его вниз на лифте и встречу вас на первом этаже у лестницы.

Едва санитары отъехали, Фаллада повернулся к Карлсену:

— Что случилось?

— Я понял, что вампир перешел в Армстронга.

— Вы в этом уверены? — пытливо посмотрел на него Хезлтайн.

— Абсолютно. Надо было раньше догадаться. Не знаю, почему не додумался. По логике, Армстронг непременно должен был стать следующей жертвой. Скользкий, тщеславный, сплошные пакостные извращения на уме.

— Вы уверены, что эта нечисть все еще в Армстронге? — спросил Фаллада.— Что ей мешает перекинуться в кого-то другого?

Карлсен тряхнул головой.

— Пока Армстронг без сознания, ей деваться некуда. Она вынуждена сосуществовать с его телом на равных...

Они спустились на лифте к ожидающему их Лэмсону.

— Вот сюда, господа.— Лэмсон провел всех в небольшой кабинет со стандартными картотечными стеллажами, справочниками и подшивками «Британского медицинского журнала». Карлсен попросил санитаров перенести Армстронга на кушетку, задернул шторы и пододвинул настольную лампу, чтобы она светила прямо в немигающие глаза Армстронга.

— Вы можете организовать еще одну дозу седативного?

— Думаю, да, сэр. Но одной обычно достаточно,— с сомнением произнес Лэмсон.

— Сколько длится действие?

— Как минимум часа два.

— Тогда, возможно, понадобится еще.

Когда санитары вышли, Хезлтайн аккуратно закрыл дверь и запер ее изнутри.

— Вторая доза может быть смертельна, вам не кажется? — опасно спросил Фаллада.

— Знаю. Только эта нечисть крепче, чем нам кажется. Еще, чего доброго, упустим...

Наклонившись над тушей Армстронга, Карлсен прикрыл ему глаза. Из письменного стола достал электронный капсульный диктофон и поставил на столик у изголовья кушетки. Убедившись, что приборчик работает, нажал на кнопку, а сам присел на краешек кушетки.

— Армстронг, вы меня слышите?

Веки чуть дрогнули, но губы остались неподвижны. Карлсен повторил вопрос и добавил:

— Если слышите, скажите «да».

Губы приоткрылись, и Армстронг прошептал:

— Да.

— Вы знаете, где сейчас находитесь?

Лицо Армстронга исказила плаксивая гримаска, как у обиженного ребенка. Голос звучал сдавленно:

— Я не хочу здесь оставаться. Хочу уйти. Я боюсь. Пустите меня. Пустите...

— Где вы?

Молчание длилось больше минуты. Карлсен повторил вопрос несколько раз. Чувствовалось, что Армстронг выдавливая слова с большим трудом.

— Они не дают мне говорить.

— Кто «они»?

Ответа не последовало.

— Слушайте, Армстронг. Если хотите, чтобы мы помогли вам выбраться, скажите, где вы находитесь. Где вы?

На губах у Армстронга запузырилась слюна. Он тяжело задышал и выдавил из себя:

— Я... здесь...

— Армстронг,— продолжал расспрашивать Карлсен,— вы видите, кто держит вас в плену?

— Да! — Глаза доктора распахнулись.

— Передайте ему, что мы хотим говорить с ним.

Тело неожиданно дернулось, и в этот момент раздался стук в дверь.

— Кто?

— Лэмсон, сэр. Принес ноотропин с мефидином.

Фаллада отпер дверь.

— Ага, благодарю.

— Вы ведь знаете, как его использовать, сэр? Дождетесь, пока он придет в чувство, и только тогда вколете очередную дозу.

— Не беспокойтесь, мы знаем.

Армстронг лежал спокойно. Карлсен расстегнул ему манжету и закатал рукав на пухлой, волосатой руке. Как только он взял шприц, Армстронг сел и дернулся в сторону. Карлсен выронил шприц и снова схватил толстяка за руку. Хезлтайн помог уложить Армстронга обратно на кушетку.

— Ганс, бери шприц и действуй! — выкрикнул Карлсен.

И тут Армстронг заговорил настолько спокойно и веско, что все невольно застыли на месте.

— Нет нужды. Если вы меня отпустите, обещаю покинуть Землю.

Фаллада со шприцем в руке замялся в нерешительности.

— Он лжет! Если не сделаем укол, через десять минут он ускользнет! — продолжал кричать Карлсен.

Но его опять перебил спокойный голос:

— Карлсен, ты меня разочаровываешь. Я думал, ты все понял.

— Давайте, давайте, — кивнул астронавт Фалладе. Тот быстро всадил иглу. Они сидели, наблюдая за лицом Армстронга. Через минуту с небольшим дыхание его стало глубоким, взор окаменел, а челюсть отвисла.

— Ты меня слышишь? — тихо спросил Карлсен.

Ответа не последовало.

— Может, дали слишком много, — предположил Хезлтайн.

Карлсен покачал головой, наклонился к Армстронгу и зашептал ему в самое ухо:

— Слушай. Если понадобится, мы будем держать тебя в таком состоянии целыми днями, неделями. Ты понял?

— Да. — Дыхание доктора постепенно перешло в прерывистое.

— Как бы концы не отдал, — забеспокоился Фаллада.

— Даже если и так, — жестко проговорил Карлсен, — нечисть погибнет вместе с ним. Одно другого стоит.

— Всех нас не уничтожить, — глухо рокотнул голос.

— Ничего, постараемся, — заверил Карлсен. — Пошлем на вашего циклопа боевые корабли.

Фаллада удивленно взглянул на него, но ничего не сказал. Веки Армстронга устало смежились. Лицо окаменело, кожа как-то обмякла.

— У нас есть еще один шприц, — сообщил Карлсен. — Будешь отвечать на наши вопросы, или вводим?

Некоторое время Армстронг безмолвствовал. Затем громко произнес:

— Задавайте ваши вопросы.

— Как твое имя?

— Вам его не выговорить. Можете звать меня Героон.

— Ты мужчина или женщина?

— Ни тот, ни другой. Нашей расе не присущ род.

— Какая раса? — вклинился Хезлтайн.

— Можете называть ее Нйотх-Коргхай. Хотя людям бесполезно произносить это название, на вашем языке оно звучит совсем по-другому.

— Откуда ты? — спросил Фаллада.

— С планеты под звездой... Назовем ее Ригел. Ее не видно даже в самые мощные телескопы.

— Сколько тебе лет?

— По земному исчислению пятьдесят две тысячи.

— У вас живут так долго? — спросил Карлсен.

— Нет. Только мы, Уббо-Сатхла. Те, кого вы называете вампирами.

Диктофон монотонно записывал сказанное.

— А остальные Нйотх-Коргхай? Сколько они живут? — продолжал Фаллада.

— Примерно триста земных лет.

— Как вы стали вампирами?

— Это долгая история. Наша планета полностью покрыта водой. И раса наша, как вы догадались, имеет форму моллюсков. Только у земных моллюсков мозга почти нет, а у Нйотх-Коргхай, наоборот, высоко развиты мозг и нервная система. Тела наши необычайно легки, поэтому мы можем жить при громадном давлении. Жизнедеятельность основана на элементе под названием «флюорин», которым изобилуют наши моря. Под морями имеются огромные природные каверны, ставшие городами. Они гораздо больше земных пещер. Самые мелкие — по пятнадцать километров в высоту.

Когда на вашей планете господствовали гигантские ящеры, у нас уже была высокоразвитая цивилизация. Человеческий ум любит загромождать себя техническими проблемами и возводит в идеал науку. Нйотх-Коргхай интересуется лишь то, что у вас называется религией и философией. Каждый из них стремится познать Вселенную и максимально с нею слиться. Это объясняет, почему у нас нет такого понятия, как «пол». Ваши тела передают искру жизни в момент наивысшего полового возбуждения. Нйотх-Коргхай в отличие от вас могут получать такую энергию напрямую. Они проникаются любовью не к себе подобным, а ко всей Вселенной.

Познав космические тайны, мы научились также проецировать свои умы в отдаленные галактики. Наведывались и на Землю, когда здесь только начинали остывать моря. Мы научили растительных обитателей Марса обустроить цивилизацию под водой. Помогли существам с планеты Плутон вовремя перебраться на планету двойной звезды Сириус, когда их собственный мир утратил атмосферу. Величайшим нашим достижением была помощь в эвакуации более сотни планет в Краб Небуле, прежде чем она взорвалась и обратилась в сверхновую.

Вы, земные создания, понятия не имеете о грандиозных пертурбациях межзвездного пространства. У вас слишком мелкий масштаб. А вот Нйотх-Коргхай наблюдали рождение и смерть галактик. Мы видели, как из ничего возникают вселенные. Вы должны понимать, что такие микрокосмы живут обособленной космической жизнью, на уровне, недоступном биологическим организмам. Религия Нйотх-Коргхай провозглашает, что вселенная — сама по себе невиданный мозг, в котором миры — просто отдельные клетки.

Пятьдесят тысяч лет назад на Земле подошел ледниковый период, и существовавшие тогда люди — вы их зовете неандертальцами — немногим отличались от обезьян. Нйотх-Коргхай решили, что условия благоприятствуют занятому эксперименту — попытке произвести более разумную форму жизни. Ваш мир был жесток и опасен, но вместе с тем удивительно красив.

Прошло еще семьсот лет, мы поняли, что настало время предоставить человечество самому себе, и поэтому вернулись в свою звездную систему...

— Извините, что перебиваю, — вмешался Фаллада, — но до

Ригела по меньшей мере сотни световых лет. Сколько же времени ушло на такое путешествие?

— Вы забываете, что энергия Вселенной существует на разных уровнях. На земном — самая большая скорость — скорость света. На нашем же — в тысячи раз быстрее. Перелет занимал меньше года.

Наша группа при отлете была последней. Мы намеренно задержались на максимальный срок. На обратном пути и случилась беда. Покрыв больше половины расстояния, мы обнаружили, что пролетаем в нескольких сотнях миль от сжимающейся звезды — «черной дыры». Это наиредчайшие объекты во Вселенной, с ними никто прежде не сталкивался. В конечном итоге мы решили исследовать это явление, что было большой ошибкой. Те, кто летел впереди, прежде чем их поглотило, успели предупредить, чтобы мы держались как можно дальше. Но было уже слишком поздно. Единственно, что можно было сделать, — это оттянуть кончину. Мы пошли на это, пустившись вокруг «черной дыры» по орбите. Так и витали, неумолимо приближаясь под силой чужого тяготения. Некоторые из нас окончательно потеряли надежду и безропотно соскользнули в ничто. Остальные же продолжали бороться, намереваясь держаться до самого конца.

Так прошло более тысячи лет, и вдруг «черная дыра» исчезла, и мы оказались на свободе. Но полнейшее истощение не давало сплотить силы и настроиться на нужный уровень энергии. Мы были брошены на произвол судьбы в космической бездне, на расстоянии четырехсот световых лет от своей звездной системы, и медленно тронулись в путь, изыскивая по пути обитаемые планеты, подобные Земле, которых во Вселенной миллионы. На планете системы Альтаир мы повстречались с существами, внешне схожими с нашими собратьями, и завладели их телами, свыкаясь с уделом бездомных странников и разрушителей. Постепенно мы начали понимать, что фактически обрели бессмертие, и решили воздержаться от поглощения чужой энергии. В результате возрастные изменения пошли обычным ходом. Пришлось возобновить поглощение жизненной энергии из других существ, но уже не уничтожая их физически, что помогало сохранять источник питания. Среди нас нашлись такие, кто счел подобное решение непорядочным и предпочел умереть от старости. Остальные же свыклись с положением вампиров. В конце концов это закон природы: одни живые существа поедают других.

На планете Альфа Центавра мы начали строить огромный космический корабль, напоминающий о доме, о гигантских подводных кавернах нашего мира. Двадцать с лишним тысяч лет назад мы вновь вернулись в вашу Солнечную систему, рассчитывая застать здесь своих братьев. Нас постигло разочарование: люди по-прежнему были охотниками, обитающими в пещерах...

Все были так поглощены рассказом, что не заметили, как Карлсен встал и тихо вышел из комнаты. В вестибюле он заметил санитару Нортон.

— Где мне найти Фреда Лэмсона?

— Подождите, я его сейчас позову.

Лэмсон появился через пару минут.

— Мне бы еще одну дозу снотворного,— обратился к нему Карлсен.

— Это обязательно? — спросил тот с некоторым беспокойством.— Вы знаете, какое это сильное лекарство?

— Знаю. Но все-таки принесите.

— Хорошо.

Карлсен дожидался в вестибюле; было слышно, как продолжал вещать голос в операционной. На расстоянии он напоминал монотонное гудение компьютера.

Лэмсон вернулся и протянул небольшую картонную коробочку:

— Здесь еще один шприц. Только будьте осторожны. Большая доза может оказаться смертельной.

— Не беспокойтесь.

— Что там у него на уме? — полюбопытствовал Лэмсон.

Карлсен легонько хлопнул санитару по плечу.

— Сказать — не поверите. Но скоро все узнаете. Спасибо за помощь.

Он незаметно открыл дверь операционной и подошел к Армстронгу.

— Что вы делаете? — воскликнул Фаллада, заметив, как Карлсен быстро всадил иглу в руку доктора.— Зачем?

— Потому что надо торопиться в Лондон. В словах пришельца только половина правды. Объясню, когда сядем в «шершень». Помогите поднять доктора.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Взять с собой...

Сержант Паркер подремывал на лужайке. Заслышав шаги, он сел и оторопело уставился на грузную фигуру, лежащую на каталке.

— Помогите поднять его,— попросил Хезлтайн.— Надо как можно скорее выбираться в Лондон. Сколько, по-вашему, на это потребуется?

— Если постараться — полчаса.

На крыльцо вышел Лэмсон и помахал вслед рванувшейся вверх машине.

Устроившись поудобнее, Хезлтайн обратился к Карлсену:

— Я не заметил каких-либо спорных моментов в рассказе пришельца.

— Напрасно, их полно. Давайте разберемся. Первым делом он расписал, как их раса помогла человеческой эволюции. Может, так оно и было, хотя верить приходится исключительно на слово. Затем посетовал на передрыгу, произошедшую из-за «черных дыр». И это могло произойти. А вот после этого я заметил несоответствия. Они начали паразитировать на других живых существах. Похитили тела каких-то созданий на другой планете, решили сменить рацион и посмотреть, что получится. Выяснилось, что старение при этом возобновляется, и они вернулись к паразитированию на других разумных существах.

— Но уже без убийства,— заметил Фаллада.

— Я этому не верю,— продолжал Карлсен.— Почему они кочуют с планеты на планету? Потому что они хищники и не могут подавить в себе соблазн приканчивать добычу. Погубив

жизнь на одной планете, перебираются на другую. Здесь, на Земле, у них только гонцы, остальные — в космосе, медленно подымают от голода. Они объели свой запасник дочиства. И Земле суждено стать их очередным запасником.

— А что, интересная мысль, — задумчиво протянул Фаллада. Сержант Паркер указал вниз.

— Бедфорд, сэр. Минут через десять будем уже на месте. Берем на Скотланд-Ярд?

— Нет, на Измир-Билдинг. Нас хочет видеть премьер-министр, и как можно скорее, — объяснил Хезлтайн.

Полицейский у двери козырнул, узнав Хезлтайна. Через пару секунд дверь открыла хорошенькая темноволосая девушка.

— Премьер-министр ждет нас?

— Да, сэр. Он через минуту освободится. Пожалуйста, присядьте.

— Извините, я что-то вас не помню, — сказал Хезлтайн.

— Меня звать Мерриол, — ответила она с чуть заметным валлийским акцентом, показав в улыбке маленькие белые зубки.

— Любопытно, — заметил Хезлтайн, стоило ей отлучиться из приемной.

— Что?

— Да так, ничего... — Он понизил голос. — Джемисон, по слухам, питает слабость к молодым девушкам. И слухи в общем-то небезосновательные. Последняя его пассия — молоденькая преподавательница из Энглси.

— Неужели он потянул ее на Даунинг-стрит? — усмехнулся Фаллада. — Это же чревато...

— Я тоже так думаю. И все же странно, что девушка... — Хезлтайн замолчал, увидев вернувшуюся секретаршу.

— Проходите, пожалуйста. — Она одарила Карлсена кокетливой улыбкой и завела гостей в кабинет.

Джемисон восседал за письменным столом, пожилой мужчина в очках перебирал на подносе письма.

— Думаю, пока хватит, Мортон. И не забудьте о звонке личному секретарю президента. — Он улыбнулся Хезлтайну поверх очков. — А, скитальцы возвратились? Присаживайтесь, господа. Что-нибудь есть интересное для меня?

— Мы с капитаном Карлсеном летали в Швецию, консультировались у специалиста по вампиризму, — сообщил Фаллада.

— В самом деле? Очень интересно. — Премьер перевел взгляд на Хезлтайна. — А вы что сообщите?

Хезлтайн бегло переглянулся с Карлсеном.

— Мы поймали одного из пришельцев.

— Серьезно?

Изумление было таким искренним, что Карлсена на миг охватило сомнение. Сунув руку в карман, он вынул капсулу с записью, вставил ее в прорезь диктофона и нажал на клавишу. Послышался монотонный, размеренный голос пришельца: «Наша планета полностью покрыта водой. И раса наша, как вы догадались, имеет форму, что называется, моллюсков. Только у здешних моллюсков мозга почти нет. У Нйотх-Коргхай же, наоборот, высоко развиты мозг и нервная система...»

Джемисон слушал с предельным вниманием, подперев рукой тяжелый подбородок и почесывая указательным пальцем скулу. Минут через пять он потянулся и выключил диктофон.

— Просто... замечательно. Как вы вычислили этого... вампира?

— Нам подсказал шведский специалист, но мы обещали держать это в тайне.

— Понятно. А что остальные двое пришельцев?

— Один находится в Нью-Йорке. Другой — здесь, в Лондоне.

— И как вы собираетесь их выследить?

— Надо передать запись в эфир, — объяснил Карлсен. — Я уже договорился насчет телеинтервью.

— Что?! — Кустистые брови удивленно взметнулись. — Но это же нарушение нашей договоренности!

— Когда мы договаривались, считалось, что пришельцы мертвы, — напомнил Карлсен. — Теперь же все обстоит иначе.

Джемисон хлопнул ладонью по столу.

— Извините, господа, но я категорически запрещаю любую самостоятельность.

— Извините, — невозмутимо возразил Карлсен, — но вы лишь премьер-министр этой страны, а не диктатор.

— Ах, капитан, вы отнимаете мое время. — Джемисон, потянувшись, нажал на диктофоне красную кнопку. — Все, записи больше нет.

— Прежде чем прийти сюда, мы сделали копии, и одна уже отправлена на телецентр, — усмехнулся Карлсен.

— Вы или непомерно слепы, или непомерно глупы, — неприкрытым тоном произнес Джемисон. — А скорее и то, и другое. — Он нажал кнопку на столе, и тут же в кабинет вошла секретарша.

— Браал, надо позвонить в лабораторию доктора Фаллады. Он хочет переговорить со своим ассистентом Греем.

Фаллада начал приподниматься, но вдруг лицо его недоуменно исказилось, и он снова шлепнулся в кресло.

Потыкав наманикюренным пальчиком кнопки в электронной записной книжке, девица набрала номер. Откликнулся молодой женский голос.

— Пожалуйста, мистера Грея. Вызывает доктор Фаллада.

Джемисон и девица сосредоточили свои взгляды на Фалладе. Тот поднялся и на негнущихся ногах двинулся через комнату к телеэкрану.

— Алло, Норман, — осевшим голосом прохрипел Фаллада. — Надо подослать Армстронга на Даунинг-стрит, десять.

— Хорошо, сэр. Как насчет снотворного? Дать еще одну дозу?

— Нет. Надо, чтобы он пришел в себя.

— С вами все в порядке, сэр? — с беспокойством спросил ассистент.

— Да, все отлично. Просто устал немного. Возьмите институтский «шершень».

— Сделаем все, как надо, сэр.

Девица потянулась и выключила аппарат. Фаллада тяжело покачнулся и невольно схватился за краешек стола.

Хезлтайн с мучительным усилием повернулся к Карлсену:

— Что они с нами делают? — Голос от напряжения звучал глухо.

— Используют волевое давление. Не переживайте, их надолго не хватит.

— Ровно настолько, сколько потребуется, — бесстрастно произнес Джемисон. — Нам от вас предстоит многое узнать, Карлсен. Как, например, вы прознали о волевом давлении. У вас нет выбора, и мы делаем вам предложение. Нам нужно ваше содействие. И мы можем добиться его двумя способами: или умертвить вас и завладеть вашими телами, или же вы добровольно выполните наши требования.

Раздался звонок, и со словами: «Должно быть, наш коллега», — Джемисон вышел из кабинета. Вернулся он через несколько минут, но не один — с ним был доктор Армстронг.

— Посмотри на меня, — требовательно произнес Джемисон, подводя его к стулу. Армстронг нехотя поднял глаза. Джемисон схватил его за волосы, отчего тот страдальчески сморщился, отвел голову и вгляделся в глаза. Армстронг надрывно закашлялся, потом сердито стряхнул руку Джемисона со своего лба.

— Теперь лучше. Спасибо. Они вкачали в меня три дозы этой пакоши. — Он с холодной яростью взглянул на Карлсена. — Если ему суждено умереть, это сделаю я.

— Он уже обещан мне, — возразила девица.

— Выбор за ним, — перебил их Джемисон и обратился к Карлсену: — Что ты предпочтешь? Чтобы тобой овладела она? Или умертвил он? Решай быстро.

— Убивать меня глупо, — ответил Карлсен, с трудом выдавливая слова. — Тело мое вы могли бы использовать, но все равно вам не удастся обмануть тех, кто меня знает.

— Этого не требуется. Нам нужно, чтобы вы выступили сегодня вечером по телевидению и высказались по поводу того, что «Странник» надо отбуксировать к Земле. Скажите, что медлить с этим глупо, так как инициативу могут перехватить другие страны. После этого я объявлю, что назначаю вас начальником экспедиции по доставке «Странника», и завтра утром вы отбудете на лунную базу. Это все, что от вас требуется. Я жду ответа.

— Может, попробовать его уговорить? — спросила девица. Не дожидаясь ответа, она села Карлсену на колени и откинула ему назад голову. Почувствовав ее прохладные ладони у себя на коже, он осознал, что она забирает его энергию. Вдруг Карлсен ощутил, как из немыслимой глубины пробивается в нем некая сила. Уже не она, а он цедил из нее жизненную энергию.

Джемисон встал и пристально посмотрел на Карлсена.

— Черт побери! Кто ты такой?

Собираясь с мыслями, Карлсен вдруг понял, что ответа не требуется. Вопрос задавался не ему. С его губ слетели слова на чужом языке.

— Моя родина Картхис, — произнес он.

— Что тебе надо от нас?

— Я думаю, ты знаешь. — Карлсен вдруг заметил, что вам-

пир, овладевший девушкой, исчезает из ее тела и крадется к окну.

— Тебе не уйти, Враал! — крикнул он. — Мы тысячу с лишним лет потратили, разыскивая тебя. Поэтому не надейся, что тебе это снова удастся. — Прозрачный лазерный силуэт подрагивал перемежающимся светом циркулирующей внутри энергии, придающей сходство с клубящимся дымом.

— Я не понимаю, — в замешательстве заговорил Фаллада. — Ты...

— Я обитатель планеты Картхис и использую тело вашего друга Карлсена. — Он повернулся к Джемиону и Армстронгу: — Идемте! Пора в путь.

Фаллада с Хезлтайном, застыв от изумления, смотрели, как от Карлсена начала отделяться пурпурная дымка. Размытые светящиеся силуэты отделились и от Армстронга с Джемионом. Армстронг завалился на бок с отвисшей челюстью, а Джемион тяжело рухнул в кресло и растерянно посмотрел на девушку.

Вглядываясь в багряные переливы, зыбко сочащиеся на фоне стен, Карлсен ощутил в себе такие глубокие чувства, каких никогда не испытывал прежде. Впервые он в полной мере осознал одиночество и неприютность, толкавшие этих созданий рыскать по галактике в поисках жизненной энергии, почувствовал их ужас перед холодным зевом небытия, готового поглотить их навсегда, вместе или порознь. Перед такой реальностью собственная жизнь внезапно показалась пустяком, и это придало Карлсену храбрости. Сделав шаг навстречу свечению, он выкрикнул:

— Не убивай их! Отпусти!

Спустя секунду в ответ донеслось:

— Ты знаешь, о чем просишь?

Карлсен вновь ощутил мощный прилив энергии и способность проникать в умы окружающих. Неизвестный опять проник в тело Карлсена. Его руками он поднял девушку, аккуратно усадил ее на стул. Затем поочередно оглядел всех присутствующих.

— Вы готовы вынести решение об участии этих существ, задумавших уничтожить вас?

— Как же мы можем судить их? — откровенно спросил Фаллада.

— Тогда слушайте и решайте. — Голос был терпелив и кроток. — Больше двухсот лет я нахожусь на Земле, выжидая возвращения Уббо-Сатхла. Мои собратья разыскивали их среди других галактик. Осуществить это сложнее, чем отыскать единственную песчинку среди всех пустынь нашей планеты. Две с лишним тысячи лет назад наши посланцы в системе Веги обнаружили остатки планеты В-76. Она распалась на осколки. Мы знали, что планету населяла раса высокоразвитых существ, йерасцинов. Существа эти были ленивы, но безобидны и неагрессивны. Это вызвало у нас недоумение, что за катастрофа могла разрушить их мир. Изучая осколки, мы обнаружили следы ядерного взрыва и решили, что планета уничтожена с целью скрыть следы какого-то немислимого преступления. Дальней-

ший анализ убедил нас в том, что планета стала сценой массового убийства. Мы обследовали все близлежащие планетарные системы в поисках любого свидетельства, способного установить преступников. Такое свидетельство обнаружилось в Солнечной системе, где была взорвана еще одна планета — Йеллднис, голубая. Йеллднис была средоточием великой древней цивилизации существ, подобных нам, — разумных моллюсков. А Марс населяла раса великанов-гуманоидов, осваивающих строительство городов. Теперь же Марс стал безводной пустыней, а Йеллднис раскололся на тысячи каменных осколков. Вместе с тем Земля осталась нетронутой. У нас появилось подозрение, что преступления совершают Канувшие — так мы нарекли ученых, исчезнувших на обратном пути к нашей галактике пятьдесят тысяч лет назад. Вначале в это не особенно верилось, поскольку Нйотх-Коргхай, как и люди, смертны. Но, когда мы прибыли на Землю и изучили ее расовую память, все сомнения развеялись. Преступления совершали существа, подобные нам, — собратья по расе Нйотх, у которых приверженность к покровительству более слабых рас переродилась в тягу к умерщвлению...

Ваша мифология о злых духах и демонах полна атавистической памяти об Уббо-Сатхла, космических вампирах. А поскольку они пощадил вашу планету, было ясно, что они когда-нибудь обязательно вернуться. Мы, разумеется, продолжали поиск по галактикам в надежде пресечь дальнейшие преступления, но одна лишь ваша галактика сама по себе вмещает свыше ста миллиардов звезд. Так что наши усилия оказывались напрасными, но только до сегодняшнего дня...

Голос смолк. Карлсен снова ощутил гнев и беспросветное отчаяние, волнами исходящие от пришельцев. Молчание длилось больше обычного.

— Ну так что? — спросил голос. — Кто-нибудь по-прежнему полагает, что их следует отпустить? — Глаза вершителя обратились к Джемисону. Тот густо зарделся и прокашлялся.

— Конечно же, нет. Это было бы преступной глупостью.

— Я бы хотел задать вам один вопрос, — подал голос Фаллада. Говорил он нервно, изучая взглядом ковер на полу. — Вы сказали: милосердие у них переродилось в некий садизм. А нельзя сделать обратное перерождение?

— Нашли, о чем говорить! — фыркнул Джемисон раздраженно.

— Я хочу знать, — упрямо потребовал Фаллада, — порочны ли эти существа?

— На этот вопрос могут ответить только они сами.

Карлсен внезапно ощутил тошнотворную слабость; прошла секунда, и он понял, что существо вытеснилось из его тела и зависло над головой. Мышцы пресса напряглись, когда он увидел, что один из клубящихся силуэтов плывет к нему и говорит голосом Джемисона:

— Я скажу, хотя знаю, что это ничего не изменит. Справедливость не воплощена ни в ком. Но хотелось бы вспомнить один простой факт. Нйотх-Коргхай, как и люди, смертны. Мы, Уббо-Сатхла, достигли в некотором роде бессмертия. По-вашему, это

не заслуга — открыть секрет вечной жизни? Вы скажете, что мы губили чужие жизни. Но разве это не закон природы? Люди не чувствуют угрызений совести, убивая бессловесных животных. Если так, то в чем же наша вина?

— Вы отрицаете тот факт, что убиваете для удовольствия? — спросил напрямую Фаллада.

— Нет. — Голос был спокойный и осмысленный. — Но, если приходится убивать для того, чтобы выжить, почему бы нам не находить в этом удовольствие?

— Но ведь... жестокость происходит от слабости, а не от силы? — без особой уверенности произнес Хезлтайн.

— Тот, кто не испытал полного отчаяния, не вправе говорить, что есть слабость, а что сила. Вы можете себе представить, что значит бороться тысячи лет? Мы решили, что нет причины мириться со смертельной участью, пока есть еще шанс выжить. Я хочу знать, что вы собираетесь с нами делать.

— Это будет решено на Картхисе, — ответило светящееся существо.

— Но мы не можем возвратиться на Картхис, если ты не дашь нам энергию преобразования.

— Она будет вам дана.

— Когда?

— Сейчас, если вы желаете.

Карлсен попробовал взглянуть на светящийся силуэт, но глазам сделалось нестерпимо больно, и он закрыл лицо руками. Свет в комнате разгорался все сильнее, вызывая у присутствующих восхищение и ужас. Открыв глаза, Карлсен посмотрел на вампиров, жадно поглощавших энергию. По мере того как она протекала сквозь них, их формы вырисовывались все отчетливей, пока не уплотнились до осязаемости. В комнате внезапно потемнело, и силуэты начали испаряться на глазах, пока не сжались до размера булавочных головок.

Джемисон издал протяжный вздох и коснулся кнопки на столе; окна автоматически открылись. Кабинет наполнил глухой шум Уайтхолла, повеяло теплым летним воздухом. Несколько минут все молчали. Хезлтайн, смежив веки, откинулся в кресле. Фаллада сидел прямо, вытаращив немигающие глаза. В нависшей тишине слышалось только учащенное дыхание девушки. Переведя взгляд на Джемисона, Карлсен убедился, что тот не столько устал, сколько притворяется. Премьер обладал замечательной выносливостью и жестким, не поддающимся логике упрямством человека, обожающего власть. Он поглядывал на Карлсена с Фалладой, прикидывая, как бы их уговорить, чтобы помалкивали...

Всех всполошил звонок коммутатора.

— Да?! — бросил Джемисон.

— К вам министр занятости, сэр, — ответил голос секретаря.

— О Господи, сейчас? Еще не хватало! Мортон, извинитесь, придумайте что-нибудь. Скажите, что у меня срочное дело...

— Слушаю, сэр.

— Ну что ж, господа, — обратился премьер к присутствующим, — мы сейчас прошли через непостижимое испытание. Слава Богу, наконец-то все кончилось.

— Так что же случилось с вампирами? — спросил Хезлтайн.

— Они ушли, — торопливо произнес Джемисон. — А до остального нам дела нет.

— Но что все-таки произошло? — настойчиво перебил его Фаллада.

— Он полностью снабдил их энергией, необходимой, чтобы добраться до своей звездной системы. Они действительно не будут наказаны. В их законе нет понятия о наказании, — начал объяснять Карлсен. — Пришельцы вновь стали богами — тем, кем и были первоначально...

Джемисон поднялся.

— Ну что ж, господа, если не возражаете... Думаю, нам всем нужно отдохнуть и восстановить силы. Но, прежде чем выйти из кабинета, давайте условимся, что будем молчать. Во всяком случае, пока... Может, кое-кто и поверит нам, но подавляющее большинство сочтет за сумасшедших...

— А, с другой стороны, почему бы и не поверить? — перебил его Фаллада.

— Ох не поверят, дорогой доктор. Оппозиция первая начнет тыкать в нас пальцем, и мне придется подать в отставку. Короче, мы навлечем на себя скандал, который не сулит ничего хорошего.

— А справедливо ли думать только о себе? — вмешался в разговор Карлсен. — Люди имеют право узнать обо всем случившемся.

— Это лишь риторика, капитан. Как политик, я обязан быть прагматиком. Заявляю совершенно однозначно, что жизнь у нас превратится в кошмар. Есть и моральный аспект. Я премьер-министр этой страны и должен делать все для блага Великобритании. Вы согласны со мной, комиссар?

— Как скажете, господин премьер-министр, — ответил Хезлтайн.

— Капитан Карлсен?

— После ваших слов ничего другого не остается...

Джемисон повернулся к Фалладе:

— Доктор?

— А моя книга? — задал тот встречный вопрос. — Мне ее что, под замок?

— Книга? — растерялся Джемисон.

— Да, «Анатомия и патология вампиризма».

— Да что вы, как можно! Такая чудесная идея! Эта книга, безусловно, важнейший вклад в науку. Я лично прослежу, чтобы она получила поддержку Медицинской Ассоциации Великобритании. Книгу обязательно надо опубликовать. И у меня нет сомнения, что вас ожидает высшая правительственная награда.

— Ну уж это ни к чему, — раздраженно вспыхнул Фаллада.

— А как быть со «Странником»? — спросил Хезлтайн.

— Ах да, со «Странником». — Джемисон, нахмурившись, покачал головой. — Мне кажется, чем скорее мы о нем забудем, тем лучше.

Фаллада вышел, хлопнув дверью. Когда Карлсен двинулся следом, Джемисон заговорщически ему улыбнулся.

— Переговорите с ним, капитан. Я понимаю, что нервы у человека не железные, но уверен, что его можно убедить.

— Сделаю все возможное, господин премьер-министр,— ответил Карлсен.

Фалладу он догнал на крыльце.

— Брось, Ганс! Не хватало еще из-за этого расстраиваться.

— Какое там, к черту, расстраиваться, меня просто трясет! Не человек, а глиптондон какой-то. Откуда он знает, что моя книга ценна, когда сам в глаза ее не видел!

— Ценности в ней от этого не убавится. Так что какая разница?

Фаллада подавил раздражение.

— Не знаю, как у тебя получается так спокойно ко всему относиться?

— Это нетрудно.— Карлсен усмехнулся.— У нас с тобой для размышления есть темы поважнее...

Выдержка из книги «Математика и монстры: Автобиография ученого» (автор — Зигфрид Бухбиндер; Лондон/Нью-Йорк, 2145 г.):

«Возможно, я был одним из первых, кто услышал от Карлсена его знаменитую фразу (реверсировка времени). Это случилось весной 2117 года.

На втором году своих выездных лекций (в Массачусетском технологическом институте) профессор Фаллада стал частым посетителем нашего дома на Франклин-стрит. Отчасти потому, что дружил с моим отцом (он заведовал кафедрой психологии космических исследований), а в основном из-за того, что моя сестра Марсия и привлекательная жена Фаллады Кирстен стали неразлучными приятельницами. Сам Фаллада был на пятьдесят с лишним лет старше своей жены, но они, похоже, души не чаяли друг в друге.

Как-то раз теплым апрельским вечером чету Фаллада пригласили к нам в дом на пикник... Они пришли не одни, а с человеком, в котором все узнали знаменитого капитана Карлсена. Недавно в прессе прошла информация, что Карлсен отклонил сумму в два с лишним миллиона долларов, предложенную ему за книгу о космических вампирах. Почти два года он скрывался неизвестно где: в журнале «Вселенная» сообщалось, что он живет в буддийском монастыре, расположенном на Луне в районе Моря Спокойствия. И вдруг легендарная личность спокойно входит к нам во дворик и начинает советовать, как лучше жарить оленину на вертеле...

Карлсен готовился разменять девятый десяток, но казался не старше пятидесяти. Марсия сказала, что не встречала более привлекательного мужчины. Я же за вечер не мог выговорить ни слова, лишь глазел на своего кумира.

Пару часов беседа кружила вокруг обычных тем, но понемногу все расслабилось. Ближе к полуночи мать напомнила, что мне пора идти спать, и я стал прощаться с гостями. Когда дошел до Карлсена, то неожиданно для самого себя брякнул:

— Можно, я у вас что-то спрошу? Правда, что вы живете в монастыре на Луне?

Карлсен улыбнулся:

— В общем-то живу я в ламаистском монастыре, на Кокунг-чаке.

— А это где?

— В центральной части Тибета.

— А почему вы не приедете жить сюда, в Кембридж?

Карлсен ласково взъерошил мне волосы и сказал:

— Ладно, я подумаю.

Затем повернулся к отцу:

— Собираюсь обратно на Стораван, в северную Швецию.

Тут уж я присел и стал слушать. Зачарованная рассказом мать даже забыла о том, что мне пора спать.

Карлсен рассказывал о том, как были уничтожены вампиры (в 2076 году). Ему требовалось время, чтобы уединиться со своими мыслями. Фаллада же хотел заново проработать свою книгу.

«Странник» был восстановлен и впоследствии посажен на Луну. Карлсен работал над гипотезой вампиризма вместе с Эрнстом фон Гейерстамом. Но их исследования помешала гибель Гейерстама в возрасте ста пяти лет. Катаясь на горных лыжах, он разбился. Карлсен был уверен, что так или иначе Гейерстам все равно бы умер. «Благотворный вампиризм» лишь замедлял процесс старения. Проблема заключалась в том, чтобы не просто замедлять, а «реверсировать», то есть направлять вспять время.

Фалладе эта мысль казалась необычной, он говорил: «Обратить время физически невозможно». «Время в абстрактном смысле — да,— убеждал его Карлсен.— Но не время жизни. Космические вампиры обрели в некотором роде бессмертие, так как тысячелетия потратили на то, чтобы избежать гибели в «черной дыре». Но они не поняли, что бессмертия можно достигнуть только путем реверсировки».

— А мы можем достичь реверсировки времени? — спросил мой отец.

— Да, и я ее уже достиг,— ответил Карлсен.

Это была моя единственная встреча со знаменитым астрономом. После решения Всемирного суда взять его под защиту от средств массовой информации он опять уехал на Стораван. Через пять лет в письме я напомнил ему о том вечере и спросил, нельзя ли мне, когда буду в Европе, позвонить и приехать к нему. Он ответил вежливо, но твердо, что исследования сейчас достигли решающей точки и он не может принимать посетителей.

Я увидел его еще раз в гробу. Буквально на следующий день после того, как стало известно о его смерти, я прибыл в Стокгольм и тут же нанял частный самолет, чтобы добраться до Сторавана. Виолетта, третья жена Карлсена, встретила меня любезно и пригласила отобедать в семейном кругу, затем провела в усыпальницу за часовней, в которой стояло несколько каменных саркофагов. Крышка у саркофага Олофа Карлсена была частично сдвинута. Я был изумлен, увидев, что внешне он

совсем не изменился, а выглядел даже моложе. Я положил ладонь на его загорелый лоб. Он так походил на живого, что я преодолел неловкость и спросил миссис Карлсен, провел ли врач ламбда-тест. Та ответила, что да, причем наблюдалось полное прекращение обычного обмена веществ.

Миссис Карлсен опустилась на колени для молитвы. Я присоединился к ней из уважения. От каменных плит веяло холодом, и через несколько минут мне стало как-то неудобно. Миссис Карлсен, казалось, так ушла в свои мысли, что я боялся шелохнуться. Одной рукой опершись о каменную платформу, я подался вперед, чтобы можно было видеть лицо Карлсена. И вот тогда, пристально взглядевшись в его профиль, ощутил странное спокойствие, словно какое-то дурманящее снадобье растеклось по телу. Одновременно мной овладела неуместная радость, от которой к горлу подкатили слезы. Объяснить я ничего не могу, просто описываю, как все было. Мне показалось, что под этими сводами витает нечто сверхъестественное, некий дух добра. Умиротворение было таким глубоким, что время, казалось, прекратило свой бег. Всякое неудобство исчезло, хотя я стоял на коленях вот уже больше получаса.

Когда миссис Карлсен запирала дверь часовни, я заметил:

— Даже не верится, что он умер.

Она ничего не ответила, но, сдается, посмотрела на меня как-то странно...»

**Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА ШАБРИНА.**

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

XIV

Чисто технические и отчасти умственные способности Брюллова были чрезвычайно значительны, но в нем отсутствовало то, что называется художественной душой, — та самобытная сила, которая управляла бы этими способностями, и то ясновидение, которое заставило бы их служить живой красоте. Вполне допустимо предположение, что, живи Брюллов в другой стране и при других условиях, питаясь он истинно художественной атмосферой, он дал бы если не самостоятельное, то все же прекрасное. Живи он, например, во Фландрии в XVII в., он играл бы, пожалуй, роль одного из блестящих сателлитов Рубенса. Но никогда и нигде Брюллов не мог бы открыть новых горизонтов, найти новую убедительную красоту, словом, не сделал бы того, что сделали великие мастера — родоначальники школ и направлений, не мог бы, так как в нем не было того внутреннего прозрения, того вдохновения и мистического огня, которые двигали этими художниками. Нельзя сказать поэтому, что душа Брюллова была искажена Академией, так как, наоборот, душу ему изготовила и вложила Академия. Искажена была лишь его рука, его наследственная — и громадная способность владеть кистью и карандашом, искажена и направлена на ложь и пустя-

Продолжение. Начало в №№ 1—4.

ИЯ писи

А. А. ИВАНОВ.
Женский
портрет.
Около 1835-го.

ки. Нечто совершенно иное произошло с Александром Ивановым, который по всей своей натуре является прямым контрастом Брюллова.

Об Александре Иванове не достаточно еще пожалели русские люди. В другую эпоху такой художник был бы, наверное, дивным выразителем в живописи идеалов своего народа, так как он по своей значительности равнялся не, как Брюллов, второстепенным, занимательным «писателям», а высшим и прекраснейшим поэтам. В нем жила детская, ангельская, пытливая душа, настоящая душа пророка, жаждавшая истины и не боявшаяся мученичества. За искажение одной такой души академизм заслужил безусловную ненависть и презрение, так как такие души, в сущности, только и дороги для человечества, только они и составляют суть и смысл всего искусства, они светятся, как редкие, но приветливые светильники на темном пути, по которому мы плетемся. Один из этих светильников Академия святотатственно завесила темной пеленой своей схоластики, и вокруг образовалась темнота... К счастью, только завесила, а не затушила. Уголья светильника продолжали тлеть, невидимые, в безвоздушном пространстве. Однако, когда эти уголья стали разгораться, когда та пелена настолько уже была изъедена пламенем, что висела вся в клочьях и отовсюду через нее прорывался радостный, божественный огонь, пожиравший и эти остатки, тогда-то рок, безжалостный к русскому искусству, вдруг разбил и уничтожил этот светильник и все снова погрузилось в прежний, и до сих

пор лишь слабо рассеивающийся, мрак. Иванов умер внезапно и как-то нелепо, в тот самый момент, когда он готовился сказать свое великое слово, и этот момент — полного просветления — был настолько краток, что большинство тут же и забыло о нем, а кто и помнит (Ге, Крамской), то так, как ослепшие в раннем детстве помнят о солнце.

92 Родился Александр Иванов в 1806 году, в Петербурге, в семье не раз уже упомянутого профессора Андрея Иванова, заслуженного, аккуратного и приниженного чиновника академического искусства. Склад ивановской семьи был типично мещанским. Во главе находились: суровый, неприступный на вид, на деле мягкий до слабости, отец, ревностный в обрядах и букве христианин, безусловно, добросовестный, но не дальновидный служака, и очень милая, но совершенно безличная мать. В доме царил черствый порядок, однако больше во внешности, что же касается душевной жизни, то членам семьи предоставлялась свобода, должно быть, потому, что не было и подозрения о том, что такая свобода имеет значение. Все интересы сводились к мелкому и жалкому — к заботам о карьере, о заказах, к пустым сплетням и пересудам об академических нравах и происшествиях. Взгляды на искусство Андрея Иванова были неумолимо серьезны и упорны, но притом до последней степени ограничены. Староверческий фанатизм его сводился к незатейливой формуле: во-первых, антики, во-вторых, натура, а над тем и другим порядочность, чистота отделки и угождение требованиям начальства. Взятый семи лет в Академию, он был там «сделан» художником, затем «сделан» академиком и профессором; вполне естественно, что он смотрел на все художественное юношество и на своих собственных детей как на мягкий воск, из которого в любой момент можно опять-таки «сделать» таких же, как он, художников, академиков и профессоров. Молодой Иванов, таким образом, задолго до того, что начал посещать классы казенной Академии, находился под давлением самого затхлого академизма.

К счастью, хотя Александр и унаследовал от отца скромность, доходившую почти до приниженности, рядом с ней в нем уже в ранних letech обнаружилась какая-то странная при этих условиях дерзость мысли, основывавшаяся на ощущении, что в глубине души его идет самостоятельное движение, очень значительная работа. Эта дерзость, развившаяся в нем только потому, что никто из окружающих не интересовался психологическими вопросами и не вторгался в тайники его внутренней жизни, была несомненной печатью божества и впоследствии всю жизнь спасала его. Она была тем двигателем, который помог Иванову не погрязнуть в мещанском болоте, а возвыситься до понимания прелести и высоты истинного просвещения — выкарабкаться из тьмы и духоты на свежий воздух. К счастью, было также, что в те, важные для формирования его ума и взглядов, дни Иванов нашел себе достойного друга в лице пейзажиста Рабуса, неважного художника,

но восторженного романтика, всем умом и сердцем влюбленного в искусство*.

В это-то время медленного вырабатывания Ивановым собственной личности, когда он в каждый миг мог прийти в отчаяние от сознания не только недостижимости, но одной мутности своего идеала, бросить навсегда мечты об истинном искусстве и отдаться гнусенькому, но по крайней мере не беспокойному прозябанию наподобие всех близких ему людей. Тогда неожиданно явилось ему на помощь одно внешнее обстоятельство, которое вырвало его из развращающей среды и дало ему возможность осмотреться и стать на ноги. Общество Поощрения Художников, недавно так удачно употребившее деньги на посылку братьев Брюлловых за границу, обратило внимание на успехи Иванова в Академии и, когда он там, хоть и был признан достойным, не получил, в качестве вольноприходящего ученика, большой золотой медали, решилось дать ему эту медаль от себя и послать на свой счет в чужие края**.

К сожалению, целью поездки Иванова был все тот же холодный и засушенный Рим Камуччини и Торвальдсенов, который оказался столь вредным для Кипренского и столь бесполезным для Бруни и Брюллова. Так же мало приготовленный академическим воспитанием к сознательному восприятию истинного и живого движения в европейском искусстве, он так же, как и его предшественники, в течение долгих лет не мог разобраться в том, что теперь увидел вокруг себя. Однако Иванов тем как раз и отличался от этих художников, что понимал свою неразвитость и до тех пор с гениальным, полуинстинктивным упрямством не возвращался на родину, опасную для его дальнейшего развития, пока не выяснил себе всего, пока не вылечился и не окреп. Лишь мало-помалу, один за другим, с мучительнейшими сомнениями опрокидывал он навязанные авторитеты и лишь медленно выбирался на вольный светлый путь.

Главный, самый опасный враг, с которым ему пришлось бороться, был академизм, и долгое время эта борьба для Иванова была тем труднее, что он не отдавал себе отчета, до какой степени поработен ложными взглядами, привитыми ему

*Впоследствии в доме Рабуса, в Москве, собирались все светила науки, искусства и литературы.

**В этих первых отношениях Общества к Иванову сразу проглянуло то, что и впоследствии заставляло так страдать его: с ним обращались свысока, чуть ли не как с крепостным (Брюллов был в лучших условиях, как сын иностранца). В Иванове воспитанием настолько была уничтожена способность протеста, что он безропотно переносил эту пытку (отсылка его за границу по разным причинам затянулась на целых 3 года). Он покорно выслушивал назидания и внушения членов Общества и с постоянной робостью представлял на их суд свои труды, часто далеко не одобряемые. Впрочем, терпел Иванов все это не только по неспособности к протесту, но и потому, что слишком для него важно было покинуть болото, в котором он вырос, и поискать тех путей, которые ведут к настоящему искусству. Чтоб не лишать себя возможности ехать за границу и всецело отдаться живописи, он даже решился, с невыразимой болью в сердце, отказаться от брака с любимой девушкой.

А. А. ИВАНОВ. Две головы. Этюд для головы фарисея в чалме. 1830—1840-е.

в школе. В Риме, этой «столице» академической ереси, где она в виде псевдоклассицизма окрепла в сложной и разработанной системе, где ею были заражены все художники, Иванов находился в самых невыгодных условиях. Если римские лжеклассики Камуччини и Бенвенути нисколько по темпераменту и дарованию не отличались от наших лжеклассиков Егорова и Шебуева, то они были во сто раз образованнее их. Они сознательно и хитроумно относились к тому учению, к которому Шебуев и Егоров принадлежали как бы «по службе». Шебуев из всех сил старался исправлять по антикам свои произведения, однако его апостолы своими мужицкими физиономиями все же показывали, что они писаны с русских натурщиков. В римлянах, греках и святых итальянских лжеклассиках уже не было ни единого живого места, и все отзывалось школьной выправкой, через все просвечивала белая, безличная мертвечина гипсового класса. Дома Иванова хвалили, если только рисунок был верен, колорит приятен, «околичность» удачно расположена, но главное, если фигуры хорошо задрапированы. Здесь же Камуччини, глядя на его работы и указывая на единственные живые в его картинах места, написанные с натуры, объявил с уверенностью схоласта, имеющего в голове стройную систему и презирающего беспорядочное разнообразие жизни: «Это натура, но грубая натура».

Вместо того, чтобы оглядеться, Иванов, как любой академик, на первых порах принялся за исправление своего стиля на основании классических образчиков красоты. Он думал, что он идет по стопам великих мастеров прошлого, а на самом деле блуждал в дебрях мертвой схоластики. Он не вглядывался в дивную по линиям и краскам природу, в характерную народную жизнь, клокотавшую вокруг него, а пропадал целыми днями в музеях, дворцах, церквях и библиотеках, тратя в этом спертom архивном воздухе драгоценные дни своей молодости. Он продолжал калечить свою чудную душу, «выбирая», согласно советам своих учителей, грустных кастратов, «отличные места голов и драпировок, дабы приучиться к хорошему вкусу».

Но Иванову не суждено было навеки погрязнуть в холодной, мрачной трясине мертвого псевдоклассицизма. Около 10 лет до того Брюллов мог познакомиться в Риме с назарейцами, но его гордой и пустой натуре были недоступны начинания этих святых художников. Теперь (в начале 30-х годов) таинственный голос, не заглохший в Иванове, повел его как раз к главе их, к Овербеку, и с этого момента началось его спасение. Овербек первый в новейшие времена обнаружил понимание и воодушевленное признание христианских идеалов в искусстве. Положим, у Овербека это понимание имело довольно определенный характер узкого фанатического католицизма, но все же это было понимание, которое вело к истине на единственно доступной для искусства почве — на мистической. Иванов, движимый своим гением, отлично сумел извлечь из общения с Овербеком вечное и прекрасное и презреть преходящее, чем увлекался немецкий

мастер. Но если беседы с Овербеком и помогли Иванову повернуться в сторону истины, то они не указали пути к ней. Сам Овербек не видел спасения христианской живописи вне древних мастеров и твердо верил, что Рафаэль и Беато Анжелико (какое уже странное сопоставление) нашли истинное выражение божественного, что нужно только так же делать, как они. Овербек не обратился (как то сделали 20 лет спустя английские прерафаэлиты и впоследствии сам Иванов) к первоисточнику искусства, к непосредственному изучению жизни, а попался на старую болонскую удочку, и, вместо уничтоженного в себе классического академизма, создал новый, почти столь же фальшивый и безотрадный. Однако если не в творчестве, то по крайней мере в отвлеченных мыслях о творчестве Овербеку удалось вырваться из Винкельмановской ледящей тюрьмы. Для Иванова же было полезно только то, что говорил и думал этот христианский художник-проповедник, а не то, что он создавал в своих розовых и жеманных картинах, — его умиление перед высоким, заражающим трепет перед таинственным, но никак не лизанное письмо, не рабское подражание старикам, не робкий несчастный рисунок.

В особенности одно очень важное открылось Иванову в беседах с Овербеком. До тех пор, согласно с академической эстетикой, и Гвидо, и Рафаэль, и Буонаротти, и Долче были для него равноценными величинами. Теперь же, благодаря Овербеку, его вкус, его отношение к старикам хоть и непоследовательно, хоть и скачками, но стали очищаться. Разговоры с немецким романтиком помогли ему разобраться в впечатлениях от искусства прошлого, отказаться навсегда от мертвого мастерства академиков XVII века и расширить круг своих симпатий до таких художников, которые прежним русским живописцам казались только смешными, но которые как раз полнее и лучше всех прочих воплотили высочайшие идеалы человечества. Уже predisposed к тому (интересно, что на пути его в Рим, прямо из Петербурга, его поразило «Magnificat» Сандро Боттичелли), он теперь сознательно отвернулся от подражателей и эклектиков и стал всматриваться, к негодованию своих петербургских благодетелей, в бессмертные, хоть и не вышколенные, красоты Джотто и его последователей. Джотто укрепил Иванова в тех мыслях, которые он смутно чувствовал и раньше. Теперь он понял, что не то совершенство — вернее, порядочность — техники, которую ему старались вдолбить в продолжение долгих лет, составляют смысл и прелесть художественных произведений, что искусство дорого людям не из-за такого вздора, как правильно нарисованные «следки» и красиво расположенные драпировки, но что оно дорого только как утоление жажды красоты, как увековечение, выяснение и просветление жизни.

Цель его пути раскрылась перед ним, и он, охваченный восторгом, пожелал выразить еще неясное, скрытое богатство своей души, свою горячую веру в одном создании. По традициям школы (а с ними Иванов еще далеко не порвал) нужно было

привезти из Рима, в свидетельство своей зрелости, одну большую, сложную и серьезную картину: ein Meisterstück. Согласно с собственным религиозным настроением, поощряемый в том Овербеком, он принялся искать сюжет, который позволил бы ему в этом одном произведении выразить свое отношение к искусству. Иванову казалось, что русскому художнику, сохранившему всю силу прежнего верования, надлежало теперь высказать свое понимание Христа, не только личное, но всего русского народа. Грандиозное намерение, не имевшее ничего общего ни со сценическими эффектами Брюллова, ни с велеречивым фразерством Бруни. Читая Евангелие, он набрел в нем на ту тему, которая, ему казалось, даст возможность выразить все его думы и все его чувства, всю высоту его религиозных воззрений, и он принялся за свое «Явление Христа народу»*.

Однако в этом выборе сюжета сказалось влияние не только Овербековского мистицизма, но и некоторой засушенности мысли немецкого художника. Как Овербек не мог научить Иванова новым приемам, кроме как своим компилятивно-подражательным, так точно он не мог помочь ему в деле «выбора сюжета». Овербек, несмотря на весь мистицизм своих взглядов, не лучше всякого академика воображал, что можно додуматься до своей темы. Картины не представлялись его фантазии готовыми созвучиями мысли и чувства, вылившимися в определенных линиях и красках. Напротив того, он постоянно прибегал к чисто академическому и художественно-безнравственному способу: «компоновать» свои создания и *выискивать* сюжеты в чтении книг и в собственных размышлениях. Овербек не ждал самого драгоценного в существовании художника — вдохновения, вдохновения первой мысли, а, занятый своими тугими вымыслами, даже пропускал его, когда оно являлось. Так же точно и Иванов не стал дожидаться вдохновения, чтоб приступить к главному делу своей жизни, и он придумал сюжет для своего Meisterstück'a и затем уже фатально должен был исполнять этот тяжелый труд без животворящего вдохновения, с помощью нудного, мучительного выдумывания.

*Чувствуя, что дело с большой картиной затянется, и желая как-нибудь успокоить своих благодетелей, от которых зависело все пребывание его в Италии (а, по убеждению Иванова, от пребывания в Италии зависела вся дальнейшая работа его), он принялся за картину меньших размеров, «о двух фигурах», желая «показать и наготу, и понятие свое о драпировках». Несмотря на зрелость духа и мысли, он, таким образом, нарочно становился на точку зрения заурядных и бездушных ценителей, и, вероятно, эта точка зрения, которую он тогда уже перерос, не позволила ему создать что-либо живое. Картина эта — «Явление Христа Магдалине» — действительно показала все его умение в наготе и драпировках, от нее веет ледяным холодом. Торвальдсеновский Христос, шагающий в застывшей театральной позе, засушенный, точно награвированный пейзаж, робкая живопись, огромный труд, потраченный на второстепенные вещи, вроде выписки складок, — вот что, во-первых, бросается в глаза, и, лишь всматриваясь, видишь в голове Магдалины нечто такое, что показывает, до какого понимания трагического дошел уже в то время Иванов, каким он стал сердцеведом, как глубоко мог переживать до слез умильный рассказ Евангелия.

В. М. ВАСНЕЦОВ. Собор святителей русской церкви. Эскиз росписи.

Иванов поплатился почти всей своей жизнью, как за ошибки академического воспитания, так и за ошибки доброго, честного и святого, но несколько ограниченного Овербека, вся теория которого была мистической по принципу и сухой, рассудочной в своем приложении. Недостатки воспитания не позволили Иванову сразу стать выше почитаемого им главы назарейцев, перешагнуть через него.

Иванов пошел в исполнении своей картины какими-то зигзагами, постоянно отвлекаясь в сторону с прямого пути, хотя этот путь все более выяснялся в его, выздоравливающей за работой, душе. Время создания его картины, тянувшееся более 15 лет, в сущности, можно рассматривать как время настоящей его школы, а «Явление Христа» как «программу», которую он готовил на всемирный суд в свидетельстве своей школьно-художественной зрелости, явившейся к нему так поздно и доставшейся ему с таким невероятным трудом именно потому, что настоящее время школы было им потрачено на бесполезную и бестолковую зубрежку. Он и смотрел на себя, вероятно, из-за сознания своей слабости, своей художественной неразвитости, как на ученика, и это-то всего больше и сбивало его, заставляло прислушиваться к советам совсем не понимавших его людей: холодных академиков, ограниченных назарейцев или дилетантствующих туристов. Долгое время не решался он отдаться слепо и безусловно своему внутреннему голосу, тогда как именно этот голос был бесконечно драгоценнее всевозможных посторонних мнений*.

Находясь в Риме, Иванов беспрестанно сравнивал свою работу со всем, что было классического и наиболее высокого в этом колоссальном музее прежнего искусства, и вследствие этого вечно пребывал в каком-то «заботливом недовольстве», доводившем его часто до отчаяния. Иванов старался подойти к своим кумирам и изо всех сил бился, чтобы связать традиции с требованием полной свободы, согласить изучение натуры с заимствованиями у старых мастеров. К несчастью, он не понимал того освободительного движения, которое начиналось тогда в лихорадочно-вдохновенном Париже. Он, вероятно, видел, как некоторые французы были заняты тем же, к чему и его влекло инстинктивно, а именно борьбой с традициями вообще, но согласно с наставлениями, полученными еще дома, также с наставлениями Овербека и Гоголя, ненавидевшего французов, Иванов считал

* На то, впрочем, как далеко ушел Иванов уже в конце 30-х годов (тогда как раз, когда Брюллов писал свою «Осаду» и «Распятие»), от взглядов русского общества на искусство, лучше всего указывает известный отрывок его письма, могущий служить прекрасным эпиграфом всей истории новейшего искусства: «Художник должен быть совершенно свободен, никогда ничему не подчинен, независимость его должна быть беспредельна. Вечно в наблюдениях натуры, вечно в недрах тихой, умственной жизни, он должен набирать и извлекать новое из всего собранного, из всего виденного». К сожалению, хотя он и говорил уже тогда, что «Академия Художеств есть вещь прошедшего столетия, ее основали, уставшие изобретать, итальянцы»... однако на деле с Академией он не порвал до тех пор, пока не оставил своей картины, к исполнению которой он приступил чисто академическим путем и которую он и писал с тем эклектизмом, который составляет основную черту изобретенной болонцами системы.

все эти «французские» затеи за разврат и не мог постичь своего духовного родства с теми героями, которые на родине Делакура храбро боролись против рутины и отыскивали новую, живую и свободную красоту.

Какой мужественной бодростью, страстью и негой, тонким вниканием во все оттенки прекрасного проникнуты этюды Иванова, эти непосредственные изучения природы*, и куда девалась вся эта прелесть жизни в картине, для которой они предназначались! Приглаженные и выправленные, засушенные и окаменелые, перешли эти этюды на большое полотно, и на нем с трудом узнаешь сквозь оболочку скучного «монументального стиля» их остатки. Иванов, в том преследовании *старой* красоты, иногда очень близко подходил к ней. Иной его юноша выдержит сравнение по божественной плавности линий с флорентийским Идолино; иная спина, рука, нога, торс — с лучшими образцами древней пластики или ренессанса; некоторые драпировки не уступят рафаэлевским. Но вся эта формальная близость к произведениям прошлого, скорее, вредит его творению, так как чужое досадливо заслоняет собственное.

Одно обстоятельство причинило ему особенно много затруднений. Дома, в школе, несмотря на весь энциклопедизм, которым кичится академическое образование, Иванова забыли *обучить* краскам: вглядываться в тонкость отношений их в природе, в бесчисленные их оттенки и передавать это в живописи. Здесь, в Риме, фрески Микеланджело и Рафаэля, картоны Камуччини, Овербека и Корнелиуса, а также советы трех последних также ничего не могли открыть ему в смысле красок. Между тем и в Риме стали наконец доходить в половине 30-х годов слухи о колористическом движении, начавшемся еще в 20-х годах во Франции, и вопрос о красках не был уже так категорично решаем в отрицательную сторону, как прежде. Самому Иванову казалось, что сила его картины будет зависеть от полной ее правдивости, а эта правдивость, естественно, зависела главным образом от верности красочного эффекта. Иванов, всматриваясь в великие произведения прошлого (а к тому времени он уже умел отличать истинно великие от поддельных), наконец открыл, что основные прелести их не в нагромождении драпировок и не в круглых жестах, но в том, что художники выражали в них свои мысли и чувства с *полной убедительностью*. Иванов отказался от эффектичания и поставил главной целью своих стремлений заставить людей *поверить* своему вымыслу, заставить чувствовать себя перед картиной, как перед действительностью, и, разумеется, для достижения этого ему недостаточно было одних черных линий и монотонной раскраски назарейцев, а требовался живой, естественный колорит.

Иванов и тут не спросил сразу указаний у природы, а обратился за советами к старым мастерам. Он съездил даже специально

* Существуют даже несколько очень тонких портретов его и две-три сценки из итальянского быта, целиком, с глубоким пониманием народной жизни выхваченные из действительности, не имеющей ничего общего с розовой, надушенной Италией Брюллова и Штернберга.

для того в Венецию, на родину великих колористов. Но там наконец у него открылись глаза: венецианцы указали ему как на единственную свою руководительницу и вдохновительницу — на природу, которой Иванов до сих пор так пренебрегал. Послушавшись их советов, он с рвением и наивностью начинающего ученика принялся за свое коренное переобразование, однако, к ужасу своему, вскоре заметил, что уже слишком стар, чтобы учиться делу, требующему более, чем что-либо, непосредственности и свежести. От первоначального, все же приятного, хоть и лживого коричневого колорита он спустя некоторое время отрекся совершенно, но той новой красочной формулы, к которой стремился, так и не достиг.

Тем не менее результаты, полученные Ивановым в этой сфере, изумительны. В иных его этюдах купающихся или отдыхающих людей, освещенных лучами утреннего солнца, в иных пейзажах поражаешься смелостью и передовитостью его открытий. Судя по ним, он, должно быть, уже предвидел то, над чем работали впоследствии с успехом Мане, Моне и Уистлер. Иванов, желая найти полную правду колорита, наткнулся на такие краски, на такие отливы в тенях, на такую пестроту и новизну отношений, о которых вообще до него, во всей истории живописи, не было помину и к которым нас приучили только за самое последнее время — импрессионисты. Какою смелостью и силой обладал этот скромнейший человек, чтобы перейти вдруг от подмалевков «теливердой» и «сиеной», всяких засушивающих творчество школьных рецептов, прямо к ярко-голубым теням на человеческом теле, к серой, тусклой зелени на солнце, к оранжевым и зеленым рефлексам на лицах...

Но все же среди его бесчисленной массы этюдов трудно найти вполне прекрасные по краскам — такие, в которых все, что он подмечал, приглядываясь к отдельным кусочкам природы, было бы так же связано в общую гармонию, как оно связано в действительности. Ему не доставало общей проверки и широкого взгляда на вещи, той «привычки просто смотреть», которая достается художникам лишь в молодых годах и в тех только случаях, когда они отдаются одному этому, не отвлекаясь ни в сторону линий, ни форм. Моне впоследствии только потому и одолел в таком совершенстве красоту красок в природе, что бросил все заботы о рисунке и занялся исключительно отысканием красочной правды.

На картине особенно ясно сказалась колористическая слабость Иванова. Целиком переносить свои красочные изучения на большое полотно он так же не решался, как не решался переносить целиком свои фигуры и типы, писанные с натуры. Все же старания Иванова смягчить «сырость» и резкость красок, успокоить их кажущуюся странность, тушить их яркость — вся эта «комнатная» работа дала в результате какое-то подобие пестрого ковра* или мучительно рябящей в глазах мозаики. Иванов говорил до самой смерти, что картина не окончена именно в том

* Современники находили, что картина похожа на гобелен; в то время это вовсе не означало, как в наше, что-либо лестное.

смысле, что ему нужно ее еще пройти и привести к одному аккорду, но можно не жалеть о том, что он этого не сделал, так как сводка к одному аккорду, в такой, по самой сути, составной и склеенной вещи, неминуемо привела бы к тому, что окончательно исчезло бы все проскользнувшее в нее из живых, непосредственных этюдов с натуры.

Мимо «Мучеников» Флавицкого или «Патмоса» Моллера — двух совершенно ясных и классифицированных порождений ложного искусства — проходишь равнодушно. Они настолько немые и безжизненные, что глаз скользит по ним и не в силах остановиться на хорошеньких личиках, гладких телах, круглых жестах и приторных красках. Мимо картины Иванова так быстро и невнимательно не пройдешь. Она приковывает внимание тем трудом и теми страданиями, которые положены художником на ее создание. Но и на нее не глядишь с удовольствием. Напротив того, она производит мучительное, тягостное впечатление. Сознаешь, что перед тобой две картины: одна написанная поверх другой — и что верхняя — тоскливая и вялая калька, с нелепыми прибавлениями, с той, которая под нею, и хотелось бы содрать эту пелену, чтобы вполне оценить находящееся под нею произведение, положим, далеко не цельное и сначала до конца «придуманное», но состоящее по крайней мере из превосходных отдельных кусков. Особенно досадно, что типы действующих лиц, найденные в таком совершенстве Ивановым в этюдах, на картине утратили добрую половину своей жизненности. Они даже стали настолько похожи на обыденно-академические, что с трудом находишь в театральной их группировке и жестикующии то глубокое знание людей и тот полет, которыми любуешься в ивановских этюдах и эскизах. Как прекрасен, например, некрасивый, но царственный и, несомненно, божественный «Спаситель», как изумительно и самостоятельно был он задуман Ивановым и как сильно изменен в окончательном виде, по милости книжных теорий, которыми умный, но наивный в своей недоразвитости Иванов мог увлекаться. Во имя них он постарался соединить в чертах смиренного и величественного Богочеловека античную красоту Бельведерского Аполлона и строгие, архаические контуры византийского Христа! Какое чудесное, небывалое в истории живописи, поглощенное энтузиазмом лицо было задумано Ивановым для Предтечи, и как грустно, что оно на картине является настолько выправленным, очищенным и облагороженным, что, только ознакомившись с подготовительными работами, понимаешь намерение автора. Тип апостола Андрея, в первоначальном виде, не уступает по выражению старческой опытности и тлеющего под морщинами священного огня созданиям Винчи и Дюрера, а на картине он превращен в обыкновенного, красивого, но совсем неинтересного старика натурщика, только что вставшего в позу. Наконец, раб, в первой редакции, — как по своей придавленной позе, так и по всему своему живоотнообразному, жалкому виду самое, быть может, необычайное и гениальное создание Иванова — на картине так вострепнулся и так весело улыбается, что ничего больше в нем не напоминает той трагичной, страшной радости, которая озаря-

ет чудовищное, полуидиотское лицо его в этюде. Еще более, нежели отдельные части, общее картины Иванова производит вялое и скучное впечатление. «Явление Христа народу» почти вовсе не говорит тех священных слов, которые Иванов собирался и действительно был призван сказать. Эта картина — детище Академии: она возникла и вся была создана чисто академическим путем. Иванов — пророк, мудрец, мученик и подвижник по натуре. Он убил на ее создание всю свою молодость. Лучшие свои силы он пожертвовал служению бездушному эклектизму.

XV

Однако что было светлого и истинно высокого в душе Иванова, к счастью, не погибло совсем и нашло себе выражение в его последней работе, когда он убедился, что знает все, что считал нужным знать, и бросил учиться. Он наконец удалился от всякого вмешательства посторонних людей, затворился в мастерской, как в келье, и предался самостоятельному труду.

Одно обстоятельство внешнего характера, на которое слишком мимоходом указывают его биографии, помогло ему оградить себя неприступной стеной и искать лишь в самом себе дальнейших указаний. Иванов, до той поры кое-как перебивавшийся на казенный пенсион, вдруг получил возможность жить ни от кого не завися, унаследовав от скончавшегося в 1848 г. отца небольшое наследство. Для такого в жизни робкого и к жизни неспособного человека, не умевшего заработать и десяти копеек, этот десяток тысяч чрезвычайно много значил, тем более что он явился в самый нужный момент, когда Иванов уже больше не знал, на что жить.

Окончание большой картины оттого так и затянулось, что Иванов был как бы прикован к ней обязательством, что он не мог свободно относиться к ней, что был лишен главного и первого условия успешности всякого духовного труда: возможности в любой момент прекратить и бросить его. Бог знает, что происходило иногда в скрытной душе художника, какие муки терпел он, когда, стоя в уединенной студии пред гигантским полотном, он сознавал все *неисправимые* коренные недостатки своего произведения. Мысль бросить картину, в силу его искренности, в силу того, что с годами он перерос идеалы своей молодости, постоянно преследовала его. Он и бросал ее много раз на месяцы и даже на целые годы. Но особенно трагично в его отношении к своему труду было внутреннее требование исполнения *долга*, требование, мучительно неотвязчивое для такой глубоко честной натуры. Иванову нужно было кончить свою картину потому, что она была как бы запродана вперед, потому, что за нее он получал уже много лет деньги. Лишь по мере того, как крепло в нем самосознание, по мере того, что он все яснее и яснее видел духовную бедность окружающих и в то же время все выше и выше ценил свое детище, чувство этой зависимости расшатывалось и падало. Когда же неожиданно явились к нему отцовские деньги, он уже настолько сознавал свою силу, свою независимость, что смело отказался последовать на призыв, вернее, при-

каз, вернуться в Россию и решился под предлогом, что у него не было достаточно средств на то, чтоб платить натурщикам, завесить картину чехлом и наконец отдаться свободному творчеству.

Иванов задумал огромный цикл картин, который должен был изображать все важнейшие события Священного писания с христианской точки зрения, т. е. все Евангелие о Спасителе и все, что *предшествовало* Мессии и *предвещало* его появление. Иванов, впрочем, успел сделать только наброски к этим картинам, предполагая затем их разработать и увеличить до колоссальных размеров, но впоследствии он надеялся украсить этими картинами стены будущего какого-то храма, где вся масса их развертывалась бы в строгом и стройно мистическом порядке. Иванов *верил* в осуществимость такого, едва ли в России исполнимого дела, верил, несмотря на горький опыт и глубокий свой ум, потому, что в нем еще не умерла драгоценная, чисто детская наивность, единственно способная двигать людей на новое и великое. Но при этом уверенность в осуществимости его планов не связывала его нисколько. Он вполне сознавал, что затеянное им дело настолько значительно и необычайно, что если уже власть имущие решатся дать ему возможность выполнить его, то они не станут ограничивать его свободы и не устроятся некоторых странностей затеи и уклонения от преданий. К тому же Иванов почувствовал тогда в себе наконец такой наплыв внутренней силы, что он больше не сомневался в том, что ему удастся преодолеть все препятствия и достигнуть цели.

Все более углублялся он в чтение Священного писания, все с большим жаром сочинял к нему живописные комментарии, и образы, один другого величественнее и прекраснее, восставали перед ним. Он ошибался, когда думал, что книга Штрауса пошатнула его веру. Научное исследование о Христе немецкого ученого действительно пошатнуло его внешнюю, схоластическую веру и даже уничтожило ее вконец (и это было еще одной лишней причиной, по которой он бросил большую картину, начатую в дни своей духовной неразвитости), зато на месте прежней, робкой религиозности теперь проснулась в Иванове иная вера: философски просветленная и истинно христианская — свободная, смелая и бесконечно более животворящая, чем прежняя — отцовская. Наука оказала ему, скорее, большую помощь в его последней работе, так как она способствовала тому, что древний мир восстал полностью в его воображении. Великая трагедия избранного народа развернулась во всей своей ужасающей, символической глубине и так увлекла его своей жизненностью и убедительностью, что он забыл и думать о Рафаэле и Винчи и благодаря этому как раз подошел ближе к божественности и высоте их искусства.

Иванов обладал настоящим эпическим дарованием, но покамест он, согласно правилам школы, желал в *одном* создании воплотить весь смысл Евангелия и в одной картине представить обычно академический, *полный* комpendиум по данному предмету, до тех пор он блуждал в разветвлениях и сплетениях безысходного лабиринта книжной схоластики. Когда же Иванов в последние годы жизни развязал себе руки и дал простор своему

В. М. ВАСНЕЦОВ.
Богородица с младенцем.
Конец 1880-х.

А. А. ИВАНОВ. Две головы раба. 1830—1840-е.

А. А. ИВАНОВ. Голова Иоанна Предтечи. 1840-е.

творчеству, то «сюжеты» явились к нему бесконечной вереницей, безумная же мысль об *одной* картине была им навсегда оставлена. Иванов долгое время был уверен в том, что одинокая картина, на которой изображен лишь *отрывок действия*, способна, как повесть, рассказать все, что только ни пожелал бы автор, и лишь когда он отделался от такой мысли, преподанной ему Академией, он обнаружил весь свой громадный дар к картинному эпосу, создав целый ряд прекрасных произведений. Пересматривая его столь связанные между собой, удобопонятные, убедительные и зажигающие воображение «эскизы», получаешь впечатление, что нельзя иначе и вернее изобразить библейские события, чем это сделал Иванов. На стенах же того здания, о котором мечтал Иванов, картины эти в огромных размерах должны были бы производить на всех — и в особенности на простой народ, о котором как истинный мудрец так много и так «сердечно думал» Иванов, — потрясающее и высокое впечатление.

Иванову не только не удалось привести в исполнение свой замысел, но даже не удалось его разработать до законченных произведений, и замысел этот так и остался намеком — изумительным, но, к сожалению, только намеком. Еще лет двадцать свободной жизни, побольше искренней и воодушевленной поддержки, и эти созревания превратились бы в спелые плоды: этими картинами Иванова Россия сказала бы свое художественное слово, вне всяких археологических и национальных условностей... Положим, и эти эскизы в том виде, в каком их оставил Иванов, — наскоро набросанные, на дрянных лоскутках бумаги, еле подкрашенные — были в то время, среди цветущей брьюловщины и нарождающегося гражданского проповедничанья, явлением первостепенной важности. Однако, по милости господствовавшего тогда общего смятения умов, никого не нашлось, кто бы оценил их по достоинству, с настойчивостью указывал бы на них всему свету, а главное, русскому художеству, и они прошли незамеченными, а в дальнейшем развитии нашей живописи не имели никакого значения. Эти дивные создания пролежали около двадцати лет в папках брата художника, Сергея Иванова, а затем появились в совершенно недоступном по цене заграничном издании.

Когда отцовское наследство и другие небольшие деньги были истрачены, Иванову поневоле пришлось бросить Рим, и, таким образом, в 1858 году, после 25 лет отсутствия, он предстал на суд петербургской публики со своей большой картиной. Он не касался до нее последние 5—6 лет и оглядывался на нее как на давно пройденную стадию, однако он отлично сознавал при этом, что для петербуржцев, поклонников Брюллова и только что нарождавшегося мелкого жанра, она была, скорее, слишком, нежели недостаточно, высока и прекрасна.

Но нельзя было найти менее удобного и подходящего момента для возвращения Иванова. В это время все были заинтересованы совершенно иным, нежели исканием абсолютной красоты, вниманием в мистицизм и религиозные вопросы, и его встретили не восторг и не брань, но самое грустное: почтительное равноду-

шие. О нем поговорили недели две и бросили, так как для громадного большинства он был вовсе недоступен, а для других казался каким-то анахронизмом. Кое-кто из молодежи, в том числе Крамской, восхищались красотой и высотой замысла, кучка друзей, издавших эскизы, вполне уверовала в Иванова, но масса общества, и как раз передового, была слишком страстно увлечена политическим обновлением России, была слишком поглощена подготовительными работами к реформам, чтобы серьезно отнестись к этому запоздалому «мечтателю», не имевшему практических целей, не затронутому общим волнением*.

Не прошло и месяца со дня его возвращения в Петербург, еще картины и этюды его были выставлены для публики и тянулись мучительные и оскорбительные для художника переговоры о покупке «Явления Христа», когда вдруг разнеслась весть, что Иванов умер. Он умер от холеры, но не столько эта болезнь сгубила его, сколько главным образом те огорчения, которые ему в таком изобилии пришлось вынести на родине после уединенного, тихого и чудного своего пребывания последних лет в Риме. Напрасно утешал его небольшой кружок друзей, напрасно видел он в этих избранных русских людях** уважение, полное самых высоких ожиданий в будущем, напрасно сам он готовился на бой, вернее, к проповеди; мелких и крупных неприятностей, равнодушия и великодушского грубиянства было вокруг него слишком много, чтобы не подточить вконец его здоровья, уже расшатанного нуждой и вечными заботами о дальнейшем существовании, а главное, внутренней ломкой. Малейшего физического недуга было достаточно, чтобы сразить исстрадавшегося мученика.

Таким образом, в тот самый момент, когда Иванов «сдавал» свою картину, когда он на полученные за нее деньги мог снова затвориться и приняться за дальнейшее и уже несравненно высшее творчество, в тот самый момент, когда он, не стесненный уже больше школой и предрассудками, готовился сказать

* На самом деле это было не так. Он с трепетом искал разрешения мучивших его социальных вопросов с высшей, философской точки зрения. В разговорах с передовыми людьми ему казалось, что начинается новая эра и что искусство должно также вступить на новую дорогу. На обратном пути в Россию он даже съездил в Лондон к Герцену, чтобы поговорить с этим авторитетным для него мыслителем. Иванов был так увлечен величием торжествующей науки, так жаждал осуществления научных утопий, ходивших тогда по свету, что даже мучительно заботился о том, как бы самого себя переработать ко дню будущего всеобщего обновления. Является вопрос, не отказался бы он со временем во имя этого от лучших своих работ, от гениальных своих эскизов. О последних взглядах этого вообще скромного человека сохранилось слишком мало сведений, но, скорее, можно ответить, что нет, так как Иванов был слишком пламенной и вдохновенной натурой, чтобы когда-либо обменять свое глубоко мистическое мировоззрение на плоский позитивизм, чтоб понять искусство так, как понимали его Прудон и Курбе.

** Характерно для Иванова, что еще в Риме он очень близко сошелся с «первыми» славянофилами, вероятно, благодаря мистической окраске их мирозерцания. Теперь в Петербурге он также преимущественно вращался в их среде. Ведь и с Гоголем он подружился тогда, когда тот из юмориста превратился в религиозного мыслителя, в пророка.

свое высокое слово, волей судеб смерть преградила ему дорогу и увлекла его, к мучительному недоумению друзей, но совершенно незаметно для того народа, для которого Иванов промучился всю жизнь, в Неведомое...

XVI

Таким образом, Иванов ушел, не сказав своего окончательного слова, но знаменитая трагедия его жизни предавала анафеме все мертвое в искусстве, проклинала навеки академизм и, таким образом, указывала русскому художеству новые пути. От Иванова можно было и следовало идти дальше, но вышло так, что никто сейчас же не пошел — отчасти потому, что лучшее из созданий Иванова, его «эскизы» остались под спудом, а еще более потому, что тогда все было слишком заняты суетными и преходящими вопросами, чтоб обратить внимание на то вечное и возвышенное, на что он указывал. Иванов долгое время и для лучшего большинства представлялся, скорее как последний из прежних, нежели как первый из новых.

То, что во время отсутствия Иванова успело назреть в России, имело, положим, по духу, по нравственному импульсу много общего с его задачами. Молодое поколение также стремилось отказаться от всяких «академий», хотело поучиться у жизни и поднять искусство на высоту проповеди, но при этом красота и божественная мудрость, в которых Иванов только и видел спасение, ничего не значили для новых людей, интересовавшихся только человеком, нравственными и политическими отношениями людей с чисто нечеловеческой точки зрения. «Tableaux de genre», новое явление в живописи, приводили в ужас Иванова, а между тем эти «картинки» взяли верх и распространились по всему свету, вполне удовлетворяя тому «просвещенному мещанству», которое с переменой в направлении нашей внутренней политики восторжествовало и у нас. Мало кому было дело тогда до каких-то «отвлеченностей», до «средневекового мистицизма», до «праздных богословских» тем. Назревшие в живой жизни нравы требовали немедленного лечения, и все «порядочные» люди должны были всецело отдаться служению обществу в самом конкретном смысле. Некому теперь было слушать вечную проповедь Христа, настолько все громко спорили о налогах и судах, о крепостном праве и всеобщих повинностях, настолько все были заняты осуществлением заграничных утопий, водворением рая на земле. Нашлось несколько умных книжников и хитрых фарисеев, одобрительно прислушивавшихся к речам Иванова, кое-какие Никодимы на время зажглись его искусством, но никто не пошел за ним открыто, пока это еще было возможно. Двое из молодого поколения, Ге и Крамской, как будто и взялись за продолжение дела Иванова, но они не были истинными учениками и последователями его.

Ге, по своему характеру, по своей вечной неудовлетворенности, по пламенному стремлению выразить бродившие в нем мысли, походил несколько на Иванова, однако был несравненно менее сильной натурой. Он был интересный, живой мыслитель, но без широкого кругозора, а к тому же слишком неважный

«мастер». Намерения Ге в последнюю пору его деятельности были весьма замечательны и — сравнительно с общим пресмыкающимся характером русской школы второй половины XIX века — даже высоки, но все же по своему философскому содержанию они бесконечно уступали Ивановским, а в чисто художественном отношении представляли очень мало отрадного.

«Тайная вечеря» была первой из картин Ге, посвященных жизни Христа. Хотя она, без сомнения, написана под впечатлением работ Иванова (которого Ге успел застать в Риме), в ней ничего Ивановского не видно. Несмотря на то, что художник тогда уже очень внимательно читал Евангелие, в «Тайной вечери» несравненно больше театрального драматизма и сентиментальности в духе Делароша (любопытно, что Ге ее писал по чисто деларошевскому рецепту: с восковых куколок), нежели глубокого, сердечного чувства. Пресловутый же ее реализм, главным образом способствовавший ее огромному успеху в 60-х годах, в сущности, не идет дальше посредственного и довольно грубого подражания староголландским мастерам, притом скорее Хондхорсту, нежели Рембрандту. Слишком еще недавно Ге покинул Академию, слишком он был еще тогда брюлловцем в душе, слишком охвачен суетными современными взглядами, чтобы создать уже в то время что-либо зрелое и цельное. По существу, нет значительной разницы между «Тайной вечерью» и его еще вполне брюлловской программой «Саул». Его, опять-таки вполне деларошевские, произведения, появившиеся в 70-х годах («Петр и Алексей», «Пушкин», «Екатерина II у гроба Елизаветы»), указывают даже на то, что неуспех его евангельских картин, написанных после «Тайной вечери», побудил Ге временно совсем забросить мысли, которые проснулись было в нем в Италии, под впечатлением творчества Иванова. Лишь в середине 80-х годов Ге, увлеченный проповедью Толстого, вдруг снова обратился к Евангелию. Только тогда он окончательно бросил бесцельное восстановление внешней старины* и проникся глубоким пониманием общечеловеческого смысла трагедии о Христе. При этом он зажегся таким восторгом от нее, что почти дошел до пророчества... однако только почти, так как, по существу, он остался тем же слабым и сбитым с толку человеком, неспособным справиться с нашедшим на него откровением.

С чисто русской прямолинейностью, с прямолинейностью варвара (а Ге был, несмотря на весь свой живой и впечатлительный ум, наивен, как ребенок, как варвар) он, художник, отказался от красоты и сделался лишней жертвой недоразумения, которое охватило почти целиком всю духовную жизнь русского общества и ближайшим виновником которого следует считать Л. Толстого. Ге в качестве не всегда последовательного адепта толстовского учения презрел в искусстве самое существенное — форму, забыв, что форма неотделима от содержания, что и в форме

* Характерность и типичность старины, несмотря на всю его любовь к истории, остались для Ге сокрытыми. У него совсем не было того исторического ясновидения, которое вообще так редко встречается и которое в русской живописи обнаружилось только у Сурикова.

находятся элементы вечности и тайны. Забыть же он мог это потому, что отождествлял, подобно своему учителю, форму с материей — отождествление, отчасти понятное в человеке, всецело преданном борьбе с материей-плотью, во имя высшего, нравственного начала.

И Ге боролся в своих картинах против академизма, но эта борьба была крайне непоследовательная. До самой своей смерти он оставался поклонником Брюллова. Он презирал совершенство и красоту образа, тогда как ему следовало бы только презирать школьную правильность образа и шаблонную выучку. Из-за этого презрения и получилось то, что его последние картины, столь интересные по замыслу, по своему виду представляются грязной, темной или безобразно-яркой мазией.

Однако, благодаря своей сильной вере в то, что он делал, благодаря своему сильному чувству, которым он хотел заразить других, Ге удалось вложить в эти картины очень много интересного. Если в них разобраться, они действительно могут произвести сильное впечатление — не живописью, а тем, что в них «рассказано». Впрочем, первая из этих картин, «Что есть истина», настолько уродлива, что при всем желании ее нельзя оценить и нет возможности *поверить*, чтоб этот позирующий спиной актер и этот бродяга изображали Пилата и Христа. Зато остальные картины необычайно трагичны по замыслу — даже наименее сложная из них, названная художником «Совестью». На ней изображен Иуда, стоящий один среди ночи. Освещенный, как привидение, луной, судорожно завернувшись в свой тесный типично еврейский плащик, он глядит с невыносимой мукой раскаяния и бессилия вслед удаляющемуся среди стражников Учителю, которого он только что предал. Другая картина, «Синедрион», может показаться мучительным, тяжелым кошмаром, если только взять на себя труд разглядеть все в этой черной, отвратительной живописи. В сущности, Ге изобразил просто жалкого и больного юродивого, с пассивным упорством сопротивляющегося натиску обступившей его толпы. Однако если отдать себе отчет в том, что видишь перед собой в таком жалком виде своего Бога, то исполняешься ужасом и уже невольно добавляешь воображением то, чего, пожалуй, и нет в неясных и темных комках краски. Тогда начинаешь замечать в глазах этого юродивого таинственный и страстный огонь, огонь убежденного самосознания и святой самоотверженности, что-то гениальное и величественное. Этот слабый и безобразный телом, но бесконечно сильный и прекрасный духом Учитель покорно, не оскорбляясь, лишь с неизлечимой скорбью в сердце принимает брань и пощечины от жирных жрецов безжалостного Иеговы. Они же, возмущенные до ярости сознанием правоты и величия такого мелкого и ничтожного существа, по очереди останавливаются перед ним, плюют в него, бьют его по лицу и затем, вдоволь наглумившись над ним, продолжают свое торжественное шествие, с упованием неся толстые свитки закона, бряца на цимбалах и арфах, шурша своими тяжелыми литургическими облачениями. А какое чудесное освещение придумал для этой картины Ге. Как подошло бы к этой сцене задуманное им чадное освещение, тусклый, гряз-

Н. Н. ГЕ. Голгофа. Повинен смерти. 1892.

ный свет от громадного церковного светильника, который придавал бы картине мрачное, панихидное настроение... если бы только Ге справился со своей задачей.

Но самыми удивительными созданиями Ге, опять-таки, если не смотреть на них как на живописные произведения, являются не эти два первых действия, а самый эпилог христианской трагедии, впрочем, не столько сцена до распятия, очень интересная по намерению выразить в Христе смертный страх перед казнью, сколько самое распятие, изображенное художником в двух вариантах. Необычайно сильное впечатление, особенно своим зеленым, покойническим тоном, производит уже тот из двух вариантов, где Христос изображен в виде хилого, слабого, жалкого раба, тихо, но в невыразимых муках кончающегося на низком, погнувшемся кресте, и где разбойник, только что уверовавший в Его слова, только что утешившийся ими, неистово вопиет, чувствуя конец своего Бога. Однако самая любопытная из всех картин Ге — это «второе» Распятие, положительно не имеющее себе подобного во всей истории искусства, если не считать «Распятия» Грюневальда и раскрашенных скульптурных крестов испанской школы. Эта вещь может окончательно расстроить нервы. Она заставляет пережить, почти физически перечувствовать мучения, испытываемые Иисусом. Распятие, видно, висит давно. В терзаниях агонии он съехал вниз, опустился и повис в уродливо-надломленной позе; руки вытянулись до последней степени; запутавшиеся в терновом колючем венце волосы намокли от крови; голова закинулась назад, потухающий глаз ищет в равнодушно-спокойном небе избавителя. А между тем вокруг не мрачно и не похоронно. Солнце, ослепительное и сухое, восточное солнце накаливает землю и воздух и тем придает еще лишние, стихийно-бессмысленные муки кончающемуся Сыну Человеческому.

И все-таки последние картины Ге трудно назвать художественными произведениями. Во имя того, что Ге стал *главным* в Евангелии, он формой совершенно пренебрег ради содержания, а это привело к тому, что без комментариев его картины почти не понятны. Содержание, о котором так заботился Ге, еле сквозит через ужасную поверхность. Эти картины, скорее, какие-то неряшливые, наполовину неразборчивые листы из записной книжки, на которых Ге заносил в порыве истеричного возбуждения свои чувства и впечатления, нежели законченные, прекрасные, в широком смысле слова создания искусства. Ге до самой смерти поклонялся Брюллову и имел, следовательно, самое грубое, самое поверхностное представление о так называемой «красоте формы». Предавшись под конец своей жизни исключительно нравственно-философским идеям, он с легкостью отшел от себя всю «брюловщину», которую по недоразумению отождествлял с «красотой формы», и, не смущаясь, превратил искусство в этически-религиозную проповедь, причем фатально низвел свою живопись до предельного *безобразия*.

Но и то *главное*, чего добивался Ге в своих произведениях, далеко уступает по высоте и глубине замысла *главному* Иванова. Иванов понимал в Боге тайну красоты, и искусство рисова-

лось ему в виде мистического проявления Божества в видимой форме. С другой стороны, Иванов в своих эскизах доказал, что он был насквозь мистиком, что для него были доступны все явления за пределами действительности, что область сверхъестественного представлялась ему чем-то совершенно реальным. Архангелы и видения, встречающиеся в его эскизах, не «театральные штуки». Это убедительная передача в осязательных формах того высшего мира, который витает вокруг человечества, для понимания которого людям в обыденном существовании не хватает шестого чувства, являющегося лишь в странные моменты прозрения. Иванов вполне проникся таинственным ужасом, веющим от халдейских херувимов, он понял *волшебные чары южных ночей*, *бесовский ритм* идолопоклоннического богослужения, пропитался насквозь мистическим величием восточных преданий, вечных спутников в развитии человеческого духа. Ге, напротив того, с чисто, так сказать, «протестантской» сухостью и ограниченностью мысли презрел все это «суеверие» и, подобно Толстому, отказался от него. В нем выработалась очень узкая и земная идея Христа, который представлялся ему, скорее, каким-то упрямым проповедником человеческой нравственности, погибающим от рук дурных людей и подающим людям пример, как страдать и умирать, нежели пророком и Богом. Эти идеи, разумеется, не были лишены драматичности, но с верой они ничего не имели общего. Они не скрывали никаких высших и сверхчувственных горизонтов, а оставались целиком на земле. «Царство Божие внутри вас» — вот все, что Толстой, а вслед за ним и Ге удержали из Евангелия. О каком-либо реальном существовании высшего царства, царства небесного, о каких-либо сверхчеловеческих законах и судьбах они оба, воспитанные в эпоху самого прямолинейного и торжествующего позитивизма, забыли.

Крамской создал своего «Христа в пустыне» отчасти в том же духе, а его «Хохот» очень близко подходит по заданию к «Синдрию» Ге. Но в Крамском было вообще меньше прямолинейности, и в его картинах чувствуется большая близость к Иванову. В дни юности, когда в Крамском было немало романтического и восторженного, «Явление Христа» произвело на него сильнейшее впечатление, и, глядя на эту картину, тогда еще в нем промелькнул далекий идеал, который и впоследствии часто мелькал перед ним. Однако вдохновение Крамского было всегда настолько задавлено строгими требованиями направления, вожаком которого он был, что ему так и не удалось воплотить этот идеал и даже вполне выяснить его для себя. В этом-то и была сила Ге последних лет, что мысли бродили в душе его в *сыром* виде, не заражаясь друг от друга. Поэтому-то те из них, которые отливались в его произведениях, являлись цельными, прямо поражающими своей односторонней мощью. С Крамским обстояло иначе. Он — гибкий и тонкий ум, вечно пытался связывать самые враждебные друг другу понятия, он увлекался, но боялся крайностей в увлечениях, он как будто предпочитовал моменты более ясные высоты философской мысли, но не отрицал при этом и выводов противников, силился одно объяснить другим,

несовместимое совместить в своей душе. Этот умный человек был вечно, мучительно занят «самообразованием», но, к сожалению, не получил вовремя надлежащего, достаточно сильного толчка или какого-либо определенного воспитания, он решительно не мог выбраться из противоречий, а вследствие этого не мог заговорить ясно и внятно об *одном*. Если прочесть его описание «Христа в пустыне», то покажется, что он хоть слабо, но чувствовал мир неосязаемый, он хоть и робко, но подозревал о бытии более высокого всеобщего начала, нежели то узкочеловеческое, которое в его время владело всеми умами. Но если взглянуть на самую картину, то ничего, кроме сухой правды, не найдешь. Точно списанный с фотографии пейзаж и среди него очень усталый и о чем-то задумавшийся еврей ничего не говорит о Христе и о том грандиозно-ужасающем моменте, который Крамской задумал изобразить: об искушении дьяволом Спасителя в пустыне*.

Поэтому-то и Крамского нельзя считать, несмотря на все увлечение его в дни юности «Явлением Христа» и постоянное преклонение перед Ивановым, за истинного последователя этого художника, хотя Крамской и не ударился подобно Ге в бесформенность и уродство, а, наоборот, всю свою жизнь пытался достичь красоты и «совершенства образа». Нельзя потому, что в Крамском не было того мистического пламени, которое составляло главную силу ивановского творчества.

XVII

116

Еще меньше права на звание преемников Иванова имеют три других художника, выдвинувшиеся в новейшие времена в религиозной живописи: Поленов, Васнецов и Нестеров; первый, иллюстрировавший евангельские события в сценах обыкновенного «реально-исторического» типа, двое других, подвизаясь в мону-ментальном творчестве.

В сущности, о Поленове, скорее, подобало бы говорить в главе об академических эпигонах, так как он по духу своего искусства принадлежит к последним, однако приходится коснуться деятельности этого художника именно здесь вследствие того, что по недоразумению долгое время Поленова как раз считали единственно достойным наследником Иванова — за одну чисто внешнюю черту сходства с ним: за реализм.

Когда на выставке 1887 г. появилась гигантская парадная «Грешница» Поленова, то в эту промежуточную эпоху она угодила всем и вызвала всеобщий восторг. Никто тогда не посмотрел на ее слабую живопись и слащавый колорит. Многочисленным еще в то время «позитивистам», видевшим в Христе обыкновенного смертного, обыкновенного дервиша, чрезвычайно пришелся по вкусу странник с кислой, ничего не значащей физиономией, а любителям приторного и пикантных контрастов очень понравилась хорошенькая грешница, влекомая хором безобразных жидов. Большая же толпа, увлекшаяся «Аидой» и «Королем Лагорским», очень оценила всю восточную *mise-en-scene*

* Со второй картиной Крамской так и не справился.

и эффектную оперную декорацию с розовой далью, великолепными кипарисами и роскошным храмом в перспективе.

Вслед за этой картиной Поленова кое-какие толки еще возбудили его «Генисаретское озеро» и «Мечты», где тот же странник гулял и сидел среди сладеньких южных ландшафтов, и, наконец, нарядная жанровая сценка «Иисус среди учителей», появившаяся почти одновременно с почтенным научным трудом Джемса Тисо, но не обладавшая и сотой долей его серьезности. Но теперь Поленов если и сохраняет еще видное и почетное место в ряду русских художников, то только благодаря своим свежим и поэтичным русским пейзажам, весь же его цикл картин из жизни Христа, равно как и прежние исторические жанры, утратил всякое значение. Особенно стало ясно, что Поленов вовсе не «великий религиозный и исторический живописец», после того, как его «Грешница» снова предстала на суд публики в музее Александра III, когда вдруг обнаружилось — особенно из-за невыгодного соседства с мощным Суриковским «Ермаком», — что это не картина, а пустенькая иллюстрация, увеличенная до неподобающих размеров.

Гораздо большего внимания заслуживают два других религиозных живописца: Виктор Васнецов и Нестеров, в которых почти все уверовали теперь, после долголетнего отрицания и которые в данную минуту считаются лучшими выразителями чисто русских религиозных идеалов.

Когда еще в конце 70-х годов, в самый разгар реализма и передвижнического направлeнства, Васнецов вдруг обнаружил склонность бросить свои мелочные мещанские жанрики и приняться за русскую народную сказку, тогда все сочли его за сумасшедшего, за невозможного чудака и никто, за исключением двух-трех передовых ценителей, не решался поддержать его, настолько этот поворот казался странным и диким. Однако Васнецов не испугался глумления толпы и товарищей и смело пошел по намеченному пути. В этом его огромная заслуга: он первый, когда даже в стане передового искусства еще никто о чем-либо другом не думал, кроме как об обыденной действительности*, отказался от пресного реализма и первый напомнил о том, что, кроме интереса к «Земскому собранию» и к «Преферансу у чиновников», могут существовать и другие, к чему-то более прекрасному и отрадному: к дивному миру народной фантастики... Впоследствии, когда наступила реакция против шестидесятиничества в искусстве, русское общество оценило эти начинания Васнецова, но тут же впало в другую крайность: из сумасшедшего и чудака его вдруг произвели в гении.

Теперь необходимо взглянуть на дело иначе: сказочная живопись Васнецова отошла в историю и уже возможно беспристрастно судить о ней. И вот оказывается, что новое поколение

* Исключение составляет «Садко» Репина, что и должно за этой крайне не фантастичной, совсем в сказочном отношении не убедительной картиной сохранить в истории русской живописи почетное место, тем более что она не лишена чисто живописных достоинств. Разумеется, как на исключение нельзя не указать на «Русалок» К. Маковского.

предъявляет сказочнику Васнецову такие требования, удовлетворить которые он не в состоянии. Поклонившись почтенному мастеру за то, что он заговорил о самых дорогих для нас вещах, в такое время, когда это было наименее возможно, мы отходим от него преисполненные уважения, но холодные, разочарованные, так как в его произведениях истинно сказочного мы не видим, а видим одни только поэтичные намерения.

«Поле битвы», казавшееся прежде прелестной страничкой древнего эпоса, полной поэзии и щемящей меланхолии, нам представляется, скорее, нарядным, но пустыньким финалом какого-нибудь «национального» балета. Нарочитая подчеркнутость настроения в восходящей над степью огромной луне, эффектная схватка коршунов посреди картины, театрально раскинувшиеся убитые, а главное, в центре композиции гладкий и чистенький, как фарфоровая куколка, князек, лежащий в пикантно-застывшей позе, с грудью, аккуратно проткнутой стрелой, — все это, при полном отсутствии характерности, стиля и силы, производит такое же приторное, жеманное и фальшивое впечатление, как «изящные» иллюстрации в немецких детских книжках. Так же и «Ковер-самолет» ничем, если только не костюмом героя, не отличается от ординарных заграничных картинок. «Иван-Царевич», на своем волке из мехового магазина, среди шаблонного Utwad'a, удивительно походит на тех размалеванных красавиц, которые на балаганах играют русских «принцев». «Витязь на перепутье» представляется теперь самым обыкновенным ходячим иллюстрационным типом, а «Сирины» и «Гамаюны» — только смешными, немощными подражаниями таинственной загадочности древних, неумелых, но сколь впечатляющих, изображений.

Однако огромный успех, завоеванный постепенно Васнецовым посредством всех этих слабеньких и по замыслу, и по живописи, картин не только указывает еще раз на неразвитость русского общества в деле оценки художественных произведений, но имеет и очень глубокое значение. Васнецову обрадовались потому, что тирания лаптя и сермяги всем слишком надоела. Если в Васнецове и нет настоящей, грандиозной творческой мощи, то в нем, несомненно, большая сила новатора, открывшего, несмотря на вопли и протесты, целую область для художественной разработки. Дороги не сами по себе его сладенькие «иллюстрации», а те речи, которые он про них рассказывал, его заразительный энтузиазм, его истинное проникновение народной поэзией, его влюбленность в народную красоту, выразившиеся в его работах лишь кое-где и как-то случайно: в пейзажах «Аленушки» * и «Богатырей», в эффектной группировке и странном освещении «Трех церевен», в маленьком видике из окна на слободу — в «Иоанне Грозном» и еще более в его декоративных композициях, в постановке «Снегурочки» и другом более вольном и в то же время мелком творчестве. Если безумный успех Брюллова только печальное явление, свидетельствующее о полном непонима-

* Пейзаж «Аленушки» имеет очень большое значение в истории русской живописи — такое же, как саврасовская картина, если не большее.

нии русской «высшей интеллигенцией» истинных задач искусства, то успех васнецовских сказок трогателен, так как в нем сказались как раз назревающее понимание, жажда и голод иного, высшего и более прекрасного начала, нежели тоскливо-однообразное народничанье и направленство...

С другой стороны, вполне естественно, что Васнецов не мог один, без предшественников, сразу выразить самое ценное, сложное и неуловимое, что кроется в русском народе. Сравнивать его с западными художниками и ставить ему в вину, что он имеет гораздо больше общего с официальными академическими художниками, с Лорансом, Люминэ и многими другими, нежели с истинными фантастами и поэтами, будет несправедливо. У Бёклина и Пювиса был длинный ряд предшественников, давших им средства полностью выразить свои гениальные мечты; так же у Бёрн-Джона и Вальтер-Крэна, так же и в былое время у Дюрера, у Грюневальда, у Калло, у Ватто, у Гойи, у Тёрнера. У каждого из этих художников был длинный ряд духовных предков, уравнивавших им путь. Предшественники же Васнецова — те неумелые травники и изографы, которые расписывали стены и мебель древних палат, а также темные авторы лубочных картинок. Если бы еще мы все время шли *вровень* с *Европой*, если бы не увлекались только продажным и мишурным из того, что там делается, если бы могли вовремя улавливать не одно поверхностное в западном искусстве, то и Васнецов, разумеется, не воспитал бы свой свежий, самобытный вкус сначала на всякой анекдотической пошлятине, а затем на пустом Макарте и разных дешевых легковесных немецких и французских иллюстраторах. Но вся беда нашего европейско-русского искусства до самых последних дней в том и состояла, что за исключением такого передового гения, как Иванов, вознесшегося над взглядом своего времени, наши художники не видели тех грандиозных явлений, которые в их время составляли суть и соль западного искусства, но хватались за вздор и пустяки. То же мы видим и теперь, но, к счастью, уже не среди художников, а только в публике. Все мало-мальски свежее в европейском искусстве она поносит глупо-провинциальной, у нас только в России и имеющей ход кличкой «декадентства», а все истинно упадочное превозносит до небес.

Однако Васнецов (рядом со Шварцем) не только представляет первое возвращение к народным первоисточникам поэзии и к народным формам красоты, но претендует на еще более высокое положение, на положение продолжателя Иванова — пророка-художника, воплощающего высокие духовные и религиозные идеалы России! За последнее время он отвоевал себе в общественном мнении то место, которого тщетно всю жизнь добивался гениальный неудачник, творец «эскизов к Священному писанию».

О Васнецове уже очень скоро после того, как он принялся в 1886 г. за роспись Киевского Владимирского собора, стали ходить слухи, что из-под кисти его получается нечто грандиозное и святое, какое-то новое откровение. К концу этих работ слух этот проник из узко-художественных кружков во все русское

образованное общество. Мало-помалу он превратился в убеждение, что Васнецов угадал самую глубину русского религиозного мирозерцания и что он создал стенопись, по монументальности и святости равняющуюся только древним византийским и итальянским образцам. Когда же заезжий француз барон де Баи пришел в восторг от творения Васнецова и даже решился печатно, в небольшой брошюрке, высказать этот свой энтузиазм, тогда такое «освящение» Европой окончательно подкрепило русское общественное мнение, точь-в-точь, как итальянские восторженные статьи о Брюллове и Бруни показались в свое время чем-то вроде лавровых венков, прямехонько полученных с Парнаса.

Успеху Васнецова способствовало, впрочем, еще одно обстоятельство, не особенно веское по существу, но имевшее временно большую силу, а именно: *модное* увлечение в начале 90-х годов мистицизмом, которое так кстати совпало с возрождением официальной религиозности. Как «Помпею» превозносили наши беспочвенные и недоразвитые романтики, вместе с самыми враждебными романтизму академиками, так и теперь русские дилетанты-мистики сошлись на оценке живописи Владимирского собора с теми представителями церковной официальности и помпы, против которых они должны были бы, в сущности, бороться.

Гораздо больше общего между Васнецовым и Бруни, нежели между Васнецовым и Ивановым. Бруни в свое время очень ловко подладил под то новое, что тогда начинало приобретать в Риме известный авторитет. Он очень осторожно заимствовал у этого нового все, что ему — не глубокому, но очень умному — нравилось (и могло затем понравиться всем нашим мистикам, а их во времена Чаадаева, Гоголя и Зинаиды Волконской было немало). Однако при этом заимствовании Бруни и не подумал отказаться от лжи своего прежнего болонизма, от своей велеречивой риторики и парадного, чисто итальянского «великолепия». Совершенно так же и Васнецов, будучи тоже очень умным, чрезвычайно умным человеком и талантливым художником, сделал предметом своего изучения живопись древних византийцев и итальянских примитивов (на которых, благодаря изысканиям иностранных и русских археологов, за последнее время было обращено особенное внимание), однако и он научился у них только внешним приемам и вовсе не проникся торжественной величественностью их духа. В своей религиозной живописи Васнецов по-прежнему остался ловким мастером-импровизатором и иллюстратором, не брезгающим пикантным шиком, остроумным подчеркиванием и театральной подстроенностью.

Сказки его, хотя и напоминают иллюстрации в немецких или английских детских книжках, однако, все же дороги для нас. Они так же, как и слабенькие, но продуманные и местами прочувствованные рисунки Шварца, означают возрождение нового русского искусства. В них, несмотря на значительную иностранную примесь, впервые обнаружили некоторые коренные черты русского художественного вкуса; они, так сказать, связывают древнее коренное русское искусство с настоящим. Не будь иллюстраций Шварца, быть может, у нас не было бы Сурикова; точно так

же не будь сказок Васнецова и всей его сказочно-декоративной и декораторской деятельности, мы сидели бы до сих пор на одной передвижнической рутине или на академической бутафории, и у нас не появились бы такие драгоценные художники, как Нестеров («не церковный»), Polenov, Малютин, К. Коровин и др., которые вывели нас окончательно из «немецких» заблуждений. Религиозная же живопись Васнецова, напротив того, не внесла ничего нового и истинно-отрадного в наше искусство, а явилась только последним, очень остроумно замаскированным отголоском помпезного, поверхностного и эклектического академизма.

Гоголь, славянофилы и Достоевский раскрыли такую глубину религиозного сознания в русском человеке, которая совершенно неизвестна современному европейцу. Если что внесла и еще должна внести Россия в общее духовное достояние человечества, так это своего Бога — не узко-русского, но общечеловеческого. Историческая миссия русского народа (как всякого другого живучего и духовно одаренного народа) заключается именно в отыскании и выяснении своих религиозных идеалов. Иванов — друг Гоголя в своей живописи — не успел выразить гоголевской проповеди потому, что слишком много времени досадно потратил на Лаокоона и Аполлона, «складки и наготу». Славянофилы же и Достоевский не имели подобных друзей среди живописцев, и ни единое живописное произведение последних пятидесяти лет не отразило высокой мистики Киреевских, Хомякова, Аксаковых или того вероучения, которое выразилось в «Идиоте» и в «Карамазовых». Странно, но почти все живописцы последних 50 лет были если не холодными академиками, то ограниченными позитивистами. Для тех из них, кто был посерьезнее, доступнее был Лев Толстой именно потому, что в нем, как и в них, сильнее говорило влияние материалистической философии.

Однако что мог дать художнику Толстой? Дойдя до полного отрицания искусства, абсолютно не понимая и не замечая красоты формы и ее значения, Толстой в своем воздействии на художников единственно мог сбивать их с толку. Но кроме того, будучи по самому существу своему отрицателем всякой тайны, Толстой не мог направить их на религиозную живопись и помочь тем, кто посвятил силы на творчество в религиозной сфере. Ге, единственный, принялся изображать евангельские сцены в толстовском духе...

Положим, Достоевский, когда принимался писать о живописи, проявлял также далеко не блестящее понимание ее. Он восторгался почти в одинаковой степени Гольбейном, Рафаэлем и Вл. Маковским. Но вне прямой оценки известных художественных произведений он проявлял удивительно тонкое вникание в самую суть дела и, действительно, указывал пластическому искусству если не самый путь его, то цель, по направлению к которой этот путь лежит. К сожалению, никто из живописцев не откликнулся на его пророческий призыв, и это, вероятно, потому, что никто не оказался на такой высоте умственно-духовного уровня, чтобы впитать в себя его учение, претворить это учение в чисто-художественное руководство, в такое руко-

А. А. ИВАНОВ. Голова апостола Андрея. 1830 — 1840-е.

В. М. ВАСНЕЦОВ. Богатырский скак.

А. А. ИВАНОВ. Сидящая обнаженная женщина. 1835—1836.

водство, которое вывело бы русское искусство из мелочных и суетных интересов и направило бы его на важное, нужное и высокое.

Миссия русского искусства, как отражение русской духовной жизни, заключается в том, чтобы выразить в образах свое русское отношение к Тайне, свое понимание Тайны. Миссия эта огромна и священна. Потому-то ждем мы с такой жадностью от русской живописи первого слова в этой, как раз столь близкой для художества области, и потому-то дороги для нас даже сбивчивые поиски и недоговоренные, но правдивые речи Иванова. Однако потому же, сознавая всю огромность и священность задачи, мы должны относиться ко всему, что появляется нового в этой области, безусловно строго, и теперь безжалостно отказаться от той лжи, которую мы, из сильного желания увидеть правду, приняли было одно время за правду.

124 Является, впрочем, вопрос: возможно ли, чтобы истинно-религиозная русская живопись зародилась на стенах наших церквей? Ответ на этот вопрос скорее представляется отрицательным, потому, что по сложившемуся обычаю внутреннее украшение храмов обыкновенно зависит от академически зачерствелых архитекторов и, что еще того хуже, от разных комиссий и комитетов. Покамест художник не будет единственным распорядителем церковной живописи, покамест его вдохновение будет стеснено не только церковными традициями (что, впрочем, и неустранимо), но и застылыми требованиями школы, до тех пор нечего и думать, чтоб даже колоссальное дарование породило что-либо действительно подобное великому — потому что почти свободному — слову Достоевского. Хорошо было Иванову в Риме мечтать о каком-то храме с картинными галереями, где на стенах в известном мистическом и философском сочетании красовались бы его картины Священного писания, но разве могла бы эта затея, если бы он и прожил больше, быть исполнена, и в том точно строе, как он этого желал? Наша церковь, раскрывшая свои двери язычнику Брюллову, вторгшемуся в нее со своим болонским Олимпом, и допустившая к себе лживо-величественную живопись католика Бруни, отвернулась бы, пожалуй, от Иванова. Положим, и Иванов однажды взялся за официальный заказ и даже он взялся за него с восторгом, но это только потому, что и тема (колоссальный образ «Воскресения Христова» в Храме Христа Спасителя) вполне подходила к данному его настроению, и потому, что он по святой своей простоте тогда еще не ведал, как следует относиться к официальным заказам. По милости того неведения Иванов «допустил себя до восторга», и тем только лишний раз жестоко ранил свое сердце. Строитель церкви, архитектор Тон, которому Россия обязана несметным количеством тоскливейших построек, вдруг изменил свое решение и передал заказ Брюллову, милостиво предоставив Иванову взамен того написать четырех Евангелистов на парусах собора. Разумеется, Иванов, оскорбленный в самых своих свя-

тых чувствах, наотрез отказался от этого и не пожелал перестраивать свое вдохновение на другой лад, подобно всем прочим чиновникам официальной живописи *.

Васнецов, мягкий, лирически настроенный человек, большой умник и разумник, с сердцем, открытым к пониманию поэтичного, религиозно воспитанный (он сын священника и ученик семинарии) и сам верующий — казалось бы, соединял в себе, при наличии неодолимого дарования, все данные, чтобы быть прекрасным, истинно религиозным живописцем. Однако на самом деле вышло не так, и на то имеются глубокие причины. Главная из них та, что он только к тридцатилетнему возрасту вырвался из душного, мещанского искусства шестидесятых годов и отдался мечтам своей юности, стал пробовать вознестись куда-то повыше. К сожалению, уже тогда в его «сказках» оказалось, что для него это слишком поздно. Его рука уже так успела привыкнуть к шикарному иллюстраторскому росчерку, детские грезы уже настолько были затуманены многолетним изучением жалких мелочей, что его желания создать нечто сказочное, волшебное и чарующее дали в результате одни только «иллюстрации».

Впрочем, «сказочник» Васнецов представлялся в 80-х годах единственным поэтом среди непроглядной прозы русского искусства, и это положение, несмотря на все недостатки его творчества, было более чем почтенным. Поэтому-то вполне понятно, что, когда профессору Прахову, человеку очень прозорливому и обладающему истинно эстетическим чутьем, пришлось выбрать кого-либо для расписывания Владимирского собора в древнерусском духе, выбор его пал на Васнецова, который только что перед тем как раз очень удачно декорировал одну из зал Исторического

* Иванов все же успел сделать несколько эскизов, и их достаточно, чтобы предположить, что картина Иванова искупила бы всю неудачу собора, что грустное впечатление от тоскливой каменной массы и бездарных малеваний по стенам исчезало бы при взгляде на чудный образ Иванова. Действительно, вообразите себе лучший из этих эскизов увеличенным во всю восточную стену храма. Какое это было бы величественное и священно-стройное видение! Черносиня пасхальная ночь, сверкающая мириадами звезд, и в этой ночи, между этими звездами, летящие, скользящие бесчисленные тени праведников. Внизу жалкое, судорожное кувыркание нечистой силы, отлетающей с дверьми Ада в пропасть (Иванов, вероятно, отделился бы при исполнении в большом виде от того несколько комичного характера, который присущ этой части композиции в эскизе). Посреди целое солнце света и блеска, на котором выделяется фигура Христа, стремящегося ко всеобщему спасению. Так широко, просто и величественно никто из живописцев трех последних веков не понимал задач религиозной живописи. Нужно было быть истинным христианином, истинным «мудрецом чувства», нужно было все сильно прочувствовать и умно продумать, чтобы так грандиозно, так ясно понять и с такой истинно-пасхальной торжественностью передать самое великое и непостижимое. По этим подготовительным работам 1845 г. можно заключить, как уже в то время, за несколько лет до своих «эскизов», Иванов далеко шагнул от своего эпизодического и наполовину еще школьного «Явления Христа народу», что он уже тогда созрел до того, чтобы насадить в России истинную религиозную живопись.

музея в Москве*. Васнецов принял заказ, и через 10 лет все громадное здание собора было сплошь записано им самим или по его указаниям и под его влиянием другими художниками.

Выбор Прахова с известной точки зрения оправдался. Из-под кисти Васнецова вышло нечто цельное, эффектное, вовсе не напоминающее банальное богомазанье академических профессоров. Много и остроумно почерпнул он из византийских источников, изучая их тут же, в Киеве, на стенах Софийского собора, съездив (очень ненадолго, правда) в Италию и порывшись в библиотеках. «Со вкусом», «в меру» заразившись их взглядами, он в себе переработал их строгое, внушительное, глубоко серьезное, грозное искусство во что-то не очень глубокое, но парадное, изящное, грациозное и пикантно-остроумное. Его искренняя любовь к русской старине, его понимание русских форм и красок, выразившиеся уже в «сказках», весьма пригодились ему при этой новой работе; они помешали ему впасть при компилятивной, почти архивной работе в холод и тоску и указывали постоянно, при его заимствованиях, на самое характерное в древнем искусстве, на самое яркое и самое для него подходящее. Васнецов не нарушил и церковных традиций, но лишь несколько раз тонко обходил их, иногда же ловко пользовался ими для усиления эффекта. Однако, несмотря на все это, церковная живопись далеко не может считаться отрадным явлением, так как она насквозь фальшива, надута, взвинчена и поверхностна.

Первое впечатление при входе в Киевский Владимирский собор, в этот новый, чистенький и нарядный храм, скорее чарующее. Мягкий, желтый общий тон, обилие золота, грациозная орнаментация, масса вкуса в деталях сообщают игривый, праздничный вид жалкому архитектурному остову. Сейчас при входе — пикантный контраст всему этому радостному впечатлению: прямо над дверью громадное грозное и мрачное изображение «Страшного Суда» — остроумное, а la Бруни, переложение на новый лад, с сильной примесью театральности, старинных фресок. На стенах паперти, слева и справа, две большие картины, представляющие в пышном, археологическом, а la Jean-Paul Laurens, наряде «Крещение св. Владимира» и «Крещение Руси». Далее, на столбах, стройный ряд святых, каждый с подчеркнутым почти до карикатурности историческим и психологическим своим характером: сосредоточенные, но милые до сладости, Борис и Глеб, юродствующий пустынный Прокопий, нарочито строгий, почти пугающий монах — живописец Алипий, в своей черной схиме и с густой наклонной бородой, хорошенькая св. Евдокия, мрачный Нестор и героический Андрей Боголюбский. Над

* «Каменный век» Васнецова, что ни говори Стасов, мало отличается от работ Кормона, так же, как и его богатыри и витязи от академических мервингов Люминэ. Однако в России того времени это явление одиноко и поразительно, так как, если не считать совершенно шаблонных вещей Семирадского и ему подобных, у нас никто тогда не сумел бы создать из собственного *вымысла* столь сложное и спокойно-декоративное целое, так мастерски все «устроить», нарисовать и выдержать в такой вкусной благородной гамме красок, как это сделал Васнецов в фризе Исторического музея.

всем этим, в плафоне нефа толпа херувимов, скорее похожих на вереницы «райских птиц». Одни грациозно облегают крест, на котором кончается очень ординарно-красивый Спаситель, другие с миловидным, но жеманным трепетом льнут к Богу Саваофу, театрально-почтенному и величаво-сокрушенному старцу — совершенному Dieu-le-père из барочных церквей.

Прямо в фоне плавной-круглящейся, раззолоченной абсиды, из-за иконостаса, видна в гигантском размере знаменитая «Мадонна», более всего понравившаяся публике и разошедшаяся в тысячах снимков по всей России. Ее эффектно уставившиеся, пустоватые громадные глаза видны с другого конца церкви. Строго, но и кокетливо драпируясь в тесный темный плащ, плывет она по пространству в вытянутой по-византийски позе, не лишенной известной, чисто современной элегантности. На руках ее миловидный, слегка болезненный младенец, раздающий широким, торжественным взмахом благословение; вокруг те же кокетливые, пестрокрылые и постоянно чем-то испуганные создания, которыми испещрен уже плафон нефа. Внизу, в абсиде, в архаическом ритме, заимствованном у древних фресок, с пикантной угловатостью жестов, подвигаются страшные, с вытаращенными глазами апостолы к неподвижно стоящему Христу, по бокам которого находятся два (уж слишком плохо нарисованных) архангела с рипидами в руках. На стенах алтаря слева и справа изображены — внизу святители греческой и русской церкви;верху — пророки: предвестники и истолкователи пришествия Мессии. Первые* — столь же строгие, царственные и застылые в своих литургических облачениях, как древние изображения их на стенах Киевской Софии, вторые — с патетическими выражениями и мелодраматическими жестами, страшные и восторженные, одетые совсем по-ивановски в древнеудейские пышные наряды или в совершенно первобытные аскетические драпировки. Из купола вниз глядит огромный, но, к сожалению, мало выражающий лик Спасителя. Наконец пониже, в барабане, панорамически разворачивается знаменитое «Преддверье Рая» (наряду с «Мадонной» самое популярное из созданий Васнецова): род сборного пункта всех святых или смотря небожителям. Всевозможные группы и отдельные типы столпились перед входом в отверстие и залитое светом небо. Тут и добрый разбойник, тащущий по-гвидовски свой громадный крест в рай, тут и древний Адам, тут и по-ассирийски расфранченные «три отрока», тут и апофеозы истощенных пытками святых великомучениц, тут и грациозные три дочери св. Софии, сконфуженно прижимающиеся к своей матери, и девицы с цветами в распущенных волосах, и милые русские князья в белых шапочках, и масса развешивающихся материй и крыльев. Просто неудачные фигуры в иконостасе, бессодержательные и слащавые, к счастью, по незначительности своих размеров теряются и не мешают общему эффекту.

Однако глубокое и долговременное впечатление театрально

* Эти простые реалистические «портреты» с красиво заполненными архитектурными фонами, пожалуй, самое лучшее из всей живописи собора.

напыщенный ensemble Владимирского собора производит только на тех, кто совсем еще не знаком с новейшими трюками живописной «монументальной эффектности», с «открытиями» в этой области разных западных художников, с их ловким пользованием широко раскрытыми, подведенными глазами, архаического застыльностью поз, взмахами огромных серафических крыльев, пышной полувосточной, полузападной орнаментацией. Напротив того, те, которым достаточно надоели сильно злоупотреблявшие этими фокусами модные боги символизма и неомистицизма, поражаются несравненно менее, и когда уже вскоре после первого удара от всей этой эффектной и выдержанной васнецовской системы для них наступает реакция и является тягостное чувство разочарования, они усматривают, что весь этот блеск, вся эта царственная помпа, вся это якобы вдумчивость и поэтичность того же пошиба, той же породы, как помпа и поэзия болонцев, прошловековых декораторов иезуитских церквей или болонцев новейшего времени: Бруни, Брюллова, Фландрена и всевозможных эпигонов прерафаэлитизма.

Впрочем, в некоторых отношениях Васнецов даже уступает этим мастерам, особенно более древним. Он далеко не прошел той же строгой и полной школы; в чисто живописном отношении он далеко не достиг их совершенства, а что касается техники (по содержанию все эти художники стоят друг друга), то он тоже не так серьезно отнесся к своей задаче, как они. Васнецов еще в юности, когда он иллюстрировал детские книжки, рисовал различные сценки в журналы и, на великую радость Стасова, изображая с оттенком смехотворства грубо мещанскую среду, приобрел тот «бойкий», «аппетитный» и хлесткий рисунок, который вошел у нас в моду в 40-х и 50-х годах с легкой руки Тимма, Зичи и Микешина и посредством которого последующие русские художники только и умели передавать свои мысли. Васнецов мог в те времена тем легче заразиться этой своего рода болезнью, что вообще серьезное обсуждение вопросов техники казалось тогда вздорным и недостойным передового художника, и эта зараза тем прочнее могла засесть в нем, что он из нужды, для заработка, должен был всегда спешить со своей работой, а эти способы отлично скрадывали спешку и непродуманность. Уже в сказках и в особенности в «Каменном веке» видны старания Васнецова, иногда успешные, освободиться от такой манерности и строже относиться к линии и к мазку. Для живописи Владимирского собора он еще более подтянулся и употребил, особенно в некоторых отдельных, более интересовавших его фигурах, все усилия, чтобы «сковать» свой рисунок, чтобы казаться серьезным и ближе походить на древних, строгих мастеров. Однако привычка постоянно брала верх. Что более всего раздражает в монументальной живописи Васнецова, так это именно ее импровизированный, *быстрый* характер, «ловкие замашки», недостойные по своей банальности и непродуманности приемы, а иногда слишком уже небрежный, вялый и сбитый рисунок.

В некоторых отношениях Васнецов хорош и во Владимирском соборе. Так, с одной стороны, не лишен прелести его приятный, своеобразный колорит, имеющий сродство с чудесными красоч-

ными симфониями древней церковной русской и византийской живописи, а с другой — его орнаменты обнаруживают в нем хорошего декоратора, отлично изучившего и *понявшего* старинные образцы и превосходно сумевшего совсем в их духе, сочном, благородном и спокойно-фантастичном, составить собственную декоративную систему, которая прекрасно вяжется с остроумными переделками Прахова древних архитектурных деталей.

Рядом с Васнецовым всегда называют Нестерова, и оно вполне естественно, так как последний некоторое время находился под сильным влиянием первого, в такой даже степени, что заразился недостатками этого мастера. Но если бы Нестеров писал только свои церковные образа, ничем по сладости и искусственности не отличающиеся от фальшивых созданий Васнецова, то он представлял бы очень мало интереса, так как в истории копии не идут в счет с оригиналами. Однако Нестеров заслуживает совершенно другого отношения, так как он создал не одни свои иконы, но и несколько (к сожалению, немного) картин, в которые ему удалось вложить много личного, по существу и значительности превосходящего даже творчество Васнецова. Но в этих своих работах последнего рода Нестеров уже является художником нового периода, периода свободного, личного и «вдохновенного» начала в искусстве, а потому-то говорить о нем здесь мы не будем, а вернемся к нему впоследствии.

Одно, впрочем, следует еще отметить и в иконах Нестерова — это их краски: светлые серебряные *утренние* краски, способные до известной степени смягчать неприятное впечатление, получаемое от автоматических или сахарно-миловидных фигур, от пересоленно-экстатического выражения лиц святых и от чего-то кислого, размягченного, что присуще всем его церковным изображениям. Вообще же следует помнить, что для полной и настоящей оценки этого молодого мастера, обладающего глубоким умом и поэтичной душой, время еще не пришло, так как он далеко не высказался вполне. Говорить о нем решительное слово тем более рано, что его церковные работы последнего времени означают какой-то поворот к чему-то более серьезному и проникновенному.

Продолжение следует.

Квартира от «Гермеса»

130

Клуб предпринимателей

ВАЛЕРИЙ НЕВЕРОВ, президент концерна «Гермес», известен не только как талантливый человек, за пять лет создавший с нуля большое, прибыльное дело и официально признанный «предпринимателем номер один» в России, но и как специалист, который всегда аргументированно, точно и ясно выступает по проблемам отечественной экономики. С **ВАЛЕРИЕМ НЕВЕРОВЫМ** беседует обозреватель «Смены» **ВИТАЛИЙ СВЕТОВ**.

— Ваш концерн начинался как предприятие по добыче и переработке нефти, и сейчас он активно занят этим. Поэтому вам, Валерий Иванович, конечно, хорошо известны проблемы сырьевых отраслей. Хотелось бы узнать ваше мнение: мы в течение десятилетий продаем за рубеж сырье — хватит

ли его нашим детям, внукам? Или им придется покупать бензин где-нибудь в Саудовской Аравии?

— Россия обладает самыми большими в мире запасами сырья. Валовая потенциальная ценность только балансовых запасов 50 видов полезных ископаемых в России (в ценах 1992 года) превышает 28,6 триллиона долларов. А стоимость всех открытых и достоверно прогнозируемых запасов приближается к 200 триллионам долларов. (Соединенным Штатам надо работать почти 40 лет, чтобы произвести валовой национальный продукт такой величины.) Около 72 процентов их стоимости приходится на топливно-энергетические ресурсы.

— Значит, все в порядке? Можем продолжать качать нефть на Запад?

— Нет! Посмотрим, какова реальная себестоимость наших энер-

гоносителей. Ведь нефть, газ и уголь добывают в России с огромными трудностями. Ясно, что полная себестоимость тюменской нефти просто из-за природных условий ее добычи выше, чем в Кувейте. И, конечно, тюменская нефть по себестоимости не может быть конкурентоспособной арабской или тexasской. Для обеспечения добычи нефти у нас на Севере возведено множество городов. Туда везут продовольствие, товары народного потребления... Полные затраты на поддержание социальной инфраструктуры экономисты, как правило, не включали в себестоимость нефти. И поэтому создавалось впечатление, что она у нас дешевая, почти даровая. Эксперты аналитической службы «Гермеса» посчитали полные затраты на добычу тюменской нефти. Выяснилось, что ее себестоимость сегодня не менее 92 долларов за тонну, и это не считая средств на ее транспортировку. Поэтому, когда мы продаем на Украину нефть по 80 долларов за тонну, то продолжаем работать себе в убыток. А источники покрытия убытков известны — обнищание населения и ухудшение материально-технической базы производства.

В России пока чрезвычайно дешевая рабочая сила. Но, если топливно-энергетический комплекс сегодня или завтра решит платить работникам на средневропейском уровне, он станет заведомо неэффективным и убыточным. Расходы превысят доходы. Да еще мировая цена на нефть в начале 1994 года упала до самого низкого за последние десятилетия уровня. Причем неоправданный рост российского экспорта вызвал не менее 7—10 процентов падения цены. Руководство ОПЕК недвусмысленно обвинило правительство России в потворстве ухудшению

конъюнктуры на мировом нефтяном рынке. В самом деле, несмотря на падение производства, в 1993 году из России было вывезено за рубеж на 20 процентов больше сырой нефти, чем в 1992 году.

— Стало быть, продаем много, продаем по дешевке, сбиваем цены... Неужели так и не научимся хозяйствовать разумно?!

— Единственная возможность для топливно-энергетического комплекса стать конкурентоспособным — это не вывозить сырье, а экспортировать разнообразную готовую продукцию нефтепереработки и нефтехимии. По этому пути успешно идут многие страны. Скажем, Бахрейн сырую нефть почти не вывозит — на нее уже в 1984 году приходилось менее одного процента экспорта, а вот на нефтепродукты — 55,7 процента. Международная торговля в отличие от торговли сырой нефтью убытков не приносит. Общая валовая прибыль 14 ведущих американских нефтяных компаний возросла в 1993 году на 26 процентов. И резкое падение цен им не повредило. Падение цен на сырую нефть не страшно, если имеются диверсифицированное* производство, глубокая переработка нефти, современные технологии нефтехимии. Делать ставку на экспорт непереработанного сырья просто опасно. Вот еще одно тому доказательство: основные импортеры нефти готовят новое согласованное наступление на экспортеров — установление «углеводородного налога» на нефть в странах Европейского Сообщества. Размеры его предполагается довести к 2000 году до 10 долларов за

* Диверсификация — проникновение специализированных фирм в другие отрасли.

баррель! В качестве предлога избрана борьба против роста двуокиси углерода в атмосфере. Однако, по мнению исследовательского центра ОПЕК, доля нефтепродуктов в углеводородном загрязнении атмосферы не превышает 13 процентов. Планы Европейского Сообщества напрямую затрагивают жизненные интересы всех производителей нефти, включая Россию.

— Вы говорите, экспортировать надо не нефть, как сейчас, а продукты ее переработки. Значит, нужны заводы. Кто их будет строить? Где взять на них средства?

— В основном, конечно, следует рассчитывать на внутренние ресурсы. В то же время нефтяные компании стран Персидского залива готовы (на определенных условиях) вложить в российскую нефтегазовую отрасль миллиарды долларов. Пока на долю арабских стран в России приходится всего 5 процентов иностранных инвестиций. Но уже к 2000 году эта доля может возрасти минимум до 20 процентов. Арабам крайне невыгодно, что своим «сбросом» сырой нефти мы сбиваем мировые цены. По существующим экспертным оценкам, в случае резкого сокращения российского экспорта нефти мировая цена на нее возрастет не менее чем вдвое. Сегодняшние цены в реальном выражении ниже, чем 20 лет назад, до энергетического кризиса, что вызывает серьезные проблемы для всех экспортеров, даже для Саудовской Аравии. Дальнейшее движение цен в значительной мере определит нефтяная политика России. Причем в зависимости от того, что мы предпримем, цены «брента» могут уже через год-два либо упасть с нынешних 14 долларов за баррель до 10 долларов, либо возрасти до 25 долларов и выше.

Ресурсы для создания современной промышленности по глубокой переработке сырья есть. Достаточно вспомнить о тех 20—40 миллиардах долларов, которые ежегодно перекачиваются из России в западные банки. Большая часть этих денег получена за вывоз сырьевых ресурсов, в первую очередь нефти, или за предоставление западным фирмам неоправданно льготных условий по эксплуатации наших месторождений. Топливо-энергетический комплекс продолжает кредитовать все остальные отрасли. Именно так можно расценивать задолженность потребителей предприятиям топливно-энергетического комплекса, которая достигла к началу 1994 года 10 триллионов рублей. По некоторым оценкам, все остальные отрасли 157 дней в году живут за счет ТЭК!

— Скажите, а есть ли у правительства ясное представление, что будет с отраслью через десять, двадцать лет? Есть ли стратегия ее развития? Или хотя бы тактика действий в этой сфере?

— Никто в мире так бездумно и расточительно, как мы, не обращается с нефтью — национальным достоянием, ресурсы которого всегда ограничены. Даже богатейшей Саудовской Аравии разведанных запасов хватит, оказывается, не на столетия, а всего на 84 года. США — на 10 лет, странам бывшего СССР — на 15. России — на 35. Реально, конечно, нефть будут добывать значительно дольше (откроют новые месторождения, смогут извлекать из скважин большую долю этого сырья), но все равно эти запасы не безграничны. Поэтому нефть за рубежом всемерно экономят. Где это возможно, в качестве топлива используют уголь. Так, в США доля угля в топливообеспечении эле-

ктростанций составляет свыше 80 процентов, а у нас — менее четверти...

Современная национальная сырьевая стратегия должна быть прямо противоположной тому, что сегодня творится в России (и не только с нефтью). В стране сейчас вообще отсутствует как долгосрочная, так и целенаправленная текущая «сырьевая» политика. В России нет многих самых необходимых законов, регулирующих развитие топливно-энергетических и других сырьевых отраслей. Еще до принятия первоочередных законов в нефтяную отрасль России за последние 2—3 года были допущены иностранные фирмы, причем в масштабах, которые, похоже, многими пока не осознаются. На сорока процентах тюменских нефтяных месторождений, подготавливаемых к разработке до 2000 года, работы ведутся с участием иностранных фирм. Катастрофическое разрушение природы российского Севера западные компании и правительства не волнует. Но сырьевое и энергетическое законодательство России должно защищать российские интересы, в том числе отечественных производителей! Недопустимо положение, когда отечественные инвесторы подвергаются дискриминации. Так, подсчитано, что российский нефтепромышленник никак не может получить от реализации на внутреннем рынке более 15 процентов прибыли. Для иностранных инвесторов эта доля не опускается ниже 40 процентов.

Кризис сырьевых отраслей должен разрешиться. Он не может длиться вечно. Но возможны разные варианты выхода из него. Один вариант — стать топливно-сырьевой провинцией развитого мира. И мы, увы, уже движемся в этом направлении. Однако я уверен, что страна способна со-

хранить не только топливно-сырьевую, но и технологическую независимость. Провести быструю и эффективную структурную перестройку. Ударной силой структурно-технологического прорыва должны стать возникающие мощные негосударственные финансово-промышленные группы.

— Будем надеяться, что ваши мысли дойдут-таки до правительственных чиновников... Теперь, если позволите, сменим тему и поговорим о том, что волнует обыкновенных людей, всех читателей «Смены» (и меня тоже), — это «квартирный вопрос». Я слышал, что «Гермес» замахнулся на амбициозную и очень благородную цель — решить в стране жилищную проблему.

— В России жилищная проблема обострялась десятилетиями. Из разряда экономических она давно перешла в политическую, социальную, даже нравственную. Жилищная программа для «Гермеса» самая главная. Всесторонняя подготовка к ней шла все предшествующие годы нашей работы, начиная с 1989-го. Ее цель — обеспечить наших акционеров современным благоустроенным жильем. Мы твердо решили переломить сложившуюся в стране ситуацию, когда приобретение квартиры стало абсолютно недоступно большинству граждан.

— Как это сделать? Откуда взять необходимые финансовые ресурсы? Ведь «Гермес» денег не печатает...

— «Гермес» может строить жилье только на средства, занятые у населения. Однако если, взяв у людей деньги, просто вести коммерческое строительство, то стоимость одного квадратного метра общей площади в центре Москвы составит не менее тысячи долларов. Выложить такую сумму — за-

дача совершенно непосильная для рядового труженика. Мы действуем иначе — в соответствии с принципиально новой финансово-производственной схемой привлекаем относительно небольшие сбережения отдельных граждан, затем очень быстро их приумножаем и уже потом строим на эти деньги жилье. Такой подход во много раз уменьшает затраты на приобретение квартиры для людей, решивших поддержать наш проект, особенно если они включатся в него на самых ранних стадиях.

Первые ощутимые результаты — значительное число квартир и коттеджей — появятся уже через год-полтора. Но весь проект рассчитан на большой срок. Структуры «Гермеса» уже приступили к выполнению своей главной задачи. Для приумножения денег и эффективных финансовых операций уже создана единая сеть банков, торговых домов, бирж, бензозаправочных станций, а также вся инфраструктура, связанная с добычей и переработкой нефти. Они прекрасно работают, принося большие доходы.

Нам трудно прогнозировать экономическую и политическую обстановку в стране, но очень важно, что встанут на ноги и зарубежные структуры «Гермеса». Поэтому многое можно делать, основываясь исключительно на достоверно планируемых зарубежных операциях, совершаемых в стабильных экономических условиях. Это дает возможность ответственно заявить: все взятые на себя обязательства перед акционерами «Гермес» выполнит, даже вне зависимости от развития ситуации в России.

Следует учесть и то, что к настоящему времени в концерне накоплена (не только в виде уже построенных и строящихся квартир) огромная материальная ответственность в пакетах акций пер-

спективных в будущем российских предприятий и организаций. Большая часть этой собственности приобретена нами еще по ценам 1991 года, и мы можем сообщить, что нынешняя ее стоимость оценивается в несколько триллионов рублей. А значит, «Гермес» обладает чрезвычайным запасом прочности.

Дальнейшая эмиссия акций может происходить под залог уже имеющейся собственности, которую нельзя положить в карман, вывезти за рубеж. Даже в крайне маловероятном случае каких-либо значительных сбоев в выполнении жилищной программы часть собственности «Гермеса» в любой момент может быть продана для поддержки главного проекта концерна и полного выполнения всех обязательств перед акционерами.

Немаловажно и то, что к 1994 году структуры концерна накопили опыт строительства и операций с недвижимостью, пусть в каждом месте небольшой, но зато обширный в целом, во многих регионах России. Все это дает нам возможность в ближайшем будущем перейти к широкомасштабному жилищному строительству не только в Москве, но и в других областных центрах России.

— *Если это не коммерческая тайна, объясните суть и механизм программы?*

— Они очень просты. Акционерное общество открытого типа концерн «Гермес» продает свои акции на фондовом рынке всем желающим. Вырученные от продажи акций деньги приумножаются через созданную концерном систему финансовых и производственных операций. Полученные доходы вкладываются в жилищное строительство. По мере ввода в эксплуатацию жилых домов все построенное жилье делится на две большие части, соотношение между которыми бу-

дет со временем меняться — в лучшую для акционеров сторону. Часть жилья продается по рыночной цене для обеспечения дальнейшего строительства, выполнения обязательств перед государством и местными органами власти, выплаты дивидендов акционерам, а другая часть разыгрывается среди акционеров.

Начиная с 1995 года 10 процентов построенного жилья разыгрывается среди всех владельцев выпущенных акций. Еще 10 процентов квартир и коттеджей — только среди тех акционеров, кто имеет полный пакет из 1000 акций АО «Концерн «Гермес». При этом выигравшие акции (или их полные пакеты) обмениваются на квартиру. Остальные 80 процентов построенного жилья в 1995—1996 годах идут на расчет с государством и в свободную продажу на рынке для обеспечения дополнительного притока финансовых ресурсов и увеличения масштабов строительства. Акционеры, конечно, могут на очередном собрании принять решение о некотором снижении величины дивиденда, за счет чего в дальнейшем ускорить ввод нового жилья, увеличить разыгрываемую квоту. Но это прерогатива только собрания акционеров, и как оно решит, так и будет. Прогнозировать заранее величину дивиденда трудно, но во всех структурах «Гермеса» она традиционно очень высока. Так, дивиденды АО «Концерн «Гермес» за 1993 год составили 700 процентов годовых.

Четко намечены сроки реализации основных этапов проекта. Вне зависимости от чего бы то ни было. Все те акционеры, которые наберут полный пакет из 1000 акций к году бога Гермеса, то есть к 1999-му, смогут в течение этого года обменять акции на коттеджи или благоустроенные квартиры (если им не повезет раньше при ежегодных розыгрышах построенного жилья).

Величина пакета акций, гарантирующего получение жилья, определяется экономической ситуацией в стране и при выходе из кризиса может быть уменьшена очередным собранием акционеров.

Исходя из нынешней экономической ситуации и наших заделов в 1994—1995 годах осуществляет только строительство отдельных жилых домов в Москве и некоторых областных центрах, а вот с 1996 года плюс к этому планируется строительство целых микрорайонов и коттеджных поселков. Разумеется, и после 1999 года набравшая обороты программа может продолжаться на условиях, которые сами акционеры определят на своих собраниях...

— А если у меня не тысяча акций, а одна?

— В 1994—1995 годах по программе, кроме строительства и наращивания строительных мощностей, основное внимание уделяется финансовым операциям с деньгами акционеров, с целью их многократного приумножения перед вложением в строительство. Таким образом, каждый гражданин, купив даже одну акцию концерна «Гермес», имеет шанс (пусть сначала сравнительно небольшой, но со временем все возрастающий) вселиться в новый дом, построенный «Гермесом». В последующем любой акционер по мере появления у него свободных денег может еще прикупить акций, тем самым увеличивая свои шансы быстро получить квартиру. Если же набрать полный пакет из тысячи акций, то можно быть абсолютно уверенным в скором новоселье.

Кстати сказать, аналитическая служба «Гермеса» прогнозирует быстрый рост курсовой стоимости акций, поэтому их выгодно покупать (и потом докупать) как можно раньше. Количество акций

ограничено проспектом эмиссии, утвержденным Министерством финансов. С какого-то момента их продажа может полностью прекратиться. Аналитическая служба прогнозирует рост курсовой стоимости акций в марте — мае 1994 года до 35 — 70 тысяч рублей, а в 1996 году, после распределения между акционерами квартир, до полумиллиона рублей.

— Неплохой доход!.. И, знаете, расчеты ваших аналитиков, по моему, подтверждаются общественным мнением. Разговорился как-то с соседом, профессором-химиком. Он давний акционер «Гермеса», доволен и долго убеждал меня купить ваши акции...

— И мы в «Гермесе» уверены, что, скорее всего, на наши предложения откликнутся наиболее активные в экономическом отношении слои населения. И считаем правильным, что как раз эти люди в первую очередь смогут освободиться от заботы о жилье, чтобы свободно трудиться, принося пользу себе и России.

Обращаемся также к русским, живущим за рубежом: акции «Концерн «Гермес» открывают для вас уникальную возможность обеспечить себя жильем в России. Вы сейчас очень нужны Родине. Особо хотелось бы обратиться к военнослужащим, жителям северных городов, где добыча энергоносителей истощается: поддержите наши планы, и вы получите жилье в наиболее благоприятных климатических зонах. Ведь других сравнительно недорогих путей для этого сейчас нет.

Ждем отклика от глав администраций различных регионов России. Для того региона, администрация которого предложит наилучшие условия жилищного строительства, концерн может сделать очень многое: обеспечить нефте-

продуктами, осуществить крупномасштабные вложения в жилищное строительство (мы понимаем, что какую-то часть квартир нужно отдать для очередников), вложить инвестиции в размере не менее 500 млрд. рублей.

Наконец, мы готовы перерегистрировать многие свои предприятия в тех регионах, которые создадут наиболее благоприятные условия для деятельности. А это многомиллиардные налоги, в том числе местные. «Гермес» действует по всему СНГ и во многих странах так называемого дальнего зарубежья, а налоги мы хотели бы оплатить там, где администрация окажет наибольшую помощь и поддержку. К сожалению, пока во многих краях, областях их руководство ведет необъявленную войну с нашими структурами. И поэтому назрела необходимость перерегистрировать предприятия, перевести их в регионы, где администрация мыслит реально и здраво. Мы постоянно ищем взаимовыгодного сотрудничества и ждем конкретных предложений.

— Если кто-то из наших читателей захочет подробнее познакомиться с программой жилищного строительства...

— Пусть напишут в нашу газету «Гермес»: 103858, Москва, ул. Станкевича, 20, стр. 4. Телефон: 299-34-65. Кстати, ежемесячная газета «Гермес» — весьма дешевая, особенно для тех, кто живет вдали от Москвы, так как ее доставку подписчикам дотирует концерн.

Подписавшись на полугодие (900 руб.), вы получите 6 номеров.

— И, наконец, последний вопрос: как можно купить акции АО концерн «Гермес»?

— Звоните по круглосуточному многоканальному телефону в Москве: 262-10-11.

АРКАДИИ

АЛЛА АВИЛОВА

138

В угарном кафе-стекляшке у Москвы-реки под закрытие, когда там разгул особенно тяжелый, они встретились друг с другом взглядом. Мила и Аркадий звали их. Она была маленькая, нервная, окислевшая от вина, он — узкий, сутулый, рассеянный. Он тоже пил красненькое, но казался трезвым, потому и выделялся. И она бросалась в глаза — такая слабенькая среди матерых забулдыг. Зашла сюда с подругой Томой после работы распить бутылочку и открыть сердце, где много всего накопилось, да и застряла: как повторили девушки заказ, стало время для них чужой выдумкой, далекой от жизни. Вот и досидели до закрытия, не заметив, что ни справа, ни слева ни одного приличного человека не осталось. Сидели обе свинцовые, смотрели беспокойно, встать бы и уйти, а подняться не было воли. Тут Мила увидела Аркадия, и одновременно — он ее.

Он смотрел на нее, не отрываясь, большими, слишком большими, темными глазами. И вдруг эти глаза стали светлыми от улыбки. Мила не выдержала и перевела взгляд. Появилась шумная тетка с раздачи, которая принялась убирать со столов и выгонять посетителей: кафе закрывалось. Аркадий встал и пошел к выходу. Мила это заметила и покраснела. Ругань, раздавшаяся за ее спиной, помогла ей прийти в себя. Тетка орала на офицера, одиноко осевшего над недопитым стаканом и ее не понимавшего. Мила встала, подняла Тому и под руку с ней двинулась к выходу.

Вышла на улицу и увидела его. Аркадий стоял рядом с кафе, курил. Сердце у Милы подпрыгнуло, грудь сжалась. Проходя мимо него, она опустила голову и прижала к себе тихую, ослабевшую подругу. Он не двинулся, не сказал ни слова. Мила прошла дальше пару шагов и остановилась. Затылок свербило от его взгляда. Она повернулась к нему, и так они втроем и замерли.

Ноющий голосок Томи вывел их из неподвижности: «Ты что, Людмила? Пойдем в метро». «Я помогу!» — вдруг прохрипел его бас, такой неожиданно тяжелый при его худобе. Он тотчас оказался рядом, подхватил Тому с другой стороны, отчего та в испуге метнулась вперед, но он ее удержал, успокоил, и они слаженно пошли дальше.

Мила молчала, и Аркадий молчал. Молчала и побелевшая от желудочной смуты Тома. Вошли в вестибюль метро, прошли автоматы, спустились на эскалаторе вниз. Только в вагоне он

МИЛДА

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

опять подал голос: «Вы, значит, Люда. А я Аркадий». «Я Мила», — поправила она его. «О!» — как бы разочарованно отозвался он. «Не нравится?» «Так зовут мою мать». «Приятное совпадение». «Не очень. Я свою мать не люблю». Мила посмотрела на Аркадия серьезно: «Понимаю. Я свою мать тоже не люблю».

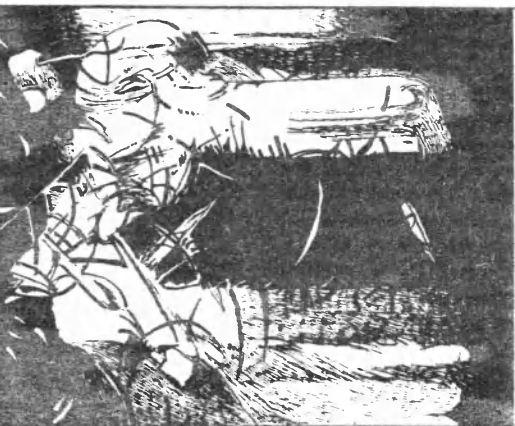
Когда отвезли Тому домой, Аркадий предложил Миле поехать к нему пить чай. Это ей понравилось, не вино, а чай. И они поехали. Аркадия она совсем не боялась, а отчего такая смелость — не понимала.

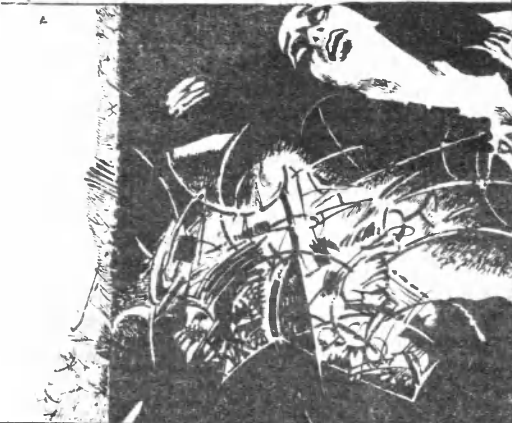
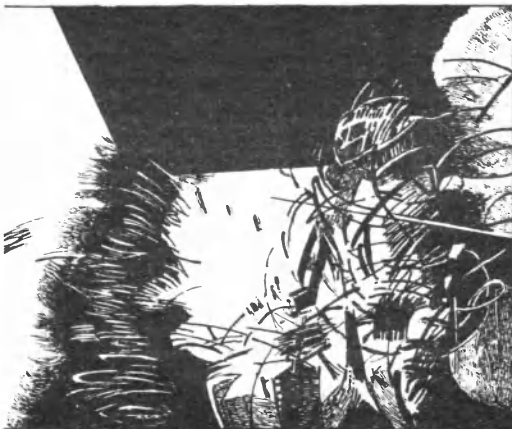
Аркадий занимал в перекошенном, аварийном домишке у Тверского бульвара полуподвальную комнату, которую называл ателье. Он был художником. «Живу, как Мастер, — пошутил он, заметив, как оторопела Мила при виде его обиталища. — Вы, конечно, читали Булгакова?» «Конечно», — соврала Мила, только понаслышке знавшая о знаменитом романе. Во всех окнах было темно. «Здесь еще кто-нибудь живет?» — спросила она. «Есть еще старушка на втором этаже. Остальных всех уже выселили. Дом собираются ломать», — объяснил Аркадий.

Через калитку в высоком заборе вошли в заросший двор, постояли там немного, подышали черемухой. Все было так необычно, а страх у Милы не появлялся. Аркадий толкнул одно из нижних окон ногой, впрыгнул вовнутрь и подал ей оттуда руку. Она спрыгнула к нему в темноту и оказалась в его объятиях. В ту ночь они дали друг другу клятву верности и новые имена: Арка и Милда. Первое хотела она, второе — он.

Виделись потом каждый день. Обычно Милда приходила после работы к Арке, который ждал ее с ужином, и оставалась у него в ателье допоздна. Иногда встречались в городе и шли в кино, на концерт или бродили по Москве, заглушая вечерний голод булочками. И всегда было хорошо: ничего особенного не происходило, а пустоты не было. Продолжалось это счастье полгода, потом вмиг улетучилось, когда стало известно, что Милда забеременела.

Эта новость сразила обоих. Милда стала нервной, не дай Бог задеть, Арка — тихий. Слушал отчаянные Милдины слова и молчал, от чего она совсем выходила из себя. Больше всего

мучилась Милда от того, что не знала, как поступить. Оставить ребенка было страшно, но и дать его убить тоже было страшно. А Арка молчал. Наконец Милда приняла решение и заявила Арке: «Хочешь ты или не хочешь, а ребенок будет жить». Арка съехался и сказал: «Знаешь, тут такое дело. Я шизофреник. Наследственный». У Милды началась истерика. Зарыдала на своим голосом, спрятав лицо в диванную подушку, потом вскочила и убежала из ателье. Арка ее не догонял, не останавливал, не возвращал. И после этого не звонил, не искал.

Прошло десять дней, и Милда стала прежней. Нашла по знакомству хорошего врача, и тот без всяких мытарств избавил ее от беременности. Прошли тошнота и нервозность. Арка не объявился, и славу Богу, — она знать ничего о нем не хотела. Шизиков Милда боялась. Вот только надо было вернуть ему папку с самиздатовским «Мастером и Маргаритой». Булгаковский роман Арка вспоминал часто, и Милда наконец попросила дать ей его «перечитать». Взяла, но так и не открыла: все было не до того. Отвезти папку Милда не могла себя заставить. Решила переждать на всякий случай какое-то время и выслать по почте.

142 Арка позвонил Милде спустя два месяца после их последней встречи, когда она вообще перестала вспоминать о нем. Спросил: «Как ты?» Она растерялась, не знала, что ответить. «Не молчи, пожалуйста», — попросил Арка, и была такая удрученность в его голосе, что Милда в слепом порыве заговорила с ним, как раньше. Он прервал ее: «Давай не по телефону». И договорились о свидании через полчаса у памятника Гоголю, где обычно встречались.

Повесив трубку, Милда ужаснулась происшедшему: опять в ее жизни Арка. «Не поеду», — сказала вслух. Тут вспомнила об Аркином «Мастере»: «Поеду, отдам папку и обратно». Нет, вновь связывать себя с шизиком она ни за что не будет. А клятва? В ту их первую ночь она сама предложила: «Давай поклянемся, что никогда не оставим друг друга без обоюдного согласия». Был восторг от их ласковой, безграничной близости и страх, что это счастье, как всегда, неожиданно пропадет. Арка смеялся над ней, говорил, что не верит в такие детские клятвы, стал допытываться, зачем это ей. Когда же Милда призналась, что ее уже два раза бросали, да еще и расплакалась от старых обид, Арка сразу же поклялся. Ну и сама она, естественно.

Милда отмахнулась от прошлого: «Ерунда. Та дурацкая клятва — такая же игра, как эти наши тайные имена». Все же было беспокойно от мысли, что Арка заведет о клятве разговор, но и тут нашлась: «Он ведь пропал? Пропал. Значит, сам первый ее нарушил. Скажу, что не могу ему этого простить».

Был одиннадцатый час и темно, когда Милда пришла к Гоголю в тот июльский вечер. Арка уже ждал. Увидев ее, бросился к ней, обнял и долго держал, с силой прижав к себе. Этот порыв насторожил Милду: Арка прежде был сдержанным. Она не чувствовала ничего, кроме неудобства. Освободившись, Милда

вгляделась в лицо Арки. Оно было лихорадочным. От нехорошего предчувствия громко и часто забилося сердце.

«Вот твой «Мастер», — начала Милда, передавая Арке полиэтиленовый пакет с папкой. Она хотела быстро проговорить заготовленные слова, но он ее перебил: «Я не звонил, потому что не хотел тебя пугать. Как бы это объяснить... Ну, в общем, я тогда сдвинулся. Знаешь, повело... Ну, в общем, я был нехорошим». У Милды заныло сердце. «А теперь?» — спросила она с деланным спокойствием. «Теперь ничего. Можно сказать, прошло». «И часто с тобой такое?» «Периодами. Первый раз случилось в четырнадцать, потом еще раз в армии, ну а это был, значит, третий раз».

«Аркадий, — начала она, — ты понимаешь... За это время...» Он прижал ее к себе и шепнул в ухо: «Ты меня не бросишь?» Спросил он это еле слышно, а прозвучало пронзительно, потом — тишина, и ее Милда не смогла выдержать. «Ну что ты, нет, конечно, нет...» — сказала она скороговоркой. Арка, как это услышал, распрявился, стал разговорчивым, даже остроумным. Милда забыла о неприятном, смеялась его шуткам и под конец уже отвечала его поцелуям. Спать она поехала к себе, и он отпустил ее легко, со светлой улыбкой. Договорились о встрече на следующий день.

По дороге домой Милду охватило беспокойство. «Как же так, завтра опять Арка. Что же ты делаешь?» — спросила себя гневно, как это делала ее мать, если она что-то выкидывала. Милда ничего не понимала — ни в себе, ни в том, что происходило. Ее сердечко металось, как мышка, замирало, скребло.

Месяца три все было хорошо. Милда успокоилась. Арка написал ее портрет, и она им очень гордилась. Надвигалась очередная конкурсная выставка творческой молодежи в Манеже, и Милда потребовала, чтобы Арка послал туда ее портрет. Арка сначала не хотел. Он такие выставки презирал, а Милдину головку в стиле Модильяни серьезной работой не считал — написал ее всего-то Милде на потеху. Портретами Арка вообще не занимался, его жанром были натюрморты. Густые, махровые, они «шевелились» при сосредоточенном всматривании. Таких натюрмортов никто, кроме Арки, не писал, и друзья-художники считали его гением.

«Выставись хоть раз, — уговаривала Арку Милда. — Что толку показывать работы только знакомым». И Арка в конце концов уступил ей. Вместе с Милдиным портретом отдал на конкурс и свои уникальные натюрморты. Комиссия, защищавшая публику от самовольства художников, конечно же, их отвергла. А вот Милдин портрет, к изумлению Арки, конкурс прошел. Один из титулованных стариков, задававших тон в комиссии, с детства млел от Модильяни. Когда кто-то заметил, что маловато в экспозиции молодежного баловства, он указал на Милдину головку: «Вот та красotka с лошадиной мордашкой подойдет». В довершение всех неожиданностей попал Милдин портрет еще и в каталог.

После успеха на выставке хлынул в ателье Арки поток любопытных.

Приходили большей частью «посмотреть»: хвалили, сплетничали и ничего не покупали. Правда, на Милдин портрет покупатели были и даже предлагали хорошие деньги, но его продавать Милда не разрешала. Арка угощал гостей красненьким, а когда и чем покрепче. Бывало, покупал напитки на последние деньги и на закуски уже ничего не оставалось. Когда Милда появлялась у него вечером после работы, он бывал почти всегда перекошенный. Она негодовала. «Ну не злись, родная», — говорил он со светлой улыбкой, путаясь в словах, и просил денег на макароны. Плохо было и то, что Арка выпал из привычного ритма и не мог по-настоящему работать. Наконец она ему сказала: «Будешь и дальше заливать, между нами конец».

«Все наладится, — стал успокаивать Арка Милду. — Вот объявится серьезный покупатель, получу денежку и куплю хороших красок. Первоклассный материал всегда меня вдохновляет. Ну а начну работать, ни гостей не будет, ни выпивок». «Это ты только говоришь», — не верила Милда. «Не бойся, — продолжал убеждать ее Арка, — я сам знаю, что мне много пить нельзя. Вот сорвался тогда, когда с тобой... ну ты знаешь, — и сдвинулся». От такого неожиданного признания Милду бросило в жар. «Вот что, — сказала она, — продавай мой портрет и покупай свои краски».

Покупатель нашелся быстро. «Такое дело надо отметить, — сказал Милде Арка, довольный сделкой. — Назови желание». Она выдала первое, что пришло в голову: «Хочу искупаться в ванне с шампанским!» «Будет!» — отозвался ей в тон Арка. Он отправил Милду мыть ванну, а сам — на такси в гастроном, за шампанским. Вернулся с 20 бутылками. Забрались в ванну и стали открывать шампанское, стреляя пробками в потолок и обливая друг друга пенистыми струями, как из огнетушителя. Ну а дальше делали уже совершенные глупости. Накупались до головокружения и кидали потом еще зажженные спички в шампанское, но оно не горело. Вот такая была забава, а на следующий день, в четверг, — страшное.

Собрались вместе на день рождения Томи. Милда появилась на выходе у метро Тушинская в полседьмого, как условились, Арки не было. Не пришел он и полчаса спустя, и Милда терзалась, не зная, что делать — обидеться или забеспокоиться. Последнее перевесило естественным образом: душа так ныла, что возмутиться не могла.

Нашелся несломанный автомат, и Милда позвонила Арке. Никакого ответа. Постояла еще 15 минут у метро, потом позвонила Томе, что они не приедут, после чего пошла обратно в метро и поехала к Арке. Зачем — сама не знала. Поехала, и все. В душе была сумятица, и подташнивало от тревоги.

Вот и домишко, и в окнах у Арки свет. Так, значит, все-таки дома! Милда стукнула ногой раму зашторенного Аркиного окна. Никакой реакции. Она вошла во двор. Здесь окно было, как обычно, открыто. Милда впрыгнула через него в ателье и увиде-

ла Арку у моллберта: он стоял сжавшись, с кистью в руке, и смотрел в ее направлении широкими от ужаса глазами — но не на нее смотрел, а как бы сквозь нее. И у Милды также расширились глаза, ужас передался и ей.

Как два изваяния простояли они с минуту друг против друга, после чего Арка неожиданно ожил: улыбка узнавания сняла с его лица напряжение. «Ты!» — сказал он с чувством. Бросил кисть, шагнул к ней. Расслабилась и она, однако ужас не пропал, лишь задвинулся в угол и оттуда излучал смуту.

Арка обнимал ее, целовал, будто после долгой разлуки. «Ну и молодец же ты! Какая же ты молодец, что пришла!» — восклицал он. Вдруг резко захохотал, отчего Милда опять съезжилась. Арка смеялся и периодически, как заведенный, оглядывался на темный угол ателье, где были сложены папки с бумагой, картон и листы фанеры. «Он туда спрятался — тебя испугался, — наконец сообщил он. — Видишь, выглядывает? Я зову его Ирод».

Милда дернулась из объятий Арки, но он сжал ее еще крепче. «Пусти!» — закричала она и стала неистово вырываться из Аркиных рук. От ее крика Арка пришел в себя. Он по-прежнему не выпускал ее, но держал теперь ласково и старался успокоить. Так и не вырвавшись, Милда затихла. Арка прошептал ей, вялой, в ухо: «Прости, что напугал. Ну, пожалуйста, прости. Ты ведь не уйдешь?» Она молчала. «Хочешь, пойдем куда-нибудь отсюда».

Арка разжал объятия, но Милда не шелохнулась. Он подвел ее к окну, помог ей выбраться во двор, все время вглядываясь несчастными глазами, оживает ли Милдино лицо. Милда из жалости к нему улыбнулась. Вышли переулками на Тверской бульвар, и там, в его октябрьской пустоте и отрешенности, их души сблизились. Сидели на спинке лавочки, уйдя подбородками в воротники, и говорили.

«Ты появилась, и Ирод пропал», — рассказывал Арка. Ирод был черный, неуловимый, хищный — старая, назойливая галлюцинация. «Как же так? По какой причине этот новый приступ?» — недоумевала вышедшая из оцепенения Милда. То, что в сдвиге Арки не было никакой логики, мучило ее больше всего.

Он уже рассказал ей, как хорошо утром работалось. Высветлял стебелек на своем последнем натюрморте «Сухие цветы» — и тут его сжало: не смог вдохнуть. И, когда задыхался, перед глазами возник Ирод. «Ну, почему, почему, почему?» — продолжала недоумевать Милда. «Не знаю», — только и мог сказать Арка. Все было хорошо. Прекрасное, солнечное утро. Отличное настроение. Никаких забот. И вдруг это.

Два следующих дня прошли нормально. В воскресенье была свадьба Милдиного родственника, где она должна была присутствовать. Арка собирался в тот день работать. Измученная лихорадочным торжеством, Милда вернулась домой к полуночи и упала в постель. В три часа ночи ее разбудил телефонный звонок. Она вскочила, бросилась в коридор к телефону, в трубке — неприятный, искаженный голос: «Ты уже дома? Это я». С ужасом узнала Арку. «С тобой все хорошо?» — продолжал тот

жуткий голос и вдруг разрыдался: «Он опять здесь!.. Он хочет моей крови!» И короткие гудки в трубке.

Только Милда положила трубку, как телефон вновь зазвонил. Тот же голос на другом конце провода: «Милда, моя родная, приезжай, прогони его, он боится тебя... Милда, приезжай. Милда, прогони его. Милда, родная, приезжай...» И дальше в том же духе, как испорченная пластинка.

Милда нажала рычажок, голос сменили короткие гудки. «Кто это звонит ночью?» В двери родительской комнаты появилась заспанная гневная мать. «Ошибка», — отозвалась Милда. «Что ты тогда торчишь у телефона? Иди спать. Завтра не встанешь на работу», — распорядилась мать и пошла в туалет. Милда собралась было идти к себе в комнату, как телефон зазвонил опять. В трубке продолжение того же: «Милда, родная, прогони его... Он боится только тебя... Приезжай, Милда, прогони его...» И короткие гудки. Она взяла телефон и пошла с ним в свою комнату, спасаясь от новых вопросов матери. Та должна была вот-вот появиться. Может, пойдет сразу спать? Нет, мать все же зашла к ней. И пошло: «Что тут происходит? Кто это без конца звонит? Зачем ты врешь?» Мать взяла телефон и вывернула звонок. «Спать», — бросила она Милде и ушла с телефоном из комнаты.

Милда просидела какое-то время на постели. Грудь была сдавлена, однако голова работала с утренней бодростью. «Если поеду, что тогда? Я все равно не смогу ему помочь... Позвонить в «Скорую»? А что скажу? Я же ничего толком не знаю... Лечь спать. Просто лечь спать. Завтра утром позвоню ему. А что скажу, если спросит: как же ты меня одного оставила?.. А вдруг он что с собой сделает?» Она оделась и пошла ловить такси.

Свет у Арки горел. Милда вошла во двор и заглянула в открытое окно: Арка сидел на полу и смотрел на свою руку. С нее капала на пол кровь. Он почувствовал Милдин взгляд и резко повернулся к ней. Не удивившись, не обрадовавшись, бросил ей коротко: «В тумбочке должны быть йод и бинт».

Она впрыгнула в ателье и перевязала его. «Мастерски», — похвалил он со светлой улыбкой. «Как это случилось?» «Не спрашивай». «Нет, ты должен мне рассказать», — настаивала она. — Раз ты звонишь среди ночи и просишь приехать, я хочу знать, что происходит». Его улыбка пропала. «Я тебе звонил? Когда?» «Час назад». «Не может быть». «Почему же, ты думаешь, я здесь?» «Я тебе звонил... Как же так... Почему?» «Ты говорил, что Ирод здесь». «Ирод? Он здесь?» Арка посмотрел в угол с папками и изменился в лице: «Да, верно, он здесь». Тут Арка жутко, по-кошачьи, зашипел и стал пятиться к окну.

У подоконника принялся искать глазами что-то на полу. Наконец нашел: это был нож. Поднял его, замахнулся на папки в углу и закричал: «Я же дал тебе крови! Еще хочешь? Сколько? всю мою кровь? И тогда отстанешь?» И тут с размаху вколол нож в только что перевязанную руку. Милда взвизгнула. Арка повернулся к ней: «Ты?! Пришла! Родная моя! Пришла!» И затрясся в рыдании. Бинт на руке потемнел от крови.

Милде стало не по себе, но все же она собралась с духом, подошла к Арке, положила ему руку на плечо, стала успокаивать, и Арка затих, лишь слезы продолжали течь. Еще раз перевязала ему руку. «Ложись спать, ты устал», — сказала Милда. «А Ирод? — Арка кивнул на угол с папками. — Теперь он не отстанет от меня. Я пахну кровью». «Ну что за бред, ты же знаешь сам — это галлюцинация».

Арка смотрел на нее несчастными, мокрыми глазами, и было неясно, верит он ей или своему страху. Жалость проколола Милду насквозь и сделала решительной. Она забралась на подоконник и протянула оттуда руку Арке. Он послушно, как дитя, подошел к ней, вложил свою руку в ее. Милда вытянула Арку из ателье во двор, вывела на улицу и повела к метро.

Было полшестого утра, метро только открыли. На контроле сидел пожилой мужичок из выпивох — повезло, такие не цепляются. Когда сели в вагон, Арка заснул. Подъехали к Милдиной станции, а его не разбудить. Весь вагон смотрел, как Милда трясла Арку, тянула с сиденья, подталкивала, падающего, к двери. Никто не помог: кто был сонный, кто злой, а кто безразличен.

Ярость на этот ничтожный люд добавила Милде силы. Вела бесхребетного, спотыкающегося Арку к эскалатору, глядя вызывающе на зевак. В голове лишь одна мысль: только бы не нарваться на милиционера. И опять повезло.

Открыла дверь — а в прихожей мать. Милда опередила ее: «Молчи!» Протащила мимо ошарашенной родительницы Арку в свою комнату, крикнула ей, стоящей столбом: «Потом!» — и захлопнула дверь. Арка, усаженный Милдой на тахту, завалился набок и уснул. Она укрыла его одеялом и села рядом на полу передохнуть. Потом написала Арке записку и пошла на кухню к родителям.

Мать с отцом завтракали. Оба взглянули на Милду косо, всем своим видом показывая, что ждут объяснений. Милда налила в стакан воды из крана, выпила его залпом и сказала резко: «Я поехала на работу. Аркадий выпится и уедет. Это мой друг. Он болен. Пожалуйста, никаких вопросов». Поставила стакан в раковину и пошла к выходу. «Постой! — закричала мать. — Ты соображаешь, что делаешь?!» Милда прокричала ей в ответ из коридора новым, злым голосом: «Не лезь не в свои дела! Это моя комната! И я в ней делаю, что хочу!» Открывая дверь, она услышала рыдания матери.

Вечером того же дня Милда была у Арки в ателье. Он выглядел бодрым — прекрасно выспался и хорошо поработал, она собиралась с ним поговорить и не смогла. Поехала домой спать. А ночью — снова звонок Арки. Опять к нему. Арка сидел на полу маленький, съезженный. «Он живет здесь и может наброситься в любой момент. Днем дремлет, а как стемнеет...» «Вот что, — сказала Милда резко, — поживи у меня несколько дней, пока не станет лучше».

Арка так растрогался, так обрадовался, что злость из-за необходимости такого решения у Милды совсем пропала. Злилась

она и из-за того, что Арка мучается, а помочь нельзя, и из-за того, что ее собственная жизнь не устраивается, а еще больше расстраивается. И из-за неизбежности скандала с родителями психовала. Но посветлел Арка, преобразился от ее слов — и отлегло. Почувствовала даже какой-то опасный задор: словно с горки покатилась.

Скандалов с родителями не последовало. Они замкнулись в ледяной обиде, когда Милда заявила: «Считайте, что я вышла замуж». В тот же день мать выяснила у «знающих» людей, что Арку так просто из квартиры не выдворить — ни юридически, ни практически. Один из знакомых, испытывший нечто подобное с собственной дочерью, посоветовал: «Никаких войн, а то возьмет и официально выйдет замуж за своего хмыря, как моя...» И в квартире, где почти ежедневно бывали распри, установился нехороший, но мир. Родители держались с Милдой, как соседи: ни о чем не спрашивали, встреч избегали, даже ели в своей комнате.

Через месяц-полтора Милде бросилось в глаза, что мать одевается в одно и то же и больше не делает пышных причесок. Всегда прямая и крепкая, она вдруг стала какой-то сухонькой. Раз посмотрела Милда ей случайно вслед и поразились, какие у матери узкие плечи. И защемило сердце, словно оно шарахнулось и попало по несчастью между ребрами.

Да и сама Милда перестала следить за собой. Лицо ее стало темным, походка тяжелой. Знакомые чувствовали себя с ней неловко — в ее облике появилось что-то пугающее, потустороннее. А вот на работе, в машбюро, Милдой были очень довольны. После происшедших перемен она печатала быстро и качественно, как никогда. Садилась за машинку в начале рабочего дня — и, как заведенная, до шести. Подсоединившись к своей «Оптиме», она спасалась от мыслей, чувств и окружающего мира.

Галлюцинации у Арки возвращались, больше чем три дня передышки не бывало. Ирод появлялся чаще всего в ателье, но мог мелькнуть и на улице среди прохожих, а потом преследовать Арку, играя с ним, как кошка с мышкой. Он мог наброситься сзади и сжать горло, мог прижаться к Арке вплотную и дышать ему в лицо, отчего Арка был не в состоянии ни двинуться, ни вздохнуть, ни крикнуть.

Страшнее всего было то, что Ирод умел размножаться. Однажды Арка увидел свое чудище во множестве лиц, сновавших вокруг и около. Это было так жутко, что он зашелся темным, утробным воплем и долго не мог остановиться. И не было никакой логики в появлении галлюцинаций, лишь одна закономерность, да и та необъяснимая: в присутствии Милды они не возникали. Более того, ее присутствие было целительно — Ирод будто и вправду боялся Милды, как отметил Арка в первый раз.

Когда измученный, искаженный Арка отходил у нее на руках, в Милде вспыхивал фейерверк блаженных чувств. Здесь было и удивление своей властью над темными силами, и простая радость, что Арке лучше, и трепетное наслаждение близостью, как это бывает, когда в соединении двух людей присутствует

самопожертвование. Благодаря этим чувствам она и могла выдержать год жизни с сумасшедшим Аркой.

После каждого Аркиного сдвига и он, и Милда надеялись: этот станет последним. Особенно надеялись, если приступ бывал послабее, чем обычно. «То, что имеет начало, имеет конец», — повторял Арка и глядел на Милду со светлой улыбкой. И долго нравилось Милде это его высказывание, пока однажды не отозвалось у нее в голове громовым раскатом последнее слово «конец» — и за ним, как молния, взметнулся вопрос: «А какой?!» С тех пор любимая присказка Арки не разряжала атмосферу, а, наоборот, нагнетала давление.

Время от времени Арка пропадал. Тогда возобновлялись ночные звонки. «Я ему не нянька», — говорила себе Милда, отключала телефон и ложилась спать. Но сна не было. Даже отключенный, телефон не давал ей покоя. «Звонит или не звонит?» — стучало в голове и подмывало проверить. Спротивлялась: «Нет мне до этого никакого дела». А сама видела, как идет к телефону, выворачивает сигнал, и немедленно прорывается требовательный звонок, за ним следующий, следующий... И вот уже в самом деле шла к телефону. А дальше все как представляла. Потерявшийся Арка искал ее как всегда и даже в помутнении мог безошибочно набрать ее номер.

И поднимала, конечно, трубку, и говорила неизменно: «Выхожу». Чаще всего он «пропадал» у себя в ателье. Если везло с такси, заезжала за Аркой и привозила его к себе. Если такси не попадалось, шла к нему пешком — час ходьбы, и оставалась с ним до утра. Когда Милда появлялась, Арка успокаивался и быстро засыпал. Где-то под утро забывалась и она. Всккивала по будильнику, одевалась и, не позавтракав, уходила на работу.

«Если почувствуешь, что больше не можешь, — уйди, оставь меня одного, но не звони в «скорую». Никогда, что бы ни случилось, не звони в «скорую!» — говорил ей не раз Арка. Ничего он так не боялся, как психушки. И она каждый раз, чтобы его успокоить, повторяла свое обещание: никогда, что бы ни случилось, не звонить в «скорую». Видела его в страшных судорогах, задыхающегося, порезанного, — заходила в ужасе, но обещание держала.

Была одна непонятная вещь: от Арки часто пахло спиртным. Когда она замечала это, он говорил со своей светлой улыбкой: «Биохимия. Я не пью, ты же знаешь». То, что Арка пообещал после кутежа с шампанским бросить пить и бросил, Милда очень уважала. Это доказывало: Арка сильный, и она верила, что он сможет одолеть и свои сдвиги. Рассказал ей однажды Арка о своем покойном дяде, который отказался от психиатров и натренировался распознавать приближение приступов. Почувствовав в себе неладное, тот легендарный дядя как-то по-особому дышал — и в конце концов приобрел полную власть над болезнью.

«И я научусь, как дядя, — заверял Милду Арка. — Я знаю его

систему. Это дело практики. Вот станут приступы послабее, и начну тренироваться». «Может быть, уже пора попробовать дядин метод?» — цеплялась Милда время от времени за эту единственную соломинку. Арка же все тянул и тянул.

Общее мнение было, что Милда губит себя. «Он пользуется тобой,— говорили ей.— Почему другие идут лечиться, а он нет? Почему не пьет таблетки?» Что у Арки большой талант и лекарства его могут разрушить, самопожертвование Милды в ее кругу не оправдывало. Не верили и в то, что Арка сумеет своими силами восстановить душевное здоровье. Тома прямо сказала Милде: «Оставь его, пока сама не свихнулась». «А что с ним будет?» — рассвирепела из-за такого совета Милда. «Что будет, то и будет,— отрезала Тома.— Не строй из себя святую, как идиотка!»

Кто-то сказал Милде, что в одной из районных больниц в качестве эксперимента лечат психическим голоданием. Арка, узнав от нее об этом, загорелся: «Это то, что мне нужно!» Поехали вместе на прием к профессору Сермияну, руководителю эксперимента. Сермиян отнесся к Арке с большим сочувствием, записал его на очередь. Ждать надо было не меньше года, однако Сермиян пообещал, что поищет возможность и возьмет Арку в течение одного-двух месяцев.

На обратном пути от Сермияна у обоих была эйфория. «Результаты пока очень хорошие»,— сказал профессор, и эти его слова смаковали и смаковали без конца. В метро Арка вдруг изменился в лице, а когда Милда легонько подергала его за рукав, взглянул на нее, не узнавая, бросился к дверям и стал колотить в них. Поезд как раз остановился на станции. Двери открылись, и Арка, выбежав из вагона, пропал. Милда осталась в шоке: вот так вот, как раз тогда, когда этого меньше всего можно было ожидать, пропала ее власть над Иродом — он наконец осмелился напасть на Арку в ее присутствии. Но было и утешение: скоро Аркой займется Сермиян. Скоро конец мытарствам.

После приема у Сермияна приступы у Арки участились. Объясняли это перевозбуждением и жили надеждой на скорое известие от профессора. Присутствие Милды Арке и в самом деле больше не помогало. Смириться с этим Милда, как ни старалась, не могла. Ее непонятная, исключительная власть над Иродом льстила ей непомерно, теперь же все стало обыкновенно и оттого — невыносимо. И еще этот странный запах спиртного... Наконец Милда не выдержала и, ничего не сказав Арке, поехала к Сермияну, чтобы ускорить дело.

Профессор узнал ее с трудом. Оказалось, что он и Арку помнил смутно. И такой ледяной безнадежностью окатило Милду под безучастным взглядом Сермияна, что нервы ее не выдержали. Сбиваясь от плача, она стала просить Сермияна взять Арку при первой же возможности, не откладывая: «Я боюсь за него, он все время пытается покончить с собой». Сермиян, услышав эти

слова, встал: «Хорошо, что сказали. Сюда ему нельзя». И, назвав фамилию Арки, тотчас же распорядился вычеркнуть его из очереди. Милда опешила: «Что же вы делаете?!» Сермиан закричал на нее: «Делаю, что надо! Хватит с меня самоубийц! У меня уже трое таких было! Еще один — и эксперимент закроют! Обращайтесь в диспансер. Все». И вышел из кабинета.

Милда бросилась за ним в коридор: «Как вы можете!» Сермиан остановился и спокойно произнес: «У меня нет персонала для усиленного наблюдения. У нас вообще нехватка персонала. Вам это понятно?» «Если Арка узнает о вашем отказе, он наложит на себя руки». «Это не самое худшее», — ответил на это Сермиан и пошел дальше. «Да вы что! Вы же врач! Да вы сам ненормальный!..» — бормотала Милда ему вслед и стояла как потерянная, пока кто-то не налетел на нее...

На работу Милда не поехала. Вышла в Сокольниках. Добралась до дальних аллей и ходила там, обдумывая план действий.

«Скажу Арке прямо: я больше не могу. Мне нужен покой. Пока не будем видеться. Год назад он же был один — и ничего, выкарабкался. Он сильный. Скажу, что позвоню, как окрепну... Нет, так договариваться не имеет смысла — сдвинется и забудет. Опять будет звонить. Не дозвонится — приедет... Скажу: в этот раз мы запустили. Попей лекарства, только в этот раз! А я отдохну...»

Через час Милда была у Арки. Он работал и, увидев ее, оторопел, и вроде не обрадовался. В одной руке — кисть, в другой — перепачканная красками тряпка. Спросил: «Что случилось?» И как-то по-новому закусил губу. Вот он стоял перед ней, сутулый и растерянный, в подаренном ею свитере, и ждал ответа. Милде стало больно. Только что построенный план разбился вдребезги. Шагнула к нему — хотела обнять. Арка неловко попятился: «Осторожно, испачкаешься». Раздался стук: упала стоявшая на полу винная бутылка, которую Арка нечаянно задел ногой. Милда не сразу отвела взгляд от упавшей бутылки. Из нее вытекало вино. Осознав то, что увидела, она сорвалась с места и бесцеремонно принялась смотреть по углам, в шкафах, пока не нашла, что искала: другие бутылки. Арка стоял не двигаясь, смотрел хмуро в сторону. «Пьешь?» — зло спросила Милда. «Это для натюрморта», — ответил Арка и стал темнеть лицом.

Ничто не шевельнулось в Милде, когда поняла, что с Аркой началось неладное. С брезгливостью она следила за его преображением — как пропадало разумное во взгляде, как искажались черты, как оцепенение сменялось нервной суетностью. «Пьянь вонючая. Дерьмо, как и вся пьянь», — чеканно произнесла она. Арка взглянул на нее, как раненый зверь, и в следующий миг его прорвало диким воплем. Он заметался по ателье, налетая на стены и стучаясь о них головой. Милда бросилась к окну, выбралась во двор и побежала к калитке. Оказавшись в переулке, она отдышалась и твердым шагом направилась к автомату недалеко от дома. Позвонила и стала ждать.

Заметив въезжающую в переулок «скорую», Милда вышла

к ней навстречу и показала, где остановиться. Провела фельдшера и санитаров во двор, заглянула вместе с ними в окно. Арка сидел на полу, смотрел куда-то вверх выпуклыми, бессмысленными глазами и судорожно дышал.

Фельдшер со свитой зашел к двери, а Милда, как только они вошли в дом, ушла. «Вот и все», — сказала она себе бесстрастно.

Милда решила пойти в кино. Успела на шестичасовой сеанс в кинотеатре недалеко от Арки. Там показывали индийский фильм о любви. Посмотрела минут десять и больше не смогла.

Отправилась домой пешком, чтобы убить время. Когда добралась, было начало восьмого. Милда думала: во всем мире нет ни одного человека, кому б она могла доверить то, что сегодня случилось — она не выдержала. Целый год держалась, героически пресекала сочувствие, так гордо обрывала советчиков, так вызывающе говорила: «Я двужильная!» А что теперь скажет?..

152 Арка тоже храбрился, мечтал перешепнуть плетью обух... Потекли слезы, как подумала о нем, да такие горячие. И теперь уже не презирала Арку за то, что пил втихомолку, а жалела. Разве такой непроглядный мрак можно было выдержать?! Вот и не выдержали. Первым Арка, а сегодня она... Но кто это поймет? Вот так и будут все спрашивать: «Сам угодил, или ты сдала? Значит, все-таки сдала? Ты ведь не хотела...» «А я и не хотела! — выкрикнула Милда, не сдерживая себя. — Не хотела! Не хотела! Не хотела!» Она упала на тахту и тихо лежала, слившись с темнотой.

Подумалось ей вдруг ни с того ни с сего: «Выплю маминых сновторных, и все кончится». От этой мысли стало как-то легче. Вообразила мягкую лекарственную истому, расходящуюся по всему телу, от которой потухают чувства и мысли, — как хорошо! Тело лежит на тахте, как сброшенное платье. Нет, нисколько не страшно было представить такое. Эта фантазия захватила ее. Пошла в ванную посмотреть, на месте ли тюбик со сновторными. Он был на месте. Застучало одновременно и в висках, и в груди. Милда представила себя глотающей сновторное — как в кино, горстями, — и в ней заклокотала смесь ужаса и восторга. «А что если и вправду?..»

Вернулась к себе в комнату с тюбиком в руке. Достала припряданный для особых случаев портвейн, сходила за стаканом и выпила. Задышалось легче. Представила: серебристый туман, простор, не видно лиц, не слышно голосов, и она сама, как перышко.

Высыпав таблетки на ладонь, Милда понюхала их. Сладковатый запах лекарства ей понравился. Чем дольше она смотрела на белую кучку, тем быстрее свертывался мир в ее ладони. Вдруг каким-то особым движением рука прижалась к губам, и в сле-

дующее мгновение таблетки уже были во рту. Та же рука схватила стакан с вином, и вот они уже скатились вовнутрь.

«Что же теперь будет?!» — пронеслось у Милды в голове. Она вообразила безобразное в своей рвотной грязи отравление, и ей стало жутко. Бросило в жар от мысли о таком позоре на всю жизнь: связалась с шизиком, упрятала его в психушку, потом травилась. И вдруг поняла: не хочет, чтобы откачивали, жить не хочет...

Милда не сразу заметила, что тяжелеет. Когда же это поняла, душа ее взметнулась: еще немного, и все — все! — пропадет! «И слава Богу», — отозвалось где-то на дне ее мутнеющего, разливающегося сознания...

Онегин уехал в „Люцерн“

154

Про таких артистов, как Павел Смирнов, говорят, что он «сделал себя сам». Его не «таскали» в школы эстетического развития, не водили к учительнице музыки, не покупали билеты в филармонию на классические концерты. Но в четвертом классе он неожиданно для родителей сам поступил в музыкальную школу, решив научиться играть на баяне. Родители, по профессии не музыканты, удивились выбору сына — гораздо естественнее в его возрасте рваться на стадион или во двор, к друзьям. Но он заворожено слушал Баха и Генделя и добросовестно «вгрызался» в азы музыкальной грамоты. После окончания школы Павел поступил в музыкальное училище и, наверное, преподавал бы сейчас в какой-нибудь музыкальной школе. Но судьба распорядилась иначе — его призвали в армию.

Армейскую службу Павел про-

ходил в Подмоскowie, пел в самодеятельности. А когда демобилизовался, твердо решил стать оперным певцом.

С первой попытки ему не удалось «взять» Московскую консерваторию — ария Фигаро, которую он тогда исполнял на вступительных экзаменах, не убедила преподавателей, хотя они отметили безусловную одаренность абитуриента. На следующий год Павел избрал другую тактику: решил покори́ть сердца экзаменаторов русской народной песней, что было ближе ему по духу и не требовало столь уж строгого академизма. На этот раз он сделал правильный выбор и стал студентом вокального отделения Московской консерватории.

Первое время он никак не мог привыкнуть, что теперь его главный инструмент не баян, а собственный голос. Этот прихотливый инструмент заставил его по-ново-

му взглянуть на себя. Павел чувствовал, что «раздваивается»: в нем «поселился» певец, который все чаще командовал первым, прежним человеком, подчинял его своему режиму, заставляя отказываться от соблазнов. Зато сколько радости он дарил! Педагог Павла, известный певец Евгений Кипкало, был очень доволен своим учеником и помогал ему открывать все новые и новые грани дарования. Павел готовил оперные партии, осваивал камерный репертуар. Еще будучи студентом, начал концертную деятельность — выступал солистом мужского камерного хора «Акафест». А на 5-м курсе консерватории стал работать в Муниципальном театре «Новая опера» под управлением Евгения Колобова. И вновь резкий поворот: молодого певца пригласили солистом в Швейцарию, в оперный театр «Люцерн». Он будет петь в двух новых постановках — «Дон Карлосе» Верди и «Фаусте» Гуно. Премьера предполагается осенью, а пока в разгаре репетиционный период.

— Мне очень нравится эта работа, — рассказывает Павел. — Интересно выстраивать роль, искать наиболее яркие выразительные средства, которые помогли бы лучше раскрыть характер моих персонажей — Дона Родриго в «Дон Карлосе» и Валентина в «Фаусте». Я уже видел несколько постановок этого театра — все они на очень высоком художественном уровне. Надеюсь, и обе премьеры окажутся не хуже. Конечно, хотелось бы, чтобы их смогли посмотреть и мои соотечественники, но от меня, к сожалению, здесь мало что зависит.

Как ни банально звучит, но после окончания контракта со швейцарской оперой Павел хотел бы вернуться домой, в Калининград. Правда, там нет оперного театра,

но он готов работать и в филармонии — петь романсы Чайковского, Рахманинова, Булахова. Он уверял меня, что не хочет работать в Большом театре, и приводил разные аргументы. Один из них подкупал своей искренностью:

— Я не считаю себя таким уж «большим» певцом, чтобы петь в Большом. В этот храм нужно приходить лишь звездой первой величины, к коим я себя не отношу.

Что ж, для дипломанта международных конкурсов вокалистов в Испании и США звучит совсем неплохо. Рано заболевшие «звездной болезнью», как правило, редко задерживаются на музыкальном Олимпе.

Павлу Смирнову 29 лет. У него есть еще время, чтобы добиться всего о чем мечтает. А мечтает он об удачно сыгранных партиях в «Пиковой даме» и «Евгении Онегине», «Риголетто» и «Паяцах». А еще — о злополучном Фигаро, с которым когда-то провалился в консерваторию, но вокальная партия которого, на его взгляд, в наибольшей степени подходит к его голосу. Хотя по характеру-то ему ближе Онегин...

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА

В жизнь врываются явления, возможность которых в нашей стране еще лет десять назад показалась бы, мягко говоря, странной. Например, платное образование. Как бы к нему ни относились, оно есть и, наверное, никуда не денется. Что представляет собой платный вуз? Кто там учится? Кто учит?

жалел, жизнь текла уютная, но, когда в начале 1992 года отпустили цены, этот уют рухнул в одночасье: если обычным вузам просто урезали финансирование, профсоюзно-культурной школе перестали давать деньги вовсе...

В середине семидесятых молодой инженер Александр Запесоцкий и не слышал о профсоюзной школе культуры. Он работал в «почтовом ящике», возглавлял

ДИПЛОМ

156

Конец урокам?

Не в Санкт-Петербурге, а еще в Ленинграде было это высшее учебное заведение. Профсоюзная школа культуры не значилась в справочниках для поступающих в вузы: принимали туда — по разнарядке ВЦСПС, облсовпрофов — директоров сельских домов культуры, режиссеров народных театров, а порой и проштрафившихся номенклатурщиков или детей номенклатурщиков преуспевающих. Стипендия у студентов порой была выше, чем преподавательские оклады, и многие из них рассматривали годы учебы как веселый отпуск. Профессора в школе работали сильные, но к концу восьмидесятых студенты все чаще делали вид, что учатся, а педагоги — что учат.

ВЦСПС денег на свое детище не

летний лагерь для подростков, а потом стал ведущим дискотек — собирал в иных ДК до полутора тысяч народу, так что танцевать места не было, просто плотно стояли и слушали.

Феномен дискотек семидесятых годов, которые звучали в каждом ДК и общежитии, ждет еще, наверное, осмысления — и опыт такого научного осмысления уже появился: бывший диск-ведущий Запесоцкий защитил еще на заре перестройки пока единственную на просторах «одной шестой» диссертацию, этому феномену посвященную.

Между ведением дискотек и защитой диссертации у Запесоцкого была своя музыкальная программа на Ленинградском телевидении, которое, если помните, в ту пору было куда менее занудливым, чем Центральное, и он ухитрялся протаскивать в эфир «Ма-

шину времени» и Окуджаву; затем А. З. стал аспирантом-гуманитарием — а уж от исследователя современной культуры рукой подать до преподавателя профсоюзно-культурной школы и директора небольшого хозрасчетного центра, снимающего учебные фильмы.

Позже Запесоцкого отозвали из отпуска по подготовке докторской диссертации и назначили ректором ВПШК, а вскоре перестали платить

него не сможет даже очень богатый человек. Значит, надобно было отыскивать спонсоров, меценатов...

Вуз с шестидесятилетней историей вполне мог умереть, и это вынуждало ректора быть жестким: ВПШК ликвидировали, создали Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, заключили с преподавателями контракты — всего на полгода, в ко-

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

ЗА ДЕНЬГИ

зарплату и ему, и всему коллективу вуза.

Жестокое решение профсоюзных лидеров страны — оставить вуз без копейки — заставило его руководителей идти на крайнюю и непопулярную меру: **сделать обучение платным**. Лишились стипендий и даже вынуждены были платить, правда, достаточно символическую сумму, за дальнейшую подготовку те, кто уже сидел на институтской скамье. Многие студенты ушли. (Как сказал по этому поводу один из преподавателей: «Колесо истории в очередной раз проехало по человеческой груди...») А как привлечь в вуз нового абитуриента?

И смогут ли преподаватели, средний возраст которых приближается к пенсионному, учить иначе, чем прежде?.. И еще: если брать со студентов **полную** стоимость обучения, то заплатить за

торых оговорили, **что** каждый должен за это время сделать, а предстояло ни много ни мало перестроить весь процесс обучения.

Забегая вперед, скажу: сохранить вуз удалось. Набор увеличился в пять раз: 150 человек принимали в ВПШК, 750 — в университет. Несмотря на плату, на экзаменах — конкурс, и один из самых высоких в городе. Заплаченные деньги не гарантируют, однако, что бездельник и бездарь дотащится до диплома: на некоторых специальностях отчисляются уже на первом курсе едва ли не треть поступивших, а, по наметкам ректората, из каждых тридцати первокурсников дипломы получит только 21.

Почему университет выжил?

Взошли имена

Появились специальности невиданные, привлекательные: напри-

мер, режиссер театра моды, искусствовед-маркетолог, социальный педагог, менеджер шоу-бизнеса; открылся новый факультет — юридический... Чтобы учить по-новому, пришли новые люди.

Двадцатисемилетний Юрий Зобнин, работавший в Пушкинском Доме и защитивший диссертацию о творчестве Николая Гумилева, возглавил кафедру литературы. (Кстати, сейчас Зобнин готовит первое в стране десяти томное академическое собрание любимого поэта, а заказало эту некоммерческую работу частное издательство.) Я был свидетелем его вдохновенной импровизации — он легко, как о современниках, говорил и о поэтах «серебряного века», и о Державине, о Данте... Не деньги привлекли Юрия в университет (его зарплата, как и других завкафедрой, составляла в декабре чуть больше ста тысяч), а возможность творчества:

— По литературе двадцатого века программы в России нет и учебников нет. Можно говорить на кухне: ах, вот я бы мог сделать! — а можно самому написать курс и здесь, в отдельно взятом университете, преподавать литературу на европейском уровне!

Борис Парыгин, доктор философских наук, был одним из тех, кто воссоздавал в шестидесятые годы отечественную социальную психологию; имя его, автора сотен научных работ, известно всем социологам. Парыгин возглавил кафедру социальной психологии. Его резоны перейти в университет также не меркантильные — привлекло то, что он может заниматься здесь не только прикладной, но и «чистой» наукой.

Доктор технических наук Александр Гагин, один из самых цитируемых за рубежом российских ма-

тематиков (важнейший показатель класса ученого!), возглавил недавно открытую кафедру информатики и математики (на «ты» с компьютером должны сегодня быть не только экономисты и юристы, но и гуманитарии).

Вынуждены были перемениться и старые, существовавшие в ВПШК кафедры. Например, кафедра политической экономии не просто сменила вывеску на — «экономической теории»: из восьми человек с нее ушли пять, во главе с заведующей, а новому руководителю Геннадию Климентову, много лет проработавшему в ВШПК, удалось набрать преподавателей, знающих западную экономику. Спешно «перекрашиваться» никому не пришлось: в университете читают экономику и рыночную, и Марксову, и не просто предлагают — заставляют студентов сравнивать два подхода.

Пришлось трансформироваться и другим кафедрам. Конечно, античная литература или искусство Востока ничуть не переменялись с изменением власти в стране, однако будущему менеджеру в сфере шоу-бизнеса или искусствоведу-маркетологу нужны специальные знания. И в вузе стали преподавать (часто по совместительству) менеджеры (например, музыкант Сергей Курехин), известные оценщики произведений искусства.

Разницу старого и нового подхода хорошо иллюстрирует такой эпизод: к нынешнему Новому году второкурсники факультета культуры подготовили детское представление: сочинили сценарий, срежиссировали, исполнили в нем роли. Раньше спектакль был бы одним из этапов в подготовке режиссеров и худруков, теперь стал частью подготовки менеджеров:

ребята свой спектакль продавали — ходили по школам, договаривались с директорами, торговались с ними, «ударяли по рукам», а выступая, слегка подзаработали.

Благодаря связям ректора, хорошо знакомого и с художественной, и с научной интеллигенцией Петербурга, а также тому, что здесь предоставляют известную самостоятельность для творчества (зарплаты, напомним, не такие уж большие), «звезды» продолжают прибывать в вуз. Кафедру режиссуры возглавил Зиновий Корогодский, известный ленинградцам многими постановками в ТЮЗе, согласный преподавать другие знаменитости, имен которых пока не разглашают...

Таковы учителя. А кто ученики?

Бесплатное образование ничего не стоит?

Первокурсники Борис Гриф и Света Щелокова учатся в одной группе. Борису — 20 лет, он директор небольшой фирмы, которая занимается куплей-продажей. «Раскрутиться» ему помог отец, тоже бизнесмен. За учебу Борис заплатил свои деньги, причем за четыре года вперед — миллион двести тысяч рублей. В университет поступил потому, что шоу-бизнес — привлекательная сфера деятельности, — не всю же жизнь торговать.

Свете Щелоковой — семнадцать. Студенткой стала после окончания школы. В будущем видит себя менеджером настоящего рок-музыканта (вроде Гребенщикова). Мама Светы — инженер, папа — испытатель оборудования на заводе. Деньги на учебу собирают, экономят, занимают...

В стенах университета я провел «самопальный» социологический опрос 27 студентов. Выборку вряд ли можно считать репрезентативной (представительной), ведь в вузе учатся более двух тысяч, однако результаты «исследования» я дополнил рассказами профессоров, которые знают своих учеников. Кто же учится в платном вузе с точки зрения имущественного и социального положения? Достаточно условно можно разделить студентов на пять категорий.

Дети «обычных» родителей — не бизнесменов, не спекулянтов: папа — военный, мама — врач, мама — медсестра, папа — экономист, и так далее. Как сказала студентка Наташа: «Меня папочка очень любит: голодать будет, но выучит». Правда, надо учесть, что неплохо зарабатывать могут сейчас люди разных профессий: например, у Наташи папа — шофер. Казалось бы, откуда деньги? Но шофер он не простой, а «дальнобойщик», ездит за границу. Студентов этой категории оказалось неожиданно много — процентов тридцать.

Дети «богатых» родителей-бизнесменов (учатся, кстати, и несколько молодых бизнесменовых жен). Таковых процентов 15.

Те, кто зарабатывает на учебу сам. Вадим спекулировал валютой, сейчас этот бизнес «накрылся» (обменные пункты на каждом шагу!), но скопленные деньги он решил вложить в собственное образование — без него сегодня не обойтись, да и родители рады. Олег работает в казино. Лена и Оля продают ювелирные изделия, Наташа вяжет изумительной красоты кофточки. Таких, учащих себя самостоятельно, — почти треть.

Студентов, чью учебу оплачива-

ют предприятие или фирма,— до обидного мало. Пока очень немногие руководители думают о будущем и понимают, как японцы, что лучшее вложение капитала — в людей. Однако уже кое-кто из «фирмачей» просит: «Подберите толкового юриста-первокурсника, мы за него заплатим, чтобы после университета он пришел к нам».

Бесплатно учатся процентов 25. Оплачивают подготовку целой группы социальных педагогов: им работать с подростками, инвалидами, пенсионерами, а у государства на подготовку таких специалистов денег нет. Режиссер Корогодский нашел спонсора, который платит за учебу всех его второкурсников. Талантливым, знающим, но малоимущим обучение оплачивает университет: два года назад таких было всего трое, теперь — около сорока. Опять-таки стимул: два курса окончил на «отлично» — дальше учишься бесплатно.

Однако сумма, которую университет берет со студента, не только не покрывает затрат на его обучение, она раза в два ниже. «Денег, которые мы собираем летом,— говорит ректор Запесоцкий,— хватает только до января. Но мы эти деньги заставляем «работать». Вложили, например, в зал для шейпинга, который сделали лучшим в городе. А доходы от эксплуатации зала идут на обучение. Есть еще научная, издательская деятельность. В числе наших спонсоров — санкт-петербургская мэрия, учреждения культуры, частные фирмы... Вообще поиск спонсоров — работа сложная, индивидуальная, тонкая; она в совершенстве налажена в Америке, где, например, один из университетов во Флориде назван именем господина Линна, который его

субсидирует. В нашем университете тоже есть мраморные доски, на которых золотом написаны фамилии меценатов и названия фирм. Для богатых и умных людей, которые у нас все-таки уже появились, спонсорство дает и рекламу, и ощущение собственной значимости — жаль, не дает пока и налоговых льгот».

К самой идее платного образования и студенты, и преподаватели относятся на удивление единодушно — положительно. Вот аргументы:

— Чтобы получить хорошее образование при социализме, надо было или папу-ректора иметь, или взятку давать. Здесь по крайней мере платишь по-честному, в кассу. (Студентка Света Щелокова.)

— Мы приучили сами себя: только государство способно облагодетельствовать человека. Но достоинство общества — когда в нем есть многообразие возможностей и каждый имеет право выбирать. В этом смысле платное образование — расширение прав человека. (Проректор Лев Санкин.)

— Когда бесплатно — учатся для папы с мамой. Я плачу деньги и учусь — для себя. (Студент Вадим Шефер.)

P. S. Да, к образованию платному, элитному можно относиться по-разному. Можно взывать к социальной справедливости, а можно вспомнить, что именно из стен суперэлитного учебного заведения, куда даже отпрыску представителя высшего света поступить было непросто, вышли блестящий дипломат и канцлер Горчаков, декабристы Пущин и Кохельбекер, адмирал Матюшкин, поэт и издатель Дельвиг и — Пушкин!

...рванув по утру колокол
на каменной груди,
под облака, где голуби,
вот так вот и уйти:
порушенной,
несогнутой,
лица не опустив...
О, в жизни все высокое
слагается, как стих!
...и ангелы,
как лоцманы,
сквозь душ
крошечный хлам
по улочке с колодцами
вели нас в Божий храм.

Под прицельностью взгляда
беглой картой в колодце
я меняю наряды
вместе с тленною плотью.
Счастье множу бедою,
и люблю, как в бреду,
и на встречу с тобою
сквозь столетия бреду...
Но, пощады не зная,—
то любя, то губя,
точно пуля сквозная,
я пройду сквозь тебя.

Мы стоим чужие,
точно на вокзале...
Так, наверно, ангелам
крылья подрезали.
Беглые мгновенья
проводим гордо...
Лишь прикосновенья —
бритвою по горлу.
Наши встречи редкие —
как цветы по случаю...
Третий взгляд меж нами
провоолокой колючею.

Королей квартет с усами
не выходит даме тrefф:
выпадает вдовий саван —

белый траур королев.
Лишь порой в лихую осень
в скорбном листопаде лиц
тянет, чопорность отбросив,
стать последней из девиц.
Раствориться в дымном баре,
где тебя под пьяный гул,
обнимая, как гитару,
заласкает балагур.
Стелишь простыни метелью.
День ли, ночь ли — все едино...
Одинокие постели —
как блуждающие льдины.

Здесь, над моей постелью,
тени любви сметая,
свечи сквозь стены
белой летят стаей.
Господи!
Ал-лилуй-а!
Крыльями машут свечи.
В холоде поцелуя
гаснут глаза и плечи.
Жить на земле — грустно,
в звездной глуши — страшно,
а посреди — пусто,
как и во всем вчерашнем.
Я же, не выбирая —
просто за кем-то следом, —
тоже стою у края...
между свечой и светом.

Мишенью на охоте —
одна на этом свете,
живая плоть от плоти,
где каждый в спину метит,
где в прошлом статный
вроде бы,
неужто это было,
в грязи лежит юродивым
тот город,
что любила.

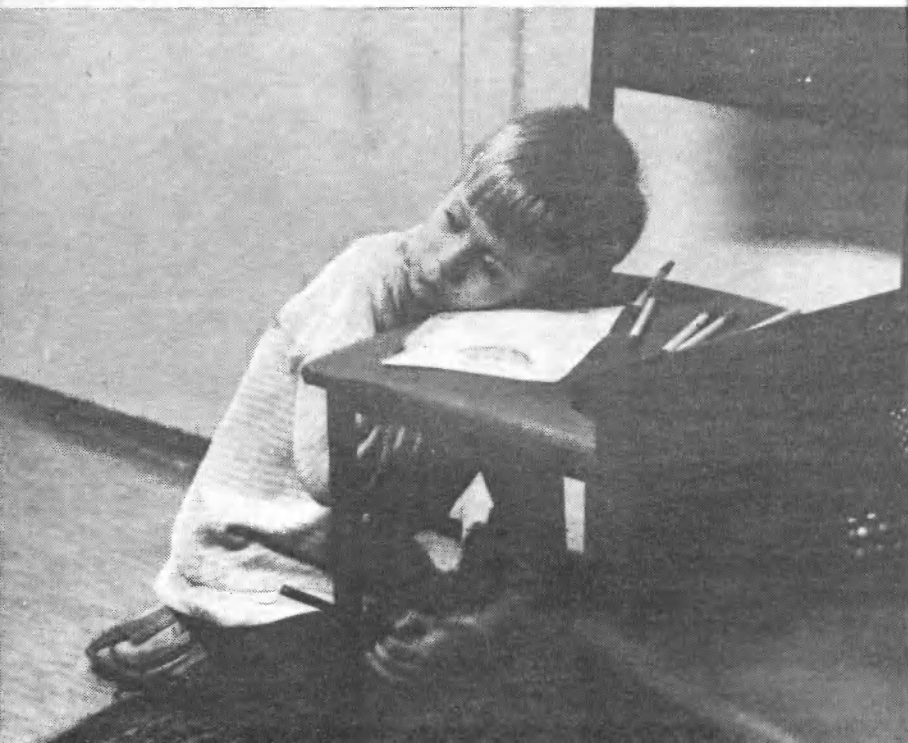
ПРИЮТ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Оглянитесь, сограждане! Отриньте от себя, как наваждение, цены, телесериалы, государственные и рэкетирские разборки и прочее, прочее... Пусть бытовые ваши заморочки хоть на минуту отступят в сторону. Призывая к этому, понимаю: боль, беспомощность и усталость — убийственный для души «коктейль», которым вдосталь опоены мы, — зачастую вырубает из нашего сознания со-чувствие, со-страдание...

Но, слава Богу, не везде и не у всех...

Благотворительный фонд «Нет — алкоголизму и наркомании!» организовал единственный пока в Москве, в целой России детский приют. Это не детдом, не милицейский приемник-распределитель. Здесь находят прибежище бездомные дети. Дети, чьи отцы, матери, как правило, алкоголики, наркоманы, потеряли людское обличье.

Приют рассчитан на 25 человек. Сейчас в нем — тридцать пять ребят. Все они умыты, одеты, накормлены. А главное, обогреты человеческим теплом и заботой, в той, конечно, мере, в какой это возможно при нынешней неразберихе в умах, душах, во всем хозяйстве России.

Общая «мама» этих ребят — Светлана Михайловна Алейникова, кандидат психологических наук, — говорит:

— Чаще всего детей, подобранных на вокзалах, в подземных переходах, где они побираются, подворовывают, привозят к нам из милиции. Некоторые ребята приходят сами. У них нет не только крыши над головой, но и документов. Детдом их не принимает. Приемник-распределитель — лишь «перевалочный пункт». Там нет никаких условий для более или менее нормальной жизни ре-

бят. А у нас здесь — семья. Своеобычная, многодетная, со своими проблемами, но это действительно семейный дом с его теплом, заботой и порядком.

Тридцать пять из десятков тысяч бездомных — микрокапля в океане горя и беспредела... Иногда нам, взрослым, бывает страшно и горько — время такое. Жить не хочется! Но подумайте, а какво детям!

И все-таки у этих тридцати пяти, кроме одежды и еды, появилась хоть какая-то надежда. Надежда на то, что они нужны нам, что они не неприютны...

P. S. В этих коротких строчках мы затронули, читатель, очень болезненную тему. Ведь беспризорные дети в наше время — то, о чем все старались умалчивать. Но сейчас не замечать эту проблему — бессердечно, бессовестно, преступно!

Просим вас, пишите нам об этом; расскажите, как в городе вашем, поселке, деревне живетс я ребятам — и маминым, и папиным, и детдомовским, и — беспризорным.

Одним словом, нашим с вами российским детям.

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА

ЯД

СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ

ВО БЛАГО

ЯЗВА

Вы заметили: когда говорят о случаях чудодейственного излечения от той или иной болезни, то чаще всего ссылаются на знакомых, на племянников троюродной сестры из Весьегонска и очень редко говорят о себе? Так сказать, информации из первых рук почему-то мало. И потому, чтобы не походить на людей, где-то слышавших звон, расскажу о себе. Простите за то, что рассказываю о своих болячках, есть в этом немалая неловкость, но по крайней мере — достоверно.

Когда обнаружилось, что у меня язва двенадцатиперстной, я был потрясен. Как всегда бывает потрясен человек, до сорока лет не знавший врачей, не ходивший по поликлиникам, ни разу не бравший бюллетеней. Считавший, что он все может, черт ему не указ, здоровье вечно, а недомогания —

пустяки, от переутомления... И вот — язва.

К этому потрясению добавились еще знания и опыт человека, выросшего в провинции, в далеком казахстанском городке. Из воспоминаний детства я знал, что такое язва, слышал. Там, в провинции, в те годы язва считалась болезнью неизлечимой. Если уж получил — то на всю жизнь. Единственное бытовавшее тогда в народе лекарство — трехкратный прием неразведенного спирта натощак. Как сейчас знаю, это действительно помогало: спирт обжигал края ранки, заглушал боли.

Однако болезнь моя, как выяснилось опять же потом, вовсе не моя личная, а всенародная. По словам медиков, у нас практически каждый взрослый человек или гастритник, или язвенник. А эти болезни возникают как следствие постоянного нервно-психического перенапряжения. Это уж после

они усугубляются плохим питанием, курением, а в начале начал — нервные перенапряжения. И теперь вдумаемся: если у нас почти каждый гастритник или язвенник, то легко представить, в какой обстановке, в какой атмосфере мы все жили и живем.

Но это к слову. А тогда, на счастье, о болезни моей узнал — да и не мог не узнать — мой учитель по институту, друг, старший товарищ Василий Ефимович. И закричал в телефонную трубку: «Да что ты! Собирайся немедленно! Встречаемся в пять часов у метро «Шоссе Энтузиастов».

И привел меня в гомеопатическую поликлинику, что на углу шоссе Энтузиастов и Второй Владимирской.

ГАНЕМАН

Что же это такое — гомеопатия? До сих пор ведь даже в серьезных

справочных изданиях информационная часть завершается идеологическими обвинениями в несостоятельности метода, а то и в шарлатанстве.

Два с лишним века назад профессор Лейпцигского университета Самуэль Ганеман в одном из древних манускриптов нашел упоминание о том, что хинин в больших дозах вызывает... малярию! Но ведь хинином во все времена эту самую малярию лечили, можно сказать, это было единственное лекарство.

Ганеман задумался, начал изыскания, эксперименты. И через полтора десятка лет исследовательской работы объявил тогдашнему научному миру об открытии нового метода лечения — гомеопатии.

Суть ее и в научных трудах, и в бытовых разговорах формулируется кратко и просто: подобное лечить подобным. Или иначе: что вызывает болезнь — то и следует использовать для лечения болезни. Так сказать, яд — во благо!

Не будем углубляться в медицинские дебри, в коих мы, обыкновенные люди, тотчас же и заплутаем, а возьмем пример самый наглядный. Общеизвестно, что кофеин — стимулятор, вызывающий нервное возбуждение. Но тот же кофеин в микроскопических дозах нервную систему успокаивает и вообще — стабилизирует, приводит в норму.

Тут самое существенное и загадочное — микроскопические дозы, десятые доли миллиграмма, то есть единица лекарственного вещества растворяется иногда в 100 000 (сто тысяч!) раз. Ганеман в своем основном труде «Органон врачебного искусства», переведенном в России в 1884 году, писал, что лекарственное вещество в своей простой, грубой форме не проявляет всего богатства

заложенных в нем возможностей. Но скрытые в нем силы как бы освобождаются при тщательном растирании и разведении в растворах.

В Лейпциге Самуэлю Ганеману поставлен памятник. На мой взгляд, если памятник ставят врачу, это по самому большому счету и означает — благодетель человечества.

ЗОЛУШКА В ТИСКАХ ИДЕОЛОГИИ И КОНКУРЕНЦИИ

Почему же гомеопатия у нас долгие послереволюционные годы считалась чуть ли не подпольной медициной? Да и не только у нас.

На мой взгляд, здесь два основных ответа.

Первый, так сказать, идеологический. В гомеопатии ведь многое — тайна, искусство: не показать, не пощупать. И потому было объявлено, что в основе гомеопатии лежит идеалистическое учение. А с идеализмом у нас всегда разговор был крутой. Тотчас же закрыли гомеопатические журналы, выходившие в дореволюционной России, разгромили крупнейшие школы — московскую и петербургскую (которые ни в чем не уступали европейским).

В бышем Советском Союзе до сего дня действовали только три гомеопатические поликлиники — в Москве, Ленинграде, Риге и два кабинета — в Киеве и Харькове. В 1968 году вышел приказ Минздрава о нераспространении гомеопатических знаний. И до того книги по гомеопатии у нас практически не выходили, а после приказа и то немногое, что появлялось, стало

практически недоступным. И — самое большое — запрещено было выписывать иностранные гомеопатические журналы. Наши немногие врачи-гомеопаты оказались отрезанными от информации, от общего течения науки.

И второе — конкуренция. Да, на свободном Западе и Востоке гомеопатию никто никогда не запрещал. В Индии работают аж несколько институтов, в Лионе и Гренобле два факультета и научно-исследовательская лаборатория, в Сорбонне — гомеопатические курсы. Два факультета в Америке, в Англии — Королевский гомеопатический госпиталь с научно-исследовательским институтом...

Однако и в тех странах, как рассказывали мне наши врачи, гомеопатия развита далеко не так, как должно бы, как она того заслуживает, наконец, как того требуют интересы американского, английского и прочих народов. Секрет — в конкуренции. За века истории в официальной медицине сложилась мощная фармацевтическая индустрия, лекарства дороги. Финансовые интересы врачей и промышленников слились в одно целое.

А тут появляется «какая-то» гомеопатия, несколько коробочек дешевых препаратов — и вашей язвы как не бывало, и не надо всю жизнь лечиться и всю жизнь работать на лекарства. Конечно же, нерушимый альянс официальных врачей и фармацевтов сделает и делает все, чтобы держать конкурентов в черном теле.

То же самое и у нас. Конкуренция — везде конкуренция. Только у нас конкуренцию двигали не деньги, а престиж, ревность, зависть, что не менее разрушительно.

НАЧАЛЬНИКИ- БЛАГОДЕТЕЛИ

Казалось бы, когда вся мощь системы Минздрава, да еще подкрепленная идеологическими установками идеологического государства, обрушивается на полузапретное научное течение в медицине — от него и следа не должно остаться. Что-то, а закрывать, запрещать и давать отпор мы умеем. Однако же гомеопатия выжила. Пусть на всю страну было три поликлиники, но все же — были. В чем секрет? Тут опять же два ответа.

Первый — результаты. Врачи-гомеопаты добивались выздоровления там, где официальная медицина зачастую была бессильна.

Мне этот довод все-таки не представляется весомым. Мало ли в какой области знания достигались бесспорные, очевидные результаты, однако же на них никто из вершителей судеб и внимания не обращал.

Более весомым мне представляется второй довод: начальство тоже болеет. И дети начальства болеют. И родственники. И в критические моменты, когда испробованы все доступные средства, оно, начальство, обращалось к гомеопатам. И получало помощь, излечение. Так и образовалась в эшелонах власти негласная группа негласных покровителей. Благодаря им гомеопатия уцелела. И даже больше: московская поликлиника, ютившаяся на одном этаже, в конце восьмидесятых справила новоселье в громадном здании на углу шоссе Энтузиастов и Второй Владимирской. Ныне это Гомеопатический центр.

СИЛИНИЕКС

Однако пора вернуться к тому,

с чего начал. К конкретной болезни конкретного человека.

Я со своей язвой попал к обычному рядовому врачу Валерию Геннадьевичу Силиниексу. Выслушав меня, он от души посмеялся над моими страхами. И я, выросший в сознании, что человек, заболевший язвой, так и будет до конца дней влачить эту болезнь с собой, вдруг понял, что для них, для гомеопатов, язва не болезнь. Для них вылечить язву — все равно, что порез на пальце перевязать. Так они говорили. Такое у них было отношение к моей страшной болезни.

И ведь так оно и оказалось. Через две-три недели у меня исчезли все внешние симптомы. Причем легенды о каменной дисциплине, о том, что гомеопатические средства следует принимать по часам, по минутам, сильно преувеличены. Гомеопаты как раз и стремятся к тому, чтобы не регламентировать человека без нужды. Хочешь — два раза принимай, хочешь — три, в любое время, как организм пожелает, как обстоятельства сложатся. Вроде сам себя лечишь, по своему желанию и мере возможностей. Словом, через две-три недели исчезли внешние симптомы, а через два месяца я, недоверчивый, пошел...

Однако прервусь и вначале расскажу историю, в среде гомеопатов общеизвестную. В 1987 году, когда Валерий Геннадьевич Силиниекс заведовал терапевтическим отделением гомеопатической больницы, нагрянула к ним комиссия. Какой уж формальный повод был, не важно, но потаенный — очевиден: уличить, ушутить... Гомеопатам предложили вылечить так называемую контрольную больную, обследованную уже официальными медиками, нашедшими у нее довольно запущенную форму язвы. И ровно

через шесть дней гастроскопия показала, что на месте язвы, то есть открытой раны, не заживший рубец, а лишь небольшое красное пятно...

То же самое было и у меня. Через месяц-два я, недоверчивый, имея на руках диагноз официальных медиков, пошел в официальный же институт на обследование. И мне сказали: «Никакой у вас язвы нет». Я удивился: «Как же так, может, она просто зажила?» А они: «Если б зажила, там был бы рубец, мы бы увидели». И тогда я спросил: «А могла она, ранка, затянуться новой тканью?» На что они, два молодых сотрудника института, тут же хором меня спросили: «А вы что, у гомеопатов лечились?»

Тут мы вступаем не то чтобы на зыбкую почву, но просто на территорию неизвестную, неизученную. Самые ярые почитатели гомеопатии, в основном из числа энтузиастов-любителей, безапелляционно заявляют: гомеопатия — лечение на клеточном уровне, когда живая клетка сама себя восстанавливает! Профессионалы формулируют несколько иначе: механизм действия наших препаратов не совсем ясен, но бесспорно, что гомеопатия усиливает реактивность защитных механизмов, включает резервы организма на борьбу с заболеванием...

ИСКУССТВО

Да, механизм не до конца ясен. Оттого и не признавали. Но многие врачи, в том числе и Валерий Геннадьевич Силиниекс, считают, что в гомеопатии вообще много от интуиции и опыта врача и даже — от искусства, то есть от области непознаваемой. Например, гомеопаты лечат не по диагнозу, а по симптомам, иначе говоря, как в тибетской медицине, лечат не

болезнь, а конкретного человека. Во всем комплексе его заболевания и психического склада.

Силиниекс говорит, что ему повезло. Он застал еще, более того — учился у наших великих гомеопатов Виктора Иосифовича Варшавского и Сергея Алексеевича Мухина. Они олицетворяли две школы в гомеопатии. Условно говоря, более строгую — у Варшавского и более интуитивную — у Мухина. Скажем, у больного ребенка Мухин спрашивал, кем он хочет стать, шофером или космонавтом, — и в зависимости от его ответа назначал лекарство.

Лекции Варшавского и Мухина записали, издали книги. Но, по мнению их учеников, книги не передают и пятой части опыта и знаний корифеев. Видно, в гомеопатии, как в средневековом ремесле, надо постоянно и долгие-долгие годы находиться рядом с мастером.

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ

Прошу учесть: все, что я рассказываю, бралось не как специальный «материал для статьи», а просто накопилось за немногие годы увлечения гомеопатией, годы общения с Валерием Геннадьевичем Силиниексом, который стал «моим врачом». Мало ли болячек обнаруживается у человека с годами, и все их Силиниекс потихоньку лечит, и теперь я абсолютно спокоен за себя и ничего не боюсь, я знаю: у меня есть гомеопатия. А душевное спокойствие, равновесие — это ведь немало.

Если бы я специально «брал материал», то, наверно, перечень был бы гораздо больше, обширнее. И тем не менее приведу перечень болезней, которые, по словам Силиниекса, для гомеопатов не представляют проблем. И возь-

му его в кавычки, поскольку тут уж точно не я говорю да и не могу, не имею права. Это — Силинкс:

«В первую очередь назову бронхиальную астму — болезнь, лечение которой связано с большими сложностями не только в России, но и в мировой медицине. У нас же человек расстается с этой довольно страшной, «вечной» болезнью за две-три недели. Но — с оговоркой: если он раньше не лечился гормональными препаратами. В этом случае — сложнее...

Лечим мы и вегетососудистые дистонии, которые в официальной медицинской практике не излечиваются, а всего лишь заглушаются.

Само собой разумеется, все заболевания желудочно-кишечного тракта, язвы, печень, почки, снимаем мучительные боли после операций на желчном пузыре, лечим хронический холецистит и хронический панкреатит, вызывающий невероятные страдания больного человека.

А также гаймориты, тонзиллиты, частые простуды, нервные заболевания у детей, тики, головные боли, экзему, диатез и многое, многое другое.

Обязательно надо сказать, что гомеопатические лекарства в отличие от химических не дают никаких побочных эффектов. То есть вреда не бывает.

Увы, у нашей гомеопатии нет опыта лечения онкологических, инфекционных, психических заболеваний. Хотя зарубежный опыт показывает, что сфера применения гомеопатии очень и очень широка. Скажем, еще в XIX веке во Франции королевским указом был построен гомеопатический госпиталь Сен-Жак — в благодарность за борьбу тогдашних гомеопатов с эпидемией холеры. У нас же была издана специальная инструк-

ция, не отмененная до сих пор, по которой гомеопатам запрещено было лечить онкологические, инфекционные и психические заболевания. Это просто-напросто лишало врачей опыта, практики, останавливало движение медицинской науки».

От себя добавлю: не говоря уже о том, что среди сонма обреченных, наверно, нашлись бы люди, которым бы повезло, которые бы излечились. Но ведь когда в действие вступают такие монстры, как идеология, инструкция, государство, жизнь человека и сам человек не стоят даже той бумаги, на которой написаны инструкции.

КУРЬЕЗЫ

Собственно, говорить о курьезах в таком деле, как лечение людских болезней, глупо и просто безответственно. Но я о другом...

Однажды мой институтский учитель Василий Ефимович, тот самый, что привел меня в гомеопатическую поликлинику, в одном из подмосковных домов отдыха познакомился с коллегой из Сибири. И тот пожаловался, что вся его шея буквально заросла, простите, чудовищными фурункулами. Ни одеться, ни лечь, ни повернуться. Везде лечился, дважды кровь менял — ничего не помогает. И тогда Василий Ефимович дал ему несколько коробочек с гомеопатическими шариками, которые были при нем, и некую гомеопатическую мазь. Через несколько дней сибиряк налетел на него на прогулке с истошными воплями: «Проходит! Проходит! Засыхает!» Сибиряк ходил по дому отдыха и всем показывал Василия Ефимовича, делая при этом круглые глаза.

Курьез же в том, что через два месяца спустя Василий Ефимович получил из неизвестного красно-

ярского поселка письмо, которое начиналось так: «Дорогой Василий Ефимович! Слух о Вас, знаменитом народном целителе, дошел до самых глухих уголков нашей Сибири...»

Конечно, Василий Ефимович — исключение. Он уже четверть века самостоятельно, для себя, занимается гомеопатией. А вообще-то врачи-профессионалы к самостоятельным советчикам относятся резко отрицательно. Что понятно и объяснений не требует. Особенно сейчас, когда расплодилось неизвестно кем разрешенные курсы, учредители которых боятся, что за две недели из слесаря-сантехника сделают врача-гомеопата. Так что нынешняя свобода для гомеопатии пострашнее прошлых притеснений: профессионалы боятся, что самозванцы и шарлатаны дискредитируют саму идею гомеопатии.

Но я надеюсь, что мы, больные, уж как-нибудь разберемся, где профессиональные врачи, а где жулики. Мы, больные, тоже не лыком шиты.

КАТАКОМБЫ

Вспомнил же я о курьезе и этой болезни сибиряка потому, что Силиниекс рассказал мне недавно похожую историю о похожей болезни. Он недавно приехал из Польши, где проработал почти год. И там к нему обратилась женщина с трофической язвой. Это незаживающая рана, незаживающий дефект тканей. Женщина была богатая, объехала всю Германию, всю Польшу — и ничего. А тут неизвестный российский врач вылечил ее. Там все удивлялись, но удивлялся и Силиниекс: чего они удивляются? Была бы какая-нибудь сложная болезнь, а уж трофическая-то язва для нас давно уже не проблема...

Не знаю, можно ли на основе одного случая делать выводы, но ведь и общее мнение наших гомеопатов единодушно: мы не так уж отстали от Запада, несмотря ни на что.

С философской точки зрения сие объяснимо. Там ведь гомеопатов не запрещали, там знания давали. А здесь наши юноши знания брали, добывали, заучивали самиздатовские трактаты, как листовки в революционном подполье, становились «хранителями тайны и веры, уносили зажженные свечи в леса, в катакомбы, в пещеры».

Как говорится: что лучше гонимый укрепляет веру?..

БУДУЩЕЕ

Оно в общем-то очевидно. Все врачи-гомеопаты полагают, что пора уже вводить гомеопатию в общее русло медицины, открывать факультеты в вузах. Но это даст результат только через многие годы. А ведь уже нынче можно открыть курсы в том же Центральном институте усовершенствования, через который проходят очень многие врачи со всей России. И тогда лекари из областных и районных городов уже сейчас получат основы гомеопатических знаний, станут, как и полагается, универсалами. И это снимет с гомеопатов совершенно ненужный и чуждый им ореол не то избранничества, не то знахарства. И будет уничтожена никому не нужная и вредная для всех конкуренция. В медицине места хватит всем. Тут, конечно, гомеопаты абсолютно правы. Нам ведь дела нет, кто нас вылечит. Лишь бы вылечил. И чего-чего, а наших болезней хватит на всех: и на аллопатов, и на гомеопатов.

P. S. После каждого очерка на медицинские темы на редакцию обрушивается шквал телефонных звонков с просьбами дать адрес, телефон, оказать протекцию. И потому, во избежание ненужного ажиотажа и сложностей, редакция публикует телефон Московского гомеопатического центра: 176-14-55.

Там протекции не требуется, там никому не откажут...

"ГЕРБАЛАЙФ"

ТРАВА ЖИЗНИ!

- ☐ Американский экологически чистый продукт питания на основе трав избавит Вас от лишнего веса, нормализует давление, поможет быть энергичным и бодрым. Ах, как Вы будете выглядеть на пляже!
- ☐ Подробности в «Смене» № 11—93 г.
- ☐ Доставьте удовольствие прекрасному полу — купите СЕКС-КРЕМЫ!
- ☐ Спасение для всех — ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ «МЕТ-ТЭМ» (9\$) для очистки водопроводной воды дома и на даче.
- ☐ Чудо в Вашем доме — вибрационно-вакуумный ГИДРОМАССАЖЕР (12\$)

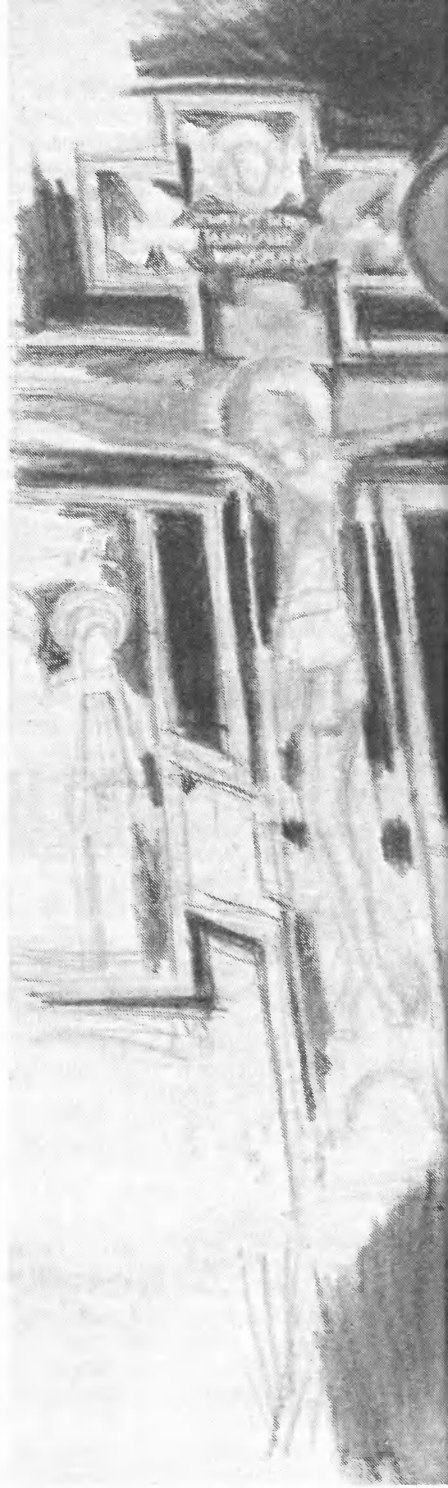
У нас самые низкие цены!

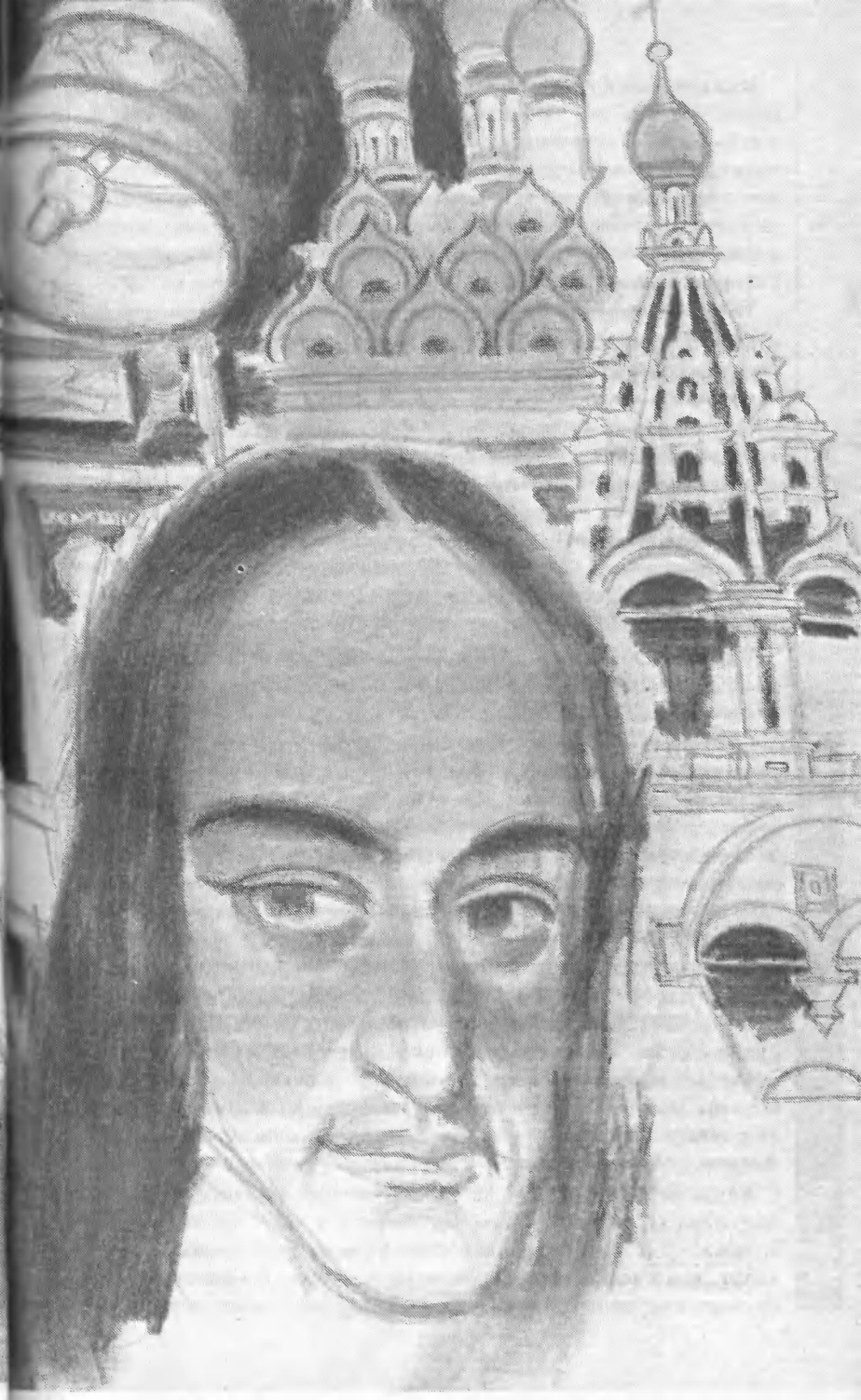
Тел./факс: (095) 245-40-72, 245-59-56.

МИХАИЛ ПОГОДИН

Дело царевича Алексея

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Важнейшим событием всей русской истории назвал дело царевича Алексея Петровича Михаил Погодин (1800—1875), а дабы столь жестким приговором не оставить в недоумении не только ему современного, но и будущего русского читателя, привыкшего в родной истории своей к иным — куда покруче — меркам, почтенный историк поясняет: «Это — граница между древнею и новою Россиею, граница, орошенная кровью сына, которую пролил отец».

Трудно спорить с таким приговором, но, думается, начала народной этой трагедии нужно искать не в одних только государственных сферах: многие из них ближе к «быту» и, увы, банальнее.

Семейная жизнь Петра с первой женой не задалась, и причин тут избыточно — в характерах, темпераментах, а главное, в обстоятельствах, им представленных. Помимо того, что жених и невеста сведены были без сердечного влечения, дело довершила ранняя и неравная женитьба: в день бракосочетания, 27 января 1689 года, Петру не минуло 17, Евдокия же Лопухина начинала 21-й свой год. Следующей зимой явился на свет царевич.

Первенец во всякой семье, в царской же особенно — наследник престола! — радость великая. А тут — начинается отсчет иных, к трагедии ведущих причин.

Став отцом, Петр все еще вырос; но вырос, как и рос, стремительно: «марсовые дела» и «нептуновые потехи» сопровождалась другими, но столь же страстными и безоглядными, ибо ни в чем не знал меры сей государь. У себя в Преображенском, в Немецкой слободе, среди разгульных иноземцев с их дочерьми и женами, во всем ином тем под стать и в чужой, православной земле натуры не таившим, кинулся молодой, с едва отошедшим пушком над губою, государь во все тяжкие. Иноплеменкам оно будто и на руку, а своим кому было остеречь: гляди, царь, пупок развяжется!.. Срок тому покуда не виден; на 53-м году жизни окажет себя, последний приговор вынесут и молодость нечистая, и зрелость в грехах поверх головы. А покуда точат и точат могучий организм безмерное пьянство, безразборные любви: в Переславле, Воронеже, Архангельске, под Азовом — счет идет на еженощные перемены...

Какая-никакая, а жена в этой жизни и властителю полумира — обуза, а коли так — то и с плеч долой. А что длиннородые сказывают: обычай, мол, христианский не велит, так и окоротить не долго, ну а Бога-то гневить царям на Руси не впервой. Рюриковичи уже дорожку указали: великий

князь московский Василий Иванович от духовных властей державою отмахнулся, насильно постриг Соломонию в монастырь, когда охота припала жениться на Елене Глинской... Об Иване-то Васильевиче что ж и толковать — творил, что хотел, дивил христианский мир до содрогания. А коли так, то и Романовым церковь не указ, а Господь — милостив.

Но, видно, свеж еще был кровавый след Иоаннова царствования, потому как с увещевания начал Петр — уговорами приступился, чтоб добровольно постриглась, да терпения ждать недостало: свезли царицу в Суздальский Покровский монастырь и в 1698 году постригли... (В скобках заметим: после Петра альковные дела при российском дворе идут ходко, и только начиная с Павла Петровича хотя и не угомонят Романовы свою плоть, но вести себя, отдадим должное, станут достойнее.)

Что бы ни говорили, как бы ни судили дела «северного исполина» три столетия подряд, а тяжкую, ох, и тяжкую от грехов оставил по себе память наш реформатор. И прав, по всему судя, выходит, М. П. Погодин, проложив роковую границу русской истории между отцом и сыном — Петром и Алексеем. А за первым другой поспекает. И тут не миновало.

Поломав порядок наследования по первородству, Петр предоставил единой государевой воле назначать наследником кого угодно. Сразу и вспомним: когда 25 января 1725 года слабеющая рука вывела: «Отдайте все...» — выронила перо и после тринадцатидневной мучительной агонии Петр испустил дух, полудня не прошло с его кончины, как порядок, им же введенный, явил свою «мудрость»: с обнаженною шпагою и с несколькими гренадерами Меншиков выломал дверь залы, где государственные сановники совещались об избрании наследника, и провозгласил императрицею Екатерину I. С того самого дня три четверти века чередую, один за другим, шли на Русь перевороты...

Не в этом ли странном заточении матери наследника и вкупе с разрушением установленного веками обычая престолонаследия искать нужно крючочек для петельки запутанного клубка русской истории, из которого свою версию вытягивает М. П. Погодин в предлагаемом читателю исследовании?..

Итак, в 1698 году, восьми лет и семи месяцев, от заточенной матери взят был Алексей к тетке, царевне Наталии Алексеевне, и, едва наученный грамоте, посажен за часовник.

Молодому Петру, полному сил и занятому с утра до вечера, не могла прийти мысль с первых лет об основном воспитании наследника. Он сам только что наследовал, и не мог, естественно, подумать так скоро о преемстве; но по 9-му году мелькнула у Петра мысль отправить сына учиться в Германию. Но она не исполнилась — разгорелась Шведская война, и Петр, при неизвестности военных обстоятельств, решился воспитывать царевича дома, для чего и был к нему представлен саксонский подданный Мартин Нейгебауер. Но очень скоро этот последний поссорился с прежними воспитателями, Вяземским и Нарышкиным, которых сторону принял Меншиков; тем и решилось дело — саксонец был отстранен.

В начале 1703 года, когда царевичу пошел 12-й год, Петр приставил к нему гофмейстера барона Гизена, образованного немца на русской службе. В марте Гизен написал записку о воспитании царевича, прося, однако, царя предоставить главный надзор князю Меншикову.

В этом же году царевич был взят в поход и при штурме Ниеншанца находился в звании солдата бомбардирской роты. В Москве, после торжественного вшествия, Петр сказал Гизену в присутствии царевича, Меншикова, Головкина и других министров:

— Узнав о ваших добрых качествах и вашем добром поведении, я вверяю единственного моего сына и наследника моего государства вашему надзору и воспитанию. Вверяю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством.

Но в этом же году над головою царевича всходит и роковая звезда: Петр узнал в доме Меншикова мекленбургскую пленницу, Екатерину, которую взял к себе, и ее отношения, если даже не положительные действия, вместе с кознями Меншикова, решили впоследствии судьбу царевича. Но не станем упреждать событий. 14-й год его жизни прошел благополучно. По взятии Нарвы, среди торжества, Петр сказал бывшему с ним сыну и в присутствии всех генералов:

— Сын мой! Мы благодарим Бога за одержанную над неприятелем победу. Победы от Бога, но мы не должны быть нерадивы и все силы должны употреблять, чтобы их приобрести. Для того взял я тебя в поход, чтобы ты видел, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Понеже я, как смертный человек, сегодня или завтра могу умереть, то ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен любить все, что содействует благу и чести твоего отечества, верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить никаких трудов для блага общего. Как мне невозможно с тобою всегда быть, то я приставил к тебе человека, который будет вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, как я надеюсь, будешь следовать моему отеческому совету и примешь правилом жизни страх Божий, справедливость и добродетель, над тобою будет всегда благословение Божие. Но если мои

советы разнесет ветер и ты не захочешь делать то, чего желаю, я не признаю тебя своим сыном и буду молить Бога, чтоб он наказал тебя в сей жизни и будущей.

Царевич со слезами на глазах схватил руки государя, целовал, жал их с горестью и говорил:

— Всемиловитейший государь, батюшка! Я еще молод и делаю, что могу. Но уверяю ваше величество, что я, как покорный сын, буду всеми силами стараться подражать вашим деяниям и примеру. Боже сохрани вас на многие годы в постоянном здоровье, чтобы я еще долго мог радоваться столь знаменитым родителем!..

Возвратившись в Москву 19 декабря 1704 года, на триумфальном шествии у Воскресенских ворот царевич поздравил отца с победой, и, по окончании приветствия, стал в ряды Преображенского полка в строевом мундире.

Все шло, кажется, прекрасно, как вдруг Гизен отправлен с разными дипломатическими поручениями за границу, где и пробыл четыре года...

Что значит это удаление от царевича нужнейшего человека в самое важное для него время, от 15 до 20 почти лет? Поручения, данные Гизену, очень незначительны, и легко могли быть исполнены всяким другим. Куда девалась прежняя заботливость Петра о занятиях сына?.. Не видать ли уже здесь, в отстранении Гизена, как и прежде в удалении Нейгебауера, тайного намерения Меншикова приучить царевича к праздности и лени, давая ему простор и свободу для препровождения времени с его родными, приверженцами старины, с попами и монахами, к которым он получил известное расположение еще при матери, — и тем приготовил будущий разрыв с отцом? Меншиков вполне мог под каким-нибудь благовидным предлогом подать Петру злоумышленный совет послать Гизена в чужие края. С этой стороны можно поверить царевичу, который потом будет убеждать цесаря, что Меншиков с умыслом дал ему дурное воспитание, не заставляя учиться и окружая дурными людьми.

Ближе всех к царевичу были в это время его тетки, дочери царя Алексея Михайловича от первого брака, старые девицы, не терпевшие нововведений Петровых, окруженные попами и монахами, кои сообщали им разные видения, сулили перемену обстоятельств и лучшее время. Кроме теток, были и родственники его матери, дяди, возлагавшие на него всю свою надежду и ведшие к нему своих друзей и единомышленников. И все они внушали свои мысли племяннику, расположенному и от природы к старине и лени.

В 1706 году царевич самовольно ездил из Москвы к матери в Суздаль. Поступок смелый и значительный, хотя и очень естественный: как ни пожелать ему было увидеться с матерью, с которою жил до 9-го года и которую любил сердечно?!

Тетка Наталья Алексеевна донесла царю о тайном посещении. Петр потребовал сына к себе в Жолкву, в Галиции, и там выразил ему свое негодование. Из Жолквы царь тотчас же послал его в Смоленск заготовлять провиант и собирать рекрутов. После пяти месяцев исправной там работы царевич воро-

тился в Москву, где ему было поручено укрепление Кремля, собирание солдат и присутствие в канцелярии министров. Пятьдесят с лишком собственноручных писем царевича из Москвы свидетельствуют об неусыпной его деятельности — к совершенному удовольствию царя.

Между тем царевич продолжал учиться по-немецки, а с возвращением в 1708 году Гизена, и по-французски.

Следующий, 1709 год, также прошел весьма хорошо. Царевич отвел собранные им пять полков в Сумы. На пути, однако, вероятно, от холода он так занемог, и болезнь его казалась так опасна, что царь не решался несколько дней выезжать из Сум; назначены были молебствия. Но в половине февраля царевич оправился и догнал отца уже в Воронеже, где присутствовал при спуске вновь построенных кораблей. 26 марта праздновались там его именины. Он хотел проводить отца до Азова, но по причине болезни отпущен в Москву — «над делами надзирать».

Воротившись к Светлому Празднику в Москву, царевич начал учиться фортификации и исполнял разные поручения отца. «Отец поручил мне управление государством,— говорил он потом в Вене об этом времени,— и все шло хорошо. Царь был доволен». Отношения между отцом и сыном, по всему судя, действительно продолжались хорошие.

После Полтавской победы царевич был призван в Киев и оттуда отряжен в корпус князя Меншикова, назначенный для изгнания Станислава Лещинского из Польши; а потом велено ему было ехать в Дрезден для занятия науками. «А когда геометрию и фортификацию кончишь,— писал ему Петр,— отпиши к нам».

По разным политическим обстоятельствам поездка задержалась, и он уже только весною 1710 года мог приехать в Карлсбад. Дорогою он увидел избранную для него еще в 1707 году Гизеном невесту, принцессу Брауншвейг-Вольфенбюттельскую.

Между тем сожительница Петрова, Екатерина, была объявлена супругою, с чем царевич поздравил ее, назвав матушкою, а прежде он писал к ней обыкновенно: «madame».

Брак царевича совершен, вероятно, по настоянию отца и убеждению приставленных к нему лиц, 14 октября 1711 года в присутствии Петра, который нарочно приехал для того из Торгау. Пиршества продолжались несколько дней.

Из описания всех этих происшествий видно, что Петр в 1707 году, когда был заключен (брачный) контракт, а равно и в 1711 году, когда произошло бракосочетание, *не имел к сыну никаких неприязненных отношений, и видел в нем своего наследника:* иначе не стал бы вводить его в родство с знаменитою европейскою принцессою, сестрою императрицы немецкой и племянницею короля Англии. С другой стороны, царевич не подавал никакого повода к неудовольствию и держал себя в границах приличия и послушания. Ему был 21 год.

В четвертый день после свадьбы неутомимый Петр дал царевичу подробную инструкцию, что ему делать в Польше. Царевич отправился в Торн и, в исполнение отцовской инструкции, занялся там продовольствованием русских войск. Только через пять

недель к нему приехала Шарлотта. Эта долгая и странная разлука новобрачных подала повод к разным слухам, которые достигли и Вены. Между тем царевич очень скоро получил приказание в Померанию, для военных действий. Принцесса осталась в Эльбинге.

Весну и лето 1712 года Алексей провел под Штетиним, осень и зиму в Мекленбурге, — один. Странно, весьма странно такое разлучение новобрачных!.. В конце 1712 года царевич должен был ехать с мачехою в Петербург и по дороге не застал жены в Эльбинге — она задолго перед тем отправилась к родным в Брауншвейг. И в Петербурге, уже в 1713 году, он не мог дожидаться ее прибытия, потому что должен был ехать с отцовским поручением в Москву, потом провожать отца в Або, а воротясь, ехать в Старую Русу и Ладогу. Словом, только в августе он увиделся с женою в Петербурге.

Такая продолжительность разлуки с женою, полтора года, вскоре после брака (он жил с нею только полгода и то с промежутками) не могла не иметь вредного влияния на их отношения. Впрочем, *упреков от отца никаких еще нет...*

По возвращении в отечество около царевича собралось, вероятно, то же общество, которое собиралось и прежде — оппозиция того времени, которая ласкалась к нему, возлагая на него всю свою надежду в случае смерти царя, не берегшего себя ни на войне, ни в мире и потому часто болевшего. Мелькнула первая, должно быть, мысль о житье до того времени в чужих краях...

С женою царевич жил не совсем дружно и под пьяную руку выражал, говорят, негодование: «Вот Гаврило Иванович * с детьми своими навязали мне на шею жену-чертовку: как ни приду к ней, все сердитует и говорить не хочет».

Я воображаю себе кронпринцессу, высокую, сухощавую немку, набобную, аккуратную, вроде мадонн Гольбейновых, которой противны были полудикие выходки молодого скифа, и она старалась навести его на путь истинный, чем ему и досаждала. В обществе молодые супруги не пользовались большим почетом. Екатерина и Меншиков старались, кажется, причинить им много неудовольствий, огорчений и даже оскорблений. Видно, сказывалась уже перемена в расположении к царевичу...

С августа 1713 года царевич прожил в Петербурге до июня 1714 года и постоянно был нездоров. Опасаясь чахотки, врачи отправили его опять в Карлсбад. Он поехал туда, оставив жену беременною по осьмому месяцу. Царевич прибыл в Карлсбад в конце июля, и ему тотчас пустили кровь банками.

Пред разрешением от бремени царь, находившийся в отсутствии, желал, чтобы в это важное время рождения первого ребенка у наследника возле принцессы были знатные особы из русских, и приставил к ней генеральшу Брюс и князь-игуменью Ржевскую.

С корабля, из-под Ревеля, он писал невестке: «Я не хотел бы

* Головкин, канцлер (здесь и далее примеч. ред.).

вас трудить; но отлучение супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь (...) дабы о том некоторый анштальт учинить, о чем вам донесет г. канцлер граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста заграждены были».

Принцесса была очень огорчена, но желание свекра исполнила.

Что это значит? Какой *анштальт* учинить предполагал Петр? Какие подозрения и в ком возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли он подлога в случае неблагоприятного разрешения?.. * Если же Петр боялся подлога, то, значит, *рождение детей у сына занимало его сильно*.

12 июня кронпринцесса родила благополучно дочь Наталью. На ласковое поздравление Петра она в шутиливом тоне изъявила надежду исполнить, со временем, его желание — родить сына.

Царевич возвратился из Карлсбада в Петербург через шесть месяцев, в конце декабря 1714 года. К этому времени относится связь его с известною Ефросиньей, полоненной крепостною девкой его первого учителя, князя Вяземского. Впрочем, тотчас по возвращении царевича принцесса забеременела опять и 12 октября 1715 года разрешилась сыном Петром.

Но вскоре после родов она занемогла вследствие неосторожности, и болезнь в течение девяти дней приняла опасный характер. Петр сам в это время был болен тяжело (жена же его, Екатерина, была на сносях), не выходил из комнаты и не мог посетить принцессы. Она написала к нему письмо, благодарила его за оказанные милости, поручала ему своих детей и ни одним словом не выразила никакой жалобы.

Барону Левенвольду, гофмаршалу ее двора, она сказала: «При жизни моей много было говорено и писано злоковарных вымыслов; найдутся злые люди, вероятно, и по смерти моей, которые распускают слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали, нежели от опасного состояния здоровья моего. Для отвращения такого зла донесите моим родным именем моим, что я всегда была довольна и хваюсь любовью их величеств; не только все исполнено, что в брачном контракте обещано (экономическая черта!), но и сверх того многие благодеяния мне оказаны».

О разговорах или отношениях с мужем нет ни слова, как будто его и не было.

* С. М. Соловьев замечает: «Петр по собственному опыту знал, что иногда выдумывается неприязненными людьми насчет рождения царских детей, как его провозглашали подменным сыном Лефорта; а теперь еще хуже: родит немка иноверная, окруженная только своими немцами...» Другой историк, М. И. Семевский, добавляет: «Не красавец ли Левенвольд, известный своими победами над женскими сердцами, состоявший в свите Шарлотты и пользовавшийся ее дружбой и доверием, не этот ли Левенвольд, впоследствии любимец двух императриц, Екатерины I и Анны II, не он ли возбудил сплетни, и не его ли заподозрил в связи с невесткою Петр?»

В первом часу пополудни навестил умирающую Петр; она просила его о детях и служителях. 22 октября в полночь кронпринцесса скончалась.

Царевич был вне себя от горести и несколько раз падал в обморок. На другой день новорожденный сын был крещен царем и сестрою. Кронпринцесса была погребена торжественно. И вдруг...

Вдруг Петр, возвратясь из Петропавловского собора в дом царевича, для поминовения усопшей, отдает публично сыну *громовое письмо*, которого *смысл* состоит в следующем: *если не исправишься, то лишу наследства.*

Алексей *оказывается* вдруг ни к чему и никуда *неспособным* и получает страшную угрозу, без всяких пред тем известных, вызывающих обстоятельств, без всяких по крайней мере видимых побудительных причин!

А писано было письмо за 16 дней до рождения сына у царевича, отдано накануне рождения сына у царя.

Что за странности? Царь пишет письмо к сыну с угрозою лишить его наследства, но не отдает письма, и на другой день по написании рождается у царевича сын, новый наследник; царь держит у себя письмо и отдает только через 16 дней, в день погребения кронпринцессы, а на другой день после отдачи рождается у него самого сын!*

Вопросы один за другим теснятся у исследователя:

Если Петр написал письмо в показанный день, то почему не послал его тотчас к сыну? Почему держал 16 дней?

Рождение внука должно было изменить решение: если сын провинился, то новорожденный внук получал неотъемлемое право на престол!

Зачем было бы определять именно число? Пролежало оно 16 дней в кармане, для чего же напоминать о том, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней. Ясно, что *была* *какая-то задняя мысль*. Она видна и в подстрочном примечании к печатному розыскному делу: «Понеже писано то письмо до рождения царевича Петра Петровича за 18 дней, и тако в то время был он царевич Алексей Петрович один».

И что за странное намерение отдать письмо в руки царевича в публичке, перед множеством свидетелей, в день погребения жены?

Письмо носит явные признаки сочинения, с риторикой: его, верно, писал грамотей на досуге, не Петр, выражавшийся и в таких случаях отрывисто.

* С. М. Соловьев говорит: «Письмо было написано до рождения внука, а теперь, на другой день после отдачи письма, царица родила и сына — царевича Петра. Алексей должен был помнить слова Куракина: «Покамест у мачехи сына нет, то к тебе добра; и, как у ней сын будет, не такова будет». Близкие люди рассказывали, что когда царевич Петр родился, то Алексей много дней был печален».

Да и на что письмо? Разве нельзя было передать все на словах?

Во всем этом действии нельзя не видеть *черного плана*, сметанного, в тревоге, белыми нитками.

Как же объяснить это загадочное событие?

Верно, у Петра давно уже возникла мысль отрешить от наследства Алексея, рожденного от противной матери, не разделявшего его образа мыслей, не одобрявшего его нововведений, приверженного к ненавистной старине, склонного к его противникам. Верно, он возымел желание предоставить престол детям от любезной Екатерины. Екатерина, равно как и Меншиков, коих судьба подвергалась бы ежеминутной опасности в случае смерти царя, старались, разумеется, всеми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру все его слова, толковали всякое движение в кривую сторону, раздражали Петра более и более. И вот лукавая совесть человеческая вместе с сильным умом, начала подбирать достаточные причины, убеждать в необходимости действия, оправдывать всякие меры, она пугала прошедшим, искажала настоящее, украшала будущее, — и Петр решился! Он решился, и уж, разумеется, ничто не могло мешать ему при его железной воле, пред которою пало столько препятствий. Погибель несчастного царевича была определена. В средствах нечего было ожидать строгой разборчивости: Петр в таких случаях ничего не видел, кроме своей цели, лишь бы скорее и вернее кончено было дело.

Сначала, разумеется, в голове Петра все было смутно, одним планом сменялся другой, ничего определенного, всякое новое обстоятельство могло изменить предположения, выжидались удобные случаи. Кронпринцесса начала *рожать детей*. Это увеличивало затруднения Петрова плана на пути к предположенной цели. Пора приступать к действию. Но вот она *родила сына*. Это уже совершенно расстраивает виды. Ждать нечего. Начертывается план атаки, говоря языком того времени, устраиваются траншеи, подводятся апроши, и только последний день штурма предоставлялся случаю. Внезапная кончина кронпринцессы, с которой, по слухам, жил муж не хорошо, подает сигнал. Сочиняется задним числом первое письмо и отдается в день ее погребения. Так начинается комедия, которая должна была разыграться страшной трагедией, беспримерной в летописях государств и народов, от которой содрогается сердце и приходит в недоумение рассудок.

Письмо — это обвинительный акт, на который предполагалось сослаться впоследствии.

Оно отдано в публичке, чтобы приготовить *заблаговременных свидетелей*.

Оно подписано числом накануне рождения у царевича сына, ибо, по рождении этого внука, нельзя бы не упомянуть об нем, нельзя грозить лишением наследства, когда явился еще новый полноправный наследник.

Письмо отдано, и на другой день рождается у самого царя сын.

Какую тревожную ночь провели Петр и Екатерина в ожидании этого дорогого гостя. Какова радость должна была быть

у них при первом крике этого младенца, который приводил их торжественно к цели и увенчивал все тяжелое темное дело. Петр мог подумать, что сам Бог благословил его намерение и его действия (но этот младенец пережил недолго своего брата).

Обратимся к содержанию письма и разберем его положения.

Главное обвинение Петра состоит в том, что царевич не показывает расположения к военному делу, которое необходимо вообще для всякого государства, а для России в особенности, и было предметом главных его попечений.

Но нерасположение к войне — разве это преступление?

В заключение Петр, правда, прибавляет: «Еще же и сие вспомню, какого злого нрава и упрямого исполнен! Ибо сколь много за сие (т. е. за нерасположение к военному делу) тебя бранивал, и не точю бранивал, но и бивал: к тому же сколько лет почитай не говорю с тобою, но ничто сие не успело».

К какому времени, однако, могли относиться эти брань и битье? Перед браком Петр давал разные поручения царевичу и исполнениями его был доволен. «К тому же сколько лет почитай не говорю с тобою», — пишет Петр. Что ж это за метод наставления, где тут видно желание успеха, желание поправить дело? Напротив, здесь видно нежелание, ибо если бы точно желал Петр исправления, то он умел бы принудить царевича к деятельности, умел бы принять нужные для того меры, задавать дело одно за другим и требовать отчета, как то было, например, в 1708 и 1709 годах: умел бы найти и приставить к царевичу людей, которые следили бы за всяким его шагом и напоминали ему о деле. В таком случае нельзя бы и вообразить егослушания. Мы не имеем документов ни об одном неисполненном приказании.

Нет, Петр, увлеченный своим планом, в последнее время не хотел, чтобы Алексей действительно занимался делом и снискивал добрую славу, потому-то и оставил его на воле, а Меншиков даже употреблял и другие средства: спойть его, как свидетельствовал сам царевич.

И когда Петр не говорил с сыном? О времени до брака мы рассуждали выше, а после брака царевич почти три года был в чужих краях — в армии, при Меншикове, с Гизеном, переписывался с отцом, и мы не находим никаких свидетельств о подобных отношениях.

Заключаем: обвинение натянутое, подъяческое, коварное. Но против рожна прати мудрено, особенно такому слабому человеку, как царевич. Последуем за событиями.

Получив письмо, царевич обратился за советом к Александру Кикину, который, некогда любимец Петров, попался под суд и по ходатайству царицы недавно получил обратно свое имение. Он служил теперь при дворе царевны Марии Алексеевны, ненавидевшей Петра, как и прочие наказанные им сестры: Софья, Марфа, Екатерина. Кикин подал совет: *отрекись*, чтоб успокоить отца. Царевич написал ответ, в котором отрекался от престола: «Хотя бы и брата у меня не было, а теперь брат у меня есть, которому дай Боже здравия».

В ноябре 1715 года Петр издает указ о наследстве, предоста-

вляющий отцу полную власть назначать себе наследника без всякого уважения права старшинства. Заготовление указа подтверждает мнение о существовании плана, ясного даже для современников.

Надо же было случиться, что Петр тогда же занемог опять отчаянно. Положение его было так опасно, что несколько дней все министры и сенаторы ночевали в царских покоях. 2 декабря он приобщился Св. Тайн и до Рождества Христова не выходил из комнаты. Царевич посетил его только один раз.

— Отец твой не болен тяжело,— шептал ему Кикин,— он исповедывается и приобщается нарочно, являя людям, что гораздо болен, а всё — притвор!..

Если он действительно был болен, то болезнь могла испугать его и Екаторину с Меншиковым и побудить к скорейшему решению начатого дела. Если он притворялся, то, значит, хотел иметь для решения предлог. Но как бы то ни было, оправаясь после истинной или мнимой болезни, Петр пишет царевичу *второе обвинительное письмо*, 19 января 1716 года.

Спросим опять: на что письма, если бы не было умысла употребить их в дело впоследствии, на предположенном суде? Разве не могли бы вестись переговоры на словах между отцом и сыном? Во втором письме Петр придирается еще, если можно так выразиться, безотчетнее, безлогичнее; так и видишь, что несчастный отступает перед ним, уклоняется, жмется к стене, а тот, с поднятыми руками, напирает плотнее и плотнее. «Ты отказываешься от престола,— говорит он,— да разве я сам не могу лишить тебя его, на это есть всегда моя воля, а ты зачем не отвечаешь мне на упрёки в негодности?»

Помилуйте, что отвечать ему более, если он с обвинением вполне соглашается, и даже наказание за негодность безусловно принимает, отказывается от престола?!

Чем же заставляет Петр свои словоизвития? «Отмени свой нрав и неліцемерно удостой себя наследником, или будь монах; ибо без сего *дух мой спокоен быть не может*, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою *как с злодеем поступлю*».

«Как с злодеем поступлю!..» Предчувствуете ли роковую развязку?

«Иду в монахи»,— отвечал царевич, и в ту же минуту, как он произнес эти слова, требуемые царем, царь нашел монашество недостаточным, точно как прежде находил недостаточным отречение. Он почувствовал, что молодому человеку, в полном цвете сил (24 года), с приобретенными привычками, невозможно сделаться монахом, а с другой стороны, «клубок ведь к голове не прибавают гвоздями», как в действительности было сказано царевичу Кикиным.

Через неделю Петр должен был отправиться за границу. Он посетил больного царевича и сказал ему: «Это молодому человеку нелегко; одумайся не спеша; потом пиши ко мне, что хочешь делать, а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели идти в чернецы. *Подожду еще полгода*».

Тягостно предполагать в нем лицемерие; не говорил ли он искренно? Так к чему ж было говорить! На что были Петру отвлеченные обещания: буду стараться, буду исправляться, буду заниматься?! Возьми его с собою просто и заставляй делать что угодно. Но, видно, в голове Петра происходило смущение: он не знал, как ему кончить задуманное дело. Мысли сменялись и перепутывались.

Могу сообщить здесь кстати одно замечание Пушкина среди бесконечных наших споров с ним о Борисе Годунове, которого я всегда оправдывал, а он обвинял: «Неужели вы думаете, — сказал он мне однажды, — что человек, сколько-нибудь нравственный, не злодей, может спокойно обдумывать преступный умысел? Нет, он всегда торопится от него прочь, удерживая только первую мысль, как она попалась, ему тяжело возвращаться к своему намерению, и он старается как бы скорее отделаться; он не может ничего додумывать. Вот почему Годунову не могли прийти в голову те соображения, коих вы теперь у него требуете. Вот почему не мог он приготовиться, чтобы отвечать вам по пунктам на ваши логические запросы».

Точно так и Петр был в нерешительности касательно мер — каким образом избавиться от сына. Лишь только основная мысль не давала ему покою, и он сам писал: *«Дух мой спокоен быть не может»*.

Вслед за царем отправился в Карлсбад Кикин; он обещал царевичу сыскать ему место в чужих краях, в исполнение мысли, давно уже ходившей в их кругу и считавшейся единственным средством спасения царевичу; в последнюю поездку советовалось остаться где-нибудь в чужих краях, под предлогом болезни, чтоб протянуть как-нибудь года два-три, а там что Бог даст, то и будет. Авось входило в план царевича и его партии, точно как и в план царя с своими наперсниками. Авось царь умрет, думали одни; авось царевич как-нибудь попадетсЯ и сам причинит себе гибель, думали другие...

Дав полгода на размышления, через семь месяцев Петр прислал из Копенгагена курьера с *третьим письмом*: решайся — или сей час приезжай на войну, или постригайся.

Неужели Петр хотел, чтобы царевич приехал и вдруг принялся за войну? Какую важность, какое значение имело б это насильственное занятие? Ясно, что Петр не имел в виду такого неблагонадежного исправления, а говорил, чтобы сказать что-нибудь, и вызвать какие-нибудь новые обстоятельства поудобнее — это новый ход в шахматной игре, а может быть, и обстоятельства были уже подготовлены, и ход вел к мату.

Царевич получил письмо и отвечал: еду, а сам решался с дороги бежать, в надежде на кикинские приготовления, кои, видно, были обеспечены, и все дело устроено заблаговременно.

«Где же ты оставишь Ефросинью?» — спросил царевича Меншиков. «Я возьму ее до Риги, а потом отпущу». «Возьми ее лучше с собой», — заметил Меншиков.

Подвох это или нет? Какого исправления желал, к каким трудам призывал Меншиков царевича, советуя брать с собою

любовницу? Должен ли он был побояться Петра за такой совет? Петр шутить не любил. Значит, советовал, надеясь на Петра, был уверен, что не подвергнется его гневу за свой предательский совет.

Отъезжая, 26 сентября 1716 года, царевич ездил в сенат проститься с сенаторами, которые все выразили ему свое сочувствие.

В Либаве царевич встретился и с Кикиным. Судьба благоприставствовала несчастному, обреченному на гибель, и утешала его перед казнью. Кикин обнадежил его и указал Вену.

Проехав Данциг, *царевич исчез*.

Остановимся на этом решительном событии: может быть, оно было подготовлено самим царем? Вот что возбуждает в нас подобное подожание:

Царевич решил бежать, удостоверенный Кикиным, что у цесаря готово ему верное убежище. А кто уверил Кикина в таком покровительстве, которое решило его ступить этот важный и опасный шаг, грозивший смертью? Не мог же Кикин говорить, не застраховав его, так сказать, вполне? Кто же убедил Кикина? Веселовский, первый, деятельный и ревностный агент Петров во всем этом деле (резидент в Вене). Он сказал Кикину, что не воротится в Россию, и тем снискал его доверенность. Кикин, основываясь на его словах, уверил царевича: «Поезжай в Вену, к цесарю, там не выдадут. Веселовский говорил о тебе с вице-канцлером Шёнборном, и по докладу его цесарь сказал, что примет тебя, как сына; вероятно, даст денег тысячи по три гульденов в месяц».

Веселовского вызвал Петр в Амстердам при известии о совершившемся бегстве; Веселовскому дал он инструкцию и грамоту к цесарю, как будто знал наперед, что *царевич у цесаря*. Веселовский разведал о путешествии и пребывании царевича, подкупил имперских чиновников, руководствовал Толстым и Румянцевым*; был, одним словом, правою рукою Петра.

Из описания Шёнборном первой встречи его с царевичем следует заключить, что она была неожиданною. Не обманывал ли Веселовский Кикина и не известил ли тотчас Петра, который тогда и вызвал сына, чтобы дать ему повод выехать из России? У цесаря из-под покровительства я всегда, де, могу его вытребовать, по народному праву, а если и не вытребую, то, беглец и передатчик, он лишится права и надежды вступить когда-нибудь на престол, даже не будет иметь средств поспеть вовремя из такой дали. Так были, может быть, разложены сети, и несчастный попался в них в ослеплении.

И еще: Веселовский после казни царевича скрылся неизвестно куда, бежал со службы. Что за причина такого внезапного бегства? Петр употреблял все старания, чтобы найти его, и предлагал 20 тысяч ефимков тому, кто его отыщет. Почему же так дорожил он личностью Веселовского?

* Один — сенатор, другой — генерал, посланные Петром разыскивать царевича.

Не обладал ли Веселовский такими тайнами, которые считал, рано или поздно, опасными для себя, и потому рассудил спастись заблаговременно в Англии. (Ах, если бы он, умерший ста лет в Женеве, оставил какие-нибудь записки, он разъяснил бы процесс царевича окончательно!)

Окольными дорогами, через Пириц, Франкфурт-на-Одере, Бреславль, Лигниц, Нейсу, Прагу явился царевич в Вене и тотчас обратился к канцлеру графу Шёнборну:

— Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, — сказал царевич, — о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить, меня и бедных детей моих хотят лишить престола. — Произнося эти слова, царевич озирался и бегал по кабинету канцлера. — Отец хочет лишить меня жизни и короны. Отец мой окружен злыми людьми, до крайности жестокосерд и кровожаден, думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека: много пролил он невинной крови, даже часто сам налагая руку на несчастных. Он не щадит никого, и если император выдаст меня отцу, то все равно что лишит меня жизни... Если бы отец и пощадил, то мачеха и Меншиков до тех пор не успокоятся, пока не запоят или не отравят меня!..

Когда Шёнборн сказал, что, может быть, найдется средство примирить его с отцом, царевич, отвергая всякую надежду на примирение, со слезами просил принять его при цесарском дворе открыто и оказать покровительство, повторяя, что император ему шурин.

На другой день начались министерские совещания. *Решено: принять царевича под покровительство цесаря тайно и не выдавать против воли царю, стараясь о примирении.* Определено: для сохранения тайны жить царевичу в Тироле, в замке Эренберг, где и прожил он с лишком четыре месяца.

Между тем царь, напрасно дожидаясь уже два месяца царевича, встревожился, искренно или притворно, и разослал гонцов во все стороны проводить об его пребывании.

Главная роль, как мы выше заметили, досталась сначала резиденту в Вене, Веселовскому, которого царь вызвал в Амстердам, снабдил всеми нужными наставлениями и дал грамоту к цесарю, прося о содействии. Проворным, неутомимым, догадливым слугам Петра удалось, несмотря на все старания австрийцев, открыть тайное убежище царевича.

Через подкупленного докладчика тайной канцелярии Дальберга Веселовский узнал, что царевич находится в цесарских владениях, и что его можно — при содействии четырех или пяти офицеров — схватить и тайно увезти в Мекленбургскую. Петр тотчас прислал Румянцева с четырьмя офицерами, которые приехали в Вену 19 марта, но было уже поздно: 17 марта царевич, как Веселовский узнал, был уже в Тироле. Он отправил туда Румянцева для наблюдений, а сам вошел в официальные отношения с министерством, которое волочило его долго, не давая никаких определенных ответов.

Между тем в Москве и Петербурге разнеслись слухи о бегстве царевича. Начались шептания, молитвы, извещения, догадки,

переговоры — предметы будущих розысков, причины будущих казней.

Цесарь, увидев, что скрываться более нельзя, послал к царевичу секретаря Кейля сообщить отцовскую грамоту и спросить его решения; в случае намерения остаться — переехать в Неаполь.

Царевич все сказанное ему с величайшим вниманием выслушал, потом прочитал отцовское письмо; оно сильно его поразило. Он бегал по комнате, махал руками, плакал, рыдал; потом говорил сам с собою на своем языке; наконец упал на колени и, обливаясь слезами, подняв руки к небу, вскричал: «О, умоляю императора именем Бога и всех святых спасти мою жизнь и не покинуть меня, несчастного. Иначе я погибну. Я готов ехать, как он прикажет, и жить, как велит, только бы не выдавал меня отцу!»

Царевич прибыл в Неаполь 6 мая. Цесарские министры думали, что скрыли его пребывание, а 26 июня Румянцев, следовавший за путешественником из Тироля до Неаполя и слетавший после к царю в Спа с донесением, явился вместе с Толстым в Вене требовать вновь у цесаря выдачи Алексея.

Посланники Петра приступили к цесарю, напали на министров, уговаривали, клялись, грозили и, главное, сыпали деньги, подкупали, и исходатайствовали приказание Неаполитанскому вице-рою Дауну стараться, чтобы царевич согласился на добровольное возвращение.

Толстой и Румянцев прибыли в Неаполь 24 сентября. Первое свидание их с Алексеем происходило во дворце вице-роя. Царевич был удручен, подавлен, испуган и просил времени на ответ.

Начались новые козни, убеждения, обещания: пущены в ход всякие рацеи и аргументы; подкуплен был секретарь вице-роя Вейнгардт, которому в задаток дано 160 червонных; найдена дорога к возлюбленной царевича, Ефросинье.

Долго, однако же, держался царевич и твердил одно: не воротится ни за что на свете. После трех аудиенций Толстой и Румянцев отчаялись в успехе. Они решились на приступ с трех сторон. Секретарь Вейнгардт, вкравшийся к царевичу в доверие и передавший ему, будто бы за тайну, переговоры Толстого с вице-роем, должен был отнять у него надежду на покровительство цесаря, в случае, если царь будет требовать сына с оружием в руках. Вице-рой должен был объявить, что разлучит его с Ефросиньей.

Толстой же придумал испугать вновь полученным письмом о скором прибытии царя в Италию и свидании с царевичем, свидании, которого никто, де, отстранить не может.

С другой стороны, царевичу обещалось полное прощение и жизнь на свободе в деревне с любезною Ефросиньей. Ефросинья, обольщенная, в свою очередь, разными обещаниями, вовлечена в заговор, и ей предназначалось придать окончательную силу всем вышеизложенным представлениям. Тяжелый выбор предстоял царевичу, и он после продолжительной борьбы поддался обману.

Подкупленный секретарь устроил последнее роковое свидание. Здесь Толстой объявил царевичу, что отец, от которого получил

он будто бы собственноручное письмо, скоро приедет в Неаполь. «Кто может, — сказал он царевичу, с видом сожаления, — запретить ему видеть тебя?!» Эти слова привели царевича в такой страх, что он в ту же минуту сказал: «Я поеду к отцу, позвольте мне только жить в деревне и не отнимайте Ефросиньи!»

Петр, получив известие о счастливом окончании, был вне себя от радости, обещал собственноручно все, лишь бы ехал скорее царевич, которого он ждал, как ворон крови...

Начались сборы в возвратный путь. Толстой и Румянцев приняли все меры предосторожности, чтоб путешествие совершилось беспрепятственно и чтоб жертва не избегла приготовленной участи.

Для Ефросиньи был устроен особый поезд, под предлогом ее беременности и невозможности ехать спешно.

Были приняты и другие меры. Вену, где царевич собирался благодарить цесаря и «о некоторых своих нуждах просить», они миновали, проехав ночью и выехав рано утром, без ведома министров. В Брюне, где цесарь, оскорбленный таким тайным проездом через Вену, велел остановить путешественников, Толстой не допустил до объяснений с царевичем губернатора, который должен был объявить царевичу, что цесарь готов держать его у себя под покровительством, если то ему угодно, и что он может прекратить свое путешествие.

Четыре почты были остановлены в России, чтобы не прислан был царевичу какой-нибудь совет переменить свое намерение, которое содержалось в тайне.

В дальнейшей дороге все желания как царевича, так и Ефросиньи исполнялись беспрекословно. Служитель, повивальная бабка, священник высланы были ей навстречу. Нежная и частая переписка царевича с Ефросиньей получала полное содействие сопровождающих. Обещания беспрестанно повторялись. Даже из Твери, под Москву, за несколько дней до розыска и суда, очарованный царевич писал к Ефросинье, когда возвратился к нему Толстой, уезжавший из Риги предупредить царя: «Слава Богу все хорошо, я чаю, меня от всего уволят, что нам жить с тобою, будет Бог позволить, в деревне, и не до чего нам дела не будет...»

Обнадеженный, обольщенный, в полной уверенности и надежде жить спокойно и счастливо, в объятий любезной своей Ефросиньи, царевич приближался к Москве.

Остановимся здесь, чтобы собрать все рассеянные черты его характера, и постараемся составить о нем ясное понятие.

Царевич Алексей Петрович был не только не глуп, но даже очень умен, с примечательным рассудком; он был достаточно образован: объяснялся и писал по-русски и немецки хорошо, и если не любил заниматься, то и не прочь был от занятий; просил о доставлении ему книг, читал, делал выписки.

Он не любил войны, это правда, ибо свидетельствуется не только отцом его, но и им самим — в объяснениях цесарю и замечанием тещи: «Я натуру царевичеву знаю; отец напрасно трудится и принуждает его к военным делам: он лучше желает иметь в руках своих четки, нежели пистолеты».

От природы он был человек не деятельный и в этом отношении противоположный отцу. Занятий отцовых он не любил, утверждаемый в образе таких мыслей своими приближенными: «Когда позовут на обед или при спуске корабля, — говорил он, — лучше мне на каторге быть». Враги старались еще усиливать отвращение царевича к таким вещам, принуждая его стоять иногда на морозе и заставляя пить много, как заведено было Петром.

Впрочем, он любил сам попить и погулять и сознавался в этом пороке, складывая, однако, вину на Меншикова, который старался приучить его к питью, бывшему тогда в общей моде.

Надо сказать, что царевич не отличался скромностью и любил поболтать в кругу единомышленных с собою приятелей, под пьяную руку: «Когда будет государем, — передавали его слова, — он будет жить в Москве, а Петербург оставит простой город, также и корабли оставит и держать их не будет; а и войска, де, станет держать только для обороны, а войны иметь ни с кем не хотел, а хотел довольствоваться старым владением, и намерен был жить зиму в Москве, а лето в Ярославле».

Иностранцы свидетельствуют о его неосторожности: он, де, осуждал действия отца и грозился переказнить всех его любимцев, привести Россию в прежнее положение, если вступит на престол.

С женою, строгою, степенною, аккуратною немкою, он жил не слишком дружно — по разности характеров, привычек и правил; но невероятно, чтобы обращался с нею слишком жестоко. Нет, он только гулял от нее, как говорится, особенно спознавшись с Ефросиньею. В противном случае не мог бы он надеяться на заступничество тещи и свояченицы, к которым, спасаясь бегством, отнесся за покровительством. Двое детей, оставшихся плодами их брака, в трехлетнее, с промежутками, житье вместе, остались живыми доказательствами их супружеской связи. Наконец, кронпринцесса, по свидетельствам современников, постоянно огорчалась его болезнями, а он, по тем же свидетельствам, по кончине ее показал глубокую искреннюю скорбь.

План царевича вообще был *протянуть время*, прожить как-нибудь до смерти отца, которую вскоре предсказали ему монахи, которая и действительно казалась вероятною по причине частых и опасных его болезней, неосторожности, неумеренности, излишней лихорадочной деятельности.

Если бы были какие положительные доказательства его пороков, то они непременно были бы восстановлены и даже преувеличены в публичных обвинениях, но мы найдем там одни только общие выражения. И если бы Петр был особенно недоволен когда-либо, то верно нашлось бы указание о том в его письмах, коих он писал десятки в день. Но нигде не находим мы ни одного слова, ни одного намека о неудовольствии. И царевич, прося убежища у цесаря в Вене, говорил: «Я не виноват перед отцом: я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался. Теперь отец мой говорит, что я не гоюсь ни для войны, ни для правления, но у меня, однако ж, довольно ума, чтобы царство-

вать... Впрочем, отец ко мне был добр, но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже».

Важным несчастьем в его жизни и самым предосудительным поступком в глазах публики была страсть царевича к крепостной полоненной девке Вяземского, Ефросинье, которой судьба предоставила долю несчастнее, чем полонянке Екатерине. Он узнал ее, воротясь из предпоследнего путешествия, и привязался до безумия. Возвращаясь в Россию, он действительно позабыл, кажется, все и думал только о том, чтобы жениться на ней и жить в деревне, в каком-нибудь Рождествене или Обломове, ни об каких делах не заботясь. Пример отца и здесь имел некоторое участие: «Ведайте себе,— писал он единомышленникам, уже проехав русскую границу,— что я на ней женюсь; ведь и батюшка таким же образом учинил».

Вот царевич — со всеми его склонностями и пороками, со всеми своими умыслами и винами. Обратимся теперь к прерванному повествованию.

31 января, предупредив отца из Риги о выезде своем на другой день и поспешении, царевич приехал в Москву покойный и веселый.

А на третий день собраны в Кремлевском дворце сенаторы, министры, генералитет. Царь принимает в общем собрании сына, который подает ему просительное письмо, разумеется, подготовленное; потом исчисляет все его вины, произносит жестокие упреки и заключает: ты должен *отказаться от престола и открыть участников бегства*.

Произнесены неожиданные, роковые слова, которыми изменилось все лицо дела и определился весь его ход!

Затем Петр вышел с царевичем «в близ лежавшую камору», где они оставались несколько времени одни. Что происходило в этой каморе? Пусть вообразит, кто может, как сверкнули черные глаза Петра, какой звук послышался в его голосе и как затряслась поднятая рука!.. Царевич был потрясен страшно. Чуть слышным голосом, заикаясь, произнес он несколько имен — и тотчас поскакали курьеры сломя голову во все стороны отыскивать, хватать названных в Петербурге, в Суздале, в деревнях, в монастырях, под землю, на дне моря.

Между тем вице-канцлер Шафиров приготовил клятвенную запись. Все собрание отправилось в Успенский собор, где царевич пред крестом и Евангелием должен был прочесть ее и подписать.

И тогда же издан был во всенародное сведение царский манифест, в котором прописаны все вины царевича, за кои отрешен он от престола, а наследником назначен второй сын, Петр, хотя еще и «малолетен сущий»!

По крайней мере кончилось ли тем это дело? Нет, не кончилось, а только что начиналось: открой все, что думал, говорил, делал когда-нибудь, желал, ожидал, предполагал, а не то и пардон в пардон не будет.

Несчастный, не помня себя от страха, в смущении всех чувств, раскрывается мало-помалу, но ведь и память не могла сохранить все из десятилетия; внутреннее волнение могло затмить иное, и,

наконец, естественное желание сколько-нибудь менее повредить друзьям своим и приверженцам могло останавливать язык. Ему кажется всякий раз, что он сказал довольно, что остальное можно скрыть безопасно... Между тем свозятся со всех сторон свидетели; допросы за допросами, пытки за пытками, очные ставки, улики — и пошел гулять топор, пилить пила, хлестать веревка!.. Запаматованное, пропущенное, скрытое одним, вспоминается другим, третьим лицом, на дыбе, на огне, под учащенными ударами, и вменяется в вину первому, дает повод к новым встряскам и подъемам. Слышатся еще новые имена. Подавайте, всех сюда, в Преображенское!

Жену, сестер, дядей, теток, друзей, знакомых и незнакомых, архиереев, духовников, видевших, слышавших могших догадываться. Мы знать не знаем ничего, ведать не ведаем. Не знаете, не ведаете — в застенок! И мучатся несчастные, истекают кровью, изнывают страхом и ожиданием. Они взводят на себя и на других напраслину и вследствие ее подвергаются новым пыткам — по три, по пяти, по десяти раз! Уж и дыба устала, застенок шатается, топор иступился, кнут измочалился...

А оговаривается людей все больше и больше; от друзей царевича уж очередь доходит до собственных друзей и наперсников царя: князь Яков Федорович Долгорукий, граф Борис Петрович Шереметев, князь Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович Голицыны, Боур, Стефан Яворский, Иов Новгородский, митрополит Киевский, епископы: Ростовский, Крутицкий, даже Ромодановский, Стрешнев, сам Меншиков подвергаются подозрению...

14, 15 и 16 марта совершены первые казни — над Глебовым, Кикиным, Досифеем, несколькими боярами, боярынями, монахами, монахинями, подьячими служителями: кто колесован, кто повешен, у кого вырваны ноздри, у кого отрезан язык, кто посажен на кол, кто высечен кнутом...

Казалось, в Москве и дышать стало тяжело, все покрылось мглой, люди шатались как тени, и в воздухе слышался, кажется, смрад. Надо было переменить место, отдохнуть, освежиться, — и Петр, с остальными жертвами, страшным поездом отправляется в Петербург — для новых розысков.

Прошел месяц. Приехала из-за границы Ефросинья, которая вскоре разрешилась от бремени в крепости. С нее взяты новые показания. Она приведена на очную ставку с царевичем, и он должен был вместо радостной вести о жданном дитяти услышать от своей возлюбленной страшные улики!

Начались новые допросы и новые пытки.

13 июня наряжен суд из 127 первых сановников государства. Докладывают, разбирают, исследуют, а между тем пытки продолжают в самом сенате, пред лицом всех верховных судей. Перо отказывается описывать все эти ужасы, возмущающие природу... Ходят слухи, что царевич помешался в уме и пьет мертвую*.

19 июня царевич Алексей Петрович подвергнут первым пыткам. Пытки продолжались и в следующие дни... И все эти дни

* Из чего можно заключить, что в вине ему отказано не было.

страшного розыска Петр — в делах: этими днями подписаны им указы о соединении церкви восточной с западною, об устройстве коллегий, об учреждении и открытии полиции, и вместе — о предметах второстепенной важности и даже самых мелких и ничтожных: о собирании натуральных уродов и всяких редкостей, о починке ветхостей, о разведении садов, о сохранении и употреблении лесов, о проведении каналов, об избрании должностных лиц, о содержании нищих, об учреждении фабрик, о позволении и запрещении привоза товаров, о собирании недоимок...

А 24 июня верховный суд единогласно, без всякого прекословия (и кому же было прекословить) приговорил царевича Алексея Петровича к смертной казни. «Потому что, — сказано в заключении, явно, что он не хотел получить наследства по кончине отца прямою и от Бога определенною дорогою, а намерен был овладеть престолом через бунтовщиков, через чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска, с разорением всего государства, при животе государя, отца своего. Весь свой умысел и многих согласных с ним людей таил до последнего розыска и явного обличения в намерении привести в исполнение богомерзкое дело против государя, отца своего, при первом удобном случае».

Смертный приговор произнесен, а допросы и пытки все еще продолжают... Наконец, 26 июня «пополуночи в 8-ом часу, — значится в записной крепостной книге, — начали собираться в гварнизон: его величество, светлейший князь, Яков Федорович, Гаврило Иванович, Федор Матвеевич, Иван Алексеевич, Тихон Никитич, Петр Андреевич, Петр Шафиров, генерал Бутурлин, и учинен застенок, и потом, быв в гварнизоне до 12-го часа, разъехались».

«Того же числа, пополудни в 6-ом часу, будучи под караулом, в Трубецком раскате, в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».

Как произошла эта смерть?

Царевич измучился, умер от истощения сил, это ясно, а как приведена была последняя минута: ядом, топором, или была произведением удара, за пять часов полученного, — не все ли то равно?

На другой день, 27 июня, в воспоминание Полтавской победы, царь со всеми приближенными был у обедни в Троицком соборе и принимал поздравления, а вечером тело царевича было положено в гроб и вынесено в губернаторский дом. Затем гости прибыли в сад его царского величества, где довольно веселились; в 12 часу разъехались по домам. Накануне погребения, в день именин, был обед в летнем дворце, спуск самого большого корабля, Петром построенного, фейерверк и пир до двух часов ночи.

В понедельник, июня 30-го, последовало церемониальное отпевание и погребение царевича в присутствии царя, царицы и двора. Все прощались и целовали его руку.

Рисунок
ВЛАДИМИРА
ПЛЕВИНА

СНЫ ПОРГА СОМЕРСЕТ МОЭМ МАУНТДРАГО

Доктор Одлин бросил взгляд на стоявшие у края письменного стола часы. Было без двадцати шесть. Пациент опаздывал, и доктора это удивило: лорд Маунтдраго гордился своей пунктуальностью и был так высокомерен, что любая малозначащая фраза в его устах звучала как эпиграмма. Тем не менее он опаздывал, хотя договорился с доктором на половину шестого.

Доктор Одлин не относился к тем, на кого сразу обращаешь внимание. Он был высок, худощав, немного сутулился, волосы его поседели, а вытянутое, желтоватое лицо избороздили глубокие морщины. Ему недавно исполнилось пятьдесят, но выглядел он гораздо старше. В его больших водянисто-голубых глазах светилась усталость. Понаблюдав немного за доктором, вы непременно бы заметили: взгляд его странным образом неподвижен и застывает на вашем лице, однако он кажется настолько невыразительным, что неудобства от этого вы не испытываете. В этих глазах редко загорался огонек, по их выражению невозможно было определить, о чем думает доктор. Внимательного наблюдателя не могло бы не удивить то, что доктор редко моргает. У него были большие ладони и длинные пальцы, сужавшиеся к ногтевым фалангам, — мягкие, но сильные, холодные, но не влажные. Одевался доктор Одлин неброско, отдавал предпочтение темным тонам. Галстуки тоже носил черные, и на фоне темного одеяния болезненное морщинистое лицо казалось еще более бледным, а глаза — водянистыми. Казалось, он страдает тяжелым недугом.

Доктор Одлин был психоаналитиком, но специализировался в этой области случайно и все последующие годы мучился сомнениями. До войны он еще не успел выбрать специальность и набирался опыта в самых разных клиниках; после начала военных действий записался добровольцем и вскоре был отправлен во Францию.

Именно тогда у него обнаружился особый дар — умение унять боль наложением рук и навевать сон тихим разговором. Говорил он медленно, голос его звучал монотонно, но мелодично, негромко и убаюкивающе. Некоторые случаи из его практики казались самыми настоящими чудесами: так, он вернул дар речи солдату, засыпанному землей после взрыва, возвратил подвижность летчику, которого парализовало после крушения аэроплана. Доктор не понимал, откуда взялся этот его дар, — он был скептиком, и, хотя говорят, что для целителя главное — вера в себя, ее-то как раз у него и не было. Лишь плоды его деятельности, очевидные даже для самого предубежденного наблюдателя, заставляли признать: да, он обладает неким даром, таинственным, позволяющим делать совершенно необъяснимые вещи.

Когда война окончилась, доктор Одлин отправился на стажировку в Вену, затем в Цюрих. Через какое-то время он обосновался в Лондоне и стал применять на практике свои чудесным образом обретенные возможности. С тех пор прошло уже пятнадцать лет, и доктор завоевал отменную репутацию. Ходили слухи о его чудесных исцелениях, от пациентов не было отбоя, но

доктор не почивал на лаврах и, несмотря на более чем щедрые гонорары, принимал всех, кого успевал принять. Он знал, что результатов добился замечательных: спасал людей, замысливших самоубийство, избавлял от бреда, от невыносимо тягостных переживаний, помогал найти общий язык, казалось бы, окончательно разочаровавшимся друг в друге молодоженам. И все же в глубине души подозревал, что он, в сущности, ничем не лучше знахаря.

Капитал у него скопился немалый, и доктор мог бы уже удалиться на покой. Он вдоль и поперек перечитал Фрейда и Юнга, проштудировал труды прочих классиков психоанализа, но это не дало ему удовлетворения; в глубине души он был уверен: все их теории — сплошное фокусничанье. Тем не менее результаты его собственной деятельности были налицо, сомневаться тут не приходилось. Какие только человеческие типы за эти пятнадцать лет не проходили перед его глазами в унылом кабинете на Уимпол-стрит! Откровенность давалась людям поразному: кому легко, кому мучительно. Ко всему этому доктор давно привык, ничему более не удивлялся и сохранял полнейшее спокойствие. Теперь он знал: человеческие существа лживы, тщеславны и суетны, но помнил заповедь: не судите да не судимы будете.

На часах было уже без пятнадцати шесть, но пациент не появлялся. Его болезнь была одной из самых странных за всю долгую практику доктора Одлина. Личность же больного придавала его недугу особенно злобещий характер. Лорд Маунтдраго был человеком незаурядным, в самом расцвете лет. Ему не исполнилось и сорока, когда он получил портфель министра иностранных дел. Прошло три года, и он сумел перестроить внешнюю политику страны на свой лад. Никто не мог бы возражать против того, что среди консерваторов он — самый многообещающий политический деятель. Если б отец его не был пэром Англии и после его смерти лорд Маунтдраго не должен был бы унаследовать его титул и покинуть палату общин, он мог бы претендовать на пост премьер-министра. Но ничто не могло помешать ему оставаться министром иностранных дел иправлять внешней политикой.

Лорд Маунтдраго обладал многими достоинствами: он был умен, энергичен, объездил весь мир и свободно говорил на многих языках. Выглядел лорд весьма представительно — высокий, статный, правда, чуть полноватый, но это придавало ему солидность и играло на руку. В юности он был хорошим спортсменом — гребцом оксфордской восьмерки и превосходным стрелком, одним из лучших в Англии. В двадцать четыре года лорд женился на восемнадцатилетней девушке, чей отец был герцогом, а мать — дочерью американского толстосума, — сие сочетание знаменовало союз знатности и богатства. У них родилось двое сыновей. С женой он уже несколько лет жил раздельно, но этого не афишировал. Лорд Маунтдраго, без сомнения, был честолюбив и прилагал много усилий, дабы тешить свое тщеславие. Кроме того, его можно было бы назвать завзятым снобом.

Доктор Одлин чуть не отказался лечить этого человека. Секретарь министра заявил врачу по телефону, что его превосходительство нуждается в услугах доктора и просит его пожаловать к себе в апартаменты завтра к десяти утра. Доктор Одлин ответил, что прийти не сможет, но с удовольствием примет лорда у себя послезавтра вечером, часов в пять. Доложив министру об ответе врача, секретарь очень скоро перезвонил и сообщил, что лорд Маунтдраго настаивает на своем приглашении и согласен оплатить доктору любой счет, какой бы тот ни представил. Доктор сказал на это, что принимает пациентов только в своем кабинете, и совершенно недвусмысленно заявил: если лорд Маунтдраго не сможет к нему явиться, их встреча не состоится. Через четверть часа посыльный принес записку. Его превосходительство извещал, что прибудет к доктору в пять вечера, но только завтра.

Войдя в кабинет, лорд Маунтдраго остановился на пороге и смерил доктора с ног до головы уничижительным взглядом. Врач понял, что посетитель в эту минуту не владеет собой, и молча посмотрел на него своими немигающими глазами. Перед ним стоял высокий, полный мужчина с седеющими волосами, зачесанными назад и открывавшими высокий лоб аристократа; одутловатое лицо с правильными чертами выделялось отсутствием растительности и надменным выражением.

— К вам попасть не легче, чем к премьеру, доктор Одлин. А я, учтите, человек крайне занятой.

— Не желаете ли присесть? — предложил врач и сел за свой письменный стол.

Министр все еще стоял на месте, лицо его помрачнело.

— Думаю, вам надо знать, что я занимаю пост министра иностранных дел, — сказал он с особым значением.

— Может, присядете? — повторил доктор.

Лорд Маунтдраго сделал движение, выдававшее его горячее желание повернуться на каблуках и удалиться из комнаты. Но, даже если намерения его действительно были таковы, он совладал с собой и сел. Доктор Одлин раскрыл толстый журнал для записей, взял ручку и приготовился записывать.

— Сколько вам лет?

— Сорок два.

— Вы женаты?

— Вот уже восемнадцать лет.

— Дети у вас есть?

— Два сына.

Доктор заносил в журнал сведения, сообщенные лордом Маунтдраго в его односложных ответах. Затем откинулся в кресле и после долгой паузы спросил, растягивая слова:

— Что же привело вас ко мне?

— Я о вас слышан. Леди Кэнут говорит, что вы ей очень помогли.

— Чудеса — не по моей части, — протянул наконец доктор. На устах его мелькнуло слабое подобие улыбки. — Королевское терапевтическое общество не одобрило бы мою деятельность.

Лорд коротко хмыкнул. Похоже, его враждебность пошла на

убыль. Во всяком случае, заговорил он более дружелюбно.
— Репутация у вас замечательная. Больные вам безоговорочно верят.

— Что же все-таки привело вас ко мне? — повторил Одлин. Казалось, министру было трудно ответить на этот вопрос. Доктор терпеливо ждал. Наконец лорд набрался решимости и заговорил.

— Я совершенно здоров. На днях меня обследовал мой личный врач, сэр Огастес Фицгерберт, — надеюсь, вы о нем слышали. Так вот, он заявил, что у меня организм тридцатилетнего. Работаю я много, но не устаю — работа мне нравится. Курю очень мало, к спиртному почти не притрагиваюсь, делаю гимнастику и вообще веду здоровый образ жизни. Так что могу без преувеличения назвать себя человеком крепким, бодрым и полным сил. Полагаю, вам кажется глупостью и ребячеством, что я обратился к вам.

Доктор понял, что должен ободрить пациента.

— Не знаю, смогу ли я чем-нибудь вам помочь, однако попытаюсь. Вас, очевидно, что-то беспокоит?

Лорд Маунтдраго насупился.

— Работа моя крайне ответственна. Приходится принимать решения, от которых зависит благоденствие страны и мир во всем мире. Такие решения должны быть взвешенными и приниматься в трезвом рассудке. Я считаю необходимым устранить любую помеху, способную помешать мне исполнить долг перед родиной.

Пока министр говорил, доктор Одлин не сводил с него глаз. Ему удалось заметить многое. Высокомерие и заносчивость посетителя не заслонили от врача терзавшее этого человека гнетущее беспокойство.

— Я попросил вас прийти ко мне по той причине, что на собственном опыте убедился: откровенность легче дается в унылой обстановке врачебной приемной, чем дома, где все вокруг слишком хорошо знакомо.

— М-да, обстановка действительно унылая, — проговорил лорд Маунтдраго с иронической улыбкой, после чего замолк. Чувствовалось, что этот самоуверенный, энергичный и решительный человек сейчас в полной растерянности, глаза выдавали снедавшую его тревогу. Наконец он снова заговорил, на сей раз с деланной сердечностью:

— Дело это настолько пустячное, что я с трудом решился обратиться по этому поводу к вам. Боюсь, вы посоветуете мне не валять дурака и поберечь ваше драгоценное время.

— Порой и пустяки могут оказаться важными, будучи симптомами глубоко укоренившегося недуга. А что касается моего времени, оно всецело в вашем распоряжении.

Министр набрался храбрости и начал излагать суть дела.

— Меня беспокоят весьма неприятные сны. Началось это совсем недавно. Конечно, обращать внимание на них не следовало бы, это ведь глупо, но, по правде говоря, они действуют мне на нервы.

— Опишите хотя бы один сон.

Лорд Маунтдраго попытался беззаботно улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

— Они все какие-то дурацкие. Даже неловко рассказывать.

— Ничего страшного.

— Так вот, первый раз я увидел подобный сон примерно месяц назад. Якобы я прибыл на званый обед в особняке лорда Коннемара. Прием был официальным — ждали прибытия короля и королевы. Все были при своих регалиях, на мне тоже была орденская лента с наградами. В прихожей я задержался — снимал пальто. Рядом стоял некий Оуэн Гриффитс, коротышка-депутат от Уэльса. По правде говоря, увидев его, я удивился: он ведь, в сущности, простой мужлан! Ну, думаю, Лидия Коннемара слишком далеко зашла в своей демократичности. Интересно, кого она пригласит в следующий раз? Гриффитс бросил на меня удивленный взгляд, но я сделал вид, что не заметил коротышку, и стал подниматься вверх по лестнице. Вы ведь не бывали в этом доме?

— Не доводилось.

— Где уж вам! В таких домах собирается избранное общество. Само здание довольно вульгарное, но мраморная лестница до некоторой степени спасает положение. Чета Коннемара встречала гостей на верхней площадке. Поздоровавшись со мною за руку, хозяйка дома окинула меня удивленным взглядом и захохотала. Я не обратил на это внимания — она ведь женщина глупая и невоспитанная, ничуть не лучше пресловутой Нелл Гвин, актрисы, которую Карл II в награду за некоторые услуги сделал герцогиней. Говорят, в жилах Лидии течет та же кровь. Я шел и шел по залам — они в доме Коннемара довольно внушительные. Навстречу то и дело попадались знакомые, я здоровался с ними, пожимал руки. Потом я заметил немецкого посла, беседовавшего с австрийским эрцгерцогом. Мне тоже надо было перемолвиться парой слов с этим вельможей, и я направился прямо к ним. Подойдя, протянул было руку, но тут эрцгерцог, заведя меня, разразился хохотом. Я был глубоко задет, смерил его возмущенным взглядом, но он засмеялся еще громче. Вдруг собравшиеся, словно по команде, замолкли: появилась королевская чета. Повернувшись спиной к эрцгерцогу, я шагнул вперед и тут внезапно заметил: НА МНЕ НЕТ БРЮК! Я был в коротких шелковых панталонах, к которым малиновыми подтяжками были пристегнуты чулки. Трудно сказать, что я почувствовал, — какой-то пароксизм стыда. Я проснулся в холодном поту и испытал огромное облегчение, когда понял, что это был всего лишь сон.

— Такого рода сны не так уж необычны, — проговорил доктор Одлин.

— Вполне возможно. Но самое странное произошло на следующий день. В кулуарах Палаты общин я столкнулся с этим типом, Гриффитсом. Он окинул взором мои ноги, посмотрел мне в глаза и — я почти в этом уверен — подмигнул! Мне в голову пришла смешная мысль: он ведь присутствовал на приснившемся мне приеме и видел меня в исподнем; не потому ли он надо мной потешается? Но ведь все это происходило во сне.

Я бросил на Гриффитса ледяной взгляд и прошел мимо.

Лорд Маунтдраго достал из кармана платок и вытер вспотевшие ладони. Он больше не пытался скрывать свое волнение.

— Расскажите мне еще какой-нибудь сон.

— На следующую ночь мне приснилось нечто еще более нелепое. Я оказался в парламенте. Шли внешнеполитические дебаты, важные для судеб не только нашей страны, но и всего мира. Правительство решило сменить стратегию, и от этой дискуссии зависело будущее Британской империи. Это был исторический день. Собрался весь дипломатический корпус, даже яблоку негде было упасть. Мне предстояло выступить с речью. Я весь трепетал от ощущения, что мир покоится на краешке моих губ. Если вам доводилось когда-нибудь бывать в Палате общин, вы знаете, как депутаты болтают между собой, шуршат бумагами, проглядывают отчеты, не обращая внимания на выступающего. Когда заговорил я, в зале воцарилась мертвая тишина. Неожиданно я перехватил взгляд наглого коротышки Гриффитса, сидевшего на скамье оппозиции, и увидел, что он показывает мне язык. Может, вы слышали когда-нибудь такую пошлую песенку «На тандеме» — ее уже много лет распевают в мюзик-холлах. Так вот, желая выказать полнейшее презрение Гриффитсу, я запел эту песенку и пропел целиком первый куплет. Зал застыл от изумления, потом со скамьи оппозиции закричали: «Слушайте! Слушайте!» Я поднял руку, призывая к молчанию, и запел второй куплет. Вся палата обратилась в слух, но я почувствовал, что молчание это вовсе не восхищенное. Меня разобрала досада: голос у меня хороший — сочный баритон, — и я надеялся, что коллеги воздадут мне должное. Когда я затянул третий куплет, депутаты начали смеяться; хохотали все — дипломаты, дамы, знатные иностранцы, репортеры. Только на правительственной скамье не смеялись. Министры сидели прямо передо мной, словно окаменевшие. Тут наконец до меня дошла чудовищность моего поведения — ведь я стал всеобщим посмешищем. Теперь не оставалось ничего иного, как подать в отставку. С этой мучительной мыслью я проснулся...

Лорд Маунтдраго держался теперь далеко не так величаво. Он был бледен и весь дрожал, но все же сумел взять себя в руки. С его трясущихся губ сорвался принужденный смешок:

— Все это было страшно нелепо. Впрочем, я постарался сразу же забыть о своем сне. Отправившись днем в Палату, я чувствовал, что полон сил. Дебаты были какими-то тягучими, но мое присутствие на них было необходимо, и поэтому я занялся кое-какими текущими бумагами. Потом почему-то отвлекся от них, поднял голову и увидел: выступает Гриффитс, депутат от Уэльса. Ждать от этого человека чего-то, достойного моего внимания, не приходилось, и я собрался было вернуться к моим бумагам, когда он вдруг процитировал две строчки из песенки «На тандеме». Не удержавшись, я посмотрел на него. Он ел меня глазами и ядовито усмехался.

В кабинете воцарилось молчание. Доктор Одлин разглядывал министра, а тот, в свою очередь, доктора.

— Слушать, как кто-то рассказывает тебе свои сны, довольно

утомительно, — заметил лорд Маунтдраго. — Моей супруге иногда что-то снилось, и на следующий день она непременно все пересказывала мне со всеми подробностями. Я чуть ли не на стену лез.

— Меня вы не утомляете, — едва заметно улыбнулся доктор.

— Тогда расскажу вам еще один сон. Я отправился в паб, расположенный в Лаймхаузе¹. Надо вам сказать, в этом районе я ни разу в жизни не бывал, да и в пабы не заглядывал с тех пор, как окончил Оксфордский университет. И все же я ясно видел улицу и этот паб, как будто часто бывал в тех местах. Войдя, я увидел камин, рядом стояли большое, обтянутое кожей кресло и маленький диванчик; стойка бара тянулась через всю комнату. У двери стоял круглый столик с мраморным верхом, рядом было два стула. Субботний день уже клонился к вечеру, и в пабе теснился народ. Я был одет как простолюдин, в руке держал кепку, вокруг моей шеи был повязан платок. Звучала музыка — играл не то граммофон, не то радиоприемник; перед камином две женщины извивались в каком-то странном танце. Вокруг собрались люди, они смеялись, хлопали в ладоши, подпевали. Кто-то спросил меня: «Выпьем, Билл?» На столе стояли кружки с каким-то темным напитком, который, насколько я понимаю, называют элем. Мужчина, заговоривший со мною, подал мне кружку. Не желая привлекать к себе внимания, я ее осушил. Одна из танцевавших женщин вдруг оторвалась от другой и вцепилась в мою кружку. «Эй, в чем дело?! Кружка-то моя!» — вознегодовала она. «О, простите, — ответил я. — Этот джентльмен предложил мне выпить и налил эль в эту кружку, поэтому я решил, что могу ею воспользоваться». «Ладно, парень, — успокоилась женщина, — я на тебя не в обиде. Пошли-ка танцевать!» Не успел я и рта раскрыть, чтобы отказаться, как она вытащила меня на середину круга, и мы отчебучили какой-то танец. Затем я очутился в кресле, на коленях у меня сидела женщина, и мы пили эль из одной кружки. Должен вам сказать, я никогда не уделял большого внимания сексу и был слишком занят, чтобы затевать какую-нибудь интрижку. Кроме того, величайшее достоинство политического деятеля — незапятнанная репутация, особенно в личной жизни.

Женщина, сидевшая у меня на коленях, была некрасива, немолода и к тому же пьяна; в общем, просто старая грязная шлюха. Я чувствовал к ней отвращение, и все же, когда она присосалась к моим губам и я ощутил запах пива и гнилых зубов, мне стало ясно: я ее хочу. Вдруг раздался чей-то голос: «Молодцом, старина, расслабиться всегда приятно». Я поднял голову. Это был Оуэн Гриффитс. «Не обращай на него внимания, — сказала женщина. — Ходят тут всякие, суют нос в чужие дела». «Ладно, ладно, — ухмыльнулся Гриффитс. — Можно подумать, я не знаю Молли. Заплатишь денежки — не пожалеешь».

Знаете, больше всего задело не то, что он застиг меня в таком

¹ Рабочий район в Ист-Энде, недалеко от лондонских доков. (Прим. переводчика.)

дурачком положении, а его фамильярность — как может депутат обращаться к министру «старина»? Я все-таки сбросил женщину с коленей, встал и посмотрел Гриффитсу прямо в глаза: «Я вас не знаю и знать не хочу!» «Зато я тебя знаю!» — заявил он и, повернувшись к женщине, добавил: — Молли, последи, чтобы он не забыл отдать тебе деньги. Он горазд на такие штуки».

На столике рядом со мной стояла пустая пивная бутылка. Я молча схватил ее за горлышко и со всей силой трахнул нахала по голове. В этот удар я вложил столько сил, что сразу же проснулся.

— Прекрасно понимаю, почему некоторые видят подобные сны,— сказал доктор Одлин.— Так природа мстит людям, обреченным на безупречное поведение.

— Дурацкий сон. Но я рассказал вам его не просто так. Главное здесь то, что произошло на следующий день. Мне нужно было навести кое-какие справки, и я зашел в парламентскую библиотеку. Добыв нужную книгу, углубился в чтение. Сперва я и не заметил, что рядом стоит Гриффитс. Но к нему подошел его приятель-лейборист. «Привет, Оуэн. Что-то ты сегодня еле живой!» «Голова ужасно болит,— пожаловался Гриффитс.— Как будто мне череп раскроили бутылкой».— Лицо лорда Маунтдраго мучительно исказилось.— В тот момент я понял: моя догадка верна, Гриффитс видит те же сны, что и я, и тоже их запоминает.

— Это может быть простым совпадением.

— В последний раз Гриффитс обращался не столько к приятелю, сколько ко мне. Он глядел на меня сердито и обиженно.

— Как по-вашему, почему вам все время снится именно этот человек?

— Не знаю.

Одлин не сводил глаз с лица лорда Маунтдраго. Он понимал, что пациент говорит неправду. В руке доктор держал карандаш и машинально рисовал какой-то узор в блокноте.

— Сон, о котором вы только что рассказали, приснился вам более трех недель назад. С тех пор вам что-нибудь снилось?

— Да. Каждую ночь.

— И всякий раз вы видели Гриффитса?

— Да. Доктор Одлин, вы должны мне помочь. Если все это не кончится, я сойду с ума. Мне страшно ложиться в постель. Я уже трое суток не сплю — сижу и читаю, а когда меня одолевает дремота, надеваю пальто и хожу вокруг дома до полного изнеможения. Но не могу же я не спать совсем! Специфика моей работы требует, чтобы я всегда был в хорошей физической форме. Мне нужен полноценный отдых, однако сон не приносит облегчения. Чуть закрою глаза — сразу вижу его, этого наглого, вульгарного коротышку. Он ухмыляется, издевается надо мной, демонстрируя свое презрение. Это какая-то чудовищная пытка! Поверьте, доктор, я не таков, каким вижу себя во сне, никогда не веду себя столь недостойно, обо мне нельзя судить по моим снам! Спросите кого хотите — любой подтвердит, что я человек честный, порядочный и выдержанный. Мой моральный облик вне всякой критики. Чтобы стать тем, кто я есть, мне пришлось пожертво-

вать всем. Я упоминал о трех снах; все бы ничего, если б этот тип не видел, как я совершаю ужасные, постыдные, отвратительные поступки, о которых никогда бы ему не рассказал — скорее покончил бы с собой. Но он о них знает! Я едва выношу отвращение и насмешку, с которыми он позволяет себе смотреть на меня. Боюсь говорить в его присутствии, потому что знаю: мои слова для него — пустая и лживая болтовня. Он видел, как я совершаю поступки, которые ни один мало-мальски уважающий себя человек не совершит, поступки, за которые людей изгоняют из общества, сажают в тюрьму; он слышал мои глупые речи, не столько смешные, сколько непристойные. Он меня презирает и не пытается даже этого скрывать! Говорю вам: если вы не сумеете мне помочь, я убью себя — или его!

— На вашем месте я не стал бы этого делать, — невозмутимо отозвался доктор Одлин. — В нашей стране с убийцами, знаете ли, обходятся строго.

— Ну, меня не вздернут, если вы это имеете в виду. Кому придет в голову, что в его смерти виновен я? И я теперь знаю, что делать. Ведь он наяву ощущает все, что происходит с ним во сне. В следующий раз в руках у меня будет не бутылка, а кое-что посущественнее. Как-нибудь во сне я обнаружу в кармане нож или пистолет. Можете быть уверены, своего шанса не упущу, подкочу этого мерзавца, как свинью, или пристрелю, как бешеного пса, и таким образом избавлюсь от дьявольского наваждения.

Похоже, лорд Маунтдраго действительно повредился в уме. За долгие годы, посвященные врачеванию страждущих человеческих душ, доктор Одлин осознал, насколько сглажена грань, отделяющая тех, кого мы зовем нормальными людьми, от других, считающихся психическими больными. Во всяком случае, перед доктором был пациент с расшатанными нервами, и определить сразу его недуг было невозможно. Болезнь странного сновидца была не из обыденных, но удавалось же доктору Одлину выходить из положения в других, не менее сложных случаях!

— Вы обращались к кому-нибудь из моих коллег? — спросил он.

— Только к сэру Огастесу. Ему я сказал лишь, что по ночам меня мучают кошмары. Он заявил, что это переутомление, посоветовал отправиться в морской круиз и выписал успокаивающие таблетки. Они не помогли. Тогда он назначил тонизирующие препараты. От них мне стало хуже. Он никакой не специалист, а просто старый осел!

— Можете ли вы сказать, почему в ваших снах все время появляется именно этот человек?

— Вы меня уже спрашивали, и я вам ответил.

— Как по-вашему, почему Оуэн Гриффитс вас преследует?

— Не имею понятия.

Веки лорда Маунтдраго дернулись. Доктор мог бы поклясться, что пациент сказал неправду.

— Вы причинили ему зло?

— Вовсе нет.

Министр сидел неподвижно, но у доктора Одлина возникло

странное ощущение, что этот человек как бы съезжился.

— Вы уверены, что не сделали ему ничего плохого?

— Вполне уверен. Похоже, вы так и не поняли, что мы с ним обращаемся в совершенно разных сферах. Не хотелось бы излишне это педалировать, но вынужден напомнить: я министр, а он рядовой депутат от лейбористов. Так что наше общественное положение несопоставимо.

— Боюсь, что не смогу вам помочь, если вы не скажете мне всю правду.

Брови лорда Маунтдраго поползли вверх, в голосе зазвучали неприятные визгливые нотки.

— Я не привык к тому, чтобы мои слова брали под сомнение, доктор. Если вы будете продолжать в том же духе, все последующее окажется лишь напрасной тратой времени. Дайте знать моему секретарю, какой гонорар с меня причитается, и он проследит, чтобы вам выслали чек.

Устремив на лорда пронизывающий взгляд, доктор Одлин торжественно спросил низким голосом:

— Сделали вы этому человеку что-то такое, что могло бы заставить его страдать?

— Только если считать его пустоголовым грубым скотом! — угрюмо ответил лорд Маунтдраго.

— Но ведь по вашему описанию он таков и есть!

Министр глубоко вздохнул, и доктор Одлин понял: пациент теперь расскажет то, что так долго пытался утаить. Больше не было нужды настаивать. Он отвел взгляд и принялся чертить в своем блокноте какие-то геометрические фигуры. На две-три минуты в комнате воцарилась полная тишина.

— Что ж, я готов рассказать все, что может быть вам полезным. Я не упоминал об этом лишь потому, что считал несущественным. На прошлых выборах Гриффитса избрали в парламент. Почти с самого начала он доставлял всем одни неприятности. Отец его — шахтер, да и сам он мальчишкой работал в шахте. Потом подвизался в качестве учителя и журналиста. Эдакий новоиспеченный интеллигент из рабочих с непомерным самомнением, завиральными идеями и невыполнимыми проектами. Сейчас таких много развелось — у нас ведь обязательное среднее образование. Лейбористские заправилы стали его часто выпускать на трибуну. С самого начала у меня вызывали отвращение его визгливый голос и престоноародный выговор. Он интересовался внешней политикой и вскоре решил, что стал великим докой, — такого количества дурацких вопросов мне никто никогда не задавал. До меня дошел слух, что ему прочат министерский портфель, если лейбористы придут к власти. Говорили даже, что его в этом случае назначат министром иностранных дел. Звучит смешно, но в нашем отечестве и не то бывало. Скажу откровенно: я решил поставить его на место.

Как-то раз мне пришлось подводить итоги внешнеполитических дебатов, которые открывал Гриффитс. Он дурил нам голову целый час. Я подумал: вот хорошая возможность утереть ему нос. Так и сделал! Разнес его тезисы в пух и прах. Всем продемонстрировал, что он не умеет логически мыслить и к тому

же плохо образован. Самое грозное оружие в парламенте — насмешка. В тот день я был в ударе, и вся палата заходила от смеха. Это меня возбуждало, и я на ходу придумывал все новые и новые остроты. Лейбористы сидели бледные и притихшие, но пару раз я заметил, что смеется даже кое-кто из них. Некоторые люди получают удовольствие от того, что их товарища или удачливого соперника выставляют круглым дураком. Он весь поник, лицо его побелело. Закончив речь, я понял: он уничтожен, больше ему никогда не подняться. Шансов стать министром у него теперь не больше, чем у полисмена, стоящего у входа. Потом мне сказали, что в тот день полубоваться на него приезжали его земляки, а с ними его мать и отец, старый шахтер. Насладиться хотели, видите ли, его триумфом. Что же, вместо триумфа пришлось лицезреть его позор и унижение. В парламент он в свое время пробился с трудом, и не исключено, что этот эпизод будет стоить ему мандата. Впрочем, это меня уже не касается.

— Не будет ли преувеличением сказать, что вы оборвали его карьеру? — спросил доктор Одлин.

— Пожалуй, нет.

— Вы причинили ему немалое зло.

— Сам виноват.

— И вас никогда не мучила совесть?

— Ну, знай я, что в зале его мать и отец, пожалуй, обошелся бы с ним не так сурово.

Больше вопросов у доктора не было. Он решил сразу же начать лечение, используя метод, который в данном случае казался ему наилучшим. Доктор Одлин внушал пациенту, что тот должен спать крепко, без сновидений, а если все же увидит сон, его следует тут же забыть. Но напрасно — лорд Маунтдраго не поддавался гипнозу. Промучавшись час, доктор отпустил его.

С тех пор они встречались раз пять-шесть. Однако лечение не действовало — каждую ночь лорда преследовали кошмары. Ясно было, что долго так продолжаться не может, — организм больного работал на износ. Лорд Маунтдраго превратился в комок нервов; его бесило, что от всех священнодействий доктора нет никакого толку, однако он не находил в себе сил, чтобы прервать лечение. Это была его последняя надежда, да и возможность открыто говорить с доктором о своих терзаниях приносила облегчение. Наконец доктор Одлин пришел к заключению, что есть лишь один способ помочь больному — тот должен помочь себе сам. Однако доктор успел уже неплохо изучить лорда Маунтдраго и понимал, что по своей воле он никогда на это не пойдет. Ему не позволят врожденная гордость и чувство собственного достоинства. Одлин продолжал применять гипноз и после нескольких сеансов обнаружил, что больной понемногу становится более к нему восприимчив. В конце концов ему удалось вызвать у больного гипнотический сон. Низким, монотонным голосом он врачевал истрепанные нервы пациента. Некоторые слова повторял несколько раз подряд. Лорд Маунтдраго лежал неподвижно,

с закрытыми глазами; он равномерно дышал, мышцы были расслаблены. Наконец доктор произнес давно заготовленную фразу:

— Вы подойдете к Оуэну Гриффитсу и скажете: вам очень жаль, что вы причинили ему зло, и вы сделаете все возможное, чтобы искупить свою вину.

Эти слова вызвали у больного такую реакцию, какую мог бы вызвать удар хлыстом по лицу. Сон мигом соскочил с него, и он резко встал. В глазах горело пламя ярости, проклятия и ругательства сыпались как из рога изобилия.

— Да я скорее в петлю полезу, чем стану просить прощения у этого наглого валлийского коротышки!

— На мой взгляд, для вас это единственный способ обрести покой.

Не часто доктору доводилось видеть человека в такой безудержной ярости. Лицо лорда Маунтдраго покраснелось, глаза были выпучены, на устах выступила пена. Врач взирал на него с ледяным спокойствием, ожидая, пока буря сама собой утихнет. Наконец организм больного, ослабленный несколькими неделями непрерывного напряжения, взял свое — лорда охватила слабость.

— Сядьте! — решительно скомандовал доктор Одлин.

Министр чуть ли не упал в кресло.

— Господи, по-моему, я совсем выдохся. Посижу пару минут, потом пойду.

Они некоторое время присидели в полной тишине. Лорд Маунтдраго, конечно, был груб и хамоват, но в нем все же имелось что-то от джентльмена. Взяв себя в руки, он заговорил:

— Боюсь, я проявил по отношению к вам несдержанность. То, о чем я вам рассказал, вызывает у меня жгучий стыд. Если вы после нашего сегодняшнего разговора откажетесь иметь со мной дело, это будет вполне оправданно. Но надеюсь, что вы этого не сделаете, а ваше лечение поможет мне. Кажется, это мой последний шанс.

— Не стоит вспоминать о том, что вы наговорили. Это не имеет отношения к делу.

— Не надо только просить меня извиниться перед Гриффитсом.

— Я хорошо обдумал все, связанное с вашей болезнью. Не стану утверждать, что понял все ее особенности, но одно мне ясно: то, что я вам предложил, — единственный способ исцелиться. По моим представлениям, в каждом из нас таится не одна личность, а несколько. Так вот, одна из них восстала против того зла, которое вы причинили Гриффитсу, и приняла в вашем воображении облик этого человека. Она-то вас и мучит. Будь я священником, сказал бы так: ваша совесть воплотилась в образ этого человека, дабы наказать вас, вызвать раскаяние и принудить искупить свою вину.

— Совесть моя чиста. Не я загубил его карьеру — моей вины в этом нет. Я раздавил его, как червя на садовой дорожке, и не жалею об этом.

Лорд Маунтдраго откланялся и вышел.

Ожидая очередного его визита, доктор Одлин просматривал свои записи и размышлял, как лучше убедить пациента согласиться с единственно возможным способом борьбы с недугом — все остальные средства, как доктор и предполагал, оказались негодными. Наконец врач отвлекся от бумаг и посмотрел на часы. Уже шесть! Где же лорд Маунтдраго? Он ведь собирался прийти — утром звонил его секретарь и подтвердил, что министр явится в назначенный час. Наверное, его задержали неотложные дела. Эта мысль повлекла за собой следующую: лорд Маунтдраго в его нынешнем состоянии непригоден к серьезной работе, ему нельзя поручать важные государственные дела. Но что-то мешает мне, думал доктор, связаться с кем-нибудь в правительстве — с премьер-министром или с заместителем министра иностранных дел — и предупредить о том, что душевное состояние лорда Маунтдраго сейчас настолько неустойчиво, что оставлять дела в его руках просто опасно. В конце концов, пожал плечами доктор, политики за последнюю четверть века заварили такую кашу, что я бы не удивился, окажись все они сумасшедшими.

Он позвонил слуге.

— Если появится лорд Маунтдраго, скажите ему, что в пятнадцать минут седьмого ко мне должен прийти другой пациент, так что я сегодня, к сожалению, принять его не сумею.

— Хорошо, сэр.

— Вечернюю газету принесли?

— Сейчас взгляну.

Через пару минут слуга вернулся с газетой. На первой полосе жирным шрифтом был набран крупный заголовок:

«ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ».

— Господи! — вскрикнул доктор Одлин.

В первый раз за многие годы он был выведен из душевного равновесия. Но, хотя он испытал потрясение, нельзя сказать, что подобный исход дела был для него неожиданным. Мысль о том, что лорд Маунтдраго может покончить с собой, приходила ему в голову не раз. В том, что это самоубийство, врач не сомневался. В заметке говорилось о том, что министр в метро ждал поезда у края платформы, а когда поезд подошел, на глазах у всех упал под колеса. Репортер высказывал мнение, что погибшего охватил внезапный приступ слабости — он ведь, как известно, был в последнее время очень загружен делами в министерстве и потому переутомлен. Далее в заметке тепло описывались трудолюбие, высокая одаренность и горячий патриотизм покойного, в конце высказывались соображения, кого же премьер-министр сделает преемником лорда Маунтдраго. Доктор Одлин внимательно прочел статью. В глубине души он недолго любил лорда, однако смерть его вызвала у доктора разочарование — он ведь ничем не смог ему помочь. Доктор машинально листал газету. Вдруг он вздрогнул, и с уст его снова сорвалось восклицание. На глаза ему попала маленькая заметка в конце колонки. Заголовок гласил: «Скоропостижная смерть члена парламента». Как сообщалось, мистер Оуэн Гриффитс, депутат от одного из про-

винциальных округов, был в полдень подобран без сознания на Флит-стрит. Когда его доставили в больницу Черинг-Кросс, он был уже мертв. Скорее всего это не насильственная смерть, однако полиция проводит дознание.

Доктор Одлин не верил своим глазам. Возможно ли, что прошлой ночью лорд Маунтдраго наконец совершил то, что задумал: вооружился во сне ножом или револьвером и лишил жизни своего мучителя? Или же произошло нечто еще более таинственное, более ужасное — лорд Маунтдраго решил обрести наконец покой по ту сторону жизни и смерти, но враг, которому он причинил столько зла, перешагнул вслед за ним последний барьер, дабы преследовать его и в потустороннем мире? Странный, необъяснимый случай, хотя и выглядит он как простое совпадение.

Перед внутренним взором доктора Одлина разверзлась зияющая, пышущая холодом пропасть. Черные воды ночи объяли его душу, и он дрожал от необъяснимого первобытного ужаса...

**Перевод с английского
АНАТОЛИЯ КУДРЯВИЦКОГО.**

Долго гонимый сказочный романс. Нечаянный и ожидаемый. Для всех и для тебя одного. Кто их поет? Наделенные мудростью или сохранившие в себе что-то от детства? А кто их слушает? Одинокие и печальные? Гордые и ранимые? Скорее всего, те, кто умеет оглянуться, понять и... простить.

Об этом, и не только об этом, наш разговор с исполнителем романсов **АЛЕКСАНДРОМ ПОДБОЛотовым**.

исполнять под гитару. И вот тут мне стало интересно — столкнулся с музыкальным жанром, редко исполняемым на сцене, и понял, что для этого необходимы высокий профессионализм и даже некоторая уверенность в себе. Прежде чем приступить к работе над романсом, надо узнать все о его авторах. Взять хотя бы романс «Звезды на небе», музыка Борисова, слова Детерикса... Кто такой Детерикс? Оказывается, один из

— Я бывший оперный певец. Работал в Камерном музыкальном театре, затем в музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко. В Камерном спел тридцать восемь партий, в театре Станиславского — четырнадцать. Это огромная школа. Особенно в начале карьеры. Со мной работали Борис Покровский, Геннадий Рождественский. Параллельно начал выступать на эстраде. Решил обратиться к романсу, который можно

самых высокопоставленных сановников царской России. А вот не стеснялся писать стихи, и стихи, надо сказать, хорошие. Борисов... Выясняю — артист Малого театра. Или, например, известный романс «Ямщик, не гони лошадей». Слова Риттера, музыка Фельдмана. Я только что вернулся из Германии и узнал, что в городе Меммингене живет женщина по фамилии Риттер — его дочь. Риттер — остзейский немец —

долгое время жил в России. А Фельдман? До него еще не добрался...

Радует, что в последнее время этот жанр начал возрождаться, появились даже клубы: например, клуб Петра Лещенко, клуб романса... Мне лично очень помогает мой спонсор — фирма «Соби»...

— Насколько мне известно, романс — не только забытый, но и гонимый жанр. Да и пели его единицы...

— Концерт в Свято-Даниловом монастыре. Вместе со мной выступали Ирина Евдокимова и солист Большого театра Владимир Мальченко. Михаил Шумов играл на уникальной двухгрифовой гитаре. (Такая гитара есть только в музее.) Еще одна интересная, на мой взгляд, работа — спектакль Сергея Проханова «Уникальный голос». Он состоит из трех частей: первая — романсы, вторая — цыганские песни и третья — класси-

И хочется всплакнуть...

221

— Вы правы. Оказался в изгнании Петр Лещенко, а в Магадане — Вадим Козин. Исполняли романсы «придворные» певицы — Обухова и Нежданова. Да и то лишь классические — под фортепьяно, никаких гитар. Только Козловский позволил себе спеть под гитару «Я встретил вас». Других примеров я не знаю.

— Какие наиболее значимые работы были у вас за последнее время?

ка. К сожалению, спектакль «не идет». Это связано с тем, что аренда, реклама, сама постановка требуют больших вложений, а мы не государственное объединение. Свезили его в Швецию и... все.

Среди своих любимых работ могу назвать «Похищение из Сераля», «Любовь к трем апельсинам» в музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко. В Камерном — опера «Нос» Шостаковича. И еще опера Стравин-

ского «Похождение повесы», с которой связан мой первый триумф. Это было во время гастролей в тогда еще Западной Берлине.

— Вы недавно вернулись из Германии. Только честно, никогда не возникало желания покинуть нашу страну навсегда? Ведь уехал в Израиль Клячкин, и ничего, получается творить...

— Желание возникало. Но слишком многое удерживает: работа, близкие друзья и даже... родные могилы. Хочется, чтобы друзья приходили в дом без предупреждения. Хочется услышать какое-нибудь родное непечатное слово. Вот если начнут стрелять из пушек, тогда придется уехать.

— Был ли в вашей деятельности трудный период?

— Не могу забыть времена, когда я ушел из театра Станиславского. Поддержали друзья. «Приходи в ресторан, — предложили они. — Там поесть дадут и очень приличные деньги платят». И такие муки на меня накатили! Думал: Господи, я девять лет учился вокалу, закончил музыкальное училище, консерваторию, пел на лучших сценах Европы и вдруг — ресторан... Но разве моя вина, что попал в такую ситуацию? Словом, «прошел» я через ресторан. И, как теперь выяснилось, с большой для себя пользой. Когда поёшь в опере или концертном зале, между тобой и зрителем есть какая-то стена, а здесь — вот он, сидит напротив, и ты должен его обаять. В общем, и этот период закончился. Помогла жена. На последние деньги мы записали у друзей кассету, с нее-то все и началось. Мои песни услышал один бизнесмен из Тюмени и предложил выпустить компакт-диск...

— Вам часто помогали в жизни?

— Часто. Например, Алексей

Владимирович Баталов. Для спектакля «Поединок», который он ставил на радио, ему потребовался романс. Кто-то сказал, что есть парнишка, неплохо тренькающий на гитаре, да еще и поет. Баталов пригласил меня, послушал, ему понравилось. Потом мы с ним поехали во Францию, и вот тут, увидев на концерте плачущих эмигрантов, я поверил в себя как в романсового исполнителя. В консерватории у меня были прекрасные педагоги — профессора Оксана Семеновна Свешникова и Гуго Ионотанович Тиц. Сколько же им пришлось помучиться со мной! До сих пор им благодарен. Они — истинные педагоги, как говорится, от Бога. А в опере мне помогали Покровский и Рождественский. Борису Александровичу Покровскому я благодарен за то, что сделал из меня артиста. А Геннадий Николаевич Рождественский научил меня музыкальному поведению на сцене, музыкальной этике.

— Я знаю, что вы любите русскую литературу. Можете назвать самых любимых поэтов и писателей?

— Люблю стихи Державина — за их точность и, если можно так выразиться, современность. Ломоносова, который написал: «Жизнь, как каждому известно, — наслаждение. Только жаль, на сем банкете кой-кому приборов нет». Точнее не скажешь. В свое время мне нравились Баратынский, Тютчев, Фет. Удивляет Языков. Его стихи — как музыка: «Разгульна, светла и любовна...» Блока не понимаю. Наверное, не дорос. А в литературе — Гоголь. Его язык, мысли...

Недавно открыл для себя Арцибашева, хочется все время его перечитывать. И, конечно же, Чехов...

— *Какого слушателя вы предпочитаете?*

— Любого, у которого открытая душа и есть хоть капля сентиментальности. По-моему, это прекрасная черта характера. На мои концерты ходят в основном пожилые люди. Точнее, пожившие и испытавшие. Романс — жанр, предполагающий воспоминания о прошлом. Редки романсы про «сейчас».

— *Сколько времени уходит у вас на создание романса?*

— По-разному. Но есть одна странная закономерность: чем больше вначале мне не нравится романс, тем лучше он потом получается.

— *Для создания романса нужна особая атмосфера?*

— Нужна, вплоть до запаха. Когда я пою, ощущаю запах парникового огурца и елки. Почему? Не знаю. Или же чудится дорога в Загорск ранней осенью. Одни деревья стоят зеленые, на других уже пожелтели и отяжелели листья, льет холодный дождь...

— *Саша, почему возникает ощущение, что исполнители романсов страшно серьезные люди?*

— Недавно был проведен конкурс русского романса среди студентов музыкальных училищ, а это в основном восемнадцати — двадцатилетние. Идея не самая удачная. Что предполагает романс? Воспоминания о прошлом, о любви. А что может вспомнить мальчик?.. Пой романсы, когда есть что сказать.

— *В последнее время на своих концертах Иосиф Кобзон тоже стал исполнять романсы. А ему есть что сказать?*

— Думаю, что есть. Я люблю его за стабильность, за то, что не изменяет себе, не идет на поводу. Удивительно, столько лет рабо-

тать на эстраде и всегда петь то, что хочется.

— *И последний вопрос: окажись вы перед депутатами Государственной Думы, что бы вы им спели?*

— «По дороге в Загорск». Там хорошие слова: «Что судьба не кафтан, и ее никому не дано перешить...» Это касается всех — и крайне правых, и крайне левых. Лично я строго придерживаюсь аполитичности. Мне ближе разговор о любви. Это полезно всем нам.

**Беседу вел
АНДРЕЙ КУЧЕРОВ.**

**Фото на IV обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА.**

ДЖИМИ ХЕНДРИКС:

"Когда умру, слушайте мои пластинки"

Джими Хендрикс — Джеймс Маршалл Хендрикс — родился в Сиэтле, штат Вашингтон, 27 ноября 1942 года. Он не очень любил этот город и редко туда потом приезжал. Его отец, мистер Джеймс Аллен Хендрикс, был садовником. Джими вырос преимущественно среди белого населения и учился в школе для белых.

Его мать Люсиль умерла молодой. Она была индианкой, и в детстве Джими много времени проводил в Ванкувере с бабушкой, чистокровной чероки.

Джими рассказывал: «Мать с отцом часто ссорились, и мне всегда хотелось бежать в Канаду. Отец был уравновешенным и религиозным человеком, а мать любила повеселиться. Она много пила, совершенно не заботилась о своем здоровье и умерла, когда мне было десять лет».

Джими пошел в среднюю школу Гарфилд в Сиэтле, но в 16 лет

бросил ее. Как-то он сказал, что его вышвырнули из школы за то, что «он взял за руку белую девушку». Но школу он оставил еще и потому, что надо было зарабатывать на жизнь. «Папа работал садовником, и зимой, когда нельзя подстригать траву, нам приходилось туго».

У Джеймса и Люсиль Хендриков был еще один сын — Леон, на пять лет младше Джими. Он тоже играл на гитаре. После смерти Люсиль Джеймс Хендрикс женился вторично, и от второго брака у него родились две дочери.

Впервые Джими заинтересовался музыкой, когда ему было примерно лет 10. Он брал метлу и, держа ее как гитару, говорил, что «учится на ней играть». Отец купил ему дешевую акустическую гитару, а в 12 лет подарил первую электрическую.

«У меня был очень строгий отец, — вспоминал Джими. — Он

учил уважать старших. Я не мог говорить, пока ко мне не обратятся взрослые, поэтому всегда молчал. Но многое замечал. Рыбка не попадет на крючок, если будет держать рот на замке».

У Джими не было музыкального образования. Он учился играть на гитаре в школе и в армии. Слушал пластинки и наблюдал за тем, как играют другие гитаристы. Естественно, большое влияние на него оказали блюзны в исполнении Элмора Джеймса, Би Би Кинга и «Мадди Уотерз». И ему нравился Боб Дилан, чье влияние оказалось особенно важным в развитии у Джими уникального музыкального восприятия.

Никто из родителей Джими не был музыкантом, но он всегда уточнял: «Папа танцевал и играл на ложках. Моим первым инструментом стала губная гармоника, ее подарили, когда мне было года четыре, наверное. После гармошки появилась скрипка. Я все время дергал струны. А потом начал интересоваться гитарой — казалось, что этот инструмент звучит повсюду. Мне было лет 14 или 15, когда я начал играть на гитаре, и мое первое выступление состоялось на оружейном складе, мы тогда зарабатывали по 35 центов на каждого. Думаю, мне просто нравился рок-н-ролл. Мы играли песни из репертуара таких ребят, как «Коустерз». В любом случае приходилось делать одно и то же, пока не начнешь работать с какой-нибудь группой, даже предпринимать одни и те же шаги».

В 1963 году Джими ушел служить в армию, и семья долго не получала от него вестей. В сентябре 1966 года он позвонил и сообщил, что находится в Англии и скоро станет звездой. «Мы оба настолько взволновались, — вспоминает мистер Хендрикс, — что я не сказал ему о своей женитьбе».

А Джими рассказывал: «Я знал, что рано или поздно придется служить в армии, так что отправился добровольно, решив, что музыкой могу заняться позже. Я стал десантником и армию возненавидел сразу же». Он совершил 25 прыжков с парашютом, а во время 26-го пострадал, и его комиссовали. Что же заставляло его прыгать с парашютом?

«Сержант, — со смехом объяснял Джими, — И еще то, что за это больше платят. Получал ли я от этого удовольствие? Скорее испытывал ужас. Удовольствие приходило, когда понимал, что благополучно приземлился. Вообще мне повезло, что выбрался оттуда, — Вьетнам был как раз на подходе».

Хотя я не мог работать музыкантом, так как не имел музыкального образования, все же играл то там, то здесь. В любом случае, когда меня комиссовали, домой я не вернулся».

После 14-месячной службы в армии Джими много времени провел с разными группами, гастролировал от Нашвилла до Лос-Анджелеса.

«Я пытался играть по-своему, но работал с такими людьми, как Литтл Ричард, Айсли Бразерз и Уилсон Пикетт, а им не нравился слишком громкий аккомпанемент. Меня держали в тени, но я все время думал о том, что бы мне хотелось сделать. Обычно я присоединялся к какой-нибудь группе, а потом быстро из нее уходил. В основном это были так называемые рок энд блюз-группы».

Джими работал с такими звездами, как Би Би Кинг, Сэм Кук, Солломон Брек, Чак Джексон, Джеки Уилсон. А еще аккомпанировал Тине Тернер, Литтл Ричарду, Айсли Бразерз.

«Я узнал, как можно вылететь из группы. Беда в том, что многие

руководители, похоже, вообще не хотели никому платить. Ребят могли выгнать посреди гастролей за то, что они громко разговаривают в автобусе или руководитель слишком много им задолжал. Моей первой группой, где я действительно задержался, была группа в Гринвич Виллидже. Я изменил имя и стал называться Джимми Джеймс, а группу назвал «Блю Флеймз» (Синее Пламя) — не слишком оригинально, правда?»

Сохранились ранние записи, сделанные в Нью-Йорке осенью 1964 года. Это в основном джем. Они были выпущены тремя альбомами, но название «Лучшие произведения Джими Хендрикса» не совсем справедливо, и большинство музыкантов не представило бы такие пластинки на суд слушателей.

Джон Хаммонд, сын известного джазового критика, певец и гитарист, вспоминает, как слушал выступление Джими в Гринвич Виллидже в 1966 году:

«Когда я познакомился с Джими, он сильно нуждался. К тому же у него украли гитару. Это было, кажется, в октябре, и я тогда играл в клубе «Гэзлайт». Через дорогу находилось кафе, жуткая дыра. Джими там играл, и как-то вечером я туда отправился. Он выглядел невообразимо и, похоже, обрадовался мне. Я спросил его, чем могу помочь, и он ответил: «Найди мне работу. Вытащи меня отсюда». Я устроил его в кафе «Эй Гоу Гоу», и мы с ним работали вместе целый месяц. Джими играл на гитаре соло. Боб Дилан, «Битлз» и «Стоунз» — все приходили на нас посмотреть. Чэс Чэндлер пригласил его в Англию, и он уехал. Мы потом встречались. Он стал суперзвездой».

В то время в Лондоне все, сказанное «Битлз» или «Стоунз» об артисте или музыкальном стиле,

воспринималось как Библия. Джон Леннон, Пол Маккартни и Мик Джэггер своим восхищением сделали немало для таких артистов, как Боб Дилан, Джеймс Браун и Джими Хендрикс.

Перед отъездом в Англию Джими нервничал, но путь для него уже был расчищен.

Чэс Чэндлер, второй менеджер Джими (первым был Майк Джеффри), забросил бас-гитару и темное пиво в Ньюкасле для того, чтобы стать магнатом. Он купил новый костюм и стал искать «дело».

Этим «делом» оказался Джими, выступление которого Чэс видел в Нью-Йорке.

«У меня не было никаких сомнений по поводу поездки в Англию, — рассказывал Джими. — Я там никогда не был и решил, что надо съездить и посмотреть, я не собирался играть во всех штатах».

Вряд ли Чэс Чэндлер имел хотя бы малейшее представление о том, что его первое открытие произведет такой фурор и станет неотъемлемой частью наступившего впоследствии беспрецедентного бума рок-музыки. В 1966 году Хендрикс всего лишь играл джем в Гринвич Виллидже, а Чэс Чэндлер оставил музыку и мог уйти в небытие.

В 1972 году, через год после смерти Хендрикса, Чэс активно продолжал заниматься проталкиванием рок-талантов и стал менеджером преуспевающей группы «Слейд».

«Пора уже написать правду о Джими после всего того вздора, который о нем говорился». И Чэс рассказал о том, как познакомился с Джими, тогда еще не известным ни в Англии, ни в Штатах музыкантом.

«Я познакомился с ним через Линду Кит, подругу Кита Ричарда.

Она слышала, что я собираюсь заняться звукозаписью, и сказала, что в Виллидже есть один парень, он просто великолепен. Я с ней встретился, и мы вместе отправились посмотреть его выступление в кафе «Уа» в Виллидже, где он выступал с ударником и бас-гитаристом. Перед выступлением мы сидели и разговаривали. Я решил взять его в Англию, еще не услышав его музыки. Ему было примерно 23 года, а мне 28. Первое, о чем спросил меня Джими, — знаком ли я с Эриком Клаптоном. Я ответил, что отлично знаю его, и когда Эрик его услышит, то сам захочет познакомиться с ним.

После того, как мы поговорили, Джими играл. Конечно же, он не делал ничего такого, чем потом прославились «Икспириенс».

Он играл блюзы и совсем не пел, считая, что петь не умеет.

В то время Джими никто не знал, но у меня не было и тени сомнений. В ту пору он называл себя Джимми Джеймс, но настоящее его имя Джеймс Маршалл Хендрикс. Джимми мы поменяли на Джими и мозги сломали, чтобы придумать название для группы, но так ничего и не придумали, пока не появились Митч и Нозл. Джими казалось, что название «Икспириенс» (опыт, мастерство) — это не совсем то, что надо, но вскоре оно должно было приобрести другое значение.

В сентябре 1966 года мы прибыли в Англию. В самолете он волновался, как его американский стиль игры будет воспринят англичанами, поэтому я решил, что прямо из лондонского аэропорта отвезу его к Зуту Мани, это по дороге в город. Я подумал, что, когда он познакомится с Зутом, все его страхи в отношении английских музыкантов рассеются.

Мы прибыли к Зуту в 11 утра, и Джими два или три часа играл

джэм. Дом был полон музыкантов, и он почувствовал, что сможет прижиться в Англии. Джими поселился в отеле «Гайд Парк Гауэрз» и стал встречаться со всеми музыкантами Лондона».

В клубе «Блэйсиз» Джими заметил Джонни Холидей. Он спросил, есть ли у Джими группа. Холидей собирался на гастроли во Францию и хотел взять с собой новую группу. Так впервые «Икспириенс» отправились в турне.

«Когда мы вернулись из Франции, найти работу стало очень трудно, никто ко мне не обращался. Деньги кончились. У меня было шесть гитар, пять из них пришлось продать, чтобы оплатить прием в «Бэг ов Нейлз». Я пригласил всех влиятельных людей, которые могли бы предложить работу.

Думаю, перелом произошел в «Кройдоне». С тех пор у Джими появилась постоянная работа. Я ходил на все его выступления, а потом примерно час мы их обсуждали.

Публика в «Кройдоне» на первом представлении была в шоке. Их реакцию нельзя было назвать восхищением — думаю, они просто обалдели!

Когда «Хей, Джо!» занял одно из ведущих мест в рейтинге, Джими стали приглашать на самые престижные дискотеки Лондона.

В ноябре он выступал в «Блэйсиз» и написал «Пурпурный туман», пока сидел в раздевалке в «Аппер Кэт» в ожидании выступления. Джими все эти события воодушевили, но он совсем не изменился. Те дни, что он проводил в лондонских клубах, были для него счастливым временем, потому что все приходило на него посмотреть, включая Джэггера, Джоунза и «Битлз». И все только и говорили, что о коте, который играет зубами на гитаре».

В «Блэйсиз» приходили музыканты, агенты, менеджеры и писатели, чтобы оглушить себя неограниченным количеством выпивки.

Чэс уже подписал первый контракт, и о нем пошла молва среди завсегдатаев клуба. Клуб был набит битком. Джими можно было увидеть, лишь встав на цыпочки и вытянув голову. Джими стоял, согнувшись над своей гитарой, и раскачивался вперед и назад на нескольких квадратных футах. Когда он поднимал гитару к зубам и усилители разносили звенящие звуки, это производило почти пугающее впечатление. Казалось, либо он в кровь порежет губы, либо тело задержится под действием электрического тока. Музыка вызывала тревогу, она являла собой смешение разных стилей. Почти все черные артисты либо играли джаз, либо пели задушевные песни. Джими стал первым рок-музыкантом, который соединил в себе желание высказать что-то важное, сохраняя при этом нюансы игры блюзового исполнителя.

Когда Джими спрашивали о том, кто оказал на него влияние в музыке, он отвечал: «Мне нравилось все — от Би Би Кинга до «Мадди Уотерз». Но я не пытался никому подражать. Просто это были люди, которые убедили меня в необходимости создать что-то свое. Перед тем, как уехать в Англию, я многое перенял у Боба Дилана. Когда впервые его услышал, то подумал: «Просто поразительно, на каком надрыве поет этот парень». А затем в моей голове зазвучали мои собственные стихи...»

В «Мелоди Мейкер» появился короткий обзор: «Джими Хендрикс, фантастический американский гитарист, свел с ума толпу звезд, пришедшую взглянуть на него в «Блэйсиз»... Джими великолепно держится на сцене и владе-

ет исключительной гитарной техникой, включающей игру зубами и иногда вообще без рук! Похоже, имя Джими станет одним из самых известных в клубах в 1967 году».

После Рождества чуть ли не весь Лондон вновь пришел посмотреть на Джими, теперь уже в клубе «Бэг ов Нейлз». Там было полно рок-звезд, которые сидели за длинными столами, уставленными перед сценой. Большим сюрпризом стала также игра Митча на ударных. Большую часть предыдущего года он играл джаз с Джорджи Феймом и теперь неистовствовал, прыгая от одного барабана к другому и стуча в какой-то неслыханной манере.

На следующий вечер все вновь пришли послушать Джими и «Икспириенс» в новый клуб «7½», недалеко от Пикадилли. Здесь были Мик Джэггер, Мариан Фейсфул, Пит Тауншед, Эрик Кlapтон, Анита Палленберг, Фелла Филдинг и «Мисандерстуд» — американская группа, в которой играл гитарист Гленн Кэмпбелл.

И снова воздействие Джими на зал, где находились преимущественно музыканты, которых нелегко удивить, стало поистине ошеломляющим. Это было незадолго до того, как «Икспириенс» отправились в своеобразное турне «Весна-67» вместе в Энгельбертом Хампердинком, Кэи Стивенс и «Уокер Бразерз».

Состоялся также концерт в театре «Савиль» Бриана Эпштейна. Это было прекрасное зрелище, привлекавшее в лондонский театр известных рок-звезд. Когда Джими играл там с «Ху», здание чуть не рухнуло.

«Мелоди Мейкер» писал: «Джими Хендрикс против «Ху»! Состояние состоялось в воскресенье в лондонском театре «Савиль». Фанаты еще долго будут спорить

о том, кто победил. Две самые замечательные группы Великобритании потрясли слушателей тяжелой музыкой и внешними эффектами. Джими огорчился из-за неисправности усилителя, но толпа была так взвинчена, что сочувственно хохотала, пока Джими искал работающий микрофон. Невероятная композиция «Дикарь» закончилась неподражаемым кусанием гитары и одобрителем ревом публики. «Так и держи!» — было единодушное чувство.

Гастроли с «Уокер Бразерз» стали незабываемыми. На премьере в «Астории» в Винсбери Парк Джими впервые поджег спичку. До начала концерта ничто не предвещало каких-либо действий со спичками.

Джими расстроился из-за неполадок с усилителем, он был сильно возбужден, а его гитару заглушали барабаны Митча Митчелла. В конце действия за его гитарой почти на 10 футов расстелились языки пламени. К несчастью, Джими и конференсье Мик Джоунз обгорели, и на сцену пришлось выбежать пожарному. Публика вышла от удивления.

Чэс Чэндлер рассказал о том, как появился знаменитый эпизод с горящей гитарой.

«Мы сидели в раздевалке и пытались придумать что-нибудь новое для представления. Кажется, у Кита Алтама возникла идея поджечь гитару. Джими репетировал номер под названием «Пожар», а Кит сказал, что было бы здорово его устроить. Мы отправили одного из служителей купить баллончик с газом для зажигалок. Я обрызгал гитару, но, когда наступил нужный момент, спички никак не зажигались! Джими, лежа на спине, минут пять циркал ими».

Конечно же, в Англии Джими нашел ядро аудитории в лице 15—25-летних фанатов блюза

и рока, которые любили музыканта за его сценический напор и яркость и восхищались его виртуозной игрой на электрогитаре. Неистовый, с прической в стиле Боба Дилана, в ярких нарядах, с хитрой улыбкой, языком, нервно облизывающим губы. Девушки визжали. Но Джими обращался не к ним, а к белым юношам, которые пришли слушать бунтаря, лучшего блюзового гитариста.

«Икспириенс» представляли собой прекрасную команду. Хотя первой виртуозной рок-группой в составе трех человек были «Крим», и именно они стали пионерами того, что впоследствии превратилось в «тяжелую» музыку. Джими Хендрикс позаимствовал у них многие приемы и быстрее добился признания. Музыка «Крим» была более вдумчивой, менее предсказуемой и рассыпалась яркой радугой психоделического 1967 года. Растаяла она легко и весело.

В то время казалось, что у Джими и его революционной группы англичан возможности неиссякаемые. Это было время альбома «Сержант Пеппер» в исполнении «Битлз», который повлиял на всех, кто записывал пластинки, и на Джими в том числе. Альбом «Are you Experienced» содержит те же приемы, что и «Земляничные поляны» «Битлз», созданные под вдохновляющим действием кислоты, а также весь арсенал студийных эффектов.

Период большого успеха Джими Хендрикса и «Икспириенс» закончился через несколько месяцев. С той поры наметилась четкая тенденция к упадку. Первые выступления в Лондоне на дискотеках были хорошо подготовленными, взрывными и свежими. Позже группа потеряла направление. Казалось, у них постоянно возникают проблемы со звуком, а один

раз, выступая в театре «Савиль», они просто не смогли справиться, когда усилитель вышел из строя, а за ним и микрофон, подключенный к ударным Митча.

В то время, как «Икспириенс» делали свои первые синглы и работали над альбомом, многие считали, что группа не создаст ничего, а просто распадется.

Но пока что успех был колоссальный. Воздействие Джими на аудитории лондонских клубов было ни с чем не сравнимо. Менеджеры Чэс Чэндлер и Майк Джеффери пытались извлечь все возможное из сенсационного появления Хендрикса.

Фактически группа не утруждала себя репетициями, и теперь совершенно ясно, что именно «электризующая новизна» связывала музыкантов. Как только вечерние выступления стали привычной рутиной, группа начала распадаться.

Все последующие годы, проведенные Джими в Англии и Соединенных Штатах, были заняты поисками альтернативы.

Первый сингл Джими «Хей, Джо!» вышел 16 декабря 1966 года и прочно установил за Джими звание лидера «андеграунда». В стране, которая только привыкала к Леннону и Джэггеру, Джими, в ярких костюмах, с ослепительной улыбкой, соперничал за место на глянцевого обложках журналов с Нуриевым и Джэггером. Ему подражали в манере одеваться, его наряды обсуждали, им восхищались. Даже Митча и Нозля фотографировали, правда, это не имело отношения к музыке, но гарантировало группе приглашение на телевидение и упоминание в национальных газетах.

Вполне естественно, что находились люди, которые смотрели на них с отвращением, граничащим со страхом. Иногда им было трудно взять такси или уговорить

обслужить их в ресторане. Группа утверждает, что в июне 1967 года тридцать отелей в Стокгольме отказались их принять и они были вынуждены вылететь в Хельсинки, где их не пустили в ночной клуб.

«Я смотрел телепередачу «Топ ов зе Попс», — рассказывал один популярный обозреватель телепрограммы в своем письме в «Санди Сан», — и поверьте: если бы мне нужно было вручить кубок худшему исполнителю программы, я бы поделил его между «Мув» и группой Джими Хендрикса.

Первый блок программы — совершенная ерунда. Я уверен, что у ударника была чесотка или что-то в этом роде. Что касается группы Хендрикса, надеюсь никогда не встретиться на темной улице с этими косматыми придурками.

Сам Хендрикс выглядел ужасно из-за своих нарядов. Избавь нас Бог от таких. Я понимаю, что мир многогранен, но смотрят ли они на себя в зеркало? С отвращением, обозреватель Ньюкасл-он-Тайм, 14 мая 1967 года».

Даже фанаты поп-музыки не всегда сразу принимали музыку Хендрикса. Из письма Джона Дикина в «Нью Мюзикл Экспресс», май 1967 года:

«Боже мой, как «Пурпурный туман» Джими Хендрикса попал в таблицы рейтинга? Хендрикс и его группа — оскорбление для рок-музыки, и чем скорее публика, покупающая пластинки, оchnется и поймет это, тем лучше. Его пластинки не что иное, как шум, и не представляют никакой музыкальной ценности».

Такие безапелляционные утверждения оскорбленных слушателей знакомы всем музыкальным газетам. Но часто критики были необъективны, когда разговор шел о роке.

«Самое доброе, что я могу ска-

зять о Джими Хендриксе и «Икспириенс», — это то, что я выдержал полное действие, хотя мне пришлось некоторое время убеждать себя, что все в порядке. Освежающее возвращение к нормальной реальности обеспечивает «Свининг Блю Джинз». Джордж Грегсон, Ливерпуль, июнь 1967 г.».

«Я не знаю никого, кому бы нравился Джими Хендрикс, и я тоже от него не в восторге — Роджер Монкман».

Один из немногих действительно прочувствованных комментариев — оценка гитариста Джефа Бека, который писал в «Нью Мюзикл Экспресс»:

«Единственной бедой Джими является то, что он пытается сорваться с крючка, на который сам себя подвесил. Публика хочет от него чего-то другого, а Джими будет трудно заставить кого-нибудь принять его иным».

«Мелоди Мейкер» ежегодно проводил опрос читателей, и в 1967 году «Икспириенс» были названы третьей группой в Великобритании. Джими признали вторым музыкантом (после Эрика Клаптона), а «Хей, Джо!» стал четвертым среди синглов.

В международном рейтинге Джими был признан самым лучшим музыкантом, «Есть ли у вас опыт?» — четвертым альбомом, а Хендрикс — четвертой величайшей надеждой.

Среди последующих записей — необычная «Если бы Шесть равнялось Девяти», где Джими вновь говорит о жизни, и красивая композиция «Крылышко». Слушая такие изобретательные композиции, как «Ты заставляешь меня парить», «Замки из Песка» и «Храбрый как Любовь», трудно поверить, что в течение многих лет группа не выпустит ни одного блистательного альбома, не запишет ни одной песни.

В марте 1967 года Джими, Митч и Ноэл потрясли британскую молодежь, отправившись на гастролы с «Уокер Бразерз». Это была великолепная труппа, вобравшая в себя самые разносторонние таланты — Кэт Стивенс, Энгельберт Хампердинк. Странно, что Джими понравился Энгел, он каждый вечер слушал исполнителя баллад.

Но после премьеры возникло некоторое напряжение. У Хендрикса запылала гитара, Ник Джоунз обжег руку, пытаясь потушить пламя, а руководство театра было крайне недовольно.

Тем не менее Джими, похоже, развлекался. Об этих гастролях он рассказывал: «Боссы нам чертовски мешают. Организаторы не дают возможности настроить инструменты перед выступлением. Они говорят, что мы непристойны и вульгарны, но мы играем свою программу так же, как и прежде, а на нас никто раньше не жаловался. Мы отказываемся изменять что-либо в нашем выступлении, а в результате мой усилитель вырубается в самый ответственный момент. Почему бы это, думаю я? Но я не позволю им на себя давить. Я играю для людей и не считаю, что наше исполнение непристойно. Нас просто возбуждает музыка, и мы увлекаемся».

На этих гастролях выступать действительно забавно. Я не знаю, может быть, так бывает во всех турне, но как только собираюсь продолжить номер и беру гитару, то обнаруживаю, что у гитары оборвана струна или она абсолютно расстроена. Хотя я только что сам ее настраивал. Даже не знаю, что и думать. Но они от нас не избавятся, пока не вышвырнут официально».

Джими говорил о себе: «Я бы хотел уметь хорошо петь. Но знаю, что петь не умею. Просто чув-

ствую, как выходят слова. Очень стараюсь правильно спеть нужную ноту, но это очень трудно. Я больше импровизатор, артист, чем певец».

Самое важное событие произошло, когда Джими вернулся в Соединенные Штаты. Признанный в Англии музыкант не был известен в Америке, а те, кто помнил его по прошлым выступлениям, были настроены весьма скептически к его успеху за морем.

16 июня 1967 года он выступил на историческом поп-фестивале в Монтери и вернулся домой национальным героем. Неизвестный Джими состязался с такими звездами, как Отис Реддинг, Буффало Спрингфилд и «Грейтфул Дэд», и вместе с Митчем и Нозлом достойно показал себя.

В начале 1968 года Джими с группой пригласили в трехдневное турне по Швеции. Оно закончилось эпизодом, который укрепил подозрения широкой части публики и управляющих гостиниц в том, что поп-звезды не заслуживают доверия. Неприятный инцидент, возможно, и придал Джими блеск в глазах фанатов, но сам он был сурово наказан. Годы спустя он вспомнит об этом случае в песне «Мой друг» из альбома «Крик любви».

Это произошло в отеле «Опелан» в Гётеборге. 4 января появилось сообщение о том, что Джими задержан полицией «за разрушения, произведенные в гостиничном номере». В газете была опубликована фотография Джими с опущенной головой, которого вела местная охрана, вызванная гостиничным управляющим. У него отобрали паспорт, и ночь Джими провел в тюрьме. Когда он проснулся, то заявил, что сожалеет о случившемся и оплатит причиненный ущерб. 12 января в Гётеборге Джими заплатил штраф за

поломанную мебель в размере 457 фунтов. В отчете говорилось: «Поступило заявление о том, что он играл в номере на барабанах, затем перебил окна, зеркала, переломал стулья. В течение всего вечера персонал и постояльцы гостиницы слышали, как из номера Хендрикса доносились вопли. Полицейские сказали, что они арестовали Хендрикса лишь после того, как трое его коллег навалились на него, чтобы заставить успокоиться».

Чэс Чэндлер рассказывает: «В Гётеборге в январе 1968 года Джими подрался в отеле и разнес весь номер в щепки. Я приехал к нему в тюрьму, он сидел на голом полу. Сначала его отвезли в госпиталь, чтобы наложить швы на руках. А потом посадили в камеру. Он был совершенно не в себе.

Я спросил его, что случилось, но он и сам не знал. Мне так и не удалось выяснить эту историю до конца. Но думаю, что его ударил Нозл, а Джими уложил двух полицейских и попытался выпрыгнуть из окна. Ему пришлось заплатить двухнедельный заработок, а также оплатить отельный ущерб. Но потом он вел себя так, словно ничего не произошло».

В конце января Джими отправился на гастроли в Америку вместе с английскими группами «Энимал», «Зе Софт Машин» и «Зир Эпперант». Это должно было стать началом нового этапа сценического успеха для «Иксприенс», но отзывы в английской прессе свидетельствовали о том, что не все гладко. В информации о концерте в «Анахейм Конвеншн Центр», состоявшемся в феврале 1968 года, говорилось: «Выступление Джими разочаровало. Практически отсутствовало его неистовое пение и танцы. Он сломал усилитель, а во втором действии исполнил только четыре песни».

Казалось, Джими начал уставать от пылающих гитар, ставшего рутинным кусания струн, которого требовала публика.

В 1968 году вышел двойной альбом «Электрическая страна женщин», и сразу же возникли споры вокруг обложки, на которой были изображены две молодые дамы, очень аппетитные толстушки. В альбом вошли такие жемчужины, как «Свет полночной лампы», «У смотровой башни», «Вуду Чили» и интригующая «Тритон, в которого я превращусь».

Музыка стала гораздо более свободной, и у музыкантов оставалось достаточно времени для джэма и студии. «Вуду Чили» стал одним из лучших джэмов того времени.

Больше альбомов не будет, только в 1970 году выйдет собрание хитов «Бэнд ов Джипсиз» («Группа Цыган»). В Великобритании все меньше слышали о Хендриксе, а в мае 1969 года разнеслась шокирующая весть о том, что он арестован в международном аэропорту Торонто. Это было время, когда за всеми крупными рок-звездами пристально следили. Джими обвинили в незаконном хранении наркотиков.

Его отпустили под залог в 10 000 долларов, и он смог дать запланированный концерт в «Майпл Лиф Гарденз». Это было для Джими серьезным ударом, учитывая еще свежие воспоминания о шведской тюрьме. Судебный процесс начался только 19 июня, а 15 декабря 1969 года его оправдали. Судьи заседали восемь с половиной часов, но обвинение в хранении героина и гашиша было отклонено. Джими сказал: «Это лучший рождественский подарок из всех, которые мог мне преподнести Торонто».

«Икспириенс» официально расстались в ноябре 1968 года. В том

году они редко появлялись вместе. Одним из выступлений в Англии было участие в фестивале «Мелоди Мейкер» на территории Уобурнского аббатства, где «Икспириенс» заняли первое место.

На вопрос Алана Уолша из «Мелоди Мейкер», почему в последнее время вышло так мало пластинок, записанных группой, Джими ответил: «Нас стали воспринимать как должное. Мы были чем-то вроде кукурузных хлопьев на завтрак. Просто рабы поп-музыки. Я чувствовал, что над нами висит угроза стать американским вариантом Дэйва Ди, Доузи, Мика и Тика. В этом нет ничего плохого, но это не для нас. Мы решили, что надо с этим покончить и найти что-то свое. Я устал от фанатов, но мы не могли просто не обращать на них внимания, поэтому и решили, что лучше нам не записывать пластинки, пока не сделаем что-то, что захотим дать послушать всем. Я хочу, чтобы люди услышали нас, узнали, чем мы занимаемся, и попытались полюбить то, что мы делаем».

Когда Джими спрашивали, почему он так много времени проводит в Америке, он говорил: «Я — американец, и хочу, чтобы нас там узнали. Я осел в Великобритании, но дома не обрел нигде. Мой дом — вся земля. У меня никогда не было дома. Я не хочу пускать корни, а то вдруг начну беспокоиться, захочу двигаться дальше. Я обзаведусь домом лишь тогда, когда буду уверен в том, что больше не буду рваться никуда.

Другой причиной работы в Штатах является то, что там мы зарабатываем в двадцать раз больше денег. А в этом нет ничего плохого... нам же надо есть, как и всем остальным. К тому же Америка такая большая. Если вы постоянно работаете в Англии, то обяза-

тельно возвращаетесь в те же самые места. А в Америке этого не происходит».

И еще одно замечание Джими проливает свет на его отношение к проблемам Америки: «Я всего лишь хочу делать то, что делаю, и не путаться ни в расовые, ни в политические дела. Мне повезло, что я могу себе это позволить... Большинству людей это не удается».

Его не принимали люди из Черного Движения, которым, видимо, не нравилось, что черный американский музыкант работает с белыми английскими музыкантами, обращается к белой аудитории и, без сомнения, влияет на них своей логикой и шармом. Жанет Джекобс вспоминает случай, когда Джими уговаривали купить картину, чтобы пополнить фонды этой организации. «Он сказал просто: делайте свое дело, парни, а я буду делать свое». Но Джими признался, что отправил чек на пять тысяч долларов в фонд Мартина Лютера Кинга, потому что считал, что этим можно принести реальную пользу.

В начале 1968 года группа гастролировала по Америке. В феврале они прибыли в Сан-Франциско и Нью-Йорк, потом дали 28 концертов, выступая в разных городах, от одного побережья до другого, от Техаса до Канады. Все концерты проходили с аншлагом, и даже объявились мошенники, торговавшие фальшивыми билетами в Нью-Йорке, Техасе и Аризоне. Во время гастролей Джими заехал в родной город Сиэтл.

«Я встретился со своей семьей, и мы радовались переменам, — рассказывал Джими. — Мне было приятно. Я зашел в среднюю школу Гарфилд, мою старую школу, откуда меня вытурили, когда мне было 16 лет, и дал концерт для учеников. Я играл в спортзале

вместе со школьной группой. Одно лишь плохо — было восемь часов утра. Отменили первый урок, чтобы меня послушать».

Предполагалось также, что мэр города Сиэтла вручит Джими награду, но это был день рождения Линкольна, национальный праздник, и мероприятие отменили.

Джими сравнивал гастроль «Икспириенс» со своими ранними выступлениями. «Низкая оплата, паршивое жилье — такими были те дни».

После тяжелой работы следовало сделать передышку. Каждый, кто когда-либо наблюдал рок-группу на гастролях, поражался огромной выносливости, которая требуется для того, чтобы выдерживать бесконечную череду перелетов, концертов и гостиниц. Музыканты уставали от отелей, самолетов, ресторанной еды и, если не срывались, не начинали пить или принимать наркотики, то, как правило, расставались.

Именно это и произошло с «Икспириенс». В ноябре 1968 года стало известно, что группа распадается. Джими говорил: «Митч и Нозл собираются делать что-то свое — они хотят делать музыку и стать менеджерами других артистов. В следующем году мы расстанемся. О, я буду продолжать выступать, не волнуйтесь... я буду заниматься то тем, то другим. Но есть еще площадки, где бы мы хотели выступить».

В марте 1969 года Джими дал интервью, в котором упомянул о давлении в музыкальном бизнесе: «Беда с этим бизнесом. Появляется возможность быстрого заработка, и ты становишься рабом публики. Тебя держат в этом состоянии, пока ты не выдохнешься. Вот почему группы распадутся — они просто вырабатываются. Через какое-то время музыканты либо

расходятся, либо погружаются в этот водоворот».

«Митч и Нозл сразу захотели вернуться домой, в Штаты. Сейчас в Штатах происходит кошмар. Настоящее столкновение старого и нового. Они заставляют черных сражаться с белыми, и в конце концов выигрывают».

Если им удастся заставить Черных Пантер сражаться с хиппи, мы вернемся на двадцать лет назад. Меня беспокоит, что некоторые черные не могут сейчас принять нашу музыку, потому что так сильно привязаны к другим вещам».

А потом Джими заявил: «Забавно, насколько некоторые люди любят покойников. Как только ты умираешь, ты жив. Надо умереть, чтобы решились, что ты чего-то стоишь».

И я говорю: ведь когда умру, я больше не смогу участвовать в джем-сейшн. И, зная меня, можно предположить, что я загуляю на собственных похоронах. Заставлю играть все то, что мне больше всего нравилось в музыке. И они будут играть громко, и это будет наша музыка. Я не хочу слушать песни «Битлз», но я немного послушаю Эдди Кохрана и много-много блюзов. Там будет Роланд Кирк, и я попробую уговорить Майлза Дэвиса сделать пластинку, если он захочет. Ради этого можно и умереть».

В феврале 1969 года Джими дал два концерта в Лондоне в Альберт Холле, а летом появился на уникальном фестивале в Вудстоке. И все же большую часть 1969 года Джими жил уединенно в своем доме в Нью-Йорке, мало появляясь на людях. В начале 1970 года он создал «Бэнд оф Джипсиз», куда вошли Билли Кокс, играющий на бас-гитаре, и Бадди Майлз — ударные.

В том же году Джими снова начал работать с Митчем, но на бас-гитаре играл Билли Кокс. «Я

все время хотел сменить бас-гитариста. Нозл явно не годится. У Билли более твердый стиль, он меня больше устраивает. Я не говорю, что один лучше другого, просто сейчас мне нужен более жесткий стиль. Я не могу точно сказать, что сейчас думаю об «Искспириенс». Возможно, мы бы могли продолжать работать вместе. Но что из этого выйдет и надо ли это? Теперь это уже призрак, он умер, это все равно что листать давние записи в дневнике. У меня новые планы, и я хочу думать о завтрашнем дне, а не о вчерашнем».

В августе 1970 года Джими вернулся в Англию на третий фестиваль, в котором участвовало самое большое количество звезд в истории фестивалей. Он прилетел туда с торжества, устроенного в Нью-Йорке по поводу создания студий «Электрик Леди», совладельцем которых он стал. Джими, Митч и Билли Кокс выступали на рассвете. Джими пытался играть хорошо, но был очень утомлен. Затем группа отправилась в турне по Европе, но не доехала дальше Германии и Прибалтики. Билли Кокс заболел, и они прекратили гастролы.

Для Джими это было тяжелое время, но он продолжал говорить о своих планах на будущее. «Я сделал полный круг и вернулся к тому, с чего начинал. Я все вложил в эту музыкальную эпоху, но моя гитара звучит, как прежде. Моя музыка та же, и я не знаю, что еще можно придумать, чтобы что-то добавить к ее теперешнему звучанию».

Когда закончилось последнее турне по Америке, я просто решил уехать и забыть обо всем. Просто хотел записывать и посмотреть, могу ли я что-либо создать. А потом я начал думать. Думать о будущем. О том, что та зра музыки,

которая была зажжена «Битлз», подошла к концу. Должно наступить что-то новое, и Джими Хендрикс будет там.

Мне нужна большая группа. Я не имею в виду три арфы и двенадцать скрипок. Я говорю о группе компетентных музыкантов, которыми я бы мог руководить и писать для них. И с помощью музыки мы создадим картины земли и космоса, чтобы они уносили за собой слушателей.

Во время последних выступлений в Штатах меня преследовало чувство, что я больше не нужен в Англии. Думал, что меня там забыли. Может быть, они говорили: «О да, у нас был Хендрикс, да, он был неплох». Я в самом деле думал, что меня оттуда окончательно вышвырнули.

Главное, что доводило меня до сумасшествия,— это то, что люди требовали от меня все больше зрительных эффектов. Я никогда не любил устраивать большие зрелища, а паясничать могу только тогда, когда мне хочется.

Я стал играть на гитаре лучше, чем прежде, и многому научился. Если у меня будет большая группа, я не буду так много играть на гитаре. Хочу, чтобы это делали другие музыканты. Хочу хорошо сочинять. Я не могу сформулировать сейчас, в каком направлении буду писать, но еще определюсь. Я не стану делать много живых композиций, потому что собираюсь работать над звучанием, а затем записывать на киноплёнку. Это так захватывающе, можно включить аппарат и слушать и смотреть. Я так счастлив. Это должно быть очень здорово».

Фестиваль на острове Уайт в 1970 году стал последним выступлением Джими в Англии. Когда он появился, по толпе, прижатой к залитой светом сцене, прошла волна нетерпения. «Долго при-

шлось ждать, правда?» — протянул нараспев Джими, улыбаясь слушателям.

Джими начал играть, но после первых номеров раздались лишь вежливые аплодисменты. «Давайте начнем сначала,— быстро сказал он.— Привет, Англия». Нарастала уверенность, что слушатели уже ничего не услышат такого, чего не слышали прежде.

Было поздно и холодно, все устали. И вдруг над полями на многие мили разнеслись пение и звон гитары. Рев аплодисментов был похож на шум моря, бьющегося о рифы.

Больше Джими никто не увидит. Все обещания, которые сулил 1967 год, увяли после выпуска двух уникальных альбомов и нескольких неординарных гастрольных поездок, а реального художественного свершения так и не произошло, вплоть до выпуска альбома «Крик любви» после смерти Джими.

Фанаты продолжали его преследовать, но «Икспириенс», неуверенно прошелестевший на концерте в лондонском Роял Альберт Холл в 1969 году и на острове Уайт в 1970 году, уже не был той блистательной командой взрывной силы, что потрясла Лондон в 1966 году.

Чего же не хватало? Те, кто знал и любил Джими, в своих воспоминаниях дадут нам подсказку в понимании человека вне его сценического имиджа. Схема рисует музыканта, поначалу принявшего рамки навязанного образа, разработанного традиционными методами шоу-бизнеса, но потом начавшего сопротивляться и отвергать требования, которые ему предъявляли.

«Банально говорить, что на музыкантов оказывают давление, но на Хендрикса давили в миллион раз сильнее»,— объясняет Чэс Чэндлер.

Каким же был Джими Хендрикс?

Все, кому приходилось работать с ним, признают, что он обладал неподражаемым шармом. Например, Тони Гарланд, осуществлявший для него контакты с общественностью, был очарован чувством юмора Джими. «Он был невероятно застенчивым и страшно вежливым, но обладал великолепным чувством юмора. Он был лучшим парнем из тех, кого я знал, но о нем говорят как о чуде...»

Некоторые утверждают, что Джими переутомлялся на гастролях и поэтому принимал наркотики, поддерживая себя «в рабочем состоянии», что его имидж полностью сфабрикован, искажен, что история его жизни приукрашена в угоду интересам черных и картина представлена упрощенно, для дурачков.

Он принимал наркотики и, возможно, получал от этого удовольствие. Он не был наркоманом, но, как многие художники и творческие люди, нуждался в допинге. Его успех приходится на то время, когда ЛСД оказала фантастический по силе эффект на молодежь Америки и Европы. Как очень многие рок-музыканты, он много экспериментировал с кислотой. Возможно, в его пользу говорит тот факт, что в таком потенциально опасном окружении он не втянулся и не стал наркоманом.

Ни одна из его проблем не была неразрешимой, а благодаря своему уму он не позволял отчаянию овладеть им. Тем не менее Джими часто чувствовал себя одиноким и потерянным. Ему просто нужно было больше времени. Но как раз времени-то и не хватило...

Джими умер в пятницу 18 сентября 1970 года. Ему стало плохо в квартире его подруги Моника

Даннеман, и по дороге в госпиталь «Сент Мери Эббот» в Кенсингтоне он скончался. Нет явных доказательств того, что Джими совершил самоубийство.

Моника Даннеман, красивая немка, инструктор по фигурному катанию, была с ним в последние часы его жизни. Она утверждает, что они говорили о женитьбе.

«Мы приехали домой примерно в 8.30 вечера, и я приготовила еду. Мы выпили бутылку белого вина. Затем он принял ванну. Мы разговаривали и слушали музыку до 1.45, а потом Джими сказал, что ему нужно кое-кому заехать. Это не были его друзья, и они ему не нравились. Он сказал, что не хочет, чтобы я ехала с ним, поэтому я его туда отвезла, а через час заехала за ним. Был четвертый час утра. Дома я приготовила ему сэндвич с рыбой и в 6.45 приняла снотворное. В последний раз мы разговаривали примерно в 7 утра. Я проснулась примерно в 10.20. Джими еще спал.

Он выглядел нормально, и я вышла купить сигареты. Когда я вернулась, он все еще спал, но выглядел больным. Я не могла его разбудить и поняла, что он принял снотворное. Я позвонила Эрику Бурдону и узнала адрес его врача. Затем вызвала «скорую помощь», она приехала минут через пятнадцать — двадцать.

Мне сказали, что все в порядке, и усадили его в машину. Позднее я узнала, что им надо было его положить, чтобы облегчить дыхание. Но они его посадили так, что голова запрокинулась назад. Он умер не от таблеток. Он просто задохнулся».

Большая часть первых сообщений в прессе утверждала, что Джими умер от большой дозы наркотиков. Одна воскресная газета называла его кокаинистом, заголо-

вок другой гласил: «Наркотики убили Хендрикса в 24», — а в статье о Джими говорилось как о «главном проповеднике поколения наркоманов».

Через три дня после смерти Джими Эрик Бурдон в телепрограмме Би-би-си заявил, что Джими убил себя и что он, Бурдон, займется «наследием Джими». Он утверждал, что Джими оставил «предсмертную записку». Майк Джеффери выступил «оппонентом» Бурдона: «Я просматривал кипы бумаг, стихов и песен, которые можно интерпретировать как предсмертные записки. Я не верю, что это самоубийство».

Вопросы Чэсу Чэндлеру — менеджеру:

— Был ли имидж «буйного» Хендрикса полностью сфабрикован?

— Когда мы поняли, как публика реагирует на него, то стали следовать этому образу.

Тем, кто не знал Джими, казалось, что уверенности ему не занимать, но он всегда очень нервничал, и мне приходилось перед каждым выступлением беседовать с ним, уверяя, что он действительно очень нравится слушателям. Хорошо, что он умел говорить с публикой. Прежде, когда ломался усилитель на сцене, он терял над собой контроль, но на премьере в театре «Савиль» в 1967 году, где он выступал вместе с «Ху», усилитель вышел из строя, и Джими заговорил аудиторию.

Усилители выходили из строя потому, что он часто пинал аппаратуру.

Популярность Джими росла как снежный ком. Я не встречал ничего подобного в своей жизни. С сентября 1967-го по июль 1968-го он был громаден.

— Изменило ли это как-нибудь Джими?

— Он начал много пить. Сначала пил немного. Три порции виски — и он счастлив. Мы с Джими жили вместе два года, но я никогда не решусь сказать, что знал его. Его не знал никто. В тот период он не проявлял никаких признаков срывов, не считая пьянства. Думаю, ему просто нравилось чувство опьянения. Только когда он делал свой второй альбом, я догадался, что он пробовал принимать ЛСД. В то время все считали, что она поможет решить проблемы.

— Что Джими делал с деньгами?

— Он раздавал огромные суммы. Посылал деньги родителям. Однажды в Лос-Анджелесе дал двум девушкам три тысячи долларов на покупки. Он мог пойти и купить девять гитар. Или разбить новую «Стингрей», затем пойти и купить новую, чтобы и ее расколотить через четыре дня. Он тратил баснословные суммы.

— Насколько близкими друзьями были Митч и Нозл?

— Джими очень нравилось, как Митч Митчелл играет на ударных, но он не любил Митча, тот его раздражал. Он хорошо ладил с Нозлом, но критиковал его игру. Это были отношения по типу «любовь — ненависть».

— Были ли у него проблемы из-за цвета кожи?

— Не думаю, чтобы он когда-либо задумывался об этом — никогда. И людям, которые знали его, это даже в голову не приходило. Лишь одна американская газета назвала его «Черным Элвисом». В нем было столько всего, что никто не замечал, что он цветной.

— Вы считаете, он действительно покончил жизнь самоубийством?

— В пятницу утром я прибыл в Ньюкасл. На вокзале меня встретил отец Джими и сказал, что

Джими умер. Я не мог в это поверить, но почему-то не удивился. Ни на секунду не поверю, что Джими убил себя. Об этом не может быть и речи. Но что-то должно было произойти, меня постоянно преследовало какое-то предчувствие. Словно последние два года Джими нас к этому готовил.

Жанет Джекобс.

Певица Жанет Джекобс была другой Джими еще с Нью-Йорка. После смерти Джими она перенесла тяжелое нервное расстройство и лишь год спустя смогла вернуться к работе.

«Когда мы с Джими познакомились,— вспоминает Жанет,— у него было две пары брюк, две рубашки и гитара — вот и все его имущество. Но он знал, что станет звездой. «Я буду очень великим»,— сказал он однажды.

Думаю, что из-за смерти матери у него было несчастливое детство. Он все время об этом думал. Отбирал у меня стакан с выпивкой и говорил: «Хватит с тебя. Не пей, пожалуйста, ты — единственная девушка, которая заставляет меня плакать, не считая моей матери».

В своей жизни он любил четырех девушек. Меня, Фэй — девушку, с которой встречался, когда ему было 16 лет, и Кэти Этчингем. А потом появилась Моника Даннеман, но это для него было чем-то вроде отдушины. Ему действительно нужны были дом и жена.

Его смерть стала результатом многих совпадений. Джими не был слабым, просто попадал под разные влияния.

Он говорил мне: «Чего ты хочешь?» — и я спрашивала: «Ты о чем?» Он отвечал: «В соседней комнате можешь взять все, что угодно, бесплатно». Фанаты пытались накачать его наркотиками. Не для того, чтобы навредить, а просто чтобы привлечь к себе внимание. Там было все: допинги, тран-

квилизаторы, «белые молнии», «красные сердечки», — выбирай. Вы не поверите. Они действительно думали, что все это он может сразу проглотить. Так странно, что люди, любившие его, помогли его убить. Ненамеренно, конечно. Он был идиолом, может быть, гением, и они думали, что он может все.

Незадолго до смерти Джими заявила Моника Даннеман и сказала, что она безумно любит Джими и они собираются пожениться. К несчастью, меня это задело, и я уехала из страны. Вечером, перед его смертью, кто-то ему сказал, что я уехала. А утром его нашли мертвым. Думаю, это должно было случиться.

У меня было тяжелое нервное расстройство после его смерти. Он говорил всегда: «Когда я умру, просто продолжайте слушать мои пластинки».

Робин Турнер — бывший репортер «Дейли экспресс»:

«Одним из самых больших удовольствий Джими были женщины. Имея много любовниц, он мало с кем был по-настоящему близок, и немногие для него что-то значили. И хотя каждая из его подружек утверждала, что Джими написал «Крылышко» для нее, думаю, он просто посвятил эту песню всем. Насколько мне известно, единственная девушка, с кем у него действительно сложились серьезные отношения,— это Кэти. Он жил с Кэти в квартире на Брукстрит примерно три года. Позднее Кэти вышла замуж за шофера Эрика Клаптона.

Были и другие девушки, но к тому времени, как из его жизни ушла Кэти, он уже прошел стадию, когда нужна только одна подруга. Однажды он сказал мне, что ему не нравятся сцены со многими девушками. И все же именно так он и развлекался, и очень часто.

Джими был до крайности ненадежен. Он рассказывал истории о финансовых крахах, от которых волосы вставали дыбом.

Думаю, что самое грустное в его похоронах — это то, что его похоронили в Америке. Ведь он хотел быть похороненным у Темзы, в Англии. Он любил Англию и не любил Сизтл.

Джими был потрясающим блюзовым гитаристом. Он ненавидел то, что делал на сцене, но Чэс Чэндлер и Майкл Джеффери уговорили его сделать представление. И это связало его навсегда. Он попался на крючок, играя роль Джими Хендрикса. Но, полагаю, сам в нее поверил.

У него были периоды, когда Джими вел себя агрессивно. Рассказывали о том, как он запустил кирпичом в девушку в Лос-Анджелесе. Иногда он был тихим и вежливым и сам не мог понять, почему совершал такие поступки. Но совершал их. В какой-то степени его боялись, потому что никогда нельзя было сказать, какой Джими Хендрикс перед вами и действительно ли вы общаетесь. Я всегда чувствовал, что это представление. Не думаю, что есть в мире хоть один человек, кому бы он доверял.

С Эриком Клаптоном у них были странные отношения. Они друг друга безгранично любили, хотя редко виделись. После смерти Джими Клаптон три дня рыдал: «Как он мог уйти и оставить меня?»

С развитием современных систем Джими обрел большую силу и разнообразие звучания и эффектов, чем все музыканты до него. Немногие инструменты могут отражать человеческие эмоции столь непосредственно. И хотя в мире есть немало виртуозных гитари-

стов, никто из них не обладает тем сочетанием качеств, которые сделали стиль Джими уникальным.

Нет никакого сомнения в том, что его профессионализм взлетел на новые высоты к концу карьеры. Как свидетельствует выпущенный после смерти Джими альбом «Герои Войны», его игра на гитаре переживает «ренессанс Хендрикса». Первоначальная тактика шокирования уступает место отработанной четкой фразе, извилистому и закрученному пассажиру с хитроумной логикой, неуловимой смене тона и аккорда, усиливающей идею.

Первый посмертный альбом «Крик любви» иллюстрирует новое направление, в котором Джими собирался работать, и те изменения, которые он хотел внести в свое сценическое исполнение.

Это гарантировало бы интерес публики к творческому таланту, а не просто почтение к увядающему образу.

Если бы Джими больше заботился о себе и других, он мог бы стать еще более великим музыкантом. И все же опыт, который он накопил, сделал его таким вибрирующим артистом. Сочетание ранних запретов и трудно завоеванной свободы создали в итоге творческий гений. Равновесие между его жадной жизнью и чрезмерным потворством желаниям было равновесием между врожденным талантом и его реализацией. Этот талант вновь начал находить свое выражение незадолго до его смерти...»

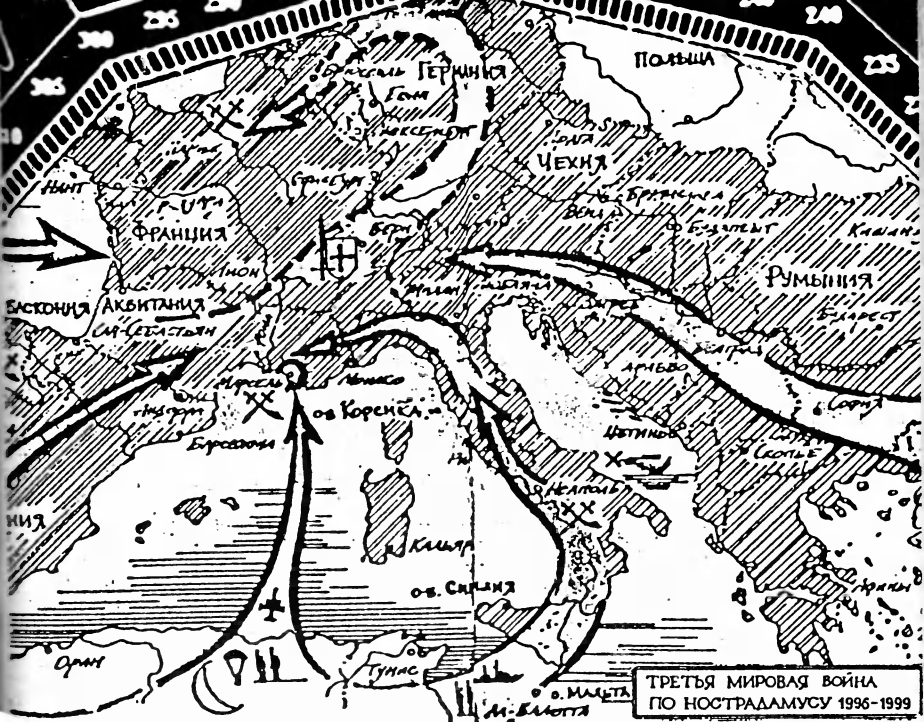
**Публикация подготовлена
ТАТЬЯНОЙ ШАШКОВОЙ**

по коллекционным
материалам
т/о «Диалог».

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

НОСТРАДАМУС

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
ПО НОСТРАДАМУСУ 1996-1999

ГЛАВА V

243

Вновь в пути

...В январе 1544 года Нострадамус отправился в Марсель.

В просторной гавани было тесно кораблям, прибывающим со всех уголков света. Торговые суда, пришвартовавшись к широкой набережной, выплескивали на нее стайки диковинных людей со смуглой или шоколадного цвета кожей, коротышек с раскосыми глазами, белозубых негров с мощными мышцами. Моряков переполняли необычные истории, приключившиеся с ними в плавании, и они прямо-таки обрушивали свои рассказы на головы благодарных слушателей.

Нострадамус любил посещать марсельский порт и слушать словоохотливых моряков.

Из чрева судов оборванные бродяги вытаскивали и складывали на пристани ящики с экзотическими плодами — бананами, ананасами, апельсинами, финиками. Здесь можно было рукой прикоснуться к мягким, изысканным шелкам из далекой Азии.

И никому не приходило в голову, что все эти ящики и тучки были разносчиками чумы, хотя первые ее вспышки и отмечались в районах, прилегающих к порту.

Продолжение. Начало в № 4.

Однажды Нострадамус встретил на борту судна, прибывшего с Востока, своего приятеля, однокашника по медицинскому факультету в Монтпелье Луи Серре. Мишеля, как видного специалиста, пригласили на борт, чтобы исследовать вспыхнувшую на корабле эпидемию какой-то незнакомой болезни.

Ученый был поставлен в тупик — такие симптомы ему прежде не приходилось наблюдать. Кровь жертв становилась черной, вязкой и очень липкой. У больных развивалась одутловатость, начиналась гангрена, постепенно охватывающая все тело, и несчастные разлагались заживо, издавая чудовищную вонь. У тех же, кого удавалось вырвать из смертельной хватки болезни, несмотря на полную дистрофию, начинало проявляться ненасытное половое влечение, они впадали в настоящее безумие.

Не зная, что предпринять, Нострадамус для начала решил прибегнуть к давно испытанному средству — своим классическим снадобьям, составленным из целебных трав. Но марсельские медики, яростно завидуя высокой репутации Нострадамуса, отказались последовать его совету и добились для него запрета на посещение судов с больными матросами. Люди начали умирать сотнями. Мишеля послушался только его друг Серре. Именно для Луи, после нескольких безуспешных попыток, Нострадамус составил чудодейственное средство, спасшее многие жизни.

Нострадамус видел повсюду — на улице, на площади, в порту, на судах, в домах зачумленных. Он трудился не покладая рук, позабыв о грозившей ему опасности. Наконец его усилия были вознаграждены: этому мужественному человеку чуть ли не в одиночку удалось унять «гнев Божий», а спасенные им люди возносили в храмах благодарственные молитвы в честь «великого» медика, мага, их избавителя, ибо победить такую болезнь, по их представлениям, мог только чудотворец...

Два года спустя, в июле 1546 года, в Марсель прибыла делегация нотаблей города Экса уговаривать знаменитого врача отправиться в их несчастный город. Ведь только Нострадамус мог положить конец страшной эпидемии чумы, которая свирепствовала в Эксе уже шесть месяцев, унося с собой бесчисленные жертвы. Нотабли даже захватили богатые подарки, чтобы с их помощью добиться его согласия. Нострадамус наотрез отказался от подношений, заявив, что готов выполнить свой долг медика перед людьми.

Когда Нострадамус въехал в Экс, представшую перед ним картину можно было назвать одним словом — «кошмар». Пустынные улицы, протяжный, заунывный звон колоколов. Иногда навстречу попадались медики, прибывшие из других городов, одетые в робу из красной кожи, с натянутыми на голову капюшонами с прорезями для глаз. Мишель знал, что под робы медики надевали рубашки, пропитанные специальным ароматизированным раствором. Глаза защищали линзы очков. В ноздрях торчали ватные тампоны, а во рту перекатывались головки чеснока. В руках они держали окрашенную в оранжевый цвет палку. В такой экипировке медики походили на странных существ, вышедших из преисподней. Иногда на глаза попадался зачумленный, у которого на лодыжках на кожаных ремешках висели

колокольчики, извещающие прохожих о его приближении. Таким оставалось совсем немного жить. Здоровых на улицах не было. Все они, следуя примеру членов парламента, покинули город и скрылись в близлежащих горах. Прекрасные особняки в лучших кварталах, дома среднего сословия, жалкие лачуги бедняков стояли пустые. Двери учреждений заколочены досками. Дворец правосудия поражал тишиной. Казалось, города, как такового, больше не существовало.

Немногочисленные жители, по какой-либо причине не сумевшие покинуть город, забаррикадировались в своих домах. Но и там не считали себя в безопасности. По сообщениям авторов печальных хроник, смерть, казалось, умела проникать даже через стены и наступала с обескураживающей быстротой. Часто настигала людей, сидевших за столом с бокалом вина в руке. Одних находили утром в постели, другие умирали от обильного кровотечения. Если чума поселялась в доме, то его жильцы выставляли перед дверью охапку сена или деревянный крест, что служило предостережением для прохожих. В те времена имело широкое хождение поверье, что можно заразиться чумой при приближении к очагу заболевания на расстояние пяти метров. Бывали случаи, когда люди кончали жизнь самоубийством, ошибочно полагая, что они перешли через роковую границу.

Въехав в зараженный город, Нострадамус, как специалист, сразу оценил истинные масштабы эпидемии и был поражен.

Отыскав способного аптекаря, он приступил к серии опытов. Наконец ему удалось найти снадобье, принесшее успех. Великая «эпидемия чумы» в Провансе длилась девять месяцев, но Нострадамусу вместе с коллегами удалось уберечь от смерти многих горожан. В январе 1547 года чума в Экс-ан-Провансе была побеждена. Оставались лишь незначительные очаги заболевания.

Измученный напряженной работой, бессонными ночами, почти выбившийся из сил, Нострадамус решил уехать в свой родной Сент-Реми, чтобы там отдохнуть от повседневных забот. Когда он, погрузив скарб на мула, уже собрался сесть в седло, к нему подошла худая, изможденная женщина и вцепилась в его черную накидку:

— Мэтр! Вы уезжаете, а кто же будет лечить наших детей и внуков?

Знаменитый медик, мягко улыбнувшись, отстранил от себя женщину:

— В один прекрасный день явится святой человек от науки, добрый пастырь... Он сумеет избавить тела несчастных от чумы навсегда.

Великий микробиолог, появление которого предрек Нострадамус, родился несколько веков спустя и совершил такой подвиг. Его звали Луи Пастер...

Отъезд Нострадамуса на отдых вовсе не означал, что теперь он прекратит энергичную борьбу со страшной болезнью. Через несколько месяцев он уже оказался в Лионе, где выкорчевывал, по одним источникам, чуму, по другим — коклюш. Справедливо-

сти ради нужно заметить, что в средние века всякую заразную болезнь именовали чумой.

Слава о Нострадамусе гремела по всему югу Франции. Вообще доверие к нему как к врачу основывалось на его безбоязненном противостоянии болезни. Он без страха склонялся над сукровицей зачумленных, приближался к ним, вдыхал миазмы разлагавшихся тел. И как ни странно, так и не заразился сам. Многие его коллеги погибли, исполняя свой долг, а он (хотя и редко натягивал кожаную робу, капюшон и очки) всегда был здоров и ухитрялся сохранять при этом приятный цвет лица. Он не раз задавался вопросом: что хранит его, что оберегает от болезни? Божественная сила Провидения? Но почему тогда она не спасла ни его жену, ни детей? Скорее всего дело заключалось в другом. Вероятно, заражению препятствовал тот факт, что в его организме уже находились болезнетворные бактерии. Эту гениальную догадку Нострадамус высказал за три столетия до появления Коха, открывшего туберкулезную палочку, обеспечивающую иммунитет от болезни...

Вернувшись из Лиона в Сент-Реми, Нострадамус продолжил неожиданно прерванный отпуск. Но, очевидно, небу не было угодно, чтобы этот чародей от науки бездействовал. Вскоре он получил депешу от своего младшего брата из Салона. Тот сообщал о нескольких случаях заболевания чумой и просил оказать людям помощь.

Нострадамус вновь отправился в путь.

246

Въехав в город Салон, Мишель сразу же попал под его очарование. Где еще можно увидеть такое прозрачное голубое небо, такие легкие, словно ватные, облака, вдохнуть живительный, сухой и здоровый воздух?

Маленький городок вился спиралью у подножия гористых террас из золотых виноградников и походил на колдовской лагерь, в котором заперто и благоденствие, и беспредельное счастье.

В Салоне ему понравилось все: множество цветов, долговязые мохнатые кипарисы, оливковые рощи, благоуханное дыхание близких полей...

— Боже! — воскликнул он. — Как здесь хорошо! Сколько видел дивных мест во Франции, в Италии, но ни одно из них не казалось столь милым сердцу. Здесь и умереть, вероятно, легко...

Не знал (а может, знал?) в эту минуту великий предсказатель, что этими словами предрек собственную судьбу. (Хотя, как правило, маги никогда ни себе лично, ни членам своей семьи ничего не предсказывают.) Он проведет здесь всю оставшуюся жизнь, где наконец в доме на улице Пуассонье настигнет его гонявшаяся за ним повсюду смерть...

Обрадованный приездом старшего брата, Бертран устроил шумную вечеринку, пригласив всех почитаемых граждан Салона и представителей местных властей.

Сидя за столом, гости горячо обсуждали последние важные события, произошедшие как в их городке, так и во Франции и даже за ее пределами. И вдруг, к великому удивлению брата,

Нострадамус в беседе с городскими нотаблями пустился в опасные политические рассуждения, чего прежде с ним никогда не бывало.

— Вы только посмотрите, — увлеченно разглагольствовал Мишель, — что вытворяет наш король Франциск I! Ведь он всегда представлял себя защитником католической веры и был готов идти за нее чуть ли не врукопашную. Но без всяких колебаний стал верным союзником еретиков-турок, как только того потребовали политические соображения, не желая попасть под крыло хищного германского орла! Я возмущен, у меня не хватает слов, чтобы осудить такое постыдное поведение!

Все громко и одобрительно захлопали. Чем же был вызван неожиданно проснувшийся у него интерес к политике? Во-первых, Нострадамус обладал твердым, цельным характером, ненавидел двуличие и всевозможные интриги, плетущиеся обычно за спиной. Во-вторых, не за горами был выход в свет его первого альманаха пророчеств «Центурий», в которых политика, ее подлая изнанка стали преобладающей темой.

Среди приглашенных дам в роскошных туалетах Мишель Нострадамус обратил внимание на молодую и красивую вдовушку, которую звали, как и его первую супругу, Анной (знак судьбы?). Муж Анны Понсар Жан Боллинг, по мнению горожан, абсолютная ничтожность, неудачно упал с лошади год назад и погиб. Вдовушка, в свою очередь, тоже бросала многозначительные взгляды в сторону бородатой знаменитости, о которой восторженно заговорил весь Салон. Вероятно, внутренний голос подсказал магу, что лучшего выбора ему не сделать, и как только у Анны истек срок траура по мужу, он поспешил сделать ей предложение, которое она так же поспешно приняла.

Брак между ними был заключен 11 ноября 1546 года, а пышную свадьбу отпраздновали через две недели, 25 ноября. Жена принесла Мишелю довольно большое приданое — двухэтажный дом и четыреста флоринов. К этому семейному достоянию Нострадамус добавил свои триста, сэкономленные во время борьбы с чумой.

Вскоре после того, как счастливая чета устроилась в своем уютном двухэтажном «гнездышке», расположенном в квартале Феррейру прямо под боком епископского замка, в Салоне о Нострадамусе пошла слава как о ревностном, образцовом католике. Он не скрывал своей ненависти к гугенотам и регулярно посещал храм, ежедневно молился, причащался каждую неделю и занимался широкой благотворительностью.

Никто и не догадывался, что великий маг и астролог тем самым пускал всем пыль в глаза, пытаясь скрыть от посторонних, чем на самом деле он занимается. Еще были свежи в памяти вызовы в Авиньонскую и Тулузскую инквизиции, да и дом епископа находился всего в двух шагах!

В это время он уже почти забросил медицину и все свое внимание стал уделять оккультным наукам, астрологии и литературному творчеству.

Начинался новый этап жизни.

ЧУДОТВОРНАЯ ЖИЗНЬ МИШЕЛЯ НОСТРАДАМУСА

ГЛАВА VI

Странствия в глубинах подвала

В доме новой жены Нострадамус произвел некоторые перемены. Расширил спальню, превратив ее одновременно в кабинет. К левой внешней стене пристроил просторную террасу, разместив в ней созданные своими руками, по чертежам великого Леонардо, астрономические инструменты, а в подвале устроил потайную лабораторию. Там он ставил опыты по алхимии и штудировал оккультные книги. Главным источником его магического вдохновения несомненно была книга «Египетские мистерии» (копия ее воспроизведена в Лионе в 1547 году), «Четверокнижие» Птолемея, сборник «Прорицательства Сибиллы» и мифические египетские «альфонсинские таблички».

Еще для вдохновения Нострадамус использовал галлюциногенные наркотические растения: опиум, страмоний и многие другие. Но более всего ему нравилась настойка таинственного корня мандрагоры, обладающего, как все тогда считали, чудодейственными свойствами. Скланка с этой настойкой всегда была у него под рукой. Названия некоторых наркотиков упоминаются в его пророчествах...

248

Мишель Нострадамус никогда не скрывал, что пользовался такими средствами для вхождения в транс. Он словно бы имитировал знаменитое греческое божество Бранха, прорицателя, сына Аполлона, основавшего храм в честь отца в Дидиме.

Древний ритуал заключался в следующем. Прорицатель садился на обитый кожей высокий треножник и старался как можно сильнее напрячь мышцы всего тела, сделать их жесткими, ригидными. Столь неудобная на первый взгляд поза способствовала полному освобождению духа. Ножки треножника располагались точно под таким же углом, что и стороны египетских пирамид. Это создавало определенную биоэнергетическую силу, способную увеличить психическую напряженность пророка.

Наблюдая за мерцанием пламени одинокой свечи и поглядывая на водную гладь в стоявшей рядом обитой кожей лохани, из которой поднимались стимулирующие запахи эссенции, он приступал к заклинаниям.

«Вот моя душа, сердце, мозг освобождается от всех тревог, и я пребываю в полном спокойствии и душевном умиротворении» — так начинался первый этап вхождения в транс.

«Возрождающее нас тепло и мощная подъемная сила приближаются к нам, как о том свидетельствуют солнечные лучи...»

В этот момент он бросал в лохань веточку дикого лавра. Вынув ее из воды, ударял себя несколько раз по одревеневшим ногам. Резкий порыв невиданной энергетической силы уводил его в другое измерение.

«Ибо созданный природой разум не может видеть оккультное, этого можно добиться только через направление, ведущее к лим-

бу (кругу Зодиака) посредством наблюдения за робким мерцанием свечи...»

Нострадамус плеснул в кожаную лоханку настойки корня мандрагоры. Слегка отшатнулся от терпкого запаха, стараясь не терять из поля зрения горящую свечу. Он чувствовал, как все его существо заполняет пустота, и он становится бесплотным... Вдруг увидел, как из воды под его напряженным от боли взглядом возникают образы, словно в объятom огнем зеркале. Вот перед глазами появляются едва уловимые очертания будущих великих событий, радостных и печальных, скучных и захватывающих дух, необъяснимых чудес, метаморфоз и катаклизмов, и все они произойдут в реальной жизни в свое, уготованное для них Провидением время.

Он сделал пару глотков из склянки. Образы стали яснее, еще яснее. Ему казалось, что он может дотронуться безжизненной рукой до будущего. Но вот перед глазами появились радужные дрожащие круги, и он впал в полный транс...

...Вот он видит перед собой доброе, в морщинах, лицо старой цыганки Сервены, матери той девушки, которую он когда-то спас от костра инквизиции в Монпелье. Из крытой фуры она извлекает старый пергаментный свиток, протягивает его Мишелю. Он запечатан восковой печатью и перевязан красным шелковым шнурком.

— Это мне? — удивляется Мишель.

— Колдовской свиток предназначается тебе, — отвечает она, ласково глядя на Мишеля.

Удивленный маг разламывает печать и быстро пробегает глазами несколько строк, написанных большими черными буквами на лощеном пергаменте:

«Тебе, умеющему читать по звездам. Все твои одиннадцать предыдущих попыток на протяжении одиннадцати веков не увенчались успехом, так как твоей силе воли не хватало прочности.

Как только ты почувствуешь себя сильнее смерти и сумеешь преодолеть страх, двенадцатая приведет тебя к желанной победе.

Это произойдет, когда ты встретишь великого Тота, пойдешь за божественной звездой туда, куда он укажет, и проникнешь в сердце Льва с человеческой головой, хранителя Гизы.

Там твое сердце оденется в бронзу, дух станет огненным, душа приобретет прочность алмаза.

Как только Тот подведет тебя к лику Загадки, покоришься, подави свою волю.

Знай: только эта Загадка откроет тебе высшую тайну».

Пророк бросил пытливый взгляд на цыганку.

— Кто такой Тот?

Сервена удивилась:

— Разве ты не знаешь? Это египетский бог мудрости, оккультных и непознанных наук, счета и письма. В египетском пантеоне главный писец всех других богов. Мудрый человеко-бог. Он разделил время на годы и месяцы, поэтому его называли «владыкой». Предсказывал будущее, записывал дни рождения и смерти

людей, вел летописи. Под его покровительством находились все архивы и знаменитая библиотека Гермополя. Управлял всеми языками и сам считался языком бога Птаха, знаменитого демиурга, создавшего первую восьмерку богов. Он составил священную «Книгу дыхания», которую могут понять только посвященные. Это его иероглифическое творение удалось извлечь из руин храма, сожженного ослепленными рабами.

Старая цыганка замолчала, словно собираясь с мыслями.

— Знай, что если ты ему понравишься, он укажет тебе, где лежит эта магическая книга.

— Но как мне с ним встретиться? — спросил Нострадамус.

— В Гизе, в городе, расположенном в самом центре Египта. Он находится под защитой трех великих пирамид. Ты его сразу узнаешь. У него тело человека, а шея и голова — священной птицы ибиса. Кстати, в легендах, поверьях и мифах утверждается, что в руках он держит палочку для письма и пальмовый венок. Но эти детали не столь важны. Если ты его увидишь, то непременно узнаешь.

...Вот он видит себя на одномачтовом неаполитанском судне-тартане.

Капитан, с улыбкой поглядев на Нострадамуса, осведомился:

— Куда отвезти сеньора?

— В Египет!

Корабль подошел к острову, напоминавшему громадную скалу, внезапно возникшую из пучины в жарком мареве запоминающегося дня. От земли с крутыми отрогами исходили чудные, незнакомые запахи, пропитавшие, словно благовониями, плотный воздух. Маленький порт, укрывшийся в расщелине скалы, поросшей коричневатым мхом, приветствовал приближавшуюся тартану гулками, тягучими ударами большого колокола на старой звоннице храма.

— Что это за земля? — спросил Нострадамус у капитана.

— Этот остров называется Корсика. Здесь живут люди, отличающиеся такой же дикостью, как и природа. Их трудно к себе расположить, но если все же удастся это сделать, они становятся вашими братьями по гроб жизни.

Команда с веселыми возгласами вышла на берег. За ними последовал и Нострадамус. Первого человека, которого он встретил на неизвестном острове, звали отцом Домиником, это был местный юре. Тот обрадовался встрече с чужеземцем и радушно пригласил высокоученого медика во двор ризницы, где они удобно устроились в беседке, увитой виноградной лозой. Они отхлебывали из серебряных кубков прекрасное местное вино. Нострадамус хранил молчание. Вдруг, наклонившись поближе к святому отцу, он тихо сказал:

— Мне кажется, этот красивый остров станет колыбелью человека, который изменит ход Истории.

Юре с удивлением уставился на странного гостя.

— Не могли бы вы принести мне кусок пергамента, ручку и чернила?

Отец Доминик молча выполнил его просьбу.

Нострадамус, склонившись над столиком, написал такое четверостишие:

Рожден близ Италии дерзкий воитель,
Империя будет в мятежной стране!
Но сколько солдат за тебя перебито,
Чудесный мясник, в безуспешной войне.

— О чем вы толкуете? — изумился священник. — Ведь Корсика — французский остров!

— Одно время он будет итальянским, мой отец, — невозмутимо уточнил Нострадамус. — Тот человек, о котором я говорю, будет итальянцем по происхождению, но станет грандом Франции, так как один король выкупит остров у Италии, заплатив за него весьма высокую цену...

(Когда 15 мая 1769 года родился Бонапарт, прошло всего два года с тех пор, как остров Корсика был куплен французским королем Людовиком XV. Он уже не был итальянским, но его еще нельзя было назвать и французским. Отсюда и выражение Нострадамуса: «близ Италии».)

Вскоре перед глазами путешественников в дымке предстал африканский континент. Прошло еще несколько часов, и они увидели белоснежные контуры великого города Александрии.

Нострадамус с интересом разглядывал плоские крыши домов, островерхие башни, высокие минареты, откуда доносились унылые завывания муэдзинов.

Когда он вступил на африканскую землю в Александрию, то увидел перед собой тень коренастого, невысокого человека, который впервые явился ему на Корсике. Нострадамус задрожал всем телом. Затылок пронзила острая боль. Когда дрожь унялась, он вытащил из кармана карандаш с куском пергамента и записал новое четверостишие:

Из морского обложенного данью града
Он мерзкого сатрапа прогонит вон,
Сам станет он таким, не убоявшись ада,
Четырнадцать годов тираном будет он.

(Если расшифровать его слова, то их смысл заключается в следующем: из морского порта, находящегося под чужеземным управлением — в данном случае речь идет об Александрии, находившейся под игом медийско-персидской империи, — он прогонит всех мерзавцев во главе с сатрапом. Сатрапия — область, управляемая сатрапом в древней Персии, который имел исключительное право на сбор налогов. Но ветры истории подуют в другую сторону, и он сам станет тираном, осуществляя свою безграничную власть в течение четырнадцати лет.)

Знаменитый французский биограф Мишеля Нострадамуса Жан-Шарль де Фонтбрюн приводит такой комментарий этого катрена:

«После того, как Александрия превратилась в данника Франции, Бонапарт превращает весь Египет в подобие французского

протектората, а затем морем отбывает на родину, где развитие политической обстановки вызывает у него тревогу.

Там он оказывает помощь Директории и фактически приводит ее к власти, а затем, организовав государственный переворот 18 брюмера, берет власть в свои руки и становится единоличным правителем, монархом и императором, и осуществляет ее до вступления союзников в Париж 31 марта 1814 года, то есть как и предсказал Нострадамус, спустя 14 лет».

Наконец-то Нострадамус достиг Гизы. Перед его глазами предстали три громадные пирамиды, возведенные египетскими фараонами IV династии, — Хеопс, Хафран, Менкере. Когда Нострадамус приблизился к сфинксу, солнце уже садилось, и его лучи обливали оранжевым цветом всю громадную каменную массу диковинного существа с человеческого ликом. Какая буйная фантазия у древних египтян! Сидящий монстр, казалось, молча улыбался неподвижными губами, и странный блеск от заходящего солнца играл в его безжизненных каменных глазах.

Нострадамус разбил бивуак под сфинксом, прямо возле когтей могучих лап. Наступила ночь. На небе высypали большие звезды и выстроились в причудливые геометрические фигуры. Постепенно глаза мага привыкали к плотной темноте, и он увидел прямо под бронзовой грудью сфинкса тяжелую бронзовую дверь. Когда-то людям был известен секрет этой двери, но впоследствии он был утрачен навсегда.

Пророк подошел к двери, за которой хранилось столько тайн, и ударил по ней кулаком три раза — дважды быстро, один удар за другим, а третий чуть погодя. (Этот условный знак потом переймут франкмасоны.)

К его удивлению и радости тяжелая бронзовая дверь со скрипом отворилась, поддавшись давлению его напряженной ладони. Просторный зал с колоннами вдруг озарился прозрачным зеленоватым светом, и Нострадамус увидел то, что искал: величественную статую бога Тота. Бронзовая фигура божественного писца восседала на троне. В одной руке у нее была остроконечная палочка для письма, в другой — палетка и пальмовый венок. Ему показалось, что концом палочки египетский бог мудрости и оккультных наук указывает ему, куда идти дальше. Повернув голову, он увидел в глубине зала низенькую дверь. Подойдя к ней, без опаски тронул ее рукой.

Она поддалась, и он, согнувшись, неловко вошел в другой, такой же просторный зал с двенадцатью колоннами. Перед каждой из них в рассеянном свете виднелись мраморные трапеции древних египетских гробниц. Маг оказался в центре вместительного склепа, а в этих гробницах лежали саркофаги. Ему вдруг показалось, что их обитатели ожили. Один поприветствовал его, а другой энергично поблагодарил за то, что Нострадамус прибывает сюда в двенадцатый раз за последние двенадцать веков. Третий тихим шепотом попытался выяснить, хватит ли у него силы духа на сей раз, ведь именно его не хватало магу во время предыдущего, одиннадцатого, визита.

Нострадамус чувствовал, что между ним и каменными гробами устанавливается какой-то странный, неслышимый диалог,

который тем не менее он отлично воспринимал в своем бодрствующем, звенящем от напряжения сознании, заставляя его отвечать этим покойникам.

— Вы утверждаете, что я прихожу сюда в двенадцатый раз за последние двенадцать столетий. Значит, я живу более тысячи лет? Кем же был я в прошлом? Кем буду в будущем?

— Никакого прошлого, — донеслось до него от третьего саркофага, — как и будущего, не существует. Есть только одно вечное настоящее. Будущее существует сейчас, теперь, поэтому его можно предвидеть.

— В таком случае как быть с законами физики? — возразил ученый муж.

— Их нужно поместить в четвертое измерение, — вяло донеслось от пятого саркофага. — Тогда все будет существовать одновременно — прошлое, настоящее и будущее. Может, движется только наше сознание?

— Но как узнать об этом? — воскликнул пораженный маг.

— Когда-нибудь мы узнаем об этом и тогда окажемся в будущем, пребывая в настоящем, или даже в прошлом. Нужно только уметь идти вперед к поставленной цели, — хрипло отозвался шестой саркофаг.

— Выходит, будущее человека зависит от его прошлого, прошлых его дел и настоящего? — изумился маг.

— У времени свои параллели, и они зависят от прежних и нынешних детерминированных действий всех нас. Когда ты это поймешь, тогда семерка гениев, этих хранителей ключей, запирающих прошлое и открывающих будущее, возложит тебе на голову венец хозяина времени, — глухо донеслось от самого дальнего, стоявшего в темном углу саркофага.

Нострадамус почувствовал, что теряет рассудок. Когда пришел в себя и вытер холодный пот со лба, то увидел, что все саркофаги были на своих местах, но больше не разговаривали. Теперь перед ним на коленях стояли двенадцать старцев в белых одеждах. Они приветливо ему улыбались.

Неуверенной походкой, преодолевая сковавший его страх, Нострадамус приблизился к одному, стоявшему ближе всех.

— Кто вы такие? — слегка заикаясь, спросил он.

— Мы двенадцать магов, хранители Загадки, — ответил старик. — Сердце твое не дрогнуло, когда ты шел сюда, сын Земли. Можешь с миром продолжать свой путь.

Он проводил Нострадамуса до низенькой двери и толкнул ее. — Иди же! Отыщи дорогу к выходу и иди!

Старик исчез, словно растворился, а Нострадамус очутился в длинном темном коридоре. С каждым шагом коридор сужался, а каменный свод, казалось, опускался на голову мага. Он уже не мог идти в полный рост. Пришлось встать на четвереньки и ползти. Но вскоре проход стал таким узким, что стало трудно передвигаться даже ползком. Страх охватил его, и он попятился назад.

Вдруг раздался громкий властный голос:

— Здесь позибают безумцы, страждущие познать науку и получить с ее помощью большую власть!

Предпринимая отчаянные усилия, Нострадамус пополз вперед. Каменные шершавые стены больно терли плечи и бока. Неожиданно лаз расширился. Мишель приподнялся, затем встал на ноги. Убыстряя шаг, протянув руки вперед, он шел в охваченную темнотой неизвестность. Впереди увидел танцующие матовые блики. Еще несколько шагов, и он очутился в большом, богато украшенном зале, в центре которого на мраморном троне восседал строгий на вид человек. На нем была широкая накидка ярко-красного цвета, а на груди блестело большое золотое солнце.

— Я хранитель священных символов, — торжественно произнес он. — Мне запрещено богами передавать тебе откровение, которое укрепит твой дух и тело, но так как у тебя хватило мужества избежать бедны и при этом не сделать ни шага назад, я обязан указать тебе путь, ведущий к сердцу тайны.

Нострадамус, поборов страх, с любопытством озирался. В четырех углах величественного зала стояли великолепные статуи женщины, быка, льва и сокола. Он отметил, что все они являются символами четырех элементов фигуры сфинкса.

— Так слушай же! — прогремел старик, и его слова отозвались многократным эхом в просторном помещении. — Женщина олицетворяет интеллект человека, способность к действию. Бык — труд человека, горбом прокладывающего себе дорогу, которая должна привести его к успеху. Лев постоянно предостерегает: для того чтобы добиться поставленной интеллектом цели, прибегая к тяжкому труду, нужна еще и смелость. Сокол означает, что человек, стремящийся к успеху, должен лететь к нему на крыльях отваги...

Старик встал с мраморного трона и подошел к Нострадамусу.

— Ты будешь посвящен во все девять степеней достижений совершенства науки. — Он возложил руку ему на лоб. — Мы намерены ввести тебя в собрание магов Розы и Креста, которые изъявили желание причислить тебя к adeptам Великого посвящения.

(Роза и Крест — сфера бесконечного. Роза, нежный запах которой символизирует откровение жизни, помещается в центре Креста, геометрической фигуры, выражающей ту идеальную точку, где сходятся две линии, продолжающиеся в бесконечности. Между этими лучами древние маги помещали изображение четырех фигур. Соединяясь друг с другом, они образовывали фигуру сфинкса — человека, быка, льва и сокола. Эти четыре фигуры могут быть заменены четырьмя магическими буквами И. Н. Р. И., которые древние иудеи рисовали на кресте Иисуса Христа. — Прим. автора.)

— Ты станешь пятнадцатым adeptом и третьим из тех, кто живет в настоящее время. Первый — выходец из Индии, и он является Богом для всех, кто ему поклоняется. Второй — родом из Греции, он тоже Бог, которому поклоняются его праведники. Ты пришел из древней Галлии и станешь Богом для всех, кто сумеет тебя понять...

Слова старика стали глуше, почти неразличимыми... Нострадамус почувствовал, как сознание его гаснет... Когда он пришел

в себя, то увидел, что лежит между могучими лапами сфинкса. Из глубины пустыни доносилась сладостная музыка ветра, игравшего с дюнами. Нострадамус повернул голову, чтобы еще раз взглянуть на сфинкса и тяжелую бронзовую дверь, и вдруг заметил лежащую у его ног старинную колдовскую книгу, источенную временем. Даже в темноте он разглядел название, написанное крупными буквами. Казалось, они светились. Это была «Книга Тота». Задрав голову, он долго разглядывал задумчивое лицо гигантской женщины, этой Каменной загадки, которая теперь, казалось, улыбалась ему. Бросив взгляд вниз, он увидел, что бронзовых тяжелых дверей там больше нет.

Кровь хлынула ему в лицо. Собрав оставшиеся силы, он громко закричал, чтобы перекрыть звонкую песнь ветра и пустыни:

— Я теперь владыка мира! Я! Я! Я!

Нострадамус очнулся, открыл глаза и почувствовал, что выходит из транса. Перед ним догорала свеча, ее крохотное пламя отражалось в ароматной воде лохани. «Какое странное видение!» — подумал он. Попытался вспомнить подробности, но не смог — голова раскалывалась от острой боли. Машинально он потянулся к склянке с настойкой корня мандрагоры. Сделал несколько маленьких глотков. Пожевал лавровый лист. Все тело ныло. Сидеть на треножнике было неудобно. Прищурив глаза, он продолжал смотреть на горящий огарок. Свеча постепенно погасла. К Нострадамусу окончательно вернулось сознание.

Осторожно, чтобы не упасть, он сполз с высокого треножника. Ноги не слушались, казались чужими... В подвале царил густой мрак, лишь слабый луч неяркого света с трудом пробивался через небольшое оконце-отдушину. Он неуверенной походкой направился к двери. Открыв ее, превозмогая острую головную боль, начал медленно подниматься по лестнице на второй этаж, чтобы в мягкой, удобной кровати дать немного отдохнуть уставшему телу.

ГЛАВА VII

Центурии

Мишель Нострадамус и Анна Понсер, по мнению соседей и друзей, были счастливой супружеской парой. Но видимость, как правило, обманчива. Непоседа маг испытывал сильнейшую тягу к перемене мест. Уютный дом не радовал, спокойная жизнь процветающего буржуа раздражала. Скорбный «медовый месяц» продлился два года...

Чтобы скрасить однообразие, Нострадамус занимался не только оккультными науками, но и литературным творчеством. Он задумал создать десять циклов стихотворных предсказаний, в каждый из которых намеревался включить сто катренов, и назвал их «центуриями» (от латинского «centuria» — отряд солдат численностью 100 человек. — Прим. авт.). Впоследствии число таких циклов увеличилось до двенадцати.

Опасаясь, как бы его пророчества не попали в руки недоброже-

лателей и чтобы его не отправили на костер, Нострадамус, сочиняя первые катрены, записывал их справа налево. Фразы составлял на диговинной смеси латинского, еврейского, итальянского и провансальского языков и, чтобы еще больше усложнить их понимание, прибегал к особому литературному коду. Хотя опасался, что его тяжкий труд так и не дойдет до потомства.

Если прочитать все 970 дошедших до нас катренов (12 центурий), то складывается довольно мрачная картина в отношении перспектив жизни человечества в будущем. Многие специалисты полагают, что в некоторых своих катренах Мишель Нострадамус вступает в откровенный спор с появившейся в 1519 году «Утопией» Томаса Мора, призывая его спуститься на землю, бросить трезвый взгляд на окружающую действительность. Нострадамус отказывался сеять радужные иллюзии, не желал обещать людям в будущем земной рай и приятное благоденствие. Нет, не рай, а деспотию, войны и кровь дадут человечеству новые времена, если только оно к тому времени не образумится, не станет повторять трагических ошибок предыдущих поколений.

Но, как показала история последующих столетий, человечество так ничему и не научилось.

...Осенью 1939 года, вскоре после объявления Германией войны в Европе, фрау Магда Геббельс, взволнованная событиями дня, никак не могла заснуть. Ее супруг безмятежно посапывал рядом. Она переворачивалась с боку на бок, читала про себя молитвы, но все было напрасно — сон не шел. Тогда включила лампу на ночном столике, осторожно, чтобы не разбудить мужа, выскользнула из-под одеяла и подошла к книжной полке. Провела в нерешительности рукой по шершавым корешкам книг. Рука задержалась на одном томе, особенно истрепанном. Вытащив книгу, она раскрыла пожелтевший от времени томик.

Это были предсказания какого-то французского астролога по имени Нострадамус, изданные в Лейпциге в 1568 году.

Магда начала перелистывать ломкие пожелтевшие страницы. Через несколько минут, дойдя до Пятой центурии, она так разволновалась, что даже осмелилась разбудить мужа и попросила его прочитать указанный ею отрывок. По ее мнению, в нем шла речь о Германии, о рейхе, о фюрере, о судьбе «нового порядка». Полусонный Йозеф никак не мог взять в толк, что от него хочет супруга в столь поздний час. Но, услышав слово «фюрер», тут же очнулся. Читал он предсказания до рассвета. Они произвели на Геббельса такое сильное впечатление, что утром, придя на службу, он отдал распоряжение принять на работу в министерство пропаганды штатного астролога.

И. Краффту поручили разработать и издать массовым тиражом материалы, основанные на пророчествах Нострадамуса. Сообразительный министр решил использовать их для ведения психологической войны на территории оккупированных стран Европы и Англии. С мая 1940 года немцы начали сбрасывать с самолетов подделки «Пророчеств», в которых якобы говорилось о неизбежной победе Гитлера, при этом подчеркивалось, что война непременно пощадит Южную Францию, родину велико-

го прорицателя. Таким хитрым ходом немцы стремились поскорее расчистить себе путь на Париж.

Союзники пришли в недоумение от новых пропагандистских трюков гитлеровцев. С каждым днем на их головы сваливались все новые фальшивые пророчества великого мага. Британским секретным службам пришлось затратить 80 тысяч фунтов стерлингов в целях контрпропаганды, разумеется, с помощью все тех же, но уже правдивых, пророчеств Нострадамуса.

Великий маг и астролог, наверное, никогда не смог бы предположить, что его литературные творения станут важным инструментом в пропагандистской войне между двумя мощными политическими силами в Европе!

...Поздней осенью 1547 года, когда город Салон по утрам серебрила застывшая утренняя роса, магом-непоседой овладела тоска. У него появилось желание сняться, как птица, с места, и отправиться вновь в странствия... Ведь они всегда доставляли ему неизъяснимое удовольствие, заставляли наслаждаться этой, по сути, второй, настоящей жизнью.

Мишель все чаще сиротливо поглядывал на восток, туда, где за Альпами, за снежными вершинами, лежала прекрасная полу-денная страна, которую он глубоко и страстно любил. Италия... Только там, по его мнению, можно было встретить истинных, оригинально мыслящих людей-новаторов.

Сколько знаний почерпнул он у Леонардо да Винчи! Каждую ночь Нострадамус разглядывал звездное небо через сделанный собственными руками телескоп по чертежам этого мудрого старика.

А недавно до него дошел слух о еще одном удивительном итальянце, некоем Микеланджело Буонарроти, соединившем в себе все мыслимые таланты: скульптора, поэта, художника, военного инженера, архитектора. Говорят, вся Италия от Микеланджело просто без ума! Как хотелось бы встретиться с ним, поговорить о тайнах искусства, которые сродни нераскрытым тайнам бытия. Над их разгадкой он тщетно бьется всю свою жизнь.

Однажды утром Нострадамус отправился седлать своего вечного спутника, верного мула.

Салон-ан-Прованс он покинул в январе 1548 года. Анна, смирившаяся с нелегкой участью жены великого ученого, да к тому же мага и астролога, тепло распрощалась с супругом (к тому времени она подарила ему двух детишек — девочку Мадлен и мальчика Цезаря — и носила под сердцем третьего ребенка) и нежно обняла его на крыльце дома.

— Не расстраивайся,— успокоил он ее.— Я скоро вернусь. Разлука будет короткой.

На сей раз прорицатель ошибся. Его странствия продолжались более двух лет...

...Во второй раз он открыл для себя Венецию, эту «Лучезарную застывшего времени». Здесь, в одном из самых поразительных по красоте мест, сконцентрировалось все то лучшее, что ему

приходилось видеть прежде только по отдельности, — причудливая, кружевная готика, дивный, непривычный для его глаза византизм, легкое, воздушное барокко. И повсюду буйство красок, привольность красоты...

Об одном забавном случае, который произошел с ученым в Венеции, рассказывает его сын Цезарь Нострадам в своих воспоминаниях в главе «Ужин у Тривульцио».

Синьор Тривульцио, много слышавший о необычайных способностях мага Нострадамуса, решил организовать в его честь роскошный ужин. Вероятно, он хотел подтрунить над ученым и выдвинул неперемное условие — Нострадамус при любых обстоятельствах должен оставаться за столом до конца трапезы.

Ничего не подозревающий пророк попросил у хозяина разрешения, перед тем как сесть за стол, вымыть руки розовой водой, и на короткое время удалился.

Пирушка началась с большого пирога, за которым последовали марципаны, называемые «засахаренным хлебным тестом»; их запивали лимонным напитком и заедали миндалем.

Затем на столе появилась спаржа — блюдо, «открывающее навстречу еде желудки и сердца гостей». Вслед за ней слуги принесли печень и желудочки диких птиц, зажаренные окорока лани, головы молодых телок и сваренные прямо с кожей куски телятины, каплунов, фазанов, голубей, бычьи языки, ветчину под лимонным соусом.

К этому времени большая часть гостей насытилась.

Но Нострадамус не проявлял никаких признаков пресыщения и увлеченно продолжал поглощать одно за другим поставленные перед ним блюда — жареную козлятину, поданную в серебряных четырехугольных тарелках, политую горьким вишневым соком, горлиц, куропаток, перепелов, журавля, лесных жаворонков и прочих пернатых, отменно прожаренных в масле.

Удивленный хозяин не спускал глаз с Нострадамуса.

— Мэтр, вы уже утолили голод? Готовы ли вы признаться в этом гостям? — с наигранной веселостью спросил Тривульцио.

— Что вы, друг мой, я только начал! — ответил Нострадамус, смачно посасывая крылышко каплуна. — Не забывайте, я был знаком с Франсуа Рабле, а он, как известно, знал толк в еде!

Хозяин понял, что розыгрыш не удастся, и хлопнул в ладоши.

Тут же длинная цепочка слуг принесла следующую порцию — савонские маслины, зажаренных в сахаре петухов, запеченных на углях поросят, павлинов под белым соусом с острой пикантной подливкой под любопытным названием «шпора».

Этот странный соус, составленный из сырых яиц, молока, шалфея, муки, сахара с кусочками засахаренной айвы, гвоздики, корицы, чертополоха, обладал репутацией сильного возбуждающего средства. Видимо, поэтому дамы сразу раскраснелись...

Хозяин продолжал пристально следить за Нострадамусом. Число едоков к этому времени заметно поредело. За столом остались Нострадамус да еще пара его упрямых подражателей, лица которых лоснились, покрытые обильным потом...

— Теперь, надеюсь, вы готовы признаться перед гостями, что

уже не в состоянии проглотить ни кусочка?

Не отвечая на вопрос, маг попросил синьора Тривульци распорядиться, чтобы ему принесли немного сыра, говядины, баранины, а также побольше приправ к ним — кориандра, флорентийского укропа, миндаля, айвы, гвоздики, апельсинового сока и как можно больше мускатного ореха.

У хлебосольного хозяина от такой просьбы глаза полезли на лоб. Вскоре за столом сидел в одиночестве Нострадамус, приканчивая последнее блюдо. Потом, наконец насытившись, легко поднялся и подошел к гостям.

Озадаченный хозяин дома с тревогой ожидал момента, когда Нострадамус лопнет у всех на глазах. Но ничего такого не произошло.

— Честно говоря, — осторожно начал он, обращаясь к Нострадамусу, — я в недоумении. Ведь столько не осилить и Гаргантюа! Признайтесь, вероятно, все дело в магии?

— Никакой магии, — довольный произведенным эффектом ответил Нострадамус. — Просто каждое блюдо я запивал настойкой собственного изобретения из целебных растений, а она обеспечивает мгновенное переваривание пищи в желудке...

Рим лежал внизу среди холмов весь в развалинах, будто после очередного нашествия вандалов. Вдали виделась стена дворца папы Пия IV и замок Святого Анания.

Пришпорив мула, Нострадамус съехал к Народным воротам, миновав могилу матери Нерона, выехал на небольшую площадь. На ней возвышалась куча отбросов, распространявшая утомительное зловоние. Улицы, по которым он проезжал, были узкими, скверными, с выщербленными мостовыми. Навстречу ему то и дело попадались громоздкие, дребезжащие кареты. Возле разрушенной гробницы императора Августа теперь пасли скот, плоское, прямоугольное Марсово поле близ Тибра заселил самый бедный городской люд. Мастерские ремесленников ютились между античными дворцами; они настолько обветшали, что, казалось, могли рухнуть в любую минуту.

Большая часть зданий в городе была разрушена. Среди равнин бродили козы. В минувшем декабре разлился Тибр, причинив городу большой ущерб.

В грязном, промозглом от сырости городе объявилась чума, и на острове, расположенном посередине реки, каждое утро хоронили покойников.

— Видно, чума будет меня преследовать повсюду, куда бы я ни поехал, — горько усмехнулся про себя Нострадамус.

Как он ждал встречи с великолепным городом, с величественным Римом! Но этот город, праматерь христианства, оказался грудой жалких развалин, перепачканных вонючим пометом. Мул то и дело спотыкался о трупы животных, валявшихся на земле. Многие пытались обратить себе на пользу стихийное бедствие, постигшее Рим. Воровски разбирались древние стены, похищались дорогой камень, пережигались на кострах мраморные плиты и статуи ради получения извести. Огибая греческий храм, Нострадамус заметил, что внутри, под колоннадой, устроен загон

для свиней. Из подземного склепа, рядом с которым виднелись полузасыпанные колонны древнего Форума, доносилась тошнотворная вонь. Жители превратили его в отхожее место.

Нострадамус продолжал гнать осла по лабиринту темных, извилистых улочек, настолько узких, что на них не могли разминуться две лошади.

Мул ступил на ровную, ухоженную почву Кампо деи фиори, где Нострадамус увидел первые признаки обычной городской жизни — там находился рынок. Торговые ряды показались ему опрятными и даже привлекательными — женщины покупали овощи, цветы, сыр, мясо и рыбу. Проехав по мосту Систо, он миновал Сикстинские ворота и направился в Транстевере...

Нострадамусу указали на большой одноэтажный, чисто выбеленный дом. Здесь жил великий скульптор и тут же размещалась его мастерская. Во дворе лежали груды «сияющего камня», так греки называли мрамор.

Подойдя к массивной деревянной двери, Нострадамус услышал доносившиеся из-за нее крики и грубую брань. Видимо, хозяин, не скупясь на оскорбления, отстаивал свою точку зрения.

Неожиданно тяжелая дверь резко распахнулась, и Нострадамус увидел, как крепыш невысокого роста вынес вверх ногами человека в два раза выше и плотнее его самого. Казалось, без особых усилий этот маленький «титан» донес свою ношу до набережной, где, раскачав орущую жертву, бросил ее в воды Тибра.

Когда грубиян вернулся, Нострадамус внимательно его оглядел. «Варвар» был невысокого роста, широк в плечах, с тонкими, не гармонирующими с телом ногами; безобразное лицо серого цвета, впавшие щеки, мощный, круглый череп, желтоватые глаза, небольшая борода с двумя клинышками, перебитый крупный, мясистый нос.

И этого человека он так страстно хотел увидеть в Италии? Стоило ради такого бузотера покидать семью, насиженное гнездо?

Не обращая внимания на глазевшего на него Мишеля Нострадамуса, Микеланджело, сумрачно сдвинув брови, быстрым шагом направился к раскрытой настежь двери.

Нострадамус поспешил за ним:

— Синьор... Я проехал на осле сотни лье по горным тропинкам, чтобы встретиться с вами. Познакомиться с великим человеком Италии. Но, кажется, ошибся в своих намерениях...

Микеланджело остановился, в изумлении взирая на незнакомого путешественника.

Нострадамус учтиво продолжил:

— Меня зовут Мишель Нострадамус, родом я из Франции, из провинции Прованс, по профессии медик-астролог, к тому же прорицатель и маг. В настоящий момент совершаю путешествие по Италии, чтобы собственными глазами увидеть все знаменитые сокровища вашей несравненной страны. Я ошибся в своих намерениях, изъявив желание встретиться с вами, потому что перед моими глазами предстал несравненный гений с невыносимым, дурным характером, а я представлял вас человеком столь

же достойным и куртуазным, сколь достойны и грандиозны созданные вами величайшие творения.

Микеланджело молча слушал незнакомца, в столь изящной форме высказывавшего в его адрес нелицеприятные упрёки. На такое в его присутствии отважились бы немногие смельчаки!

Нострадамус внимательно посмотрел на своего собеседника:

— По обрывкам фраз, которые против воли мне пришлось подслушать, я понял, что этот человек — тонкий знаток искусства и осмелился противопоставить вам мэтра Рафаэля. В его творчестве он увидел необычайную точность рисунка, гармонию линий, особый колорит, нежность и тонкость красок, умение передавать на полотне громадное пространство, которое он мастерски использует для новых форм самовыражения... А это не всегда встретишь в вашей живописи.

Микеланджело позеленел от злости.

— Неужели вы не знаете, — взорвался он, — что треклятый Рафаэль всю жизнь был только художником! А я никогда им не был. Живопись не для меня! Хотя я и разрисовал фресками плафон Сикстинской капеллы... Я скульптор, поэт, архитектор. Не забывайте, что я кое-что смыслю в военной инженерии и принимал участие в возведении укреплений во время осады Флоренции. Разве вы не видели моего «Геракла», «Давида», «Снятие с креста», мои гробницы для членов семьи Медичи во Флоренции, мои статуи на гробнице папы Юлия II? Кто все это сделал, ваш Рафаэль?

Гнев Микеланджело забавлял Нострадамуса:

— Пока я говорю вам только о Рафаэле. Но еще не рассказал, какой дивный спектр чувств, внутренних возвышенных переживаний вызывают у меня шедевры Джотто...

На сей раз зелен на щеках Микеланджело уступила место землистой серости.

— Пойдемте, я покажу вам, что такое настоящий шедевр!

В дальнем углу мастерской Нострадамус увидел поразительную по красоте мраморную композицию: скульптуру Вакха в образе юноши — бога плодородия, растительности и виноделия.

— Ну что, — язвительно спросил скульптор, увидя немое восхищение Нострадамуса, — разве это не чудо?

Это действительно было чудо.

В высоко поднятой руке Вакх держал чашу. Виноградные гроздьи и листья венчали его голову. Виноградные ветви оплели и пень, на котором стоял Вакх, и присевшего возле него Сатира. С другой, опущенной руки Вакха свисала шкура тигра, его голова покоилась между раздвоенными копытцами Сатира; мертвая голова как напоминание о том, что произойдет с головой самого Вакха в будущем, — символ тщетности всех земных наслаждений.

— Тебе приходилось прежде видеть что-либо подобное? — переходя на «ты», спросил Микеланджело. — Никогда раньше Вакх не изображался в образе юноши. В Риме есть несколько изваяний, привезенных из Греции. Бородатые старцы, скучные и убогие. Я сразу решил, что мой Вакх будет юношей, как и полагается богу веселия и плодородия!

— Вероятно, твою идею не так просто оказалось осуществить? — поинтересовался Нострадамус, переходя вслед за хозяином на более сердечное, дружеское общение.

— Да уж, повозился... В поисках нужной натуры пришлось побродить по рынкам. Я осмотрел тысячи горожан — у одного взял шею, у второго плечи, у третьего живот. Но все выходило ходульно, неубедительно. И тогда обратился к своему другу Лео Бальони. «Мне позарез нужен натурщик, — сказал я ему. — И из знатного рода». «И непременно красивый», — добавил он. «Да. Но его красота должна быть поблекшей, увядающей. А фигура слегка искаженной...» «Чем же?» — поинтересовался мой друг Лео. «Конечно же, вином, излишней чувствительностью, распушенностью».

Он привел ко мне графа Гиладцо из очень знатного рода. Поняв, что вельможа не соблазнить деньгами, я сказал ему о намерении увековечить его в образе великого греческого бога Вакха, или Дионисия, — это уж как ему больше нравится. Он пришел в восторг.

После ночных попок и краткого утреннего сна граф приезжал ко мне в сарай, раздевался и принимал требуемую позу. Я заставлял менять ее сотни раз, и он безропотно подчинялся. К сожалению, к вечеру Гиладцо прилично напивался. Тогда я вплетал ему в волосы виноградные гроздья и рисовал их, словно они росли у него из головы. Эта процедура ужасно забавляла графа. Однажды он сильно перебрал, упал с деревянной платформы, сильно ударившись о земляной пол, и долго лежал без движения. Испугавшись, я вылил на него ведро воды. Когда граф пришел в себя, он молча оделся и, не попрощавшись, скрылся за дверью. Больше я его не видел.

Потом другой мой друг, Якопо Галли, подыскал чудесного семилетнего мальчишку с кудрявыми золотистыми волосами и с большими теплыми черными глазами. Хотя работать с таким натурщиком было трудно, но в конечном итоге кое-что все же получилось...

В мастерской повсюду — на столах, стульях, полках и даже на постаментах скульптур — лежали разбросанные в беспорядке листы плотной бумаги. На них рукой Микеланджело были нарисованы части мужского тела. С удивлением Нострадамус отметил, что среди сотен рисунков нет ни одной детали столь обожаемого художниками женского тела. На его недоуменный вопрос Микеланджело досадливо бросил:

— Женские формы меня не интересуют. Сильная часть природы заключена в мужчине.

— Каждое утро, — тактично перевел Нострадамус разговор на другую тему, — ты начинаешь рисовать какую-то новую модель, одержимо, неистово, словно тебе это в новинку, словно вновь отправляешься в увлекательную неизвестность. Неужели тебе не надоело рисовать одно и то же — голову, руки, плечи, грудь, ноги?

— Да ведь они всегда разные! Неповторимые, особенные, единственные в своем роде. Запомни, дружище, в мужской

фигуре можно найти все формы, какими только Господь одарил вселенную. Тело и лицо человека могут сказать о нем все.

— А как показать тайные свойства человека? Ведь никто не стремится выставить напоказ свою душу.

— Это зависит от скульптора, от того, насколько глубоко он способен проникнуть сквозь внешнюю оболочку... Всякий раз, приступая к работе, я мысленно говорю себе: «А ну-ка покажи без утайки, кто ты есть на самом деле, предстань перед миром нагим, словно новорожденный...» Когда наблюдаю человека, вижу его обнаженное тело, чувствую то же самое, что чувствует астроном, открывая новую звезду. Если бы ты сумел нарисовать всех мужчин на свете, тогда, несомненно, познал бы всю правду о человеке.

— Такое сделать невозможно!

— Знаю. Предстоит тяжкий труд. Но если мне это не удастся, значит, тайна останется нераскрытой... А теперь пройдем дальше, я покажу тебе еще одно чудо.

Войдя в следующее просторное помещение, Нострадамус увидел только что завершенную величественную скульптуру.

— Что скажешь, великий маг? Разве она не поражает воображение? — спросил Микеланджело, пытаясь по глазам Нострадамуса выяснить, какое впечатление произвела его работа на мага. — Перед тобой гробница, предназначенная для Лоренцо Медичи. Я работал над ней семьсот ночей и только вчера на рассвете закончил. Уверен, она будет самой прекрасной в усыпальнице Медичи во Флоренции...

Мишель Нострадамус благоговейно молчал.

Микеланджело тихо спросил:

— Как ты думаешь, смог бы такое сделать Рафаэль?
Великий маг не ответил.

Микеланджело привел Нострадамуса поужинать в деревню, истинно итальянскую trattoria, расположенную неподалеку от Палаццо дель арте. Фасад трактира скрывался за плотной листвой фиговых деревьев. Они вошли в просторный зал с внушительными каменными сводами, сохранявшими приятный полумрак и прохладу.

За грубо сколоченными столиками, сидя на расшатанных скрипучих табуретках, кутили, просаживая заработанные за день деньги, чесальщики шерсти с готовыми ко всем превратностям судьбы случайными подружками.

В громадном камине потрескивали сучья пихты.

Чувствовалось, Микеланджело здесь свой человек, да и вел он себя, как дома. Его тут же обняли подбежавшие две служанки с весьма опасным декольте. С озабоченным видом к нему поспешил сам хозяин.

— Мэтр! Благодарю вас за оказанную честь. Вся прислуга и я готовы, как всегда, удовлетворить любое ваше желание.

— Сегодня требуется услужить моему другу. Он прибыл из Франции, и, имея в виду, ему приходилось бражничать с самим Пантагрозом!

На столе появились пузатые кувшины с любимым «тоскан-

ским» с родины Микеланджело, блюда с зеленью и зажаристыми кусками свинины.

Осушив первый кувшин под изысканную закуску, Микеланджело бросил на нового друга любопытный взгляд.

— Ведь ты маг, ясновидец, пророк и колдун, так? Можешь ли предсказать, что мне готовит будущее?

Нострадамус, подняв голову, долго смотрел на темные, старинные своды, словно заменившие ему звездное небо. Затем сказал:

— Тебе остается два десятка лет жизни, чтобы утвердить в мире художнические концепции во всем их поразительном могуществе. Твои творения удивят грандиозными масштабами вселенную. Ты станешь тем светочем, который озарит творческий путь многих людей. Все будут относиться к тебе с благоговейным почтением. Стяжаешь всемирную славу... — И, рассмеявшись, добавил: — И твоя слава затмит славу Рафаэля!

Пропустив мимо ушей иронию Нострадамуса, жаждающий славы и мирового признания Микеланджело впитывал его слова, словно они были чудодейственным эликсиром...

В ту ночь два новоиспеченных друга совершили затяжное «турне» по всем trattoriaм, тавернам и притонам Трастевере. Утро застало их лежащими на земле, объатыми глубоким сном.

Прощаясь с Римом, Нострадамус направил своего мула к Ватикану, на площадь Святого Павла, чтобы полюбоваться папским дворцом.

Стоя перед дворцом, откуда на протяжении столетий вершились судьбы мира, Нострадамус размышлял о будущем этого института, о будущем тех, кто провозгласил себя «наместником Христа на земле». Тут, на площади, ему пришли в голову несколько катренов, касающихся судьбы последних шести пап и самого Ватикана. Он записал их на куске пергамента и сунул в седельную суму в надежде придать им литературный вид по возвращении во Францию, в Салон.

ПРОРОЧЕСТВА НОСТРАДАМУСА

Папа Пий XI

*Семнадцать лет правленья позади,
А пять конец положат нужному процессу,
Другого, Боже, на трон ты посадил,
Не будет он похож на римлян, — без эксцессов.*

(Папа Пий XI был избран в феврале 1922 года, умер в феврале 1939 г. после семнадцатилетнего понтификата. Вторая мировая война положила конец революционным преобразованиям римско-католической Церкви. Она продолжалась пять лет.

Избранный затем на папский престол Пий XII родился в Риме, в старинной аристократической семье, и отличался несвойственным итальянцам аскетизмом.)

Папа Пий XII

*Великий папа бойню учинит,
К властям он стал весьма угодлив,
Себе Дунай весь подчинит,
А крест его весьма уродлив.*

(Папа Пий XII был активным сторонником войны и отличался

полным подчинением светской власти. По его приказу преследованиям подверглись более 100 тысяч христиан в Европе, собственность которых была конфискована в пользу Ватикана.

По его распоряжению священники при встрече с Муссолини отдавали фашистский салют, а после заключения конкордата между нацистской Германией и Ватиканом некоторые прелаты украсили свои храмы свастикой (уродливые кресты.).

Папа Иоанн XXIII

*Четыре года на папском престоле,
Но грязный развратник его заменил,
В Равенне и Пизе таким недовольны,
Смеяйте: терпеть его больше нет сил.*

(Иоанн XXIII, который сменил в 1958 году Пия XII, правил чуть меньше четырех лет. Он способствовал проведению реформ в Церкви, под его руководством разрабатывались новые религиозные и социальные программы. Его доброта вошла в легенду.

После смерти очень старого Иоанна (умер в возрасте 82 лет) папой был избран Павел VI, который ничем не сумел затронуть сердца верующих. Царившая коррупция, постоянные финансовые скандалы лишали блеска духовный облик Святого Престола, в различных городах Италии раздавались требования сместить его с высокого поста.)

Папа Павел VI

*Когда упокоится стареющий папа,
На смену придет помоложе ему.
Померкнет Святого Престола слава,
Нечестные люди разграбят казну.*

(См. толкование выше.)

Папа Иоанн-Павел I

*Над избранным папой свои посмеются,
Им не понравятся ласка, любовь,
Уста его скоро навеки сомкнутся,—
Лишь злость и обиды гонят их кровь.*

(Понтификат Иоанна-Павла I продолжался всего тридцать три дня. За время своего короткого пребывания на престоле он сумел снискать любовь простых людей из-за своей честности и доброты. Но его намерение приступить к коренным реформам в Церкви нажило немало врагов в среде высшей церковной иерархии, которые усмотрели в этом посягательства на свои привилегии и не скрывали злобы к нему.)

В одном из своих катренов Нострадамус говорит о некоем папе Поле (Павле), вероятно, имеется в виду Иоанн-Павел II родом из Польши (Поль). Он говорил о стремлении его врагов убить его (скорее всего имеется в виду покушение на жизнь Иоанна-Павла II в мае 1981 года.).

Если верить дальнейшим предсказаниям мага, то после этих шести пап папский престол в течение года будет занимать лжепапа по имени Клемент. За его короткое правление Церковь постигнет раскол, спровоцированный курией реформаторов.

Последний, сто двенадцатый по счету, папа, в соответствии с пророчеством Нострадамуса будет носить имя Петра, на нем

и завершится папский цикл протяженностью в две тысячи лет. Ватикан прекратит свое существование, а все его богатства будут разграблены. Нострадамус по этому поводу написал такой катрен:

*Великий Рим! Твоя гибель рядом:
Не только рухнут стены и прольется кровь,
Нет, злора пропитает всех таким ужасным ядом,
Гоненья уничтожат все, чтоб не возникло вновь!*

ГЛАВА IX

Возвращение в пенаты

В середине июля 1550 года Нострадамус вернулся из Италии в Салон-ан-Прованс. Судя по довольноному виду, он надолго избавился от болезненной страсти к дальним странствиям. Его возвращения ожидали встревоженная супруга Анна Понсар и дети — девочка Мадлен и мальчики Цезарь и Мишель.

(Цезарь Нострадамус станет видным общественным деятелем, первым консулом (должностным лицом) в Салоне, знаменитым литератором и опубликует популярные в те времена сочинения — «История и хроники Прованса», «Следы Святой Магдалины», сборники поэзии «Картина Нарцисса» и «Мартышка Сципиона», а также книгу «Въезд королевы Екатерины Медичи в свой город Салон». За литературно-общественную деятельность король Людовик XIII удостоит его почетного титула «ординарного дворянина королевских покоев» (камер-юнкер). Он проживет довольно долго, до 1630 года, и умрет от постоянного, давнишнего недруга своего отца — чумы.

Судьба оказалась менее благосклонной к его брату Мишелю. Тому не давала покоя слава отца-астролога, и он с юных лет хотел заниматься изучением звезд и прорицательством будущего. Однажды предсказал, что небольшой город Рузен, осажденный королевскими войсками, будет сожжен дотла, и, чтобы обеспечить достоверность своего пророчества, не ожидая вмешательства тайных природных сил, собственноручно поджег несколько домов. Однако был схвачен на месте преступления и убит разъяренными жителями. Так бесславно, в возрасте 24 лет завершилась жизнь еще одного астролога из семейства Мишеля Нострадамуса. Он, правда, оставил после себя довольно обьемистый труд — «Трактат по астрологии».)

Нострадамус быстро вошел в обычный ритм повседневной жизни в своем красивом уютном особняке в квартале Феррейру.

После ужина, пожелав спокойной ночи жене и детям, он тяжело поднимался по крутой лестнице в свой маленький кабинет-спальню, куда вход был заказан многим друзьям и знакомым. Там на полках, хорошо замаскированные от чужого глаза, стояли древние книги, вывезенные евреями из Египта и исчезнувшие после разрушения Иерусалимского храма в 73 году. Держать их у себя было небезопасно, и, когда начались массовые религиозные волнения, он предал книги огню. Среди них был

и том знаменитого византийца Михаила Пселла «О действиях демонов».

Мишель Нострадамус продолжал заниматься любимым делом, хотя страх перед инквизицией никогда не покидал его. Ради астрологии Нострадамус всячески демонстрировал вторую сторону своей научной деятельности — медицинскую, — охотно разговаривал с друзьями на эту тему, безропотно приходил на помощь больным, занимался благотворительностью. Ради «маскировок» он зашел так далеко, что предпослал своей шестой «Центурии» один катрен, в котором открытым, незашифрованным текстом предавал проклятию своих как нынешних, так и будущих братьев, если им взбредет в голову неверно трактовать его предсказания: «Читающие эти стихи пусть здраво над ними поразмыслят. Пусть все астрологи, глупцы и варвары отойдут подальше от моих трудов. Те, кто поступит иначе, пусть будут прокляты по принятому обряду».

Нострадамус, конечно, притворялся, пытаясь отвести угрозу со стороны ненавистной ему инквизиции. Даже предаваясь простым медитациям, он не оставлял изучения звездного неба. Он был твердо уверен, что все части тела человека подчиняются влиянию звезд, что до самой его смерти они остаются под непреодолимым воздействием планет и созвездий.

«Головой руководит Солнце, — размышлял Мишель Нострадамус, — правая рука принадлежит Луне, левая — Венере, желудок зависит от воздействия Юпитера, половые органы находятся в ведении Марса, левая нога подчиняется Сатурну, а правая — Меркурию... Звезды определяют любую деятельность человека на этом свете. Сатурн доминирует над жизнью, войны возникают по воле Марса, любовь внушает нам Венера, болезни посылает Меркурий, душевные и физические травмы, эпидемии, сны — дело рук Луны. Как только планеты и звезды оказываются вновь на прежнем месте, начинается новый жизненный цикл».

Нострадамус чувствовал, что ближайшее будущее несет неисчислимы бед. Недаром 4 декабря 1553 года один крестьянин из Сенаса принес ему, перепуганный насмерть, своего сына, родившегося с двумя головами. Чуть позже другой местный житель продемонстрировал ему белую козочку, у которой тоже было две головы. Великий маг был озадачен такими неожиданными «подарками» природы. Он тщательно составил гороскоп и пришел к выводу, что приближается смутная пора, время религиозных войн, которые будут повсюду сеять разорение... Его предсказания сбылись, причем одно из них за два года до его смерти. В период с 1562 по 1598 год произошло по крайней мере восемь религиозных войн.

...В дверь кабинета постучали. Великий маг отвлекся от своих мыслей, вернулся к реальности. Поднявшись, он подошел к двери, чуть приоткрыл ее. С тревожным выражением на лице Анна молча просунула через щель плотный пакет. Это было послание, направленное ему графом Савойским. В нем с прискорбием извещалось, что старый друг юности Нострадамуса, блестящий философ-гуманист Этьен Доре, был повешен, а затем сожжен «как приспешник Сатаны» на площади Мобер.

Значит, инквизиция продолжает действовать, осуждая всех подряд — колдунов, посланцев Дьявола, магов и астрологов. Страшная казнь на костре или королевские галеры грозили «безбожникам»: некромантам, вызывающим души из ада, и леканомантам, наблюдающим за кипящим в колбе маслом; кристалломантам, которые угадывали будущее, глядя в зеркало; дактиломантам, использовавшим магические перстни; ониксомантам, читающим будущее по ногтю девственника юноши на ноге, смазанной маслом, перемешанным с сажей; цефалломантам, вопрошавшим о будущем у головы осла, зажаренной на горящих углях, а также острагаломантам, занимавшимся магией с помощью «бабок» и других костей; тиромантам, читающим будущее по дырочкам в куске сыра, а также тем, кто тщательно разглядывает фимиами, золу, расплавленный воск, чтобы попытаться угадать будущую судьбу.

Мишель Нострадамус понимал, что обстановка на юге Франции постоянно ухудшается из-за усиления ереси. И ему грозит смертельная опасность, если он не свернет свою тайную деятельность. Но солидная репутация ученого-медика, астролога, целителя, божественного предсказателя, провизора, мага не позволяла ему уйти в тень, переждать предгрозовую пору. Имя Нострадамуса не сходило с уст местных жителей.

Они выискивали любую, самую ничтожную, пустячную причину, чтобы только повидать мага, проконсультироваться с ним. Иногда их вопросы ставили его в тупик. «Какое имя, способствующее счастливому предзнаменованию, выбрать для моего будущего ребенка?», «Не посадить ли мне на земельном участке спаржу или же продолжать выращивать на нем виноград?», «Когда лучше всего сажать бобы?», «Доживу ли я до старости?», «Сохраняет ли моя жена мне верность?». Даже сам мэр Салона-ан-Прованса регулярно обращался к великому магу за предсказаниями накануне визита к нему какой-нибудь важной особы. За советами приходили все — нотабли, простолюдины, крестьяне, садоводы, домашние хозяйки.

Мишелю Нострадамусу приходилось тратить уйму времени на эти пустяки. Тогда ему пришла блестящая идея одним ударом убить двух зайцев: сэкономить время и ответить на вопросы страждущих.

В 1553 году появилась небольшая книжечка — «Альманах Нострадамуса на предстоящий год». Альманах имел громадный успех. Все стремились во что бы то ни стало заполучить заветную книжицу с весьма душеполезными сведениями. Удивленный небывалым успехом своего первого литературного опыта, Нострадамус решил выпускать такие альманахи ежегодно. Но ему все приходилось делать одному — писать пророчества, составлять гороскопы, вести дела с издателями, заниматься перепиской. Сколько раз он мечтал о толковом, смышленном помощнике, который взял бы на себя часть неотложных забот. И вот, словно подслушав его, небо откликнулось на невысказанную вслух просьбу...

...В феврале 1554 года в двери дома мэтра Нострадамуса робко постучал молодой человек приятной наружности. Он сообщил

насторожившемуся магу, что хочет изучать астрологию, движения планет, дабы постичь тайну предсказаний. Нострадамусу сразу понравился искренний, пылкий юноша, и он предложил ему место секретаря.

Незнакомца звали Жан Эм де Шавиньи. Он станет самым близким помощником и доверенным лицом Мишеля Нострадамуса. А после смерти мага приведет в порядок все его бумаги, выпустит в свет большими тиражами книги предсказаний и напишет первую вполне достоверную биографию Мишеля.

Несмотря на молодость, Жан де Шавиньи многое повидал в жизни и ради сотрудничества с Нострадамусом поставил крест на своей многообещающей политической карьере. Он изучал теологию и право в Бонне, откуда родом (впоследствии даже стал его мэром), был учеником Дора.

Шавиньи — мужественный, не из робкого десятка человек. По заданию короля Франциска I он примкнул к экспедиции отважного французского мореплавателя Жака Картье, совершившей опасное путешествие в 1542 году к берегам Нового Света.

В Гаспé, омываемом водами реки Святого Лаврентия, Жан Эм случайно встретился с одним стариком индейцем, умевшим читать будущее по расщелинам скал и по звездам. Он правильно угадывал погоду, наблюдая за горными водопадами, лечил своих соплеменников, прикладывая к больному месту сырую землю. И еще утверждал, что способен извлекать души мертвых и переносить их в тех людей, которым предстояло родиться.

После этой встречи Жан Эм мечтал только об одном: как бы самому научиться читать по звездному небу и предсказывать будущее.

Возвратившись из Нового Света в Париж, он услышал разговоры о Нострадамусе, о его чудесном странном даре мага и прорицателя. Под впечатлением услышанных былей и небылиц о чудотворце Жан Эм принял решение покинуть чопорный двор с его постоянными каверзами и интригами ради встречи с необычным человеком...

Жан Эм старательно исполнял обязанности секретаря. В большой книге с пергаментными страницами записывал все сообщаемые ему даже мимоходом сведения, факты, происшествия, воспоминания, все комментарии, работы, описывал его дни, привычки, жесты, приемы.

Жан де Шавиньи вел за великого мага постоянный дневник, так как Нострадамус, казалось, утрачивал память, когда речь заходила об обычной повседневной рутине.

Опасаясь потерять хотя бы малейшую деталь из его размышлений или брошенного на ходу замечания, Жан Эм все тщательно записывал в свой «гроссбух».

Только благодаря его усилиям в Ватиканском архиве сохранились наброски с чертежами двух работ Нострадамуса, посвященных эллиптическим орбитам планет, которые он применял при составлении своих гороскопов. До рождения великого немецкого астронома Иоганна Кеплера (1571—1630), опровергнувшего тезис, что орбиты планет представляют собой круг, еще оставалось восемнадцать лет. Один текст принадлежит руке Нострада-

муса, а аккуратно сделанная копия — его прилежному ученику, Жану де Шавиньи.

После шумного успеха первого альманаха Нострадамус сообщил по секрету Жану Эм о фундаментальном замысле — собрания книг, в которых он предскажет различные варианты будущего для живущих на земле людей до окончания времен. Этот громадный труд, по его предположению, должен включать в себя десять книг под названием «Центурии». В каждой будет сто четверостиший — катренов, всего тысяча предсказаний, четыре тысячи стихов. Начнет их с переписывания катренов, сделанных во время путешествия по Италии, и тех, которые он посвятил коренастому коротышке в черной шляпе с могучим длинным носом, явившемуся ему в видении на Корсике, в Египте и на острове Эльба.

В марте 1555 года в лавке Бенуа Риго в Лионе появился небольшой томик «Истинных предсказаний мэтра», в котором вниманию читателей предлагались 642 катрена, разделенные на «Центурии». Стихотворным пророчествам было предпослано письмо, обращенное автором к своему сыну Цезарю. Это письмо он повторит позже в «Хрониках Прованса». По сути дела, в нем подробный рассказ о методах, используемых знаменитым пророком, и одновременно предостережение, обращенное к человеку, который станет в будущем его самым точным и аккуратным толкователем.

Первое издание «Пророчеств» быстро разошлось, и автор в том же году выпустил второе в издательстве Пьера Ру в Авиньоне. За всю свою жизнь Нострадамус написал 4680 стихов, которые включают в себя «Центурии», «Знамения» и «Шестистрочники».

Появление «Пророчеств» Нострадамуса стало громом среди ясного неба. Все словно ополоумели. Каждый стремился во что бы то ни стало завладеть заветной книжицей, предлагая за нее перекупщикам громадные деньги. Все страстно желали сверить свою нынешнюю судьбу с будущей. На протяжении всей жизни Нострадамуса его «Пророчества» выходили большими тиражами почти ежегодно. Но спрос на них постоянно превышал предложения.

Однако следует заметить, что вскоре читательский пыл несколько поостыл, так как чтение стихов Нострадамуса, не говоря уж об их понимании, было сопряжено с большими трудностями. требовало определенных знаний и прежде всего терпения и усидчивости.

В стихах Нострадамуса поражает язык, на котором они написаны, — невразумительный, странный, неправильный. Орфография, даже в именах собственных, удивляет своей фантазией. В них нет пунктуации, глаголы часто стоят во множественном числе, в то время как подлежащее в единственном, и наоборот. Прилагательное может быть женского рода, а существительное мужского. Все дело в том, что катрены написаны на старофранцузском языке, который в те времена еще не отошел от греческих и латинских корней. Можно даже предположить, что Нострадамус вначале составлял свои катрены и шестистрочники на латинском языке, а затем переводил на французский. Автор

часто прибегает к символам, заимствованным из греко-латинской мифологии и Библии, и некоторые фразы представляет в виде анаграмм. Кажется, он нарочно преследует цель не быть сразу понятным, отпугнуть незрелого читателя.

Некоторые пророческие стихи Нострадамуса скрыты среди других, которые лишь заполняют пустое пространство, выполняя роль «литературного балласта». Только внимательное и глубокое изучение катренов и шестистроичников позволяет выявить присутствие этих открывающих истину стихов, их «изолированность». И тогда становится ясной их невероятная, подчас просто пугающая точность, Нострадамус предвидит все. Он предсказывает убийство герцога Генриха Гиза в городе Блуа, совершенное по приказу Генриха III 23 декабря 1588 года:

*Король всемогущий теперь опечален,
Великий с Блуа его друга убил;
Законы страны и двора горевали,
Всю Францию на две гнев разделил.*

Он даже приводит титул, которым два века спустя будут величать Филиппа Орлеанского:

*Я знаю, как встретят военную славу
Неистовый регент на белом коне...*

(Племянник Людовика XIV Филипп, герцог Орлеанский, нарушил завещание и заставил парламент передать ему регентство без всяких предварительных условий в 1715 году.)

Не скрыты от него и причины казни французского короля Людовика XVI 21 января 1793 года:

*Хотя Бурбон и не осилит века,
И демонстрирует все признаки добра —
Но после своего поспешного побега
Несправедливость будет казнена.*

(Отличавшийся слабостью, набожный французский монарх, не сумев утвердить свою власть в революционной Франции, был вынужден бежать 20 июня 1792 года в Варенну, где был схвачен, предан суду и казнен.)

Нострадамус предсказал и «Великий террор» во Франции:

*Злодейство замучает женщин невинных,
Кровь вдов потечет от Красного зла,
Пожар от свечей угрожает иконам старинным,
И ярость народа в движение пришла.*

(3.)

(«Красным великаном» называли Робеспьера.)

Стихи, касающиеся личности Наполеона, тоже отличаются строгой точностью.

*Рожден близ Италии дерзкий воитель,
Империя будет в мятежной стране!
Но сколько солдат за тебя перебито,
Чудесный мясник в безуспешной войне.*

Нострадамус предрек вторую мировую войну и оккупацию немцами Бельгии, которую он называет страной фламандцев:

Во Фландрии реет военное знамя,

Во Францию сильный противник спешит.

(После захвата Бельгии немецкие армии устремились во Францию, к Парижу, и вскоре захватили его.)

Нострадамус также в своих «Пророчествах» предсказал возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции, учреждение ООН и Лиги наций (возле озера Леман — Женевского озера), военную кампанию в Эфиопии, гражданскую войну в Испании, китайско-японскую войну и многое-многое другое.

Особый интерес представляют пророчества Мишеля Нострадамуса в отношении развития глобальных событий во всем мире до 2000 года, они-то и вызывают наибольшее удивление и недоверие. Но нельзя забывать, что люди с такой же предвзятой осторожностью и робостью относились к региональным предсказаниям великого мага, которые тем не менее осуществились на 80 процентов.

Так он утверждает, что в будущем между Францией и Италией возникнет серьезный конфликт. (В этой связи следует отметить, что конфликтов любого рода между этими двумя странами в прошлом было предостаточно.) По его представлению, этот конфликт, вероятно, приведет к революции в Италии. В Англии тоже произойдет народное восстание, падет монархия и будет провозглашена республика. Коммунистическая доктрина изживет себя. (Мишель Нострадамус ошибся всего на полгода с предсказанием краха коммунизма в России.) Что касается Франции, то ей грозит сильнейший экономический кризис, из которого она выберется с большим трудом, ценой больших лишений. (В какой-то степени это предсказание сбывается уже сегодня.) В Европе, по его мнению, разразится новая война, в ней примут участие многие страны, в том числе и Франция. Как ни странно, в этой войне Италия выступит против Германии. Немецкая армия раздавит итальянские войска, а затем, преодолев гору Юра в Швейцарии, проникнет во Францию. Сражения будут проходить по рубежу Виль-Франш-сюр-Савон — Масон-Шалон-сюр-Савон — Мулэн. Противник проникнет далеко на запад, но все же будет остановлен и разбит при Пуатье. В конечном итоге окончательная победа все же ускользнет от Франции.

Во Франции, как и в Испании, установится монархия. На папском престоле окажется француз. В эти годы Франции будут сопутствовать счастье и процветание. Но в октябре 1999 года желтая раса через Испанию и Италию захватит всю Европу. Церковь как институт рухнет. Ее главного руководителя (папу) отправят в тюрьму, а затем убьют. Вновь восстановится храм язычества.

На протяжении следующих веков Европе грозит новое вторжение, на сей раз мусульман, поклонников Мухаммеда. Париж будет уничтожен огнем. Столицей Франции станет Авиньон.

Потом явится Антихрист, предсказанный еще в Апокалипсисе. Антихрист «родится с двумя зубами в горле», в «отверженной,

темной семье». Его правление отмечено небывалым размахом коррупции.

*Насилья, убийства и гнусные страсти
Враги совершенной и чистой любви,
Эпохи отцов, как и дедов,
не ведали злейших несчастий,
И тонут мечи и кинжалы в крови.*

Так мир доживет до 7000 года. После чего наступит конец. Мертвые восстанут и выйдут из могил.

*До смерти всей жизни семь тысячелетий,
Но трупы воскреснут в истлевших гробах.
Пред Страшным судом невзлюбившие света —
Пора на колени, и ужас и страх!*

ГЛАВА X

Непредвиденная остановка по пути в Париж

Слухи о необычной книге Мишеля Нострадамуса вскоре достигли Парижа. Несколько ее экземпляров доставили во дворец. В высшем свете восприняли «Центурии» по-разному. Одни посчитали Нострадамуса необыкновенным пророком, другие отнеслись к его предсказаниям как к туманной и загадочной тарабарщине, галиматье, которая вышла из злобных уст самого Люцифера.

О диковинной книжке вскоре сообщили и монарху. Генрих II верил в астрологию и считал ее вполне точной наукой. В этом он находился под влиянием своей супруги, королевы Екатерины Медичи, проводившей ночи напролет в компании с придворным магом и астрологом Руджиери, изучая расположение звезд и вызывая души умерших.

Пробегая глазами пророчества, Генрих II остановил свое внимание на 35-м катрене 1-й «Центурии». Он вызвал у него неприятное, смутное беспокойство.

*Глаз в шлеме золотом, как в тюрьме или клетке,
Он выбит, падучею ставши звездой,
В турнире лев старый был менее крепким,
Чем хитрый, отчаянный лев молодой.*

Эти четыре короткие строчки могли касаться его личности. Что за молодой лев, от руки которого на поединке погибнет лев старый? Ведь Генрих II, несмотря на свои сорок пять лет, часто принимал участие в рыцарских турнирах.

29 июня 1559 года на рыцарском турнире, посвященном предстоящему бракосочетанию своей сестры Маргареты Французской с Филибером-Эммануилом, герцогом Савойским, Генрих II бросил вызов молодому графу Гэбриэлю Монтгомери, капитану его шотландской личной гвардии. Копье противника неожиданно сломалось, и острый конец проник ему в лоб над

правым надбровьем. Через несколько дней король скончался. Епископ Троя в одном из своих писем свидетельствует, что участники поединка были наряжены львами.)

Генрих II захотел получить в этой связи необходимые разъяснения. Он отправил послание графу Савойскому, губернатору Прованса, с просьбой уговорить знаменитого прорицателя и врача пожаловать к нему с визитом в Париж.

Когда губернатор через нарочного сообщил Нострадамусу о монаршей воле, тот не скрывал охватившего его беспокойства. Он был убежден, что его «доброжелатели» при дворе не упустят шанса, чтобы расправиться с ним.

...Нострадамус вначале рассчитывал сделать первую остановку в Лионе, где у него намечалась встреча с издателем «Центурий», но обложенное грозowymi тучами небо заставило его изменить решение. Он остановился на пару часов в небольшом городке Турноне в департаменте Ардеш. Дурные предчувствия мага начинали оправдываться гораздо раньше — до Парижа было еще далеко. Вероятно, злая судьба подталкивала его, когда он велел кучеру остановиться возле харчевни Сент-Жульен.

Из-за предгрозовой духоты ему стало не по себе, и он решил присесть на открытой веранде за столиком. Любезный слуга с улыбкой на лице поставил перед Нострадамусом кувшинчик славного местного вина. Сделав несколько глотков, Мишель почувствовал, что ему стало легче. «Нельзя поддаваться спадам настроения, — убеждал он себя. — Нужно всегда следовать неслышным указаниям Божиим». Он бросил взгляд через нарядную городскую площадь, где возвышался храм с острым шпилем.

Наливая второй бокал, увидел, как двери храма внезапно отворились и оттуда высыпала группа крестьян. Двое из них несли стул с высокой спинкой, на котором сидела девочка лет пятнадцати — бледная, с растрепанными волосами, настолько красивая, что слезы невольно навертывались у всех при виде ее страданий. В больших черных глазах девочки застыла неизъяснимая, тяжкая грусть.

Рядом ковыляла старая женщина, вся в слезах. Это была ее мать. Нострадамус молча взирал на скорбный спектакль. Благостная улыбка исчезла, лицо его стало мертвенно-застывшим, руки задрожали. Чуть слышно он прошептал: «Страдание, ты одно правишь миром!»

Предаваясь невеселым мыслям, он внимательно разглядывал маленькую калеку. Затем, подозревая к столику хозяина харчевни, осведомился:

— Эта девочка, насколько я понимаю, разбита параличом?

— Да, месье, — ответил владелец. — Малышка пользуется покровительством монсеньора Турнонского. Он настоял, чтобы ее мать приносила калеку сюда, в храм, каждое утро и все усердно молились Богородице, которая непременно пошлет несчастной девочке исцеление.

Сообщение заинтриговало Нострадамуса.

— Кто такой монсеньор Турнонский?

— Наш сеньор, кардинал Турнонский, архиепископ Амрэнский. Сегодня в нашем городе праздник по случаю его назначе-

ния королевским наместником господина коннетабля де Монморанси. (Коннетабль — высшее должностное лицо в средневековой Франции, главнокомандующий армией в мирное время. — Прим. авт.) Вон его замок, в конце улицы, на берегу Роны, — взмахнул рукой трактирщик, указывая на большой квадратный замок из белого камня, окруженный рвом с водой и зубчатыми стенами с бойницами. — По его решению, маленькую Умберту принесли в храм, но вы сами видели, что Богородица не пожелала и сегодня исцелить ее.

— В настоящее время кардинал Турнонский пребывает здесь?

— Да, в своем дворце. Праздник пока проходит в городе — на улицах и площадях. Но главная его часть состоится сегодня вечером в замке нашего мэра. Приглашены музыканты из Швейцарии и певцы из Лиона. Жаль, что нежелание Богородицы исцелить несчастную девочку всем портит праздничное настроение.

Задумчиво разглядывая девичью фигуру, Нострадамус произнес:

— Значит, она парализована уже два года...

— Совершенно точно, месье. Но откуда вам это известно? Вы ведь чужестранец.

Великий маг не ответил.

Встав из-за стола, он направился к высокому стулу, который носильщики осторожно поставили перед входом в храм. Крестьяне и буржуа окружили несчастную страдальцу. К ней подошло несколько стражников, охранявших кардинальский дворец, чтобы удовлетворить свое любопытство. В разбухающей прямо на глазах толпе никто не приметил импозантной фигуры шефа королевской полиции Турнона мэтра Резенака. Почтительно изогнувшись, подчеркивая свое глубочайшее уважение и испытывая при этом благоговейный страх, он что-то нашептывая на ухо строгому монаху. Это был высокий, сухощавый человек с бледным, аскетическим лицом, ярко горящими лихорадочным блеском глазами, с благородными, величественными манерами. По умению держаться, уверенной походке в нем угадывался подтянутый, привыкший к дисциплине рыцарь, каковым он, вероятно, и был в далекой молодости.

Мать парализованной девочки опустилась на колени перед храмом. Ее примеру последовали почти все мужчины и женщины. На площади воцарилась полная тишина, все молча, воздев руки к небу, шептали молитвы.

Маленькая Умберта, прекрасная, как ангелочек, была в городе всеобщей любимцей. Ее развевающиеся на ветру кудряшки видели повсюду, во всех кварталах, везде она была желанной гостьей. Но однажды девочка по просьбе кардинала посетила одну парализованную женщину и передала от его имени деньги. Она настолько расстроилась, увидев тяжелое состояние женщины, что в результате и сама заболела какой-то странной болезнью. У нее одеревенели ноги и руки, наступила полная неподвижность.

Болезнь стала большим несчастьем для всех жителей Турнона, так объяснял начальник полиции причину сборища возле храма

мрачному долговязому монаху, голова которого возвышалась над толпой.

Вдруг тишину нарушил голос несчастной матери.

— Превеликая Богородица, монсеньор Турнона велел нам обратиться к Тебе за заступничеством. Так услышь мою молитву, помоги моей дочери, исцели ее. Стоит Тебе только подать спасительный знак, и моя девочка снова начнет ходить! О добрая, всемилостивая Богородица, повелительница неба и земли, спаси нас, не оставь своими заботами!

— Спаси, спаси ее! — ревела толпа.

Женщины громко плакали. Парализованная девочка не отрываясь глядела на статую Девы Марии, отчетливо видневшуюся из раскрытых дверей в глубине храма. В ее зоре было столько страданий, мучений, немой мольбы, столько искренней веры в чудо, что даже сухопарый монах с непроницаемым лицом задрожал. А ведь такие люди, как он, давно закалили свое сердце, сделав его недоступным для страданий и бед.

Взоры всех были прикованы к девушке. Но, увы, чуда так и не произошло. Богородица не приняла молитвы. Умберта оставалась неподвижной. Долго еще стояла на коленях перед храмом ее мать, долго молились горожане. Наконец мать поднялась. Толпа начала редеть. Все кончено. Маленькой Умберте, вероятно, предстояло остаться калекой на всю жизнь.

В этот момент никому не известный бородатый человек, чужестранец, только что сидевший за бокалом вина на веранде трактира, с решительным видом подошел к носильщикам и резко бросил:

— Поставьте стул на землю!

Носильщики, невольно вздрогнув от мощного, властного голоса, повиновались. Толпа вновь начала разбухать.

Наклонившись над девочкой и взяв ее руку в свою, Нострадамус твердо, словно отдавая приказ, сказал:

— Дитя мое, посмотри на меня...

Девочка повиновалась. Около минуты она смотрела не отрываясь в глаза незнакомца. На ее бледном, худом личике появилось выражение бесконечного доверия к этому доброму человеку.

Повелительно, не терпящим возражения голосом он произнес:

— А теперь встань и иди!

Через несколько секунд толпа разразилась радостными криками. Люди громко скандировали: «Святой! Святой!» Мать девочки, схватив руку Нострадамуса, осыпала ее поцелуями. Никто не верил собственным глазам. Не может быть, невероятно!

Парализованная девочка послушно вняла приказу. С трудом встав со стула, она постояла, слегка покачиваясь на непослушных ногах, а затем, опираясь на руку Нострадамуса, пошла. Радости горожан не было предела. Здесь, в Турноне, произошло чудо. Настоящее чудо!

Увидев этот «спектакль», высокий монах побледнел, бросил несколько слов шефу полиции Резенаку. Тот подал знак стражникам. Шестеро вооруженных воинов подбежали к Нострадамусу, грубо заломили ему руки за спину и потащили в сторону кардинальского замка.

Стражники приволокли Мишеля Нострадамуса в замок монсеньора Турнонского. Без всяких объяснений бесцеремонно затолкали его в подвал. Руки приковали цепями к двум большим кольцам, торчащим из толстой гранитной стены.

Вскоре в темницу вошел высокий монах, одетый в черный широкий плащ с капюшоном. Осенив себя крестным знамением, он сказал:

— Молодой человек, если вы пожелаете быть откровенным со мной и потрудитесь объяснить, к какому способу колдовства вы прибегли на городской площади, то обещаю вам употребить весь свой авторитет, а он у меня, без ложной скромности, весьма велик, чтобы оказать вам помощь.

— Мессир,— ответил Нострадамус, пытаясь разглядеть худое лицо монаха,— не могли бы вы сказать, кто вы такой?

— Охотно,— отозвался тот.— Меня зовут Игнатий Лойола.

Услыхав это имя, Нострадамус задрожал, в глазах потемнело. Значит, до него все же добралась святая инквизиция!

Испанский монах Игнатий Лойола (1491—1556), стараясь отличиться на поприще борьбы с ересью, предложил папскому престолу создать мощное «воинство Христово», готовое любыми средствами — хитростью, коварством, обманом, ложью, кинжалом и ядом — свернуть шею новому антихристу, Мартину Лютеру.

«Цель оправдывает средства,— бросил он тогда звонкий, впоследствии подхваченный повсюду лозунг.— Главное — победить врага, а как — не важно».

Игнатий Лойола занимал пост комиссария-инквизитора, осуществляющего надзор за центральноевропейскими странами.

Вот какой человек предстал перед Нострадамусом в темном подвале замка кардинала Турнонского.

— Мне приходилось слышать об Игнатии Лойоле,— сказал Нострадамус.— Он весьма образованный человек, семь лет учился в Сорбонне, обладает интеллектом, позволяющим ему все понять, во всем разобраться. Я знаю на память его учебник по систематическим медитациям — «Духовные упражнения».

— Вы мне льстите, молодой человек.

— Отнюдь. Я благодарю небо за то, что попал к вам, а не к какому-то невежественному монаху. Но мне хотелось бы узнать, каким образом вы намерены употребить свой авторитет ради моего спасения?

Подумав, Лойола ответил:

— Только ад может наделить меня нужной силой, от неба, несмотря на набожность, я ее не получил. Если вы будете откровенны со мной, то я поговорю о вашей судьбе с королем и постараюсь лишить вас сомнительного удовольствия сгореть на костре, предварительно пройдя через жестокие пытки...

— Мессир, я не совершил никакого преступления. Разве вернуть радость жизни несчастному ребенку — не угодное Богу дело?

— Конечно, нет, но только в том случае, если благодеяние исходит от неба. В вашем случае оно исходит из недр ада.

Признайтесь, как вам, простому смертному, удалось совершить чудо?

— Мессир, — Нострадамус тяжело вздохнул, — не было никакого чуда. Увидев девочку, я сразу понял, что у нее сильное воображение и она способна придумать для себя болезнь. Она не была парализована, иначе бы не пошла. Я просто постарался внушить ей уверенность в себе самой и во мне как лекаре. И когда приказал ей идти, все искусственные, воображаемые пути, околдовавшие ее, развязались сами по себе. И девочка пошла. Вот и все.

Главный инквизитор недоверчиво покачал головой.

— И вы считаете, что я поверю вашим выдумкам? Покажите мне договор, который вы заключили с Сатаной, — грозно потребовал он. — Предоставьте формулу колдовства, позволившую вам заставить ходить паралитиков. В противном случае вами займется святая инквизиция.

— Мне кажется, что сама суть вашего мерзкого учреждения чужда Богу и уж никак не имеет права именовать себя святой...

— Одумайтесь, молодой человек! Известно ли вам, что первым инквизитором был сам Бог? А первыми еретиками — Адам с Евой? Он прогнал их из рая, так как они провинились перед ним, предварительно учинив им строгий допрос и затем предав суду. И если Бог так жестоко поступил с прародителями рода человеческого, то его гнев по отношению к непокорным и строптивым потомкам не знал предела.

— Кого вы имеете в виду?

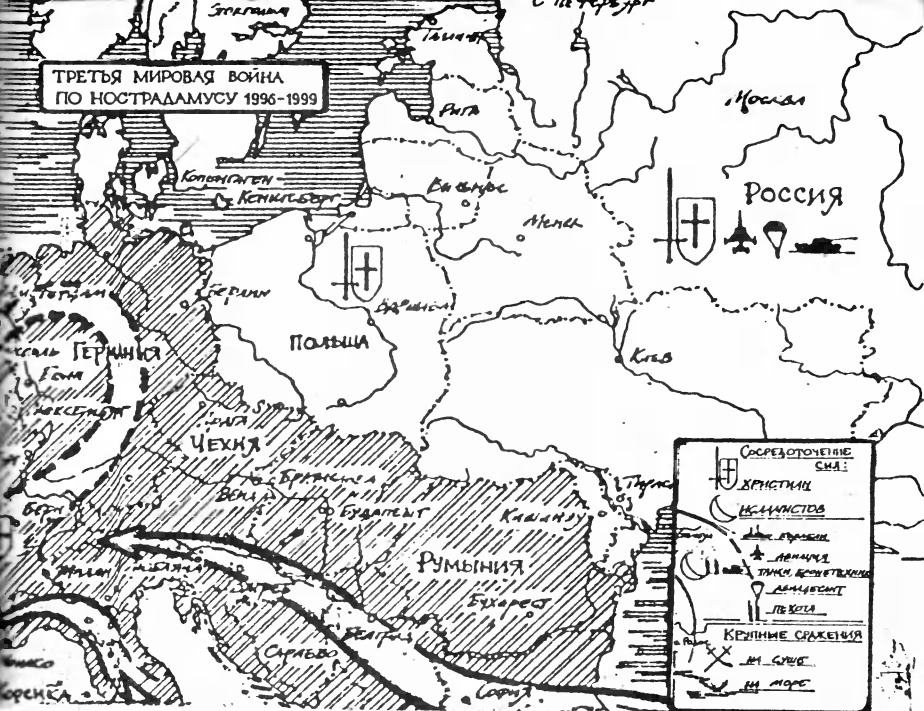
— Разве он не уничтожил, вызвав потоп, все человечество, пощадив только Ноя с семьей? Разве не сжег всех жителей Содомы и Гоморры, пролив на них «дождем серу и огонь»? Не истребил 14700 человек, осмелившихся возроптать против Моисея во время странствий иудеев в пустыне? Не послал ядовитых змей на тех, что «малодушествовали в пути»? Не убил 50070 жителей Вефсамиса только за то, что те посмели заглянуть в «ковчег Господен»? По сравнению с этими массовыми побоищами, устроенными Богом, деяния нашего уважаемого брата Томаса Торквемады покажутся детскими забавами.

— Да, но вы говорите о библейском Боге. А ведь был еще и Иисус Христос, и он, несомненно, осудил бы вашу священную канцелярию...

— Ничего подобного, друг мой! Он был первым инквизитором Нового Завета, когда сообщил, что принес людям не «мир, но меч».

— Мне кажется, вы богохульствуете предо мной, а это не к лицу служителю Господню, причем такого ранга, как ваш! — возразил Нострадамус.

— Ладно! Оставим Христа... Ну а что вы скажете об Аврелии Августине? Он один из первых богословов обосновал принцип применения к еретикам силы вплоть до их физического уничтожения? Августин требовал еще и пыток, чтобы вывести еретика из «душевной темницы». По его мнению, лучше сжечь еретика, чем позволить ему «коснеть в заблуждении». Наказание — не зло, утверждал он, а акт любви! А пресвятой Иероним? Он

считал, что казнь грешников является лучшей формой благочестия — через смерть оно ведет к спасению, к бессмертию души...

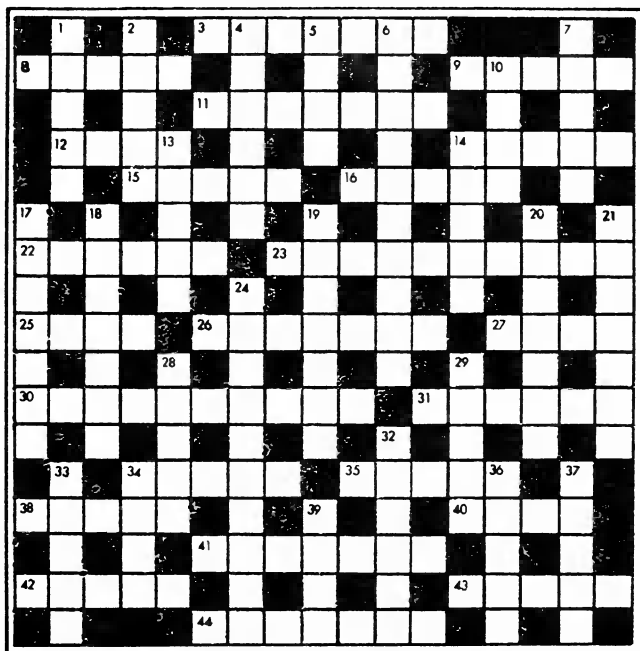
Очень хочется надеяться, что мне не придется добиваться вашего спасения таким способом. Намерены ли вы указать на колдовство, к которому прибегли, или вам будет угодно после этой небольшой лекции, прославляющей мою канцелярию, познакомиться с ней поближе?

— Мне больше нечего вам сказать, — твердо ответил великий маг.

Кровь бросилась в лицо Игнатия Лойолы. В раздражении он топнул ногой. Подойдя к массивной двери, постучал в нее кулаком. Ему открыли. Дверь захлопнулась за ним, и луч света, проникнув в темную камеру, тут же погас.

Нострадамус погрузился в крошечную тьму.

Окончание следует.

ЗРУДИТ

По горизонтали.

3. Музыкант, на первое место ставящий ритм.
 8. «Золотой» стиль Владимира Сальникова на Олимпиаде 1980 года. 9. Француз, «император страны Мода». 11. Строительный материал, который в Полинезии получают из кораллов. 12. Полузапруда. 14. Золотая мера. 15. Плод, какой Украина преподносит желанному жениху. 16. Растущая в сыром лесу ягода, популярная в Сибири у знахарей. 22. Французский естествоиспытатель, первым в 1734 году предположивший возможность получать искусственный шелк. 23. Традиционный индийский ремесленник. 25. Печаль, скорбь. 26. Вместилище качеств и свойств. 27. Космонавт в составе первого экипажа американской орбитальной станции «Скайлэб». 30. Девичья фамилия матери писателя и философа К. Леонтьева, которой он обязан ранней религиозностью и вкусом к красоте. 31. Художник, чья последняя работа — оформление интерьера «Капеллы четок» в Вансе близ Ниццы. 34. Представитель народа, чей фольклор повлиял на испанский танец фламенко. 35. Аристид, бородач, буйволова трава, вербена, ковыль, портулак (растительная зона). 38. Титул вице-короля Египта во время зависимости страны от Турции. 40. Библейский герой, продавший первородство брату за чечевичную похлебку. 41. Энрико Ферми как физик. 42. Наука жить по совести. 43. ...айы тойон — верховное божество якутской мифологии, старец, облаченный в дорогие меха, источающие жару и свет. 44. Животное,

в котором, как считали в древности, скрывается душа умершего человека.

По вертикали.

1. Инструмент, которого до десяти лет панически боялся Моцарт. 2. Христианское имя княгини Ольги. 4. Голова медузы, чей плод — шарик — катится по пескам пустыни почти со скоростью ветра. 5. Животное. В Малайзии, увидев его, отступают и медленно обходят три-четыре раза по кругу. 6. Один из языков коренных жителей швейцарского кантона Гризоны, где на нем печатают учебники. 7. Советский литератор, автор воспоминаний о пребывании С. Есенина в Баку. 10. В России — лапта, в Румынии — 13. Способ, без которого машина не соткет узорную скатерть. 14. Растущая в арабских странах трава, чья зола богата щелочью. 17. Хоккеист, который был в минувшем году самым высокооплачиваемым спортсменом мира. 18. Европейский народ, выражающий отрицание, кивая головой сверху вниз. 19. Литовский князь, вынужденный принять католичество. Но, войдя в силу, вернулся к язычеству. 20. Бум! — выстрел, хрясь! — удар, хлоп! — 21. Цветок в травной росписи наличников в Первоначальном дворце Петра Первого. 24. Самый «метеоритный» остров мира. 28. Роман русского писателя, сказавшего: «Жизнь прекрасна еще и тем, что можно путешествовать». 29. Куртка слуги самурая с гербом хозяина. 32. Тропическое растение, дающее кассаву, которую, очищая, превращают в тапиоку. 33. Привозимый в бочках из Венесуэлы продукт, которым испанские врачи в XVI веке лечили артрит. 34. Металл, чей сплав стал известен гораздо раньше, чем он сам. 36. Фридрих Цандер дал дочери имя..., а сыну — Меркурий. 37. Скоба с ушками, какой скрепляли расколотые обода и шины деревянных повозок. 39. Сударья по-берлински.

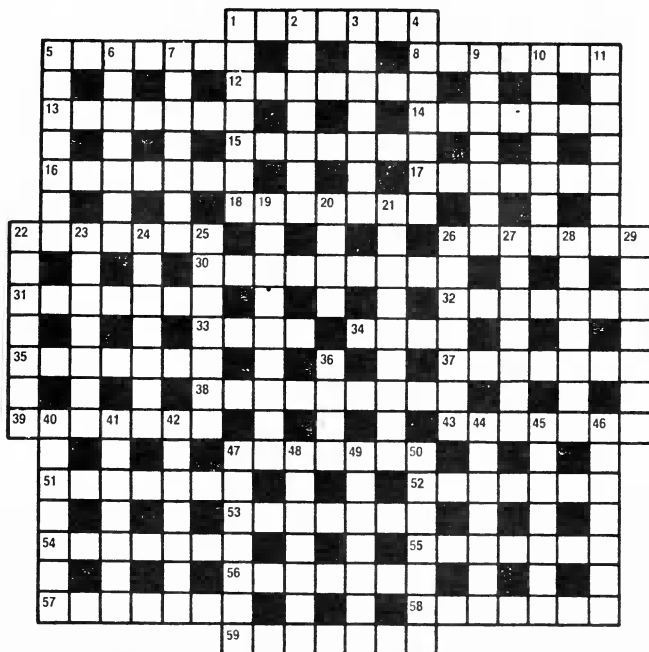
**ОТВЕТЫ
НА
«ЗРУДИТ»
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4**

По горизонтали.

1. Штелин. 6. Дюпарк. 10. Гжель. 11. ...введение... 12. Хуфтан. 13. Кносс. 14. Осил. 17. Ядав. 18. Баренцево. 21. Эфа. 23. Гименей. 24. Картофель. 26. Ницшеанец. 28. Шпионаж. 29. Сиа. 32. Зингшпиль. 35. Рало. 36. Камю. 38. Фауст. 41. Щемило. 42. Сортсико. 43. Жигун. 44. Венгры. 45. Лошадь.

По вертикали.

1. Шевиот. 2. Еретик. 3. Иней. 4. Дженнер. 5. Плисецкая. 7. Юсуф... 8. Аутодафе. 9. Канова. 10. Гик. 15. Математик. 16. Святополк. 19. Чибис. 20. Векша. 21. Эфрос. 22. Аллах. 25. География. 27. Цикламен. 30. Опоссум. 31. Хрущев. 33. Палица. 34. Любовь. 37. Хлор. 39. Тон. 40. Утро...

КРОССВОРД
Составил
В. ВЛАСОВ,
Тула

По горизонтали.

1. Кабардинец, первым в 1829 году поднявшийся на восточный пик Эльбруса. 5. Роман А. Казбеги. 8. Последний из триады великих афинских трагиков. 12. Солдат-грабитель. 13. Ловушка на зверя, которой пользовались Лыковы в тайге. 14. Пункт при въезде в город на Руси для проверки и взимания пошлины. 15. «Варвары», «...», «Мещане». 16. Отлучение от церкви. 17. Художник и график, автор росписей в столичной гостинице «Москва». 18. Пятый по ширине водопад мира. 22. Звание «молодого и статного казака» в «Капитанской дочке» А. Пушкина. 26. Азербайджанский музыкальный инструмент. 20. Древнеримский архитектор и инженер, построивший знаменитый форум Траяна. 31. Немецкий ботаник, автор книги «Флора России». 32. Американский живописец, близкий к импрессионистам. 33. Протертая пшенная каша с изюмом, прежде обычная в Тульской губернии. 34. Часть речи. 35. Бушприт, гафели, гики, мачты, реи, утлегарь (совокупность). 37. Департамент, давший название одной из политических группировок времен Великой французской революции. 38. Прежнее название Курило-Камчатского желоба, подчеркивавшее загадочность глубин. 39. Вершина Большого Кавказа. 43. Название в латиноамериканских странах единицы веса (сорок шесть килограммов). 47. Машина, придающая бумаге или ткани гладкость и лоск. 51. Русская медная монета. 52. Г. Илизаров как врач. 53. Другое название коноплянки.

54. Дощечка или камень с рисунком, культовый предмет у австралийских аборигенов. 55. Сплав с высоким электрическим сопротивлением. 56. «Опровержение на...» — статья А. Пушкина. 57. Кормилица Ромула и Рема, основателей Рима. 58. Соломенная или камышовая подстилка. 59. Раздел механики.

По вертикали.

1. Старинный центр ковроделия в Иране, столица древней Мидии. 2. Обычное в среде дворян ласковое обращение к подруге. 3. Грубый толстый холст. 4. Высокий нескладный человек. 5. Форма обращения почитателей в письме Дорсету (новелла О'Генри «Вождь краснокожих»). 6. Бродячий актер в средневековой Франции. 7. Деревушка, где, по легенде, появилась на свет Жанна д'Арк. 9. Растение, чей лист не только чувствует груз севшего на него насекомого, но и улавливает его запах. 10. Небесное тело. 11. Женское украшение. 19. «Лингвистическая» линия на географической карте. 20. Француз. 21. Высотный прибор, измеряющий давление, температуру и влажность воздуха. 22. Химический элемент, чьих соединений в десятки раз больше, чем всех остальных. 23. Название параллельных гряд в среднеазиатских пустынях. 24. Центр химической промышленности на острове Кюсю в Японии. 25. Черепаха, которую, разводя в неволе, кормят рыбой и мясом. 26. Персонаж романа Н. Островского «Как закалялась сталь». 27. Шерстяная или полушерстяная ткань с гляncем. 28. Жена героя в опере Ф. Эркеля «Банк Бан». 29. До 7 мая 1926 года — ..., после — стандарт. 36. Фонарь, названный в честь знаменитого острова с маяком. 40. Город в Львовской области. 41. Обезьяна, которую африканцы боятся не меньше, чем льва. 42. Жительницы столицы в Прибалтике. 44. Языческий божок, идол. 45. Авиаконструктор, на самолетах которого установлено семьдесят восемь мировых рекордов. 46. Кавалерийская сумка для патронов. 47. Столица Венесуэлы. 48. Рельефное украшение зданий. 49. Курортный горный массив в Индии. 50. Полуфабрикат прядильного производства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 4

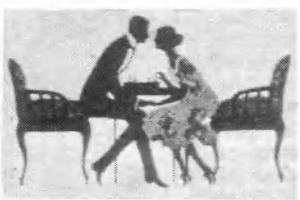
По горизонтали.

4. Грандам. 7. Фисгармония. 10. Брель. 11. Усмирение. 15. Орест. 16. Ромадин. 17. Псков. 22. Химия. 23. Пингвин. 24. Коростель. 27. Валентность. 28. Зильберглет. 30. Дегтярик. 31. Ортопед. 32. Флирт. 35. Юрлов. 36. Невский. 37. Шуйца. 40. Синедрион. 41. Ерник. 43. Банкротство. 44. Точение.

По вертикали.

1. Ярыга. 2. Инкрустация. 3. Гадолиний. 5. Милле. 6. Живец. 8. Брасс. 9. Миссионер. 12. Архитектура. 13. Колгота. 14. Португальцы. 18. Минарет. 19. Синоним. 20. Вольтер. 21. Алгебра. 25. Штурмовик. 26. Цикорий. 29. Крестоносец. 33. Рефрактор. 34. Щукин. 38. Лесаж. 39. Чрево... 42. Эскиз.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Жюри подвело итоги конкурса решения шахматных задач, опубликованных в журнале «Смена» в 1993 г.

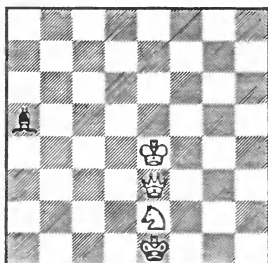
Победителями стали:

В. ГАТИЛОВ (п. Строитель Белгородской обл.), **М. ДЕРЯБИН** (г. Ленинск, Казахстан), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. КУЧЕРОВ** (Одесса, Украина), **Н. НЕКРАСОВ** (Архангельск), **В. СТАНКЕВИЧ** (Челябинск), **А. ТИМОФЕЕВ** (Омск).

Все они награждаются дипломами и книжными призами.

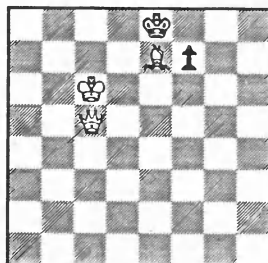
Редакция поздравляет победителей и желает им новых успехов!

37. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

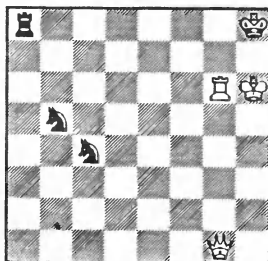
Мат в 2 хода
б) Ca5—h4

38. С. ЦЫРУЛИК
дер. Озераны
Белоруссия

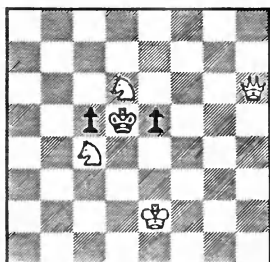
Мат в 2 хода

39. Н. ЗИНОВЬЕВ
Усть-Каменогорск
Казахстан

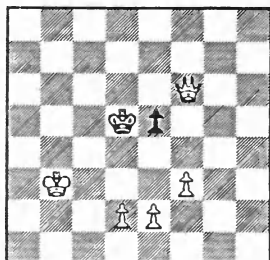
Мат в 2 хода
б) Фg1—b1, в) Kc4—c6

40. В. КЛИПАЧЕВ
п. Зеленоборский
Мурманской обл.

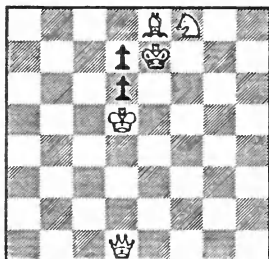
Мат в 2 хода

41. В. ЖУПИКОВ
г. Люберцы
Московской обл.

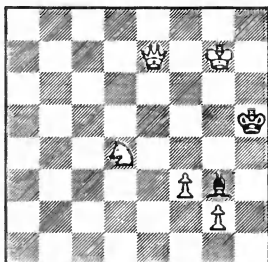
Мат в 3 хода

42. В. КОЖАКИН
Магадан

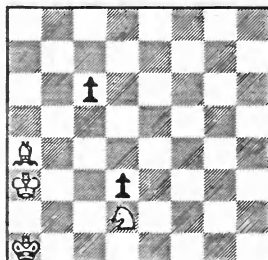
Мат в 3 хода

43. В. АНТИПОВ
г. Боровичи
Новгородской обл.

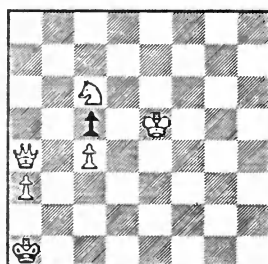
Мат в 3 хода

44. Н. ЧИСТЯКОВ
Омск

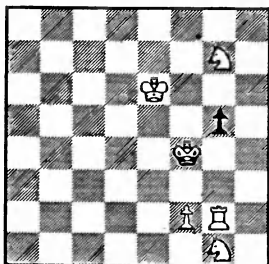
Мат в 4 хода

45. М. КОРМИЛЬЦЕВ
Екатеринбург

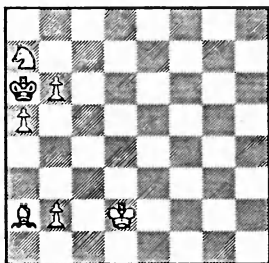
Мат в 4 хода

46. Галина РОМБЕРГ
г. Боровичи
Новгородской обл.

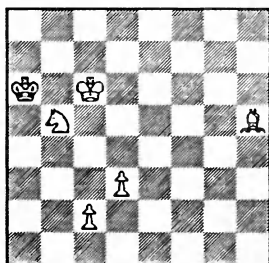
Мат в 5 ходов

47. В. ШИЛЬНИКОВ
г. Асбест
Екатеринбургской обл.

Мат в 5 ходов

48. В. АНТИПОВ
г. Боровичи
Новгородской обл.

Мат в 6 ходов

Решения шахматных задач

«СМЕНА» № 11, 1993

79. В. Желтоножко. 1. Cf5

80. Л. Грольман. 1. Фg7? b2! 1. Kb7

81. А. Былевский. 1. Kpd2? Kg4! 1. Kpd1 Kg4 2. Kpd2

82. Н. Новик. 1. Лhg1 h5 2. Лg5, 1... h6 2. Лg8

83. В. Иванов. 1. Фb6 hg 2. Фh6, 1... Kph4 2. g3, 1... Krf4 2. Krf6, 1... Kpg2 2. Фf2

84. В. Мельниченко. а) 1. Л~? c6!, 1. Лb8?! c6 2. Лс8, 1... c5! 1. Лb7! c5 2. Лb8, 1... c6 2. e7 6) 1. Лg5? c6! 2. Cd8, 1... c5! 1. Лg8! c5 2. Лb8, 1... c6 2. Лс8

Автор добавляет еще один близнец: в б) Cf6—b8. 1. Лg5 Kpe7 2. Cc7

85. С. Демидюк. 1. Ce8 Krf6 2. Фе5, 1... Kph7 2. f8Л, 1... Kpf8 2. Фh6

86. В. Щербина. 1. Kg7? Лh8! — цугцванг! 1. Kf6! Лh8 2. Kd7! (2. Лh6? Лh7!) Лh7 3. Kac5

87. С. Демидюк. На f3 бел. Кр. 1. c4 c5 2. Фа3 Kрс2 3. Фа2, 1... Кра1 2. Фc2 Кра2 3. b3, 2... c5 3. b4

«СМЕНА» № 12, 1993

88. М. Чернушко. 1. Фе8? Kpb6! 1. Фf8? b5! 1. Фе5? b6! 1. b5!

89. В. Квятковский. 1. f8К

90. В. Марковций. а) 1. Лс1? Kd5! 1. Ca2! 6) 1. Лс1!

91. С. Бородавкин. 1. Фf2 Kpg5 2. Фg3 Kpf6, Kph6 3. Ke8, Kf5x, 1... Kph3 2. Ke4 Ke4 3. Cf5x

92. В. Иванов и Е. Марков. 1. Kpb3 e5 2. Kрс2 e4 3. Kpd1 e3 4. Kpe2 Cg7 5. Фе8

93. М. Марандюк. 1. Krf3 Кра1 2. Ла8 Kpb1 3. Kpe2 Kрс1 4. Лс8 Kpb1 5. d4, 6. Ла8, 7. d5, 8. Лс8, 9. d6, 10. Ла8, 11. d7, 12. Лс8, 13. d8Ф, 14. Ла8 Kpb1 15. Фd1x

«СМЕНА»-94

Во втором полугодии мы предполагаем опубликовать: новую повесть Николая Леонова, повесть Григория Тлазова «Запах лаванды», бестселлер Роберта Кука «Сфинкс», очередной роман Трентона Макдональда из серии «Флетч», криминальный роман Иоханнеса Зиммеля «Двойник», мистический роман Гордона Макгила «Конец черной звезды» и другие произведения.

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на

70820

журнал

(индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов

I

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

70820

на журнал

(индекс издания)

ПВ

место

ли-тер

«СМЕНА»

Стоимость

подписки пересылки

руб.
руб.

коп.
коп.

Количество комплектов

I

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-94

Это 3300 рублей за один номер, 9900 — за три, полугодовая подписка — 19 800 рублей (цены указаны без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

▲
В. М. ВАСНЕЦОВ.
*Книжная
лавочка.*
1876 г.

(Читайте стр. 90)

▲
А. А. ИВАНОВ.
*Явление
Христа народу*
(фрагмент).
1837—1857 гг.

▲
В. М. ВАСНЕЦОВ.
*Распятый
Иисус Христос.*

АЛЕКСАНДР ПОДБОЛОТОВ

Музыкальная антенна представляет: